

серия
«ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ»

выпуск XX

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Социологический факультет

**СУДЬБЫ РОССИЙСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ:
прошлое — настоящее — будущее**

МОСКВА 2019

ББК 60.54 Я 43
УДК 316.344.32
(061.3)
ISBN

Издание подготовлено
при поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований
№ 19-011-20054

Редколлегия: Р.И. Анисимов, Н.И. Белова, М.Б. Буланова, Е.А. Колосова, А.В. Кученкова, Г.В. Тартыгашева, М.С. Цапко, И.О. Шевченко.
Рецензенты: Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор;
А.А. Возьмитель, доктор социологических наук, главный научный сотрудник ФНИСЦ РАН; И.И. Осинский, доктор философских наук, профессор. Верстка и препресс: А.П. Пушина.

Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее:

сб. статей XX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ,
9 апр. 2019 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель
Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. —
М.: РГГУ, 2019. — 455 с.

XX юбилейный выпуск сборника посвящен анализу многообразия жизненного мира российской интеллигенции и ее деятельности в отдельных сферах общества с позиций прошлого, настоящего и будущего. Отмечая общие и особенные характеристики изучаемой группы в различные исторические периоды, авторы основное внимание уделяют тому, как живет, что думает, к чему стремится и что поддерживает ныне действующая интеллигенция. На фоне исторических судеб России, Китая, Беларуси, Украины, Казахстана, стран бывшей Югославии становятся различимы проблемы и возможные сценарии будущего людей интеллектуального труда и общества в целом.

Сборник предназначен для социологов и исследователей, работающих в социальных и гуманитарных областях знаний, а также для всех интересующихся судьбами российской интеллигенции.

На обложке:

Старая ратуша: часы
с. 1410
Фото: wga.hu
Старая ратуша, Прага

© Авторы, 2019
© Российский
государственный
гуманитарный
университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	8
РАЗДЕЛ I. Теоретические основания смыслов жизни интеллигенции	
ТОЩЕНКО Ж.Т. Эволюция смыслов жизни русской/российской интеллигенции (ретроспективный анализ)	14
НАГОРНЫЙ Б.Г. Реальные возможности интеллигенции в анализе социальных процессов	24
МАГАРШАК Ю.Б. Третье пришествие. Россия нуждается в появлении новой интеллигенции. Третьей по счету.	34
ЛИ ХУНСЯ Судьбы китайской интеллигенции на фоне реформ и открытости	37
ОРАЗБАЕВА А.И. К вопросу о феноменологии казахской национальной интеллигенции...	46
МАТЕЦКАЯ А.В. Интеллигенция, религия и идеология в современном российском обществе	55
ЗЕЙФЕРТ Е.И. Интеллигентность как доброжелательность (опыт интерпретации смысла)	61
РАЗДЕЛ II. Сравнительно-исторические исследования интеллигенции	
ВОЗЬМИТЕЛЬ А.А. Становление и смыслы жизни советской интеллигенции	72
ГУМЕРОВА Ж.А. Русская интеллигенция второй половины XIX — начала XX века и культура (сравнительно-исторический анализ)	80
БУЛАНОВА М.Б. Судьбы социологической интеллигенции в России XIX — начала XX вв.	85
ЦЗОУ СЮЧУНЬ Исследование статуса и роли современных китайских интеллектуалов	93
СЕМЕНОВА Д.С. Нигилизм или творчество: альтернативы российской интеллигенции (в свете идей С.Л. Франка)	104

ОСИНСКИЙ И.И. Судьба старой интеллигенции в России в советское время (на материалах народов Сибири)	108
СИДОРОВА А.С. Исследование повседневной жизни русской интеллигенции XIX в. в трудах В.Н. Тенишева	118
ЛИ ГЭНЦЮАНЬ Роль китайской интеллигенции в антиправом движении 1950-х годов	123
ОБРАЗЦОВ И.В. Советская военная интеллигенция в 1920-е годы: количественные и качественные характеристики	131
ЛОМОНОСОВА М.В. Мемуары Елизаветы Постниковой «Записки революционерки» как источник информации в историко-социологических исследованиях	140
ДРАШКОВИЧ В., БАУК С., ЕВОВИЧ Р. Положение интеллигенции в странах бывшей Югославии	148
РОМАНОВИЧ Н.В. Прошлое и настоящее в оценках обществом статуса российской интеллигенции	156
СЕВСТЬЯНОВА Н.Г. Научная и гражданская позиция Н.А. Бердяева — пассажира «философского парохода»	161
РАЗДЕЛ III. Политические и экономические составляющие жизненного мира интеллигенции	
ВЕЛИКАЯ Н.М. Интеллигенция России в дихотомии «власть — оппозиция» в исторической ретроспективе	172
ГИГИН В.Ф. Интеллигенция и власть в условиях революции (на примере Беларуси)	183
ЛЕВИЧЕВА В.Ф., ДИМАНС С.Л. Интеллигенция и лоббизм: институциональный анализ	198
ЯКОВЛЕВА М.Н. Российское государство глазами современной интеллигенции	211
ВОРОБЬЕВА И.В. Политическая роль современной гуманитарной интеллигенции	222
ФЕДОРОВ Н.Ю. На ком стоит российская экономика? Социолого-статистический эскиз	231
ДОБРЫНИНА М.И. Управленческая интеллигенция и госслужащие в Республике Бурятия	239
ДЕНИСОВ С.А. Роль служилой интеллигенции в условиях контрреформ	246
КОЗЫРЕВ Г.И. Субъектность русской интеллигенции в защите русского мира	257
ГОРДЕЕВА Н.О., ГУМУЛЯУСКЕНЕ А.Н. Динамика миграционных процессов и человеческий ресурс на Харьковщине и в Литве	265
КЛЕМЕНТЬЕВА А.Я., ЦАПКО М.С. Качество жизни и электоральное поведение жителей Московской области с высшим образованием	276

РАЗДЕЛ IV. Социально-культурные характеристики жизненного мира интеллигенции	
ШЕВЧЕНКО И.О. Преподаватели высшей школы в контексте precarious труда	291
АНИСИМОВ Р.И. Парадоксы труда и особенности прекаризации работников образования	297
БЕЛОВА Н.И. Реформа российского здравоохранения в оценках профессионального сообщества и населения	303
ФАДЕЕВА Е.В. Основные факторы отчуждения медицинской интеллигенции от труда в государственных учреждениях здравоохранения	309
УШАКОВА В.Г. Женщины в структуре российской интеллигенции	314
АБДИЛЬДИНА Р.Ж. Эволюция ценностных ориентаций казахской интеллигенции	322
ЛОНШАКОВА Н.А. Динамика изменений ценностных ориентаций студентов в вузе (сравнительный анализ 2008–2018 гг.)	330
АЛИЕВА Т.И., КРИСТАЛИНСКАЯ С.В. Молодые исследователи на территории России или будущее российской интеллигенции	337
ГРИШИНА Е.А., СУСЛОВ Л.И. Молодая интеллигенция творческих профессий на рынке труда (на примере выпускников московских театральных вузов)	346
ПЕТРОВ Д.С. Трансформации и инновационное воспроизводство социокультурного потенциала интеллигентной молодежи	355
ТАРТЫГАШЕВА Г.В. Феномен паракультуры и интеллигенции	361
ИСТОМИНА О.Б. Задачи современной интеллигенции в поликультурном пространстве	371
КИТАЙЦЕВА О.В. Социальное развитие и реализация научно-технологического потенциала России	379
МАКАРЕНКО Е.И. Техническая интеллигенция как социальная группа российского общества: объективные и субъективные факторы	387
РАЗДЕЛ V. Цифровой мир и интеллигенция	
УРАЗАЛИЕВА Г.К. Интеллигенция в цифровом мире	399
ЯКОВЕНКО А.В. Будущее интеллигенции в мире сверхтехнологий	409
ГРАДОСЕЛЬСКАЯ Г.В., КОРЖЕНКО А.А. Трансформация каналов коммуникации: от пейджера к мессенджерам	419
КОЛОСОВА Е.А., ГУБАНОВА А.Ю. Цифровые компетенции современных руководителей учреждений культуры: социологический анализ	430
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	438
ПРИЛОЖЕНИЕ. Библиографическое описание публикаций по материалам конференций	443

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Об уроках прошлого, значении настоящего и целях будущего

Настоящая научная конференция — юбилейная. Вот уже 20 лет мы ежегодно собираемся на обсуждение самых различных проблем, касающихся жизненного мира интеллигенции. Поэтому считаю уместным в данном вступительном слове сослаться на публикации, подготовленные к каждой конференции и в приложении к этому сборнику статей перечислить основные библиографические данные каждого из них.

Напомню, что мы начинали с обсуждения нестареющей проблемы — что собой представляет интеллигенция в современном мире, существует ли она, а если существует, то насколько она изменилась, какие черты приобрела под влиянием кардинальных социально-экономических, социально-политических и культурных изменений.

Осмысливая эти исходные вопросы, на последующих встречах были обсуждены социальный статус и социальное положение интеллигенции, ее жизненные стили и гражданские позиции. Ряд конференций были посвящены месту и роли интеллигенции в сфере экономики, политике, культуры. Особое место занял анализ социальных ориентаций интеллигенции в этноконфессиональном мире, ее способность к организации и самоорганизации. Были обсуждены такие актуальные проблемы, касающиеся перспектив развития науки: взаимосвязь и взаимодействие естественнонаучного, социального и гуманитарного знания. Было осуществлено сравнение современного этапа в развитии и функционировании этой социальной общности через анализ традиций и новаторства у «новой» и «старой» интеллигенции с попыткой выявить общее и особенное в ее публичной и частной жизни.

Постепенно мы подошли к анализу обобщающих проблем в бытии российской интеллигенции — мы обсудили жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции, состояние и тенденции в развитии ее профессиональной культуры, смыслы ее жизни на основе такой теоретической концепции как социология жизни.

Хотя мы обсуждали в основном проблемы, касающиеся российской интеллигенции, в работе этих конференций приняли участие ученые и аспиранты из бывших стран Советского Союза — Украины, Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Азербайджана, Молдовы, а также таких зарубежных государств как Польша, Китай, ФРГ, Италия, Канада, Франция, Великобритания.

Для настоящей конференции мы избрали тему, имеющую некоторый обобщающий характер — обсудить судьбы интеллигенции с позиций прошлого, настоящего и будущего. Нужно особо подчеркнуть, что еще с первых шагов наших обсуждений мы заняли четко обоснованную позицию: интеллигенция — это продукт определенного исторического этапа в развитии общества, который наступил примерно в середине XIX в., когда в массовом порядке потребовались довольно крупные группы высококвалифицированных специалистов, в первую очередь для промышленности, для приобщения значительных слоев к выполнению функций специализированного труда. Эти новые потребности были опосредованы более глобальной тенденцией — подспудным и объективно необходимым стремлением к очеловечиванию общественных отношений. Потребность к массовости образования сопровождалась ускорившимся процессом образования университетов, нарушением сословного закрепления образования только за дворянским сословием и осознанием среди в основном разночинной молоде-

жи своей исторической ответственности за будущее народа. Поэтому попытки рассмотреть истоки интеллигенции, начиная со средневековья и даже древнего мира, просто не состоятельны в силу ограниченности культурного слоя в те времена, его замкнутости на немногочисленные господствующие группы. На мой взгляд, можно при условии определенных оговорок размышлять о некоторых предтечах, предпосылках появления интеллигенции на исторической арене. Не более.

Поэтому в настоящем сборнике наряду с традиционным теоретико-методологическим разделом основное внимание уделено, во-первых, анализу прошлого, которое трактуется в широком смысле этого слова — от жизненного мира и его смыслов у русской интеллигенции XIX — начала XX в. до советской интеллигенции и даже учета роли и места прошлого — традиций и ценностей — в публичной и частной жизни современной российской интеллигенции.

Во-вторых, значительное и, пожалуй, основное внимание уделено тому, как живет, что думает, к чему стремиться, чего опасается и что поддерживает или отвергает ныне существующая интеллигенция наряду с попытками сопоставить ее реалии с реалиями интеллигенции в других странах (Китае, Беларуси, Украине, Казахстане, странах бывшей Югославии). Причем рассмотрены и проанализированы действия интеллигенции и в отдельных сферах — в политике, в экономике, в социальной сфере, в культуре и образовании. Определенное место заняли проблемы формирования будущей интеллигенции посредством анализа жизненного мира молодых исследователей, студентов.

И наконец, скромнее выглядят те статьи, которые в той или иной мере касаются проблем будущего. Это в известной степени оправдано. Взгляд в будущее — всегда не только ответственное, но и трудно

реализуемая попытка в условиях многих неопределенностей, которые существуют сейчас. Участники конференции уклонились от успокоительных и соблазнительных возможностей рисовать ожидаемое будущее и предпочли некоторые свои соображения строить, исходя из реального положения интеллигенции в существующих турбулентных условиях.

В целом, на обсуждение вынесены весьма актуальные и значимые проблемы, которые помогут обменяться суждениями и определиться в трактовке значимых проблем жизненного мира современной интеллигенции.

Ж.Т. Тощенко

член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, зав. кафедрой теории и истории социологии, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета

РАЗДЕЛ I

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СМЫСЛОВ ЖИЗНИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Эволюция смыслов жизни русской/российской интеллигенции (ретроспективный анализ)

Ж.Т. Тощенко

член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор
Российского государственного гуманитарного университета, главный научный
сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

Общеизвестно, что понятие «интеллигенция» — это русское изобретение, связанное с предложением писателя и журналиста П.Д. Боборыкина назвать творческие группы людей умственного труда, ориентированные на исполнение гражданского и нравственного долга перед народом, на стремление приобщить его к достижениям мировой и отечественной культуры. Заметим также, что в ряде публикаций утверждается, что этот термин в это же время появился и на польском языке.

Предвестниками этого феномена стали народники, народолюбцы, движение которых появилось в 1860-е гг. и вовлекло в свои ряды тысячи выходцев из дворянской и разночинной молодежи — «пойти в народ», способствовать его просвещению, обучению более рациональным методам работы в сельском хозяйстве, оказанию помощи в охране его здоровья. В сельской местности появились учителя, врачи, агрономы, ветеринары, землеустроители, которые часто на безвозмездной основе осуществляли профессиональные обязанности, нередко с поддержкой начавших функционировать земских обществ. Они позиционировали себя на «сближении» с народом, в основном с крестьянством, были озабочены поисками своих корней, своего места в государстве, стране и мире. Они хотели устранить потерю связи общества с «народной мудростью», «народной правдой».

Господствовавшие в 1860–1880 гг. в России течения народничества в большинстве случаев разделяют на два направления: либеральное и революционное. Смыслом деятельности либерального крыла стала так называемая «теория малых дел». Сотрудник газеты «Неделя» Я.В. Абрамов в 1890-х гг. утверждал, что задача интеллигенции — помощь крестьянству в преодолении трудностей наступающей

капиталистической экономики, что, по его мнению, можно решить через деятельность в *земствах*. Абрамов обращался к врачам, учителям, агрономам с призывом помочь собственным трудом улучшению положения русского мужика. По существу, Абрамов выдвинул идею деполитизированного «хождения в народ» под лозунгом осуществления малых дел ради народа [Подробнее см.: Алексеева, 1990].

Смыслом же деятельности революционного крыла народничества стало насильственное свержение существующего строя. Но если первые попытки были связаны с осуществлением террористических действий против лиц, олицетворяющих царский режим, то в дальнейшем с приходом марксистских идей в Россию, для большинства представителей этого крыла становился очевидным тот факт, что надо бороться не с отдельными властителями господствующего класса, а со всей системой политического и экономического строя в стране.

Именно это стремительно распространяющееся среди интеллигенции убеждение, охватившее практически все ее слои, ознаменовало следующий этап в обновлении и уточнении смыслов деятельности русской интеллигенции. Практически всеми ее представителями было признано, что Россия нуждается в значительном и коренном переустройстве общества и государства.

Именно такое мировоззренческое многообразие постепенно привело и к организационному закреплению (созданию) политических партий. Особенно примечателен тот факт, что необходимость коренного переустройства государственного управления стали признавать практически все слои интеллигенции, хотя это признание осуществлялось по-разному — от октябристов и кадетов, ратовавших каждый по-своему за изменения строя, — до эсеров и социал-демократов, нацеленных на решительные действия, на кардинальное преобразование России [Подробнее см.: Тощенко, 2017: 36–43].

Исходя из того, какие пути этого преобразования обосновывались и предпочитались, интеллигенция разделилась на консервативные, либеральные и революционные общности, смысл деятельности которых формировали такие политические силы как промонархические, консервативные, буржуазно-реформистские и левые партии [Подробнее см.: Политические партии..., 2000; Российская многопартийность..., 1996]. Промонархические партии олицетворял «Русский народный союз имени Михаила Архангела» (лидер В.М. Пуришкевич), нацеленный на беспрекословное сохранение царского режима. Идея сохранения реформированного самодержавия долгое время была смыслом существования партии «Союз 17 октября» (лидер А.И. Гучков), которая представляла собой умеренно правое политическое объединение

крупных землевладельцев, предпринимательских кругов и чиновников России. Значительные социальные силы были сосредоточены в Конституционно-демократической партии (Партия народной свободы, лидер П.Н. Милюков), которая представляла левый фланг российского либерализма. Кадетов еще называли «профессорской партией», имея в виду высокий образовательный и культурный уровень рядовых членов. Конституционные демократы предложили платформу: конституционно-парламентарная монархия, что предполагало демократические свободы, принудительное отчуждение (но не конфискация) помещичьих земель за выкуп, законодательное решение «рабочего вопроса».

Революционные партии были представлены несколькими образованиями. Прежде всего, это эсеры, которую нередко называли крестьянской партией, смысл деятельности которой был направлен на реализацию требования — социализация земли. История развития этой партии представляет собой эпопею борьбы и компромиссов между постепенно сложившимися в ней тремя течениями: правым (А.Ф. Керенский, Е.К. Брешко-Брешковская, А.Р. Гоц, Н.Д. Авксентьев), центристским (В.М. Чернов, С.Л. Маслов) и левым (Б.Д. Камков, М.А. Спиридонова), каждое из которых в свою очередь имело внутри себя различные оттенки. И поэтому, несмотря на то, что к концу 1917 г. эта партия была самой массовой, ее идеи были достаточно разношерстными и не всегда определенными.

Среди левых партий значительную роль постепенно начала играть партия социал-демократов, которые впоследствии образовали два крыла — меньшевики и большевики. Смысл деятельности тех и других был направлен на социалистическое переустройство общества, на ликвидацию монархического строя, на передачу власти народу. Лидеры меньшевиков (Ю.О. Мартов, Н.С. Чхеидзе, И.Г. Церетели) в 1917 г. были одной из влиятельных политических сил. Хотя меньшевики являлись сторонниками марксизма и социалистической революции, однако они отвергали курс на немедленное построение социализма, считая, что Россия как аграрная страна не готова к этому [Подробнее см.: Катков, 1997]. Что касается идей большевиков, то время показало, что они оказались наиболее жизнеспособными и востребованными.

Поражение первой русской революции остро поставило вопрос: «А в чем смысл деятельности русской интеллигенции в новых условиях?». Было немало разочаровавшихся среди тех, кто надеялся на успех намечавшихся изменений. В этих условиях в результате осмысления происшедших событий в России появился манифест группы интеллигенции, который вошел в историю страны как «Вехи». В этом сборнике подвергалась критике и сомнению целесообразность революционной деятельности интеллигенции в прошлом. Как писал один из видных

сменовеховцев С.Л. Франк, «наша задача состояла... в обличении духовной узости и идейного убожества традиционных интеллигентских идей» [Франк, 1956: 81–86].

Нужно сказать, что «Вехи» встретили резкий отпор со стороны революционных кругов, в первую голову, разумеется, со стороны социал-демократов. Ленин обвинил их в отступничестве от передовых идей времени, в отказе от принципиальной нацеленности на достижение прогресса в стране. И хотя в «Вехах» содержалось немало интересных соображений о положении в стране, о проблемах духовной культуры, им не было суждено оказать определяющее влияние на ход русской политической жизни — их идеи потонули во вновь нарастающей в более широких массах общества и народа волне политического радикализма, особенно усилившейся во время войны 1914–1917 гг. и вполне естественно приведшей к революциям 1917 г.

Следующий этап в эволюции смыслов жизни русской, а затем и советской интеллигенции наступил в 1917 г., когда к власти пришли большевики. В это время российское общество волновали три кардинальные проблемы: отношение к войне, нужды и чаяния основных классов России — рабочего класса и крестьянства. В этих непростых условиях только большевикам удалось сформулировать лозунги, отражавшие устремления народных масс: «Мир — народам», «заводы — рабочим», «землю — крестьянам». Именно эти идеи привлекли на сторону большевиков рабочий класс и крестьянство, обеспечили переход на их сторону основных социальных слоев народа и поддержку их действий по захвату власти, удержанию ее, что обеспечило успешное противостояние другим политическим силам и победоносное шествие в последующей гражданской войне.

В целом, российская интеллигенция встретила революцию неоднозначно. Значительная ее часть не только осудила этот захват власти большевиками, но и вступила в вооруженный конфликт или эмигрировала за границу. Другая часть, не меньшая по объему и влиянию, или прямо поддержала большевиков или заняла нейтральную или выжидательную, пассивную позицию.

Иногда при анализе жизненного мира российской интеллигенции, покинувшей родину и убежавшую за границу, забывают (или сознательно скрывают) тот факт, что среди части этой интеллигенции через несколько лет после 1917 г. произошел существенный перелом по отношению к политике большевиков. Показательно в этом смысле появление в 1921 г. «Смены вех» — сборника публицистических статей философско-политологического содержания, опубликованный в Праге видными представителями либерального направления общественной

мысли русской эмиграции. Полемиически отталкиваясь от созданного в предшествующий исторический период аналогичного сборника «Вехи», участники по-иному оценили политико-экономические условия в советской России. Общей идеей сборника стала мысль о возможности принятия большевистской революции и примирения с ее результатами ради сохранения единства и мощи российского государства. Поражение в Гражданской войне заставило эту группу интеллигенции во многом пересмотреть свои взгляды. Они считали, что если русский народ сделал выбор в пользу большевиков, то дальше надо идти вместе со своим народом [Подробнее см.: Квакин, 2006]. Стоит отметить, что смысл действий значительной части эмигрантской интеллигенции при всем ее несогласии с происходившими процессами в России не отрицал защиты России и русского народа. Это особенно ярко проявилось в поведении генерала Деникина, отказавшегося сотрудничать с гитлеровцами и высоко оценившим борьбу соотечественников в борьбе с фашизмом.

Смысл оставшейся на родине интеллигенции сосредоточился на активном участии в намечавшихся грандиозных преобразованиях. Она увидела в этом пионерном начале по строительству принципиально нового строя возможность проявить свои способности и таланты. Именно ее самые передовые представители стали инициаторами таких грандиозных новаторских проектов как ликвидация неграмотности в стране (кстати, начавшегося свою реализацию в годы гражданской войны, в 1919 г.) [Богданов, 1964; Куманев, 1973] и такого поражающего своими масштабами и видением перспективы как план электрификации России (ГОЭЛРО) [Подробнее см.: Гвоздецкий, 2005; Эрлихман, 2005]. Именно «старые» специалисты разрабатывали и первые проекты плана первой пятилетки. Именно прежний смысл жизни интеллигенции — служить народу — приобрел новые черты и новые особенности. Теперь этот смысл сосредоточился на коренном преобразовании страны в целом, тех планов и проектов, которые обеспечат кардинальное переустройство жизни.

Этот смысл жизни проявился и у нарождающейся советской интеллигенции, вышедшей на арену истории из самых низов народа и включившейся в общественную жизнь в заметном масштабе только в конце 1920-х — начале 1930-х годов [Подробнее см.: Изменение социальной..., 1979]. Эта интеллигенция, несмотря на свое особенное — народное — происхождение, была сплавом двух мировоззренческих установок: с одной стороны, идей социалистической ориентации, пропагандируемой партией большевиков, с другой стороны, они находились под влиянием идей дореволюционной интеллигенции, которым они в большинстве

своим реализовывали принципиальную установку — служить народу. Я помню пример своих родителей — сельских учителей, которые стали людьми умственного труда в первом поколении, олицетворив выход из крестьянских слоев. Они постоянно говорили и демонстрировали действия своих учителей, представителей дореволюционной интеллигенции, у которых учились. Они по большому счету копировали их отношение к общественным обязанностям, их помощь в решении больших и малых — официальных и личных — забот. Они в то же время готовы были и в самом деле искренне служили большому делу строительства нового общества, видя в этом основной смысл своей жизни.

Эта ориентация смысла жизни на потребности и интересы народа, понимание значения осуществляемых изменений, несмотря на срывы, зигзаги и потери, затем послужили основой того патриотизма, который проявило большинство интеллигенции вместе со всем народом во время Великой Отечественной войны.

После 1941–1945 гг. и времени по восстановлению народного хозяйства (1946–1950 гг.) страна была сосредоточена на решении грандиозных задач — освоение целинных и залежных земель, природных богатств Сибири и Крайнего Севера. Одновременно решались такие задачи как освоение космоса, обретение ядерной защиты. Именно эта ориентация, потребовавшая концентрации ресурсов, вдохновила многие группы молодой интеллигенции, сделала участие в реализации этих планов смыслом их жизни. Именно в это время в 1950–1970-е гг. реальностью огромных масс молодежи стала установка — «жила бы страна родная и нету других забот». Это не означало отказ от личных планов — наоборот эти люди видели в своем участии в реализации комсомольскихстроек Сибири и Дальнего Востока органическое соединение личного и общественного [См. подробнее: Кеворкян, 2013; Советская интеллигенция..., 1977].

Конечно, и в это время среди интеллигенции были самые различные ориентации, в том числе и индивидуалистического и даже асоциального характера. Но в целом интеллигенция стремилась активно участвовать в преобразовании общества. И не ее беда, а близорукость партийной верхушки КПСС, которая не оценила эти устремления, что привело к постепенному и нарастающему дистанцированию интеллигенции от официальной политики.

Перестройку, начатую в 1985 г., интеллигенция восприняла с воодушевлением. Слишком много накопилось нерешенных проблем, выявилось нарастающая диспропорция между объективными потребностями развития и устремлениями вступивших в жизнь новых поколений, у которых возникли принципиально иное понимание общественных и лич-

ных целей. Однако смысл жизни интеллигенции распался из-за разного понимания текущего состояния общественной жизни и возможных путей ее изменения. Практически именно в эти годы интеллигенция перестала представлять в своем большинстве гомогенную массу, как это было на предшествующих этапах развития страны. Резко возросла критичность к происходящим акциям официальной политики и правящего слоя, так и не сумевших предложить внятную перспективную программу преобразования страны. Именно в этих условиях стремительно стала расти социально-политическая активность интеллигенции, особенно гуманитарной, которая не смогла выдвинуть авторитетных мыслителей из своей страны и поэтому пошла по пути заимствования и даже копирования форм и методов общественного преобразования по опыту некоторых зарубежных стран. Но даже в этом не было единства.

Нужно особенно подчеркнуть, что народные массы при всей неопределенности официального курса все же в своем большинстве надеялись на сохранение и совершенствование советского строя. Этот ориентир был подтвержден референдумом в марте 1991 г., когда 73% высказалось за сохранение Советского Союза. Но к этому времени выросла и окрепла та группа интеллигенции, которая была нацелена на возможность прекращения существования СССР. Что при определенных обстоятельствах было подготовлено августом 1991 г. (ГКЧП) и закреплено Беловежским соглашением. Иногда спрашивают — а почему народ и члены КПСС не протестовали против этих событий? И на этом основании утверждают, что СССР полностью себя изжил и его сходжение с исторической арены было предрешено. Хотелось привести два соображения. Первое: в Институте системного анализа АН СССР (затем РАН) был осуществлено сравнение причин падения империй, существующих в Новое и Новейшее время (Британской, Оттоманской, Французской, Австро-Венгерской, Российской и др.). На основании обобщающих условий и факторов их распада и их сравнения с ситуацией в СССР в конце 1980-х гг. был сделан вывод, что СССР мог бы существовать примерно еще 220-250 лет при реализации вполне приемлемых научно-обоснованных реформ в политической и экономической сферах. Значит, огромную роль сыграли субъективные факторы, в которых решающую роль сыграло противостояние Горбачева и Ельцина, а также позиция той части интеллигенции, которая разочаровалась в Перестройке и сделала (вдруг!) знаменем своей борьбы Ельцина, который и в советское время отличался авторитарными и даже тиранскими замашками.

И второе соображение. Народ (да и большинство членов КПСС) отнеслись к смене руководства страны достаточно пассивно: в истории страны была смена Сталина, затем Хрущева, затем Брежнева и в ниче-

го принципиального не происходило — были определенные подвижки, перетряски, перестановки, но в принципе все оставалось в колее социалистического развития. Поэтому к приходу Ельцина к власти отнеслись также — он ничего кардинального не осуществит, а может что-то хорошее сделает — тем более что обещает.

Эту иллюзию разделяли и многие интеллигенты. Показателен в этой связи и такой факт: Верховный Совет РСФСР, который сделал Ельцина Президентом России, и поддержав его в споре с Союзным центром, был спустя 3 года расстрелян из-за противостояния его политическим и экономическим реформам.

В этих сложных условиях особенно торжествовали те, кто сознательно и целенаправленно реализовали установку — покончить с социализмом, покончить с Советским Союзом. И их влияние оказалось решающим. Смысл их деятельности состоял в том, чтобы вернуть Россию в лоно капитализма. Усилия приверженцев социалистической ориентации оказались слабыми и в условиях шельмования, открытого игнорирования и постоянных обвинений маловлиятельными и неэффективными. Но так как действия либерального крыла интеллигенции, да еще и получившего политическую власть уже к концу 1990-х гг. оказались провальными, то это привело к дискредитации неолиберальных идей и проводимой ими практики. Это стало основой для реконструкции смыслов деятельности той части населения и интеллигенции, которые вернулись к ценности социалистических идей и той социальной практике, которая проводилась в Советском Союзе. Это подтверждается и социологическими данными. В настоящее время от 60 до 70% сожалеют о распаде СССР. Это конечно не значит, что люди хотели без всяких оговорок вернуться к прошлому. Это свидетельствует о тяге к тому, что люди вкладывают в смысл желаемой жизни — справедливость, высокое значение нравственных ценностей, соблюдение принципов социального равенства, гарантированная обеспеченность и уверенность в завтрашнем дне [Подробнее см.: Жизненный мир россиян..., 2016; Как живешь, интеллигенция, 2018; Смыслы жизни..., 2018].

Что же на самом деле остается смыслом жизни современной интеллигенции?

На наш взгляд, невозможно говорить о том, что есть объединяющие идеи у российской интеллигенции. Мировоззренческие ориентации российской интеллигенции представлены как пестрое полотно различных видов общественного сознания, которые отражают кардинальные изменения как объективных условий (состояние экономики, социальной политики), так и субъективных факторов (сознания и поведения, традиций и новаторства, ожиданий и оценок достигнутого результата), а так-

же противоречивого поиска смысла свой публичной и частной жизни [Современные трансформации..., 2005]. Соответственно, в настоящее время невозможно говорить об интеллигенции как о единой гомогенной группе, которой присущи только общие черты, как это в определенной мере было характерно для советской интеллигенции. И если некоторые нравственные оценки отражают примерную схожесть взглядов, то так невозможно оценить и сравнить смыслы деятельности в общественно-политической сфере. По данным всероссийского опроса интеллигенции (РГГУ, 15–20 мая 2016 г., 14 регионов страны, N=1350), левых (социалистических, коммунистических) взглядов придерживалось 14% представителей интеллигенции, правых (либеральных) — 14,1%. В то же время, анализируя социологические данные по мировоззрению интеллигенции можно отметить, что на первый план выходят внешне привлекательные, но по сути аморфные ориентации на патриотические (22,1%) и национальные (6,4%) взгляды, под которыми могут подписаться как сторонники социалистических, так и либеральных взглядов, не исключая и тех, кто придерживается экстравагантного (например, монархических убеждений — 2,7%), деструктивного поведения и даже криминальной риторики [Как живешь, интеллигенция, 2018: 292–293].

В заключение, следует отметить и такой факт, который связан с весьма возросшим скепсисом по поводу существования интеллигенции — от полного отрицания до ее характеристики как деформированной социальной общности. Причем, это искажение сущности и природы интеллигенции связывается как с ошибочной политикой государства, особенно внутренней, так и теми, кто ее выработывал и пытался реализовать за последнюю четверть века. Поэтому не удивительно, что 49,5% интеллигенции (данные РГГУ 2016 г., N=1350) уклонились от признания таких позитивных черт у современной интеллигенции как правдивость, честность, порядочность, нравственность, доброта, сочувствие, открытость, скромность, великодушие, бескорыстие, благородство, уважение к чужому труду, а также борьба за свою позицию, взгляды, сила воли, целеустремленность, доблесть, стойкость и мужество. А они не могут сформироваться автоматически. Нужна привычка, постоянное проявление воли. В применении к сфере науки, президент НАН Украины, академик РАН Б.Е. Патон говорил: «Постепенно привычка к труду становится смыслом жизни. И наполненность ее научной работой превращает этот смысл в счастье, которое даруется тебе» [Патон, 2018]. Поэтому и смысл жизни российской интеллигенции состоит в том, чтобы ориентироваться на устремления народа, а не изобретать свои идеи и навязывать их народу, а потом прекать его в том, что он не понимает навязываемого ему «счастья».

Литература:

1. *Алексеева Г.Д.* Народничество в России в XX веке. Идеиная эволюция. М.: Наука, 1990.
2. *Богданов И.М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964.
3. *Галактионов А.А., Никандров П.Ф.* Идеологи русского народничества. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1966.
4. *Гвоздецкий В.Л.* План ГОЭЛРО. Мифы и реальность // Наука и жизнь. 2005. №5.
5. *Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р.* Социально-гуманистическая парадигма русского народничества // Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформа XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый хронограф, 2008. С. 85–107.
6. *Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.)* / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016.
7. *Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х годов.* М., 1979.
8. *Как живешь, интеллигенция? (социологические очерки).* Колл. монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦМПМ, 2018.
9. *Катков Г.М.* Февральская революция. М.: Русский путь, 1997.
10. *Квакин А.В.* Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках третьего пути. М.: ЗАО «Центрополиграф», 2006.
11. *Кеворкян К.Э.* Книга о книгах. Очерки истории советской интеллигенции. Харьков: ЧАО «Полиграфсервис», 2013.
12. *Куманев В.А.* Революция и просвещение масс. М., 1973.
13. *Ляшенко Л.М.* Революционные народники. М., 1989.
14. *Патон Б.Е.* Несколько мыслей о науке и не только // Поиск. 2018. №131. 23 ноября.
15. *Политические партии России: история и современность* / Под ред. А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2000.
16. *Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие.* М.: ИНДЕМ, 1996.
17. *Смыслы жизни российской интеллигенции* / РГГУ, Социол. фак-т, Центр социол. исследований. Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2018.
18. *Советская интеллигенция. Краткий очерк истории 1917–1975 гг.* М.: Политиздат, 1977.
19. *Современные трансформации российской культуры.* М.: Наука, 2005.
20. *Тощенко Ж.Т.* 1917: Время превращения идей в материальную силу // Социологические исследования. 2017. №10. С. 36–43.
21. *Франк С.Л.* Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956.
22. *Эрлихман В.* Эпоха освещения // Энергия промышленного роста. 2005. №2.

При поддержке гранта РФФИ №17-06-00407

Реальные возможности интеллигенции в анализе социальных процессов

Б.Г. Нагорный

доктор социологических наук, профессор Луганского национального университета им. Владимира Даля (Луганск, Украина / ЛНР)

Один из важных вопросов для исследователей, изучающих проблемы интеллигенции — что может и что должна делать интеллигенция?

Можно говорить об уникальности ситуации, сложившейся к концу второго десятилетия XXI в. в глобальном сообществе. Эта уникальность, на наш взгляд, состоит в том, что происходит (уже произошло) тревожное совпадение нескольких глобальных факторов риска: резкое повышение градуса международной напряженности, усиление конфликтного потенциала, ускорение социального расслоения населения, появление новых видов социального неравенства, новая промышленная (технологическая) революция, противоречивое влияние информационно-компьютерных технологий, Интернета на все сферы повседневной жизни, присутствие постоянной информационной войны...

Все труднее отвечать на старый, и вечно актуальный вопрос известного поэта: Какое столетье на дворе?

Благодаря работам наших коллег в наш обиход вошли такие категории для анализа общества, как «глобальная неустойчивость» (А. Панарин), «глобальный управляющий класс» (М. Делягин), «фантомы и травмы общества» (Ж. Тощенко), «сетевые войны» (Г. Малинецкий и др.), «деградация в новое» (В. Кутырев), «западная глобализация» (Мартин и Шуман), «стратегии англосаксов» (Е. Ларина, А. Овчинский), «сумма стратегии» (Г. Переслегин) и др.

Прошедший год был памятен многими источниками информации: Юбилейный доклад Римского клуба (50-летие со дня основания), очередной годовой отчет ООН, Годовой отчет о распространении ИКТ, Форум стратегических инициатив, Гайдаровский форум и др. Отдельно нужно анализировать материалы Международного Конгресса Нью-Йорк, 2013 «Общество 2045».

Итак, что может интеллигенция? Здесь, кстати, будет уместно вспомнить тот большой интерес, который был вызван столетней годовщиной со дня выхода сборника «Вехи», в этом году исполнилось уже 110 лет. Кстати, на многочисленных мероприятиях, посвященных этой дате, подчеркивалась точность диагноза российскому обществу и точность предостережения о возможных грядущих революционных изменениях.

С.Н. Булгаков в статье «Героизм и подвижничество», вошедшей в «Вехи», размышляя «об устрашающе огромной ответственности интеллигенции перед будущим нашей страны, как ближайшим, так и отдаленным», считал, что «для патриота, любящего свой народ и болеющего нуждами русской государственности, нет сейчас более захватывающей темы для размышлений, как о природе русской интеллигенции, и вместе с тем нет заботы более томительной и тревожной, как о том, поднимется ли на высоту своей задачи русская интеллигенция, получит ли Россия столь нужный ей образованный класс с русской душой, просвещенным разумом, твердой волей, ибо в противном случае, интеллигенция в союзе с татарщиной, которой еще так много в нашей государственности и общественности, погубит Россию» [Вехи, 1990].

Трудно удержаться ввиду ее актуальности и не привести еще одну цитату В. Толстых, которая прозвучала во время одной из дискуссий по случаю 100-летия «Вех»: «Пять лет назад в статье “Кто был никем, тот стал ничем” в полемически острой форме я задал вполне веховский вопрос: что, современные интеллигенты и интеллектуалы сговорились, не сговариваясь, отныне обходить стороной, то есть не ставить и обсуждать наиболее важные стратегические “судьбоносные” проблемы российского развития. Как-то: какой капитализм мы строим и уже возвели на месте “казарменного социализма”; какого типа рыночную экономику и форму демократического жизнеустройства создали; какие абсолюты и постулаты образуют современную общественную и личную мораль (и есть ли таковая сейчас вообще); какие ценности формируют и определяют духовный климат, самочувствие, нравы современного российского социума и т.д. Наивно ждал ответа или хотя бы возмущенного отклика, так и не дождавшись ни того, ни другого» [«Вехи»..., 2011: 171].

Присутствующие помнят, что дискуссия, которая прошла на страницах нашего журнала «Социологические исследования» после статьи Р.В. Рывкиной, в которой было высказано обвинение современной интеллигенции в том, что она не смогла спрогнозировать социальные последствия тех изменений, которые в конечном итоге привели к потере общей страны [Рывкина, 2006]. Другая исследовательница этой про-

блемы Г.Г. Силласте в своей работе «Интеллигенция в канун и в период бури глобального кризиса» выделяет два процесса деqualификации интеллигенции: первая волна 1991–93 гг., и вторая волна 1993–97 гг. [Силласте, 2009].

На фоне непрерывной информационной войны, в эпоху пост-правды, в период увеличения градуса международной напряженности, возрастает роль информации и дезинформации. Резко повышается борьба за внимание аудитории, социальных групп, отдельной личности. В этой связи особую роль приобретает прогностическая функция социологии.

Профессиональному сообществу предстоит ответить на ряд вопросов.

Работа Фридмана, в которой он предсказал распад России в 2020 г. (русский перевод вышел в 2010 г.), усиление Польши и Турции и неизменное процветание США, — это и многое другое, как нужно оценивать? Как использование «Эдипова комплекса» или как прием информационной войны? [Фридман, 2010].

Как относиться к последним предостережениям Стивена Хокинга в отношении будущего Земли и порабощении человека искусственным интеллектом? Нам предстоит отвечать на маленькие вопросы и искать «большие ответы на маленькие вопросы» [Hawking, 2018].

Вызывается крайняя степень тревоги тем, что под видом цифровизации образовательного процесса в школах разрушается традиционное образование, навязывается опасная идея компьютерными технологиями заменить весь педагогический процесс.

В статье О. Четверяковой «Диверсия под видом модернизации» автор ссылается на высказывание в 1960 г. американского адмирала РикOVERA, возглавившего комиссию по изучению советского образования: «Серьезность вызова, брошенного нам Советским Союзом, состоит не в том, что он сильнее нас в военном отношении, а в том, что он угрожает нам системой образования». Главную угрозу нужно было уничтожить, и именно на это были направлены программы, разработанные в недрах различных международных фирм и Всемирного банка (ВБ), последовательно выполнявшиеся в годы перестройки в СССР и России. Осуществлявшийся под руководством внешних центров демонтаж российской системы образования подошел сегодня к завершающему этапу. Власть открыто взяла курс на цифровизацию процесса обучения, наиболее ярко проявившуюся в проекте «Московская электронная школа» (МЭШ), который, в свою очередь, должен стать основой для внедрения по всей стране «Российской электронной школы» (РЭШ). Проект МЭШ не был представлен широкой родительской

общественности, которая оказалась абсолютно не посвящена в планы Минобразования и была не в курсе его содержания, целей и задач. Хотя в соответствии с законодательством РФ именно родители несут ответственность за воспитание своих детей перед всеми другими лицами [Четверякова, 2018]. Эта статья была опубликована осенью 2018 г., но по почему-то широкого обсуждения не получилось.

Образование подвергается непрерывному реформированию. Еще многие помнят, сколько необоснованных восторгов было по внедрению Болонской системы, и к чести коллег из МГУ, в разгар очередной компании под лозунгом «одобрямс», был выпущен сборник с предостерегающим названием «Образование, которое мы можем потерять».

Споры о том, каким критериям должна соответствовать категория «большие данные», продолжаются и сейчас. А еще в 2014 г. Т. Дейвенпорт утверждал, что «те из нас, кто годами изучал, как работают информационно «подкованные» компании, считают, что уже закончились две эпохи «больших данных». Их можно назвать ДБД и ПБД — «до больших данных» и «после больших данных» [Дейвенпорт, 2014].

Обширная библиография по большим данным непрерывно расширяется, значительную часть из нее уже стали выделять в IT бестселлер. Стивенс-Давидовиц, используя стандартный пиаровский ход, провокационно поставил под сомнения достоверность всех опросов и назвал свою объемистую книгу «Все лгут. Поисквики, Big Data и Интернет знают о Вас все». В ней он выделил отдельную главу с саркастическим названием «Большие данные-шманные: чего они не могут» [Стивенс-Давидовиц, 2018].

К сожалению, нам не удалось достичь цели, которую А. Зиновьев определил как «переумнить Запад».

Международный Союз электросвязи после Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества в 2005 г. определил десять целевых показателей, которые могли бы отслеживать динамику формирования этого общества, доступ к информационно-компьютерным технологиям (ИКТ). В перечне этих показателей — контракты на подвижную сотовую телефонную связь (и соответственно снижение числа линий фиксированной телефонной связи), численность населения с покрытием сетью подвижной сотовой связи второго поколения, контракты на подвижную широкополосную связь, количество домохозяйств, имеющих доступ в интернет, количество индивидуальных пользователей интернета, количество контрактов на фиксированную широкополосную связь (зафиксирована тенденция к медленному, но постоянному снижению числа линий фиксированной телефонной связи) [Изменение..., 2005].

В марте 2019 г. исполняется 110 лет со дня выхода известного сборника «Вехи». Дискуссии, которые состоялись десять лет назад, к столетию годовщины, запомнились многим [Вехи, 1990; «Вехи»..., 2011]. И сегодня, перечитывая статьи, вошедшие в этот сборник, знакомясь с высказываниями участников этих дискуссий, приходишь к выводу, что степень актуальности обсуждаемых проблем сохранилась и для нового века. О значении и роли интеллигенции. Является ли она основной движущей силой революционных изменений в обществе, каким должно быть взаимодействие интеллигенции и власти, как интеллигенция может влиять на формирование элиты.

В подтверждение тезиса об актуальности высказываний при обсуждении (десять лет назад) можно привести множество цитат. Приведем только одну, высказанную на круглом столе 8 апреля 2009 г. «100-летия Вех»:

«Цель авторов сборника “Вехи”, которая лишь время от времени проявляет себя на поверхности текста, — добиться отречения русского общества от всего, что связано с идеей социализма, предать ее публичной порке, как опасное и неумное увлечение. Развенчать интеллигенцию — значит покончить именно с европейским социализмом, со всеми проявлениями его на русской почве, а заодно и с разными формами русского социализма. По словам П.Б. Струве, “для духовного развития Запада нет в настоящую эпоху процесса более знаменательного и чреватого последствиями, чем кризис и разложение социализма”. Так что и сегодняшней нашей левой интеллигенции надо уняться: за 100 лет социализм, если верить Струве, так разложился в Европе, что сегодня от него не осталось и следа. Как бы не так.

Нынешняя власть постоянно говорит, что новая Россия желает подружиться с Европой, что у нас общие европейские ценности. Но эти ценности включают в себя не только либеральные, но и социалистические идеи. Знает ли власть, что в половине стран Европы социал-демократы, социалисты находятся у власти, что, несмотря на все проблемы, в Западной Европе создано социальное государство и что оно из государства всеобщего благосостояния трансформируется сегодня в государство, делающее огромные инвестиции в человеческий капитал?

Не следует преувеличивать роль интеллигенции в российской истории. Не она делает революции. Все, что она хочет, т.е. та ее часть, которая интересуется политикой и желает участвовать в политических дебатах, — это быть выслушанной властью. Но вот этого власть как раз и не может себе позволить. Власть добровольно, кажется, никогда еще в русской истории не отдавала ни частички своего безраздельного самовластного господства. Сама власть ставит интеллигента в ситуацию,

лишенную компромисса — либо покаяние за “социалистические” шалости, либо борьба за право участия в публичной политике без унижительной проверки на лояльность — нет, не Родине, не Отечеству, а власти» [«Вехи»..., 2011: 171].

Прав ли был Жюльен Бенда, назвавший свою работу «Предательство Интеллектуалов»?

Но, может быть, самый острый вопрос задал В.А. Кутырёв в своих последних работах: как же произошло так, что в эпоху постмодерна, мы похоронили человека, не простившись с ним по-человечески. По его мнению, «Подлинной, т.е. духовно трудно переносимой мировой катастрофой, абсолютным концом света является (была бы) для человека его смерть: 1) в целом, как рядового человечества, всех его настоящих и будущих поколений. 2) не извне, а в силу собственного развития, его законов и тенденций, как общий самоапокалипсис» [Кутырёв, 2016: 5–6].

Более десяти лет назад Р.В. Рывкина своей статьёй [Рывкина, 2008] о конце, исчезновении интеллигенции как социальной группы, стимулировала активную дискуссию на страницах журнала «Социологические исследования». Главный ее аргумент в обосновании исчезновения интеллигенции — это то, что она не смогла ответить на вызовы времени, не смогла реализовать свои прогностические функции, не «предупредила» общество о многих негативных процессах развития и его распада.

Обратимся к данным коллективной монографии, в которых обобщены данные двух всероссийских исследований 2014 и 2016 гг. В числе выводов ее авторов: «в исследовании 2016 года интеллигенция понизила свои субъективные оценки социального статуса и материального положения; интеллигенция являлась бы “новым бедным” слоем, если бы не имела иных источников дохода, т.е. работала бы только в одной организации». Авторы считают, что значительная часть интеллигенции может быть причислена к прекариальным слоям [Как живешь..., 2018: 84–88].

В кризисное время трудно объективно оценить реальные ресурсы отдельной личности и целых социальных групп. В самом сжатом изложении ресурсы могут быть представлены в сочетании идей, информации, пассионарности (по Н. Гумилеву) и инновационного потенциала, каналов передачи информации и влияния, использования основных принципов деловой презентации (быть услышанным, быть увиденным, быть признанным). Конечно, нужно начинать (по А. Маслоу) в этом перечислении с группы, входящей в основание его знаменитой пирамиды потребностей — физиологические потребности, возмож-

ность обеспечить удовлетворение потребности в пище, жилье, одежде и т.п. И еще самое последнее. Сейчас, когда так резко возрос градус социальной напряженности, когда слово «война» переместилось из регионального понятия в глобальное. И, может быть, у социологов сейчас самая трудная задача: как, оставаясь реалистами, не потерять все уменьшающегося объема оптимизма. Уж слишком часто нас посещает неопределенность, тревога за будущее всех и каждого.

Показательно, что Пол Мейсон во введении к своей объемной работе по посткапитализму обосновывает свой главный тезис о том, что новые условия, связанные с долговременным застоем, финансовым кризисом и демографией, информационными технологиями лишили рыночные силы их способности создавать динамизм. «Поэтому, прежде чем требовать “зеленого нового курса”, передачи банков в собственность государства, бесплатного университетского образования или долгосрочных нулевых процентных ставок, мы должны понять, как все это встроить в ту экономику, которая сейчас складывается. Мы очень плохо подготовлены для этого. Порядок нарушился, но традиционная экономическая наука не имеет никакого представления о масштабах этого сбоя... Нам нужна теория, которая встраивает нынешний кризис в картину общей судьбы капитализма. Ее поиск выводит за пределы традиционной экономической науки и традиционного марксизма» [Мейсон, 2016: 51]. Далее Мейсон подробно рассказывает о трагической судьбе нашего выдающегося отечественного исследователя, автора знаменательной теории циклов в экономике, которого Мейсон назвал гигантом экономической мысли XX столетия и поставил в один ряд с Кейнсом, Шумпетером, Хайеком и Джинни.

В.А. Кутырёв в своей работе «Унесенные прогрессом» одну из глав назвал примечательно: «Техника решает все(х)», в ней он комментирует прогноз Рэймонда Курцвейла до 2099 года, называя его «ярчайшим образцом гениально безд(у)много техницизма, без всяких сомнений принимающего программу The Road to Hell (движение по дороге в ад), к суициду человечества, не желая в этом отдавать отчета». Приведем из этого прогноза в качестве примера этапы с 2020 по 2045 гг., «когда небиологический интеллект станет в миллиарды более разумным, чем биологический, и Земля превратится в один гигантский компьютер». «2045 — точка поворота, пусть условная, но провозглашенная к новой форме бытия, ее жаждут, над ее достижениями работают, ее пропагандируют. Чем так привлекательна эта необходимость? Только сама собой. А проще говоря, это есть конец (нашего) света» [Кутырёв, 2016: 44–46].

Безусловно, найдутся оппоненты, которые будут возражать эмоциональному автору и его сторонникам, обвиняя их в современном лу-

дитстве, аргументируя тем, что уже состоялся Второй международный конгресс «Глобальное будущее 2045» (Нью-Йорк).

И знакомясь с обзором («Философские науки», 2013), мы видим, что, как заявили организаторы конгресса, его целью стало осмысление глобальных угроз и перспектив, связанных с развитием новейших технологий, и выработка рекомендаций для реализации наиболее благоприятного варианта будущего в контексте этих технологий.

Было также заявлено, что в рамках конгресса «было предложено видение будущих духовных преобразований человечества и продемонстрированы новейшие технологии, которые могут лечь в основу технологической революции».

Однако знакомство с содержанием многих выступлений зарождает сомнения, что развитие андронидной робототехники, интерфейсов «мозг-компьютер», когнитивных нейропротезов, моделирование мозга и прочие достижения новой технологической революции приведут к «будущим духовным преобразованиям».

В своем докладе Джеймс Мартин (Оксфордский университет) «Трансформация человечества. В преддверии экстремальной смены парадигмы развития» подчеркнул, что рост производства последних двух веков и резкое увеличение численности населения имели необратимые последствия для окружающей среды и в настоящее время необходимо использовать технологии для предотвращения гибели нашей планеты. Уже в ближайшем будущем человечество испытает на себе острую нехватку ресурсов, а высокая плотность населения в сочетании с конкуренцией за ресурсы могут привести к конфликтам, эпидемиям, войнам за территорию, воду, продукты питания. Землетрясения, цунами, засуха, наводнения и другие природные катаклизмы, являющиеся следствием гиперболического расходования природных ресурсов, продолжают испытывать на прочность инфраструктуру нашей цивилизации во всех уголках земного шара. В долгосрочной перспективе наша планета может столкнуться с потерей земной биосферы, которая слишком хрупка и напрямую зависит от тонких настроек окружающей среды: температуры, давления, состава воздуха, наличия питьевой воды, питания и пр. «Сейчас мы, люди, совершаем серьезные ошибки, а природа имеет свойство исправлять ошибки самым жестоким способом. В то же время впервые в истории на планете Земля живут разумные существа, которые могут изучить существующие глобальные проблемы и разработать эффективные способы их решения» [Куне, 2013].

Вряд ли многие жители планеты придут в восторг от вывода Реймонда Курцвейла в докладе «Бессмертие в 2045 году»: «Мы будем становиться все более небиологическими существами, пока не дей-

дем до состояния, когда небиологическая часть станет превалировать, а биологическая потеряет свое значение. При этом небиологическая часть будет настолько мощной, что она сможет полностью моделировать и понимать биологическую часть. Так что, если биологическая часть вдруг исчезнет, это не будет иметь значения, поскольку небиологическая часть уже полностью ее поняла» [Куне, 2013].

Реальные возможности любой социальной группы, в данном случае — интеллигенции, связан с ключевым понятием — ресурсы. Для гуманитарной интеллигенции ресурсы состоят из таких понятий, как идеи, информация, время, материальное обеспечение, способности выполнять просветительские, аналитические или прогнозные функции. Кроме того, в эпоху «постправды» и «постчеловека» очень важно становится различать в непрерывном информационном потоке не менее мощный поток дезинформации. В учебниках по деловой презентации и кризисной коммуникации выделяется стандартный набор требований к любой социальной группе: быть услышанным, быть увиденным и быть принятым. К сожалению, после событий 90-х годов усилились среди наиболее креативной части интеллигенции миграционные процессы. Кроме того, заметим фактор «отрицательной селекции» в формировании элиты (П. Сорокин). Поэтому для той части интеллигенции, которая обладает креативным потенциалом и способна выдвигать идеи не менее важным становится условие быть услышанной и воплотить те или иные идеи в различные сферы общественной жизни. Таким образом, можно сделать вывод, что реальные возможности гуманитарной интеллигенции для объективного анализа социальных процессов и повышения своего социального статуса связаны со следующими факторами: материальными условиями жизнедеятельности, оперативного доступа к различным источникам информации; увеличения объема времени на экспертные и прогностические функции; участия в управленческих функциях (подготовке управленческих решений и контроле за их выполнением); необходимости выполнения функций тренд-вотчеров (функций отслеживания появляющихся тенденций в технике и в обществе в целом).

И все же повторимся: у нас, может быть, самая трудная функция: как, оставаясь реалистами, сохранить необходимый уровень оптимизма. То, что тридцать лет назад сказал Булат Окуджава: *«В земные страсти вовлеченный, я знаю, что из тьмы на свет шагнет однажды ангел черный и крикнет, что спасенья нет. Но, простодушный и несмелый, прекрасный, как благая весть, идущий следом ангел белый прошепчет, что спасенье есть»*.

Литература:

1. *Бостром Н.* FAQ по трансгуманизму. URL: <http://www.transhumanism.org/translations/russian/faq.html> (дата обращения: 01.02.2008).
2. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции / Репринтное воспроизведение издания 1909 г. М., 1990.
3. «Вехи» — 2009. К 100-летию сборника / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Ред.-сост. В.И. Толстых. М.: ИФРАН, 2011.
4. *Дейвенпорт Т.* Аналитика 3.0. 2014. URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/upravlenie-innovatsiyami/a13151> (дата обращения: 01.02.2015).
5. Изменение информационного общества. Отчет 2015 года. Международный союз электросвязи, 2015.
6. Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018.
7. *Куне Р.* Второй международный конгресс «Глобальное будущее 2045» (Нью-Йорк, июнь 2013 г.) // Философские науки. 2013. №12. С. 125–136.
8. *Кутырёв В.А.* Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. СПб.: Алетейя, 2016.
9. *Мейсон П.* Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
10. *Рывкина Р.В.* Интеллигенция в постсоветской России — исчерпание социальной роли // Социологические исследования. 2006. №6. С. 138–146.
11. *Силласте Г.* Интеллигенция в канун и в период бури глобального кризиса Харьков: Изд-во НУА, 2009.
12. *Стивенс-Давидовиц С.* Все лгут. Поисквики, Big Data и Интернет знают о вас всё. М.: Эксмо, 2018.
13. *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
14. *Фридман Дж.* Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века М.: Эксмо, 2010.
15. *Четверякова О.* Диверсия под видом модернизации // Свободная мысль. 2018. №5. URL: <http://w-ww.svom.info/entry/853-diversiya-pod-vidom-modernizacii/> (дата обращения: 01.02.2019).
16. *Hawking S.* Brief Answers to the Big Questions. New York: Bantam Books, 2018.
17. *Weizsaecker E.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet / E. Weizsaecker, A. Wijkman. Springer, 2018.

Россия нуждается в появлении новой интеллигенции. Третьей по счету

Ю.Б. Магаршак

PhD, главный редактор журнала «Newconcepts Journal» (Нью-Йорк, США)

В России было два пришествия интеллигенции. Первое — от Пушкина до октябрьского переворота 1917 г. — продолжалось пять поколений, приблизительно век. После чего русские интеллигенты «как класс» были перебиты большевиками. Кого уничтожили в эпоху красного террора и Гражданскую, кого выслали на так называемом корабле философов (на котором на самом деле находились выдающиеся деятели всех созидательных профессий), подавляющее большинство остальных сгнуло в большом терроре сталинской эпохи. Была великая русская интеллигенция — и нет ее. Она, русская интеллигенция первого пришествия, не только создала великую литературу, музыку или великий русский балет. Она преобразила весь мир.

Второе пришествие интеллигенции в России, как ни странно, началось в то самое время, когда большевики активно уничтожали интеллигенцию пришествия первого. В голодном 1918 г. были созданы Физико-технический и Оптический институты мирового уровня и масштаба, во главе которых были поставлены великие ученые, оказавшиеся также и замечательными организаторами научной работы в больших коллективах, Абрам Иоффе и Дмитрий Рождественский — на удивление правильный выбор.

На протяжении всей советской истории героями страны оставались человек познающий и человек созидательный. Инженер, ученый, композитор, писатель, изобретатель, рабочий были престижнейшими профессиями. Научное мировоззрение было символом всей большевистской эпохи. Перевооружение армии, без которого победа в Великой Отечественной войне была бы невозможна, создание атомной бомбы, полет в космос первого спутника, а затем и Ю. Гагарина и то, что в 1960–80-е гг. советская наука была второй в мире, результат деятельности интеллигенции второго пришествия.

Распространение просвещения, прежде всего естественнонаучного, в советской России при И. Сталине странным образом сочеталось с преследованием свободного слова. Само собой разумеется, что в условиях, когда за одно «крамольное» высказывание человека немедленно арестовывали и обрекали на муки в ГУЛАГе или расстреливали, об интеллигенции как классе, определяющем нравственный и созидательный климат общества, не могло быть и речи.

После смерти «вождя народов» концепция большевизма была скорректирована: в СССР была допущена свобода слова в «определенных местах». Ни в коем случае не на партсобраниях или уличных демонстрациях, не на лекциях или за праздничным столом, за которым собирается больше пяти человек. Нет, лишь в курилках и кухнях. А также в банях и в лесу у костра. Это были «зоны свободной мысли» в несвободной стране. Но и их оказалось достаточно, чтобы родить мощный, самобытный, творческий класс, который при благоприятных условиях был способен преобразить страну а следом за ней (учитывая роль и масштаб сверхдержавы по имени СССР во второй половине XX в.) кто знает, может быть и все человечество.

При правилах игры в кошки-мышки между народом и властью чтение между строк, когда по единой обмолвке человек понимал многое из того, что не сказано, не договорено (качество, между прочим, чрезвычайно полезное в творчестве любого вида, которое вырабатывалось у советского человека), стало неотъемлемым атрибутом образованных слоев населения. Это был тонкий баланс, которого оказалось достаточно, чтобы породить «русскую интеллигенцию второго разлива».

Будучи бесконечно далек от восхищения деятельностью так называемых «компетентных органов», не без удивления констатирую, что одним из создателей советской интеллигенции 1960-х – 80-х гг. был КГБ. Ибо в условиях полной свободы слова и интеллигенция в СССР была бы другая.

В освободившейся от власти большевизма России интеллигенция как класс, влияющий на происходящее в стране и мире, как нравственный камертон и мощный созидательный класс исчезла. Исчезла вместе с большевиками. Не только советская, а любая. Казалось бы, вот тут-то, с освобождением от власти мертвечины над жизнью, Россия и должна воспрять как держава, несущая в мир не только разрушительные революционные политические технологии, но и мораль, совесть, порядочность, процветание, гармонию и доброту. Однако произошло нечто противоположное. Воры в законе и над законом подмяли под себя созидательное начало, свойственное российской культуре. Криминал, рвавшийся к власти в 1990-е, слился с нею. В сегодняшней России ин-

телигентность, а вместе с ней и созидательные профессии — ученого, инженера, учителя — не востребованы: над интеллигентами потешаются как над заведомыми неудачниками и чудаками.

В сложившихся экономических реалиях главная надежда страны — на начало производства конкурентоспособных на мировом рынке товаров (называемое на официальном языке модернизацией экономики). Вот тут-то мы и приходим к ключевому вопросу: а кто в России будет производить такие товары? Ухари, достоинством которых являются «наглость и связи»? Чиновники? Представители силовых структур, заполонившие российскую власть? Само собой разумеется, создавать технологии могут только совершенно другие люди. Профessionалы не перераспределения, а созидания, с этикой и моралью. Вот она, главная современная российская беда: люди, которые одни только и могут возродить экономику — ученые, инженеры, рабочие высокой квалификации — в России почти исчезли. Их выпололи как сорняк — варварство, напоминающее нашествие Батыя, но только на собственную страну. То, что Россия сегодня не производит на мировой рынок ни одного продукта, который именно производится, а не добывается, закономерно. Можно ли диверсифицировать экономику, когда сделать это просто некому, — вопрос риторический.

Какой же вывод следует сделать из сказанного? Он очевиден: России необходимо третье пришествие интеллигенции. Без него страна не только никогда не выйдет из кризиса, но и попросту может перестать существовать.

Судьбы китайской интеллигенции на фоне реформ и открытости

Ли Хунся

доктор юридических наук, профессор
Пекинского спортивного университета (Пекин, Китай)

Судьбы китайской интеллигенции уже давно привлекают внимание ученых. Среди результатов исследований много книг, журнальных статей и материалов конференций. При исследовании судеб китайских интеллектуалов рассмотрим различные факторы, которые влияют на их судьбу. Макрофактором является развитие современного мира. Мезофактором выступают события общественной жизни нового Китая: его основание, культурная революция, реформа и открытость, а также другие исторические события, являющиеся поворотными моментами, изменившими судьбу китайской интеллигенции. Важный фактор — интеллектуальная политика Коммунистической партии Китая (КПК) и государства, которая непосредственно влияет на изменение судеб интеллигенции.

Некоторые ученые рассматривают исторические изменения судьбы китайских интеллектуалов под влиянием быстрого развития науки и техники, наступления эпохи экономики знаний. Так, Ши Пейхуа обнаружил, что наступление эры экономики знаний привело интеллектуальный класс к занятию руководящего положения в обществе и замене в управлении собственников-капиталистов. Согласно его исследованию, судьбу китайских интеллектуалов можно условно разделить на четыре этапа: 1) До движения новой культуры «4 мая» в 1919 г. интеллектуалы, в основном, были чиновниками, принадлежали господствующему классу. В их ряды иногда включались учёные, а также те, кто стремился через «обучение» стать «начальством». Поощрялось прилежная учеба, которая представляла возможность стать чиновниками. Именно в этом были будущее и судьба интеллектуалов этого периода. 2) После движения «4 мая» в 1919 г. до основания нового Китая в 1949 г. был период пробуждения исторической миссии интеллекту-

алов, взявших на себя историческую миссию по спасению судьбы нации. 3) После основания нового Китая до третьего пленарного заседания 11-го Центрального Комитета КПК, судьба интеллектуалов была драматичной, особенно в течение десятилетия культурной революции, когда они были названы «воночей старой девяткой» на дне общества. 4) После третьего пленарного заседания 11-го Центрального Комитета КПК с конца 1970-х гг. наступила весна интеллектуалов и это стало периодом восстановления их статуса и роли [Ши Пейхуа, 1998: 23]. Этот период совпал с периодом реформ и открытости Китая. По мнению, Луо Шаньи, внедрение интеллектуальной политики, постановка целей модернизации и реализация стратегии на омоложение страны с помощью науки и образования, оказали огромное влияние на судьбу китайской интеллигенции [Луо Шаньи, 1999: 389].

Данное исследование представляет общий обзорный анализ судеб китайских интеллектуалов. В нем отсутствует детальное и глубокое исследование влияния политики реформ и открытости на судьбы китайской интеллигенции. Данная статья ориентируется на анализ четвертого периода судеб китайских интеллектуалов и ставит вопросы: как повлияли на их жизнь всеобъемлющие системные преобразования экономики, политики, культуры и общества после реформ, начатых в Китае после 1978 г. Одной из задач является конкретное описание духовного состояния и роли социального статуса китайской интеллигенции, и, вместе с тем, необходимо пересмотреть и уточнить законмерности решения проблем ее развития.

Положение интеллигенции в период культурной революции

Период культурной революции (с 1966 по 1976 гг.) был периодом отчаяния в судьбе китайской интеллигенции. Первоначальное намерение культурной революции состояло в том, чтобы мобилизовать массы на борьбу против капитализма и ревизионизма и выкинуть капиталистов из КПК. Ее суть — это борьба между двумя маршрутами: капиталистической и социалистической. Но, к сожалению, в процессе этой борьбы возникла неконтролируемая ситуация, в результате которой сложилось много сложных и неправовых акций, в которые было вовлечено много интеллектуалов. Интеллигенция этого периода испытала беспрецедентные изменения идентичности. С одной стороны, они характеризовались как часть рабочего класса. Но так как некоторым интеллектуалам были присущи буржуазные идеи, они рассматривались как «реакционные академические авторитеты» и «буржуазные схоластические клапаны», и поэтому стали объектами критики и преследования. Ее оценивали как «воночую старую девятку». Интел-

лигенцию опустили на самое низкое место в социальной иерархии: после землевладельцев, фермеров, наряду с предателями, шпионами и капиталистами. С падением статуса многие интеллектуалы потеряли право голоса. Некоторые ученые разделили интеллектуалов этого периода на четыре категории: 1) правоверные интеллектуалы, которые не потеряли уважения и доверия к партии, несмотря на то, что они испытывали столько критики и разного рода ущемлений; 2) аномичные интеллектуалы, которые чувствовали себя подавленными перед лицом политических штормов; 3) колеблющиеся интеллектуалы, которые были лояльны к партии, но не удовлетворены преследованиями; 4) борющиеся интеллектуалы, которые настаивали на учете реальных изменений и являлись непреклонными в своем достижении истины [Исследование духовной..., 2007: 45].

Отмена вступительных экзаменов в вузы во время культурной революции полностью изменила жизненную траекторию интеллектуальной молодежи этого поколения. Они потеряли возможность прямо поступать в высшие учебные заведения, были направлены в деревню и вовлечены в волну кампании «Ввысь в горы, вниз в села». Это движение начиналось в середине 1950-х гг. для того, чтобы сократить разрыв между городскими и сельскими районами. Потом это движение было поощрено и высоко оценено председателем Мао Цзэдуном. Он отметил, что интеллектуальную молодежь должны принять на перевоспитание бедные и средние крестьяне. После начала культурной революции выпускники средних школ пополнили ряды безработных, а кампания «Ввысь в горы, вниз в села» перешла от фермерской модели к крупномасштабной модели унижения интеллектуалов в 1968 г.

Интеллектуальная молодежь этого периода была подвергнута испытаниям в суровых сельских условиях. Она не только проявила сильную волю к преодолению трудностей, но никогда не отказывалась от стремления к знаниям, настаивала на необходимости учебы, готовилась к получению высшего образования, что особенно наглядно проявилось в судьбе Си Цзиньпина, одного из руководителей КПК, который был ярким представителем интеллектуальной молодежи этого поколения. Его испытание является микрокосмом успешной и трудной судьбы. Когда ему было 15 лет, он покинул столицу, уехал на сельский северо-запад (в провинцию Шэньси). Вначале он не мог приспособиться к тяжелой жизни в деревне, однажды он сбежал в Пекин, но его отослали назад родители. И он вернулся в среду крестьян. Постепенно он успешно преодолел много трудностей, таких как недостаток еды, тяжелый труд и неустроенный быт. Он подал 10 заявок на вступление в партию, наконец-то прошел испытание органи-

зации и стал первым секретарем производственной группы молодежи. Он руководил жителями в процессе работ по производству биогазовых варочных котлов, по закладке водозаборных скважин, по строительству мельницы. Он организовал общество содействия развитию металлургической промышленности, швейные клубы. Через семь лет ему было рекомендовано поступить в университете Цинхуа. После он защитил кандидатскую диссертацию по идеологическому и политическому образованию. Семилетнее испытание не только дало ему всестороннее трудовое обучение, но и способствовало появлению установки на «первородное сердце» делать что-то для людей. С тех пор он никогда не забывал этого первоначального намерения.

Интеллектуалы становятся главной и «первой производительной силой»

В 1978 г. состоялось третье пленарное заседание Центрального Комитета КПК, после которого началась работа по исправлению ошибок культурной революции и восстановлению рационального строительства новой жизни. Стала проводиться политика реформ и открытости, был запущен процесс модернизации. Центральный Комитет КПК восстановил идентификацию атрибута — «интеллектуалы являются частью рабочего класса», исправил левые ошибки в период культурной революции, сформулировал научно-обоснованную интеллектуальную политику, восстановил вступительные экзамены в вузы.

После окончания культурной революции многие ложные и сфабрикованные дела были пересмотрены, реабилитированы люди, а статус и роль интеллектуалов получили должное признание. В 1977 г. Дэн Сяопин, разговаривая с товарищами по теме «Уважение к знаниям и уважение к талантам», отметил: «должен быть такой воздух в партии: уважать знания, уважать таланты, противостоять неправильным представлениям о неуважении интеллектуалов» [Избранные произведения..., 1983: 41].

Итак, первая проблема, возникающая при реализации интеллектуальной политики, это оценка классового атрибута интеллектуалов была решена. Чжан Цзянь считает, что понимание КПК классовой принадлежности интеллектуалов прошло три этапа: 1) с 1949 по 1956 гг., они были определены как принадлежащие к рабочему классу экономически, но по мировоззрению принадлежали к мелкобуржуазным интеллектуалам; 2) период между 1956 и 1978 гг. характеризуется противоречиями: они рассматривались в качестве части рабочего класса, но были и интеллектуалами с буржуазной идеологией; 3) после того как в 1978 г. было проведено третье пленарное заседание одиннадцатого

го Центрального Комитета партии, идея о том, что интеллектуалы являются частью рабочего класса заложена в Конституции [Чжан Цзинь, 2010: 20–23]. «Резолюция по ряду исторических вопросов партии со времени основания Китайской Народной Республики», принятая на шестом пленарном заседании 11-го Центрального Комитета партии в 1981 г., еще раз подчеркнула, что интеллектуалы являются силами социалистического дела, как и рабочие и крестьяне, и что невозможно построить социализм без культуры и интеллигенции.

Наступление эры экономики знаний в 1980-е гг. стало макроскопическим фоном для понимания статуса и роли интеллектуалов. В условиях быстрого развития науки и техники проявился взрывной рост по производству знаний, а скорость их обновления становится все ощутимее. Человеческое общество вступает в эпоху, характеризующуюся производством и обменом знаниями или высокотехнологичными товарами. Это значит, марксистская теория трудовой стоимости призвана развивать идеи, что главной силой создания стоимости станут уже не работники, которые занимаются физическим трудом, а те, кто занимается творческим умственным трудом. Дэн Сяопин, внимательно следя за изменениями эпохи экономики знаний, выдвинул тезис о том, что «наука и техника являются первыми производительными силами». В сентябре 1988 г. он говорил президенту Чехословакии Гусаку: «Маркс сказал, что наука и техника являются производительными силами. Это очень правильно. Кажется, этого может быть недостаточно. Боюсь, что это первая производительная сила» [Избранные произведения..., 1993: 275]. Это утверждение раскрывало сущность эпохи экономики знаний и развивало марксистский взгляд на науку и технику. Во-первых, наука и техника проникли во все основные элементы производительности труда, требуя от работников изобретать все более передовые производственные инструменты, разрабатывать все новые предметы труда. Во-вторых, становилось очевидным, что цикл трансформации технологий становится все короче. В-третьих, вклад науки и техники в рост национальной экономики растет, в развитых странах этот показатель составляет до двух третей ВВП. Поэтому Дэн Сяопин подчеркнул необходимость увеличения инвестиций в научные исследования и образование, отметив, что «в долгосрочной перспективе мы должны уделять внимание образованию, науке и технике» [Избранные произведения..., 1993: 275]. В то же время надо улучшить условия интеллектуалов высокого уровня, «прежде всего, поднимать старые девятки во время культурной революции на первое место». Это стало важнейшим содержанием реформы в области научно-технического развития и образования.

В 1995 г. председатель КПК Цзян Цзэминь провозгласил стратегию «омоложение страны с помощью науки и образования». Правительство начало полностью реализовывать идею о том, что наука и техника являются основными производительными силами, поставило науку и технику, образование на важное место в экономическом и социальном развитии. Укреплялся научный и технологический потенциал, улучшалось научно-техническое качество экономики, экономическое строительство переводилось на путь, основанный на научно-техническом прогрессе и повышении качества работников. Поддержка интеллектуалов в первую очередь отражается на инвестировании средств. По данным «Национального Статистического Ежегодника», на протяжении более десяти лет государство увеличивало финансовые инвестиции в науку и технику, в образование. Доля расходов на научные исследования и технологии и экспериментальные разработки в ВВП увеличилась с 0,6% в 1995 г. до 1,98% в 2012 г. и выросла до 2,11% в 2016 г. Национальные финансовые инвестиции в образование сравнивались с инвестициями 1992 г., и к 2012 г. они увеличились в 30 раз. Доля национальных финансовых инвестиций в образование в ВВП увеличилась с 2,7% в 1992 г. до 4,2% в 2012 г., и сохраняется по сей день. Поддержка фондов значительно мобилизовала трудовой энтузиазм интеллектуалов, развитие научно-технического потенциала и образования достигло плодотворных результатов. В 2012 г. было опубликовано более 1,12 миллиона научных работ, более 220 000 статей на иностранных языках и более 38 000 книг [Статистический ежегодник Китая].

Постепенный системный переход диалектически регулирует отношения между реформой, стабильностью и развитием, способствует стабилизации общества. Во-первых, реформа заключается в изменении способа распределения ресурсов без изменения базовых социалистических институтов, то есть перехода от плановой системы к рыночной системе, для того, чтобы больше экономических ресурсов распределялось через рынок, а не агентство планирования. Поощряется индивидуальная экономика, представлены возможности для частной экономики, для осуществления конкуренции с государственным сектором для того, чтобы сильные победили, слабые исчезали. Рыночные реформы привлекли большое количество интеллектуалов уходить из государственных предприятий и государственных институтов, и сосредотачиваться в рыночной экономике.

Во-вторых, реформа является постепенной, а не радикальной: Китаю потребовалось не менее десяти лет, чтобы либерализовать контроль над ценами на большинство товаров. Типичной особенностью стало уникальное явление «двойная ценовая система», то есть для од-

ного товара существует два вида цен: планируемая цена и рыночная цена. Переход экономической системы тоже вызвал особый феномен в структуре занятости: «в одной семье две системы», в одной семье муж работает на государственном предприятии, а жена — в частной экономике. Или наоборот. Эта комбинация значительно улучшила уровень жизни семьи.

В-третьих, это реформа с экспериментальными особенностями и подходом «переходить реку, нащупывая камни». Это проявилось в том, что южные и прибрежные города стали испытательной зоной для реформы экономической системы и «камнем» реформы. В 1979 г. Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямынь были первыми особыми экономическими зонами, в 1984 г. были открыты 14 прибрежных городов для внешнего мира, которые привлекли большое количество иностранного капитала и внедрили множество передовых технологий и методов научного управления за рубежом. В качестве пограничной позиции реформ и открытости юг Китая привлек большое количество интеллектуалов, что привело к сифонному эффекту талантов. Был обозначен интересный феномен «Павлин летит на юго-восток». Люди назвали «белых воротничков» с современным опытом управления наукой и техникой «павлинами» — это птица с красивой внешностью. Этих людей привлекает льготная политика талантов в областях экономического развития, особенно заработная плата.

Практика доказала, что реформа и открытость страны привели к замечательным достижениям: располагаемый доход на душу населения среди жителей страны вырос с 1510 юаней в 1990 г. до 25 000 юаней в 2012 г. (рост в 15 раз) [Статистический ежегодник Китая]. Среднегодовой доход преподавателей ВУЗов Китая в несколько раз превышает уровень дохода на душу населения. Преподаватели не только стабильно увеличивают доход, но и каждый год проводят два отпуска, поэтому их работа считается завидной.

Новая эра: пробуждение миссии и ответственности интеллектуалов

После 18-го съезда КПК вступила в новую эру построения первичной стадии социализма в Китае. Это эра, в которой китайская нация осуществит подъем экономики страны и значительный рост ее богатства. Это эра, в которой научный социализм возродит жизнеспособность Китая. В этой эре главное противоречие общества состоит между растущими материальными и культурными потребностями людей и отсталой производительностью труда. Это превратилось в противоречие между растущими потребностями хорошей жизни у людей и несбалан-

сированным и неадекватным развитием. Это эра требует продолжения всесторонних и углубленных реформ. В ней Китай все больше движется к центру мировой сцены и вносит свой вклад в программу по модернизации других развивающихся стран мира. Китаю нужны таланты как никогда, и он предъявляет повышенные требования к ним. В новую эру необходимы ответственные интеллектуалы, когда поколение 50-летней «интеллектуальной молодежи» в лице Си Цзиньпина взяло на себя дубинку, переданную старшим поколением революционеров, но и не забыло «первородное сердце», программу на омоложение нации и счастье для людей. Это поколение придерживается стратегии «рисовать план до конца», оно отражает миссионерское сознание и ответственность старшего поколения интеллектуалов, что обеспечивает хорошую демонстрацию для поколения сильной страны.

Новая эра требует строителей со знаниями. В 2016 г. генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин в своем выступлении на конференции по идеологической и политической работе национальных вузов заявил, что партия и страна жаждут научных знаний и выдающихся талантов. Китайская мечта об осуществлении великого омоложения китайской нации достигла стадии строительства сильной страны. Стране срочно нужны четыре типа талантов: 1) таланты, служащие народу, 2) таланты, служащие партии на управление страной, 3) таланты, служащие консолидации и развитию социалистических институтов с китайской спецификой, 4) таланты, служащие реформе и открытости социалистической модернизации. Это выдвигает новые требования для воспитания талантов в вузах. Цель построения сильной страны по меркам лучшего образования требует от высшего образования знакомства с первоклассными моделями воспитания в соответствии с мировой моделью передового образования. В июне 2018 г. министр образования Китая предложил высшим учебным заведениям ликвидировать «водные курсы» и приступить к созданию «золотых курсов», что должно стать главной задачей подготовки кадров.

Содержание, особенность постепенных реформ в Китае привели к огромным изменениям в китайском обществе и жизни людей. Это является характеристикой мудрости Китая и примером для развивающихся стран, чтобы они могли найти свой путь модернизации. Особенно велико влияние изменений в интеллектуальном сообществе Китая. Обзор изменений в жизни интеллектуалов на этом важном историческом этапе и анализ влияния на их судьбу является частью 40-летнего обобщения опыта реформ и открытости. Статус и роль китайской интеллигенции сегодня, политика поддержки талантов показывают, как произошло драматическое переключение до и после культурной рево-

люции. Это было движение от низа общества к основной силе первичных производительных сил эпохи экономики знаний, что обеспечило макроэкономическую ситуацию для этого драматического изменения, где новая марксистская концепция о науке и технике обеспечивает методологический инструмент для этого изменения. Понимание классовой принадлежности интеллигентов и введение политики талантов обеспечивают институциональную гарантию для изменения судьбы интеллектуалов. Системный переход от плановой к рыночной экономике обеспечивает широкие возможности для появления творческих сил интеллектуалов. Эра усиления страны предоставила интеллектуалам более широкую сцену для проявления своих талантов. Появилась задача — стремиться быть талантами, служащих «четырёх направлениям», а у КПК — выращивать таланты, служащих «четырёх направлениям». Завершить последний спринт эстафеты национального омоложения — это миссия интеллектуалов новой эры. В новую эру интеллектуалы должны развиваться всесторонне, должны не только обладать «душой мастера», но также обладать высокой степенью идеологического и политического качества. Они должны не только обладать настоящими талантами, но и постоянно преобразовать свое мировоззрение, решив проблему по призыву сердца — кому служить, кому отдавать и с кем создавать знания. Только так они смогут выполнить свою историческую миссию.

Литература:

1. Избранные произведения Дэн Сяопина. Т. 2. Пекин: Народное издательство, 1983. (на кит. яз.)
2. Избранные произведения Дэн Сяопина. Т. 3. Пекин: Народное издательство, 1993. (на кит. яз.)
3. Исследование духовной формы и дискурсивного режима интеллигенции в период «культурной революции» // Изучение Истории. 2007. №2. (на кит. яз.)
4. *Ло Шаньи*. Судьба интеллектуалов Нового Китая, формирование и развитие стратегии омоложения страны с помощью науки и образования // Дискуссии о законе строительства социалистической модернизации / под ред. Ченг Дапенг, Цзэн Миндэ, Чжоу Юн. Чунцин: Чунцин издательство, 1999. (на кит. яз.)
5. Статистический ежегодник Китая. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/> (дата обращения: 01.2.2019). (на кит. яз.)
6. *Чжан Цзиянь*. Понимание Коммунистической партией Китая атрибута интеллектуального класса и исторические опыты после основания КНР // Теоретическая перспектива. 2010. №1. (на кит. яз.)
7. *Ши Пэйхуа*. Ученые поражают мир — новые игры и новые правила в эпоху экономики знаний. Пекин: Экономический Менеджмент пресс, 1998. (на кит. яз.)

К вопросу о феноменологии казахской национальной интеллигенции...

А.И. Оразбаева

доктор исторических наук, профессор
Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова (Астана, Казахстан)

История формирования и развития национальной интеллигенции, в особенности начала XX в., является одной из ключевых, трендовых тематик в казахстанской историографии. Свидетельством тому стремительно возникшие за сравнительно недолгий по историческим меркам промежуток времени, за годы независимости, солидные научные школы М. Козыбаева, К. Нурпеисова, М. Койгельдиева, Т. Омарбекова, Х. Абжанова и др. И надо заметить, несмотря на очевидное преобладание числа научных изысканий в данной области, нежели, скажем, с другими направлениями отечественной исторической науки, эпохами истории и культуры нашего народа, интерес к столь «чувствительной» теме национальной интеллигенции со стороны современных исследователей не иссякает.

Безусловно, однозначный ответ на вопрос об основаниях подобного пристрастия именно к изучению историко-культурного наследия «Алашской» интеллигенции, видимо, дать сложно. Все же допустимо предположить, что с одной стороны, наблюдаемый процесс обусловлен как реальным укреплением национального самосознания и ростом самоидентичности современного поколения казахстанцев, так и некой спецификой «самовыражения» отдельных соискателей, часто прибегающих в последнее время к «искусственной» манипуляции фрагментами из многострадальных судеб исторических личностей в угоду собственному самоутверждению, с другой. Как бы то ни было, на сегодня мы уже располагаем солидной базой фундаментальных исследований, разработок, проектов по затрагиваемой проблеме. Вместе с тем, не говоря о скудности феноменологического анализа, предполагающий теоретико-методологическое осмысление неизменной смысловой структуры определенного явления (в нашем случае в генезисе и эволюции

национальной интеллигенции), в научной литературе разночтению подлежат значения используемых исследователями применительно к рассматриваемой категории дефиниций, как: «зиялы қауым», «ұлттық элита». Так, если в зависимости от предмета исследований часть соискателей в определении маркеров национальной интеллигенции руководствуется обладанием определенной личностью, скорее обретаемых в социуме харизматических черт: образованности, воспитанности, просвещенности, приверженности к идее, то для других типичными признаками данной категории лиц выступают прежде всего естественно-природные, духовные человеческие характеристики, как: благородство, учтивость, благоразумие, терпимость и т.д.

На несоотносимую разницу между понятиями «интеллектуал» и «интеллигенция-зиялы» в восприятии современных казахстанцев, вытекающую главным образом по причине недостаточного уровня духовности и низкого морального облика людей занимающихся умственным трудом, указывает блиц-опрос проведенный Общественным фондом «Центр социальных и политических исследований «Стратегия» по Фейсбук среди экономистов, политологов, социологов и журналистов. На вопрос: «*Какое из понятий в условиях современного Казахстана наиболее точно соответствует людям, которые занимаются умственным трудом?*»: 42% респондентов выбрали вариант ответа «работники интеллектуального труда», «интеллектуалы» — 23%, «интеллигенция» — 7%, и только 2,3%, — «зиялы қауым» [Иманбай, 2016]. На наш взгляд, настоящий результат вполне предугадаем в современном информационном обществе, где главным героем выступает совершенно новый тип человеческого рода «*Номо Intellectus*», и как пророчили основатели марксизма: «Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до сих пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников» [Маркс, 1955: 427].

Безусловно, учитывая чужеродность классической типологии института «интеллигенции» и обусловленность сложения ее национальной формы в казахском обществе не без воздействия «внешних факторов», расхождения в оценках экспертов всегда будут иметь место, впрочем, как их сходство в общем знаменателе либо неизменной константе рассматриваемого социокультурного феномена — соотношении интеллигенции к культурно-идеологической элите. Так, трудно было бы себе представить, обособленно от авторитетной в определенном социуме группы лиц, ничем не приметного, безразличного к творческой деятельности человека в качестве интеллигента.

При том, парадоксально и то, что поистине интеллигентный человек, чье кредо — высокая мораль и общечеловеческие ценности, безотнositельно его национальных, конфессиональных, гендерных признаков принадлежности, будет уважаем и признан «своим» в любом обществе: «Интеллигенция всегда несет для нас, для нашего общества, как это было и в прошлом веке, две главные функции. Первая — этическая: она является носителем кодекса нравственных ценностей (чести, совести и т.д.). И вторая составляющая ее миссии — привносить в общество новации, чтобы общество развивалось. Интеллигенция всегда противостоит косности, консерватизму, инерции. Она является катализатором прогрессивных изменений в социуме. То есть, с одной стороны, это идеи развития, с другой — постулаты нравственности» совершенно правомерны [Интеллигенция.., 2013].

Итак, зададимся вопросом: так в чем же все-таки заключается существенное отличие «қазақ зиялысы» (казахской интеллигенции) от известных моделей западного интеллектуала и русского интеллигента?

Соотношение значений рассматриваемых понятий, всевозможные контексты их интерпретаций, проблемы трансформации статуса интеллигенции в зависимости от изменений пространственно-временных рамок и реалий и пр. — аспекты столь многогранной и многозначной тематики требуют отдельного глубокого анализа. Потому, фокусируя в дальнейшем внимание на историко-культурном контексте, попытаемся разобраться в феноменологии института казахской интеллигенции.

На примере исторических аналогов изучаемого объекта мы можем убедиться лишь в том, что сложение института интеллигенции происходит главным образом за счет познания и освоения ее представителями иной (как правило западной) культуры и постепенной трансплантацией чужеродных культурных идеалов в лоно собственного социокультурного пространства. Чисто теоретически, как нам представляется, далее алгоритм этого процесса складывается таким образом, что эти надстроечные культурные ориентиры в процессе адаптации к новой среде мутируют, способствуя образованию некоей локальной модели, т.е. ее национальной формы. К слову, вопреки даже бытующему мнению о «типично русской специфике» описываемого социокультурного феномена, профессор Неаполитанского университета Б. Успенский утверждает, что: «нет никакого сомнения в том, что русская интеллигенция и западный интеллектуализм имеют общие корни: они восходят к одному и тому же источнику, и русская интеллигенция возникает в процессе трансплантации западной культуры. Тем не менее я попытаюсь показать, в России создается нечто существенно отличное от того, что имеет место на Западе» [Успенский, 1999: 11].

...Все и всякое явление на Земле подчинено законам диалектики, при том постулат «единство в многообразии» исторических процессов также неопровержим. Все же, осознание вторичности генезиса, привнесённость в казахское общество классических формообразующих элементов данного института извне, о чем собственно свидетельствуют высказывания А. Букейханова: «Мы — западники. В своем стремлении приобщить народ к культуре мы не смотрим на восток, в Монголию, мы знаем, что там культуры нет. Наши взгляды устремлены на Запад. Получить культуру мы можем оттуда, через Россию, при посредстве русских» [Букейханов, 1992: 139], еще ранее написанные слова назидания Великого Абая: «Изучение русского языка, учеба в русских школах, овладение русской наукой помогут нам перенять все лучшие качества этого народа, ибо он раньше других разгадал тайны природы... Знание чужого языка и культуры делает человека равноправным с этим народом» [Абай, 1970: 46]. Сложно однозначно определить: Западу либо Востоку восходят корни казахской национальной интеллигенции. Ведь одно лишь отсутствие на Востоке дефиниции «*intelligentsia*» (в транскрипции русского слова) еще не является основанием исключения этого института в целом. Не стоит забывать, при этом, что на протяжении всего средневековья Восток обладал высокой городской культурой, он был также и центром торговли и техники: «...не считая великих открытий ремесленного периода на Востоке в области научно-технических инноваций, в частности изобретения пороха, компаса, изготовления бумаги, книгопечатания, составления географических карт, строительства астрономических обсерваторий и т.п.» [Виргинский, 1993: 237–269].

Бесспорно, неумолимы роль и значение «русского фактора» в формировании национальной формы интеллигенции в Казахстане, амбивалентно выступавшего как в качестве «благородной почвы» (влияние русской культуры, интеллигенции, образовательных учреждений, общественной мысли на казахских просветителей, ученых, писателей), так и «разрушительной силы» (примеры «политической хирургии»: реформы по трансформации традиционного общества, политические репрессии против национальной интеллигенции). Однако, ошибочно было бы не признать присутствие здесь и первичных, не менее значимых культурно-религиозных традиций Востока. Невозможно переоценить влияние наследия восточных мудрецов, ученого мира, мектебов и медресе на степную аристократию, представителей самобытных социополитических институтов-традиций: казахских биев, акынов-жырау, сал-сері, чья историческая миссия заключалась в сохранении, обогащении, а главное передаче традиционных культурных ценностей

для будущего поколения казахов. Генетическая взаимосвязь и взаимобусловленность, историческая преемственность между слитых во едино идеями единства, свободы, сплоченности казахского общества, традиционной-степной, интеллектуально-просветительской, культурно-идеологической поколениями национальной элиты очевидны. В этой связи, хотелось бы поделиться следующим оригинальным заключением нового поколения казахстанской страты интеллектуалов: «...При исследовании кочевой цивилизации и традиционной культуры казахского народа можно выделить специфический общественный слой, выполнявший ту же социальную роль, которую в западной традиции отводят интеллигенции, образованному сословию, интеллектуальному классу и т.д. Основными исполнителями духовно-идеологических, социорегулятивных и художественно-творческих функций образованного сословия можно считать такие подразделения «степной интеллигенции», как, соответственно: 1) сайиды и ходжи, 2) бии, 3) баксы, кюйши, жырау» [Новая миссия., 2015: 18]

О восточных истоках национальной интеллигенции свидетельствует и семантика слова «зиялы» (от арабского слова «ءايض» — праведный), используемого у казахов к интеллигенции, который исходит из канонов ислама и означает наделенность его носителей особым божественным светом и дарованиями. Тогда как, к примеру русская интеллигенция по мнению знатоков отличалась атеистичностью в религиозной императорской России, и наоборот атеизмом в советское время. Не религия, а скорее «...Духовность» ...отличает русскую интеллигенцию от западного интеллектуализма» [Успенский, 1999: 16]. В то время, казахской среде зачастую чужды политизация религии, противостояние светской власти и религиозной элиты, нетерпимость к иноверцам, религиозный фанатизм или ценности теократического государства. История и современность религиозной толерантности Казахстана тому яркий пример!

Как известно, до периода вступления Казахстана в политико-правовое поле Российской империи, мусульманские мектебы и оставались единственными звеньями образования и детей коренных национальностей. Только в 1874 г. школы Казахстана подчинены Министерству просвещения, и лишь с 1876 г. в вводятся русские [Нурпеисов, 1995: 5]. Так, большой популярностью казахов пользовались медресе того времени, как: «» в Уфе, «» в Оренбурге, «» в Троицке, города Уральска, где получили многие представители национальной интеллигенции, как: Т. Жомартбаев, . Сералин, Б. , М. Жумабаев и др. Шакирдов- в медресе «» начали выпускать 1915 г. В медресе «» к примеру, было основано купцом первой Хусаиновым, обучались: Х. , М. Джалиль, Ж. Телябер-

ганов и др. К слову, именно шакирды-казахи медресе «Хусаиния» участии некоторых основали «Общество изучению казахского », целью которого издание памятников литературы, составление для мектебов, на казахском языке, содействие изданиям газет на языке [Валиханов и др., 2003: 273].

Касательно же образовательных учреждений, в числе первых ретранслировавшие русскую культуру и русский язык в Степи для детей инородцев, следует назвать Оренбургское Неплюевское училище (1825 г.), затем в кадетский корпус. Из числа воспитанников которого (М-С. Бабаджанов, С. Джанторин, братья Сейдалины, Ш. Уалиханов и др.) впоследствии сформированы первые казахские служащие Российской империи, заложившие нерушимый фундамент будущей армии национальной интеллигенции.

Кроме того, гимназии и семинарии Оренбурга, Омска, Троицка, университеты и академии Казани, Саратова, Томска, Санкт-Петербурга стали «Альма матером» для многих казахских детей и молодежи того времени. Так, по подсчетам специалистов в данной области, общее количество казахских студентов до 1917 г. составляло 63 человека: «Поставленные на грань выбора дальнейшего совершенства, т.е. принятия или отрицания доминирующих форм имперской государственности, клановые вожди находились перед дилеммой восприятия и сочетания восточной и европейско-русской цивилизации» [Айтмухамбетов, 2010: 59]. На юристов в Казанском университете учились: А. Беремжанов, на медиков: А. Альдияров М. Чумбалов, на математика: А. Нурмухамедов; в Санкт-Петербургской медицинской академии — Н. Ипмагамбетов; в лесном институте — А. Букейханов; на факультете Московского — С. Аппасов С. Нурлыханов; юридическом факультете университета — Ж. Акпаев, Б. Каратаев, С. Аманжолов, М. Чокаев; в Петербургском железнодорожного транспорта . императора Александра — М. Тынышпаев; Томском технологическом — А. Ермеков т.д.

Как видим, продиктованные пограничным характером пространственно-географических, культурно-цивилизационных характеристик Казахстана, различия в политических, социальных, культурных, ментальных, локальных ориентациях в среде казахской молодежи, обусловили изначальную особенность формирования национальной интеллигенции в Казахстане на евразийской основе: «с одной стороны, интеллигенция, воспитанная на русской литературе, верующая в европейскую культуру, видящая счастье родины в здоровом претворении плодов западной культуры и считавшая религиозные вопросы второстепенными... С другой стороны, выступала и интеллигенция, воспитанная в духе восточной ортодоксии и национально-религиозной ис-

ключительности. Эта последняя выдвигала религию на первый план; в мусульманской схоластике она видела и продолжает видеть науку, которой никто и никогда не превзойдет; ...Если провести некоторую аналогию с русской интеллигенцией, то первую группу киргизской интеллигенции можно было бы назвать западниками, а вторую — тюркофилами и поборниками панисламизма» [Букейханов, 1910: 53–54].

Собственно, отсюда и заметный в коде поведения казахской интеллигенции симбиоз консерватизма наряду с либерал-демократизмом, национализма с интернационализмом, казахофилства с русофобией и пр.: «В основу типологии всей современной казахской интеллигенции могут, по нашему мнению, быть положены два критерия: уровень цивилизационного (урбанистического западно-индивидуалистического) развития и отношение к иноэтничному, особенно русскому этносу. По отношению к цивилизационно-исторической вертикали казахская интеллигенция, впрочем как и весь народ, исторически были разделены на городских и сельских интеллигентов» [Жумашев, 2006].

Следующим, не менее примечательным аспектом в феноменологии института интеллигенции выступает проблема отношений национальной интеллигенции с властью. Например, выделяя в числе фундаментальных признаков русской интеллигенции ее принципиальную оппозиционность к иным надстроечным властным структурам в социуме, исследователи пишут: «Русская интеллигенция — всегда оппозиционна, это та группа общества, которая в принципе, по самой своей природе, не может быть привлечена к участию в государственной деятельности, не может быть вовлечена в бюрократическую машину; строго говоря, интеллигент не может принадлежать к бюрократической администрации, он не может управлять, администрировать» [Успенский, 1999: 13]. В то время как, относительно к казахской интеллигенции мы можем наблюдать за несколько иным, более лояльным, деликатным отношением к власти, исходящих на наш взгляд, опять же из архетипов восприятия власти в традиционном казахском обществе, ассоциирующихся, прежде всего с сакральностью, справедливостью и законностью [Оразбаева, 2017: 248]. Необходимо признать, в лице национальной интеллигенции, истеблишмент привычно видела миротворца, старательно искала с ней компромисс, заручалась ее поддержкой, равно как и обратная сторона проявляла некую снисходительность к действующей власти. Еще представители института биев, обладавшие колоссальным влиянием в казахском социуме, выполняли своего рода медиативную роль простым народом носителями политической власти, служа средством согласования интересов властных структур, родоплеменной верхушки и различных слоев населения.

Так, по сравнению с русской интеллигенцией, рассматриваемая исследователями в качестве: «своего рода как культурная элита, по существу своему не может принадлежать к социальной элите: соответственно, интеллигент не может быть богатым, он не может обладать властью, он не должен быть администратором» [Успенский, 1999: 13], разнородная по социальной, религиозной, идеологической основам казахская интеллигенция была по своей природе более приближена к политической элите: « среда формирования нового типа необычайно широка. «оқығандар» и «» находились вчерашние (О. Жандосов, Ж. Аймауытов, М.), дети среднего (С. Мендешев, . Байтурсынов), потомки аристократии (М. , Н. Тюрякулов, . Кудайбердиев), интеллигенция второго поколения (. Асфендияров, А. , Б. Каратаев) др. [Абжанов, 2006]. Все же, несмотря на принципиальные идейно-политические расхождения, представители национальной элиты во благо служения народу, во имя претворения в жизнь своих целей порой сознательно шли на переговоры с официальными органами власти как при царской администрации, Временном Правительстве, так и Советской власти, занимая различные посты в бюрократическом аппарате.

Таким образом, феноменологию казахской интеллигенции, равно природе формирования института интеллигенции в целом, следует рассматривать в качестве естественной реакции и рефлексии на формирование нового социокультурного пространства и миропорядка, спровоцированные трансформационными процессами глобальной истории начала XX века.

Литература:

1. *Абай*. Двадцать пятое слово / Пер. с казахского С. Санбаева. Алма-Ата, 1970.
2. *Абжанов Х.* Миссия интеллигенции: (казахская интеллигенция 19-начала 20 века) // Казахстанская правда. 2006. 24 февраля. URL: <http://iie.kz/?p=796> (дата обращения: 06.02.2019).
3. *Айтмухамбетов А.А.* Казахские служащие Российской империи: формирование и общественно-политическая деятельность в XIX — начале XX вв.: диссертация ... доктора ист. наук. Семей, 2010. URL: e-history.kz/media/upload/54/2013/08/28/8d5786bbe00a823924c7a0e651852d92.pdf (дата обращения: 06.02.2019).
4. *Букейханов А.* Киргизы // Формы национальных движений в современных государствах / Костелянский А.И. Санкт-Петербург-Петроград, 1910.

5. *Валиханов Э.Ж., Кривков А.Л., Хабиджанова Г.Б.* Русская демократическая интеллигенция в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX вв.). М., 2003.
6. *Виргинский В.С., Хотеевков В.Ф.* Очерки истории науки и техники с древнейших времен до середины XV века. М.: Просвещение, 1993.
7. *Жумашев Р.* Историографические аспекты изучения интеллигенции советского Казахстана. URL: <https://articlekz.com/article/5391> (дата обращения: 05.02.2019).
8. *Иманбай Ж.* Вчера «интеллигенция» — сегодня «интеллектуалы»? / Социальный портрет современного казахстанского общества. ИМЭП при Фонде Первого Президента РК, Алматы-Астана, 2016. Выпуск 2. URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/503-vchera-intelligentsiya-segodnya-intellektualy> (дата обращения: 06.02.2019).
9. Интеллигенция Казахстана: носитель совести, разум и недоразумения // Закон. 2013. 6 декабря. URL: <https://www.zakon.kz/4590209-intelligencija-kazakhstan-nositel.html> (дата обращения: 05.02.2019).
10. Новая миссия казахстанской интеллигенции / Сборник статей, интервью, выступления казахстанской интеллигенции. Алматы: Институт философии, политологии, религиоведения КН МОН РК, 2015.
11. *Нурпеисов К.Н.* Алаш и Алаш-Орда. Алматы, 1995.
12. *Оразбаева А.И.* Формула государственности казахов. М.: Press-Book, 2017.
13. *Успенский Б.* Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspenn/01.php (дата обращения: 04.02.2019).

Интеллигенция, религия и идеология в современном российском обществе

А.В. Матецкая

доктор философских наук, профессор
Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

На протяжении веков религия оставалась мировоззренческим монополистом, осуществляя легитимацию и объяснение существующего социального и природного порядка. Хотя в рамках наиболее развитых традиционных обществ обнаруживаются персонажи, чья работа со смыслами уже не сводится только лишь к воспроизводству и систематизации религиозно-мифологических представлений, их деятельность не подрывала влияние религии и традиции, задававших мировоззренческие и нормативные ориентиры для общества в целом. Социальная структура традиционных обществ не предусматривает функций для многочисленного слоя интеллектуалов. Их положение зачастую маргинально, если они не связаны с воспроизводством религиозного знания.

Только распад структур традиционного общества приводит к возникновению влиятельного специфического гетерогенного социального слоя, чьей задачей является интеллектуальная деятельность. Модернизация и сопровождающие ее процессы рационализации и секуляризации порождают современных интеллектуалов, которые становятся важнейшим социальным агентом модернизационных изменений. В обществах запаздывающей или догоняющей модернизации интеллектуалы являются и проводниками западного модернизирующего влияния, и критиками этого влияния, что хорошо заметно на примере российской интеллигенции.

Размывание религиозно-мифологических оснований социального порядка диктует необходимость производства «телеологического знания» [Фирсов, 2001], которое уже не опирается на сакральный авторитет. В секулярных обществах модерна именно интеллектуалы являются группой, ответственной за конструирование и воспроизводство подобного знания или, если использовать термин П. Бергера

и Т. Лукмана [Бергер, Лукман, 1995], конструирование и воспроизводство «символических универсумов», примерами которых могут служить и политические идеологии. Но интеллектуалам же принадлежит и функция критической рефлексии в отношении социального порядка и его смысловой легитимации. Таким образом, сфера деятельности интеллектуалов в обществах модерна включает и конструирование символических универсумов, и их разрушение. С подрывной деятельностью интеллектуалов связана критика этого слоя, но следует отметить, что своеобразная «традиция» критики интеллектуалов также осуществляется интеллектуалами.

Конструирование символических универсумов, претендующих на общезначимость, в эпоху модерна осуществляют преимущественно светские интеллектуалы. Религиозные версии символических универсумов сохраняются только в виде сегментов смыслового пространства секулярных обществ, что на уровне социального взаимодействия выражается в отделении религии от других социальных институтов и приватизации религии. Формирование светского государства, опирающегося в качестве легитимирующих символических универсумов на различные политические идеологии, является одним из важнейших проявлений секуляризации. В рамках светского мировоззрения модерна государства-нации являются наиболее широким типом «Мысобществ», объединенных общей идентичностью. В поддержании этих сообществ огромную роль играют институты политической власти и идеологии, на которые опираются эти институты. Само общество мыслится как «государственное общество», как отмечал У. Бек [Бек, 2001: 48]. Глобализация меняет эту ситуацию, однако нельзя сказать, что она полностью ушла в прошлое.

Преобладающая роль «государственных обществ» в социальном космосе современности предопределяет значимость светских политических идеологий, легитимирующих политический порядок. Создателями и хранителями политических идеологий модерна, как и их критиками, также являются интеллектуалы. Ряд политических идеологий модерна претендовал не просто на общезначимость, но на тотальность. В рамках тотальных идеологий иным версиям символических универсумов не оставалось места, реальность приобретала единственную интерпретацию и светские интеллектуалы, ответственные за воспроизводство и распространение подобных идеологий, утрачивали функцию критического рефлексивного контроля реальности и конструирования новых ее интерпретаций.

В эпоху постмодерна критическая рефлексия интеллектуалов обернулась против самих интеллектуалов, ослабив их символическую

власть. Подрыву позиций интеллектуалов способствовало также развитие массовой культуры и массовых коммуникаций, в том числе Интернета, изменившее статус интеллектуалов в общественном сознании. И, наконец, вызовом, с которым столкнулись на исходе XX — в начале XXI вв. светские интеллектуалы, стало религиозное возрождение, возрастание политического влияния религии. Религиозное возрождение привело к пересмотру классической концепции секуляризации и появлению новых научных понятий, в том числе, понятия постсекулярного общества.

Характеризуя постсекулярные общества, Ю. Хабермас, предложивший это понятие, отмечал, что «современные европейские общества можно считать постсекулярными в том смысле, что они приемлют факт дальнейшего существования религиозных общин в постоянно секуляризирующейся среде и приспосабливаются к нему» [Хабермас, 2008: 2]. Таким образом, речь шла не об отмене результатов секуляризации, но об изменениях в сфере общественного сознания, которые находят выражение в пространстве публичных дискуссий и пересмотре статуса религиозных сообществ. По мнению Хабермаса, в постсекулярном обществе религиозные группы претендуют на статус «интерпретирующих сообществ» и полноправное участие в общественной коммуникации. Привилегированный статус светских интеллектуалов как «хозяев курса» в какой-то степени оказывается подорванным.

В то же время участие в диалоге не предполагает доминирования религиозных сообществ. Постсекулярность означает расширение пространства диалога, но не его ограничение; усложнение структуры публичной коммуникации при сохранении идейных различий между ее участниками, как и свободы мировоззренческого выбора.

Сама же публичная сфера, как и государство, продолжает оставаться светской. И именно их сохранение в таком качестве гарантирует возможность свободной коммуникации, поскольку доминирование религии и срастание религии и политической власти исключает свободу дискуссии, что демонстрируют не только примеры из прошлого, но и существующие сегодня теократические режимы.

Российский вариант постсекулярного общества значительно отличается от западного, в том числе и специфическим соотношением религии и идеологии. Религия не просто возрождается, но становится значимым элементом политики.

Российская интеллигенция сформировалась в результате догоняющей модернизации, что обусловило специфику ее самосознания, в частности, известный мотив «оторванности» от народа, своеобразный мессианизм и двойственное восприятие западной культуры,

по отношению к которой российская интеллигенция выступала реципиентом смыслов — даже в том случае, если эти смыслы воспринимались ею негативно. Однако нас здесь интересует не генезис российской интеллигенции, а изменение ее статуса и задач в постсоветский период отечественной истории, для которого характерно разрушение «символического универсума» советской идеологии и усиление влияния религии, прежде всего, православия.

Разрушение советской идеократии вызвало необходимость поиска новых мировоззренческих ориентиров, их источником традиционно оказалась западная культура. В 90-е гг. XX вв. российская интеллигенция вместе с политической элитой страны ориентировалась на либеральные ценности. Однако противоречивый ход российских реформ привел к тому, что идеалы и ценности либерализма оказались скомпрометированными в глазах значительной части российского общества — даже не будучи осуществленными. Укрепляющийся российский политический режим все меньше соответствовал либерально-демократическим стандартам и не испытывал потребности в таком соответствии. Возникла проблема идейного обоснования складывающегося социально-политического порядка.

«Цивилизационный подход» и более поздняя концепция «множественности современностей», позволяли, казалось бы, подвести теоретический фундамент под рассуждения о российской специфике и особом российском пути. Однако содержательный ответ на вопрос о российской специфике российская интеллектуальная элита не сформулировала. Политическая элита взяла курс на своеобразный ситуативный консерватизм, суть которого сводилась и сводится к сохранению сложившегося политического режима без его внятного идейного обоснования. Российский мировоззренческий кризис усугублялся тем, что он совпал с усилением мировоззренческой и идеологической неопределенности в глобальном масштабе.

В этой ситуации рост влияния религии и ее заметное присутствие в публичном пространстве приобрели особое идеологическое и политическое измерение. С. Филатов отмечает: «...если до середины 1991 г. не менее двух третей населения считало, что Россия должна брать пример со стран Запада, во всем подражать им, то уже в 1992 г. столь же подавляющее большинство полагало, что у России свой особый путь, принципиально иная цивилизация. В связи с этим православие стало приобретать особое значение культурного стержня и символа национальной идентичности. Постоянно с начала 1990-х годов росло число людей, в опросах называющих себя православными; ныне оно превышает 80%. Политическим фактором является именно эта иден-

тичность, а не реальная религиозная практика, которой согласно различным опросам привержены от 2% до 10% россиян. Идеологическая роль РПЦ как хранителя национальной традиции в реставрационной атмосфере ... была без возражений принята основными политическими силами» [Филатов, 2007: 16].

Православие оказалось едва ли не единственным значимым и несомненным признаком, позволявшим говорить о российской культурной специфике в сравнении с западной моделью развития. Традиция тесного взаимодействия православных церквей и государства превращала РПЦ в естественного союзника российской власти и в субъект идеологической деятельности. Обращения к православию стали устойчивым элементом дискурса российской власти. Сама Русская православная церковь проявляет заметную активность в публичном пространстве. Достаточно вспомнить регулярные заявления официальных представителей РПЦ о ведущей роли православия в формировании отечественной культуры и национальной идентичности россиян, необходимости воспитания патриотизма, укрепления государственности, повышения рождаемости, важности службы в армии. Официальные документы, принятые РПЦ, например, «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», а также публичные выступления Патриарха и других представителей Церкви содержат значительную политическую и идеологическую составляющие.

В 2011 г. XV Всемирный русский народный собор (Всемирный русский народный собор — созданный под эгидой РПЦ общественный форум, целью которого является поиск взаимодействия с основными политическими силами), разрабатывал, ориентируясь на государственные цели, вариант «базисных ценностей» российского общества. XVIII Всемирный русский народный собор (2014 г.) принял документ, именуемый «Декларацией русской идентичности». Показательно, что представители определенной конфессии претендуют на формирование системы ценностей и оснований коллективной идентичности для общества в целом, причем общества секулярного. Темы патриотизма, служения Отечеству, долга человека перед обществом, необходимости противостояния вредным внешним влияниям — популярные темы публичных выступлений представителей Церкви.

Таким образом, специфика российского постсекуляризма заключается в том, что религиозные организации, по крайней мере, доминирующие, не только активно включаются в публичные коммуникации, но занимают в них особое положение, поскольку опираются (явно или

нет) на поддержку государства, которое, в свою очередь, видит в них идеологического союзника. Идеологизированное и «секуляризованное» православие становится важным элементом легитимации существующего социально-политического порядка и значимым элементом российской культурной идентичности. Такая ситуация не является следствием сильных позиций религии как мировоззрения. Напротив, российское общество сегодня — одно из наиболее секуляризованных, чем и обусловлено преобладание в общественном сознании не духовно-мистического, а секулярного понимания функций Церкви. В большей степени сложившаяся ситуация — следствие слабости идейных и социальных позиций российской интеллигенции, утраты ею влияния на общественное мнение, сужения пространства для полноценного публичного обсуждения мировоззренческой, ценностной, этической проблематики. Отсутствие подобных дискуссий обусловлено не только политическими причинами и ограничениями, но и незначительным интересом к этим вопросам со стороны интеллигенции, многие представители которой склонны признавать приоритет религии в этой сфере, некритично принимая идеологемы наподобие «традиционных ценностей». Преобладание религиозных и псевдорелигиозных идеологем в самоописании современного секулярного общества, которым фактически является общество российское, означает не только отказ от поиска моделей будущего, но и разрыв с настоящим, своеобразный идейный эскапизм.

Литература:

1. *Бек У.* Что такое глобализация / Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / Пер. с англ. М.: Academia-Центр, 1995.
3. *Филатов С.* Традиционные религии, «русская цивилизация» и суверенная демократия // Религия и конфликт / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М.: РОССПЭН, 2007.
4. *Фирсов Б.* Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века // Знамя. 2001. №8.
5. *Хабермас Ю.* «Постсекулярное» общество — что это? // Российская философская газета. 2008. №4(18).

Интеллигентность как доброжелательность (опыт интерпретации смысла)

Е.И. Зейферт

доктор филологических наук, профессор
Российского государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия)

Эта категория, до конца не устоявшаяся в науке и общественном сознании, мерцает в первую очередь из-за сближения с другим понятием «интеллигенция».

Остановимся сначала на общих подходах.

Для нашего анализа имеют особую ценность рассуждения об интеллигентности и интеллигенции философа Н. Бердяева, литературоведов Ю. Лотмана, Д. Лихачёва, М. Гаспарова и других учёных [Бердяев, 1990; Лотман, 1999; Лихачев, 1989; Гаспаров, 2001]. Их точку зрения учитывают и новейшие работы об интеллигентности/интеллигенции [Как живешь интеллигенция, 2018; Дакоро (а), 2014; Дакоро, 2014 (б)], в которых ставится проблема дефиниции и разграничения интеллигенции и интеллектуалов [Усманов, 2016; Голубева, 2011].

По мнению М. Дакоро, «значение термина («интеллигенция» — Е.З.)» всегда было довольно размытым и дискуссионным, причем эта тенденция сохраняется и до сего дня. Размытость термина... обусловлена нечеткостью социальной позиции, которую интеллигенция долгое время занимала в российском обществе, неопределенностью ее социального статуса, а также некоторым рассогласованием между достаточно высокой самооценкой интеллигенции и реальным ее положением», «начиная с 19 века, вокруг интеллигенции велась довольно интенсивная полемика, которая шла, преимущественно, в кругах самой же интеллигенции. Само понятие “интеллигенция” возникло, как принято считать, в 1866, ввел его П.Д. Боборыкин. Однако современные исследователи отмечают, что термин интеллигенция употреблял-

ся и раньше — в 1863 г. он встречается у И.С. Аксакова, а в дневнике В.А. Жуковского он встречается в 1836 г. Таким образом, слово возникло раньше, чем попало в поле широкого общественного внимания» [Дакоро (а), 2014].

Есть профессиональное (слой общества, обладающий специальными знаниями в сфере культуры, образования, науки и техники, работники умственного труда) и идеологическое понимание интеллигенции. М. Гаспаров придерживается смешанного понимания. Он считает, что граница между народом и интеллигенцией «лежит по уровню образования», но утверждает, что интеллигенция, «по общеевропейскому пониманию, это слой общества, воспитанный для того, чтобы руководить обществом, но не нашедший для этого вакансий и предлагающий обществу свою критику или свои предложения со стороны» [Гаспаров, 2001]. Известно мнение Н. Бердяева, считающего, что «западные люди впали бы в ошибку, если бы они отождествили русскую интеллигенцию с тем, что на Западе называют *intellectuels*. *Intellectuels* — это люди интеллектуального труда и творчества, прежде всего ученые, писатели, художники, профессора, педагоги и пр.» [Бердяев, 1990: 17]. Бердяев называет нашу интеллигенцию «идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой», находит у нее типические русские черты, считает ошибочным мнение о потере интеллигенции связи с русской почвой, среди присущих интеллигенции черт называет «беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями», беззаветную увлеченность идеями, социальную мечтательность, «крайнюю идейную нетерпимость» как самозащиту, религиозную целостность русской души, у русской радикальной интеллигенции идолопоклонническое отношение к науке. Первым русским интеллигентом Бердяев называет Радищева («душа моя страданиями человеческими уязвлена была») [Бердяев, 1990: 17–20].

Говоря об интеллигенции, ученые называют среди ее свойств «высокую нравственную ответственность, ориентацию на соблюдение интересов народа, стремление олицетворять образцы профессиональной культуры, быть примером как в общественной (публичной), так и в личной (приватной) жизни», «идеи жертвенности, служения добру», искреннюю готовность служить всему человечеству, прекарность, ненадежность социального положения (Ж. Тощенко и его научная школа), «напряженный самоанализ и поиск собственной идентичности», «жертвенность» (интеллигент жертвует личным ради общественного), «горение, превращение жертвенности в самоцель», «оторванность интеллигенции от народа, которому она служила и за свободу которого боролась», «терпимость в «национальном во-

просе», интеллигенты воспринимаются как «отщепенцы vs. соль земли» (Ю. Лотман). По мнению М. Дагоро, «опираясь на идеи Лотмана, мы можем сделать важное заключение: специфика интеллигенции определяется ни ее функцией, ни ее сущностными чертами, которые позволили бы выделить данную группу объективно, — но именно дискурсивно. Упрощая, можно сказать — специфика российской интеллигенции во многом заключается в том, что она считает себя специфичной. В осознании своей миссии и избранничества и есть ее специфика» [Дагоро (б), 2014].

Перечисленные качества обращены от Я к Другому и во многом принадлежат «старой русской интеллигенции». Ж. Тощенко задается целью понять, стала ли старая российская интеллигенция достоянием истории или она унаследовала то, что было накоплено предшествующими поколениями, и существует в наше время. Ученый склоняется к оптимистическим выводам [Тощенко, 2000: 23–25].

Проблеме интеллигентности посвящена диссертация Л.А. Келеман «Интеллигентность: антропологический статус и манифестация в современном мире» [Келеман, 2006]. «Российская интеллигенция является носителем интеллигентности, — пишет автор. — Но интеллигентность не может быть представлена как монополия социального слоя интеллигенции на интеллектуальное осмысление внешнего мира, а представляет собой антропологическое качество человека. Выведение понятия “интеллигентность” только из бытия русской интеллигенции, будет, во-первых, допущением той мысли, что интеллигентность будет содержать в себе лишь образ, абстракцию, являющуюся результатом ее специфического имянаречения. Во-вторых, ограничением права и возможности интеллектуального и эмоционального осмысления внешнего мира рамками определенного социального слоя — интеллигенции». По мнению Л.А. Келеман, «интеллигентность <...> есть результат того, что имеет причиной другого, а потому не только раскрывает себя через осмысление другого, но и существует лишь в других». Обращенность к Другому чрезвычайно важна для трудов М. Бахтина [Бахтин, 1975; Бахтин, 2000]. По мнению М. Бахтина, «поскольку человек для себя никогда не является целостным и завершенным, то целостно познать его может только Другой. Другой может познать меня, а я могу познать Другого» [Зиновьева, 2011]. Бахтинское «Я» сущностно нуждается в Другом, Другой завершает бытие «Я», придает ему цельность.

Д. Лихачёв рассуждает: «многие думают: интеллигентный человек — это тот, который много читал, получил хорошее образование (и даже по преимуществу гуманитарное), много путешествовал, знает несколько языков. А между тем можно иметь все это и быть неинтел-

лигентным, и можно ничем этим не обладать в большой степени, а быть все-таки внутренне интеллигентным человеком. Интеллигентность не только в знаниях, а в способностях к пониманию другого» [Лихачев, 1989]. Ю.М. Лотман относит к интеллигентам «старого питерского рабочего» и не считает слово «интеллигентность» производным от слова «интеллигенция», видя между интеллигенцией и интеллигентностью «большую разницу» как между профессиональной социальной и психологическим свойством, которое может характеризовать человека любого слоя.

«Интеллигентность не обязательно свойственна людям, которых по роду их занятий, уровню полученного образования принято относить к интеллигенции» [Педагогический энциклопедический словарь, 2002]. Среди черт интеллигентного человека называют «понимание другого, гостеприимность, приветливость, терпимое отношение к миру и людям» [Лихачёв, 1989], «настроенность на культуру, на разум, на понимание и ощущение ценности произведений культуры», «умение человека воспринимать чужую культуру, желание выслушать и понять другого человека, терпимость к иному мнению, способность к сочувствию, состраданию», «воспитанность, вежливость, тактичность, скромность» [Лихачёв, 1989]. «Интеллигентность тесно связана с нравственностью и не совместима с агрессивностью, нетерпимостью, непримиримостью» [Лихачёв, 1989].

А. Левкин в своей работе «Почему я не интеллигент?» утверждает невозможность для интеллигента, в отличие от интеллектуала, быть пассионарной личностью и в целом рассуждает о неоднозначности понятия «интеллигент» в постсоветское время.

В ряде исследований интеллигентность все же позиционируется как производное от интеллигенции, ее свойство. Так, в концепции портала *intelligentia.ru* содержание термина «интеллигентность» определяется как «способность ее носителя иметь в себе и ценить в других такие качества, как патриотизм, порядочность и профессионализм» [Содержание интеллигентности].

Особенности интерпретации понятия «интеллигентность» и определение типа интеллигентного героя нового поколения в новейшей поэзии. В качестве предмета анализа обозначим лирику Василия Бородина, родившегося в 1982 г. в Москве. Бородин — представитель постсоветского поэтического поколения, лауреат премии Андрея Белого и премии «Московский счёт», автор ряда поэтических книг таких, как «Луч. Парус» (2008), «Москва — Город-Жираф» (2011), «Цирк «Ветер» (2012), «Дождь-письмо» (2013), «Лосиный остров. Стихи 2005–2015 гг.» (2015), «Мы и глаза» (2016), «Пёс» (2017). Василий

Бородин в своей жизни был преподавателем истории искусств, редактором, корректором, чертежником, книжным иллюстратором. Сейчас он уличный музыкант и грузчик.

В сети Фейсбук нами был проведен опрос среди возможных читателей книги В. Бородина «Пёс», 2 января 2019 г. были заданы вопросы: «Друзья, мой опрос для тех, кто читал книгу Васи Бородина “Пёс”. Считаете ли Вы лирического героя этой книги интеллигентным человеком нового поколения? Если да, то какие признаки интеллигентности в нем Вас притягивают. (Ваши ответы под Вашим именем могут войти в статью)». На опрос откликнулось 59 человек, все они — литераторы (поэты, прозаики, эссеисты). Неоднозначность ответов была обусловлена, с одной стороны, путаницей между категориями «интеллигенция» и «интеллигентность», и, с другой стороны, мерцанием самой категории «интеллигенция». Ряд респондентов считают интеллигенцией особое профессиональное сообщество. «Я привыкла думать, что художник, музыкант, актер к интеллигенции не относятся. Не обязательно к богеме (антиинтеллигентской, как во времена Блока), но все же к ней ближе. Даже если он работает интеллигентом (учителем, библиотекарем, редактором и т.п.), в своем сочинительстве он не интеллигент. Кстати, и журналист для меня под вопросом в этом смысле. (Это не оценочное суждение, просто о социальной роли)», — написала известный поэт Ольга Седакова. На мой вопрос к ней: «А если понимать интеллигенцию по-бердяевски?» она ответила: «Если по-бердяевски... Просто я это его описание никогда не принимала всерьез». Я заговорила о лотмановском отличии понятий «интеллигентность» и «интеллигенция», Ольга Седакова уточнила свое понимание интеллигенции: «И у Д.С. Лихачева тоже. У меня самое простое понимание: это своего рода средний образованный класс, люди умственного (но не артистического) труда, с определенными нормами поведения («воспитанные»)). Заметим, что в своей статье «Почему я не интеллигент?» А. Левкин пишет: «Можно выделить ряд профессий, принадлежность к которым автоматически устраняет возможность быть интеллигентом: это представители т. наз. “творческой интеллигенции”, поскольку внутри подобных профессий (да и только ли подобных?) оценки весьма суровы, и, допустим, графомана из милосердия терпеть там не будут» [Левкин].

Поэт и прозаик Юрий Рыдкин дал следующий ответ: «В поставленных вопросах, разумеется, самым проблемным концептом является “интеллигентность”, поскольку его очень легко деконструировать или же, менее радикально, растерзать смысловыми ответвлениями, как, впрочем, и другие просто слова. Тем не менее, если при опреде-

лении признаков интеллигентности отталкиваться от некоего “скорее всего”, то в качестве главной приметы интеллигентности я бы предложил — способность просвещенной личности рефлексивно подключаться к траектории природных взаимодействий, которая наиболее уравновешена. Отсюда интеллигентность — это природное без заносов. Такое еще называют мелодией или гармонией. И вот именно эта присвоенная уравновешенность выступает гарантом некой гуманистической стабильности личности при всех ее терзаниях, переживаниях и неизбывной тоске по тому же Другому. В книге “Пёс” все вышеизложенное налицо, поэтому да, главный герой в ней интеллигент».

Ответ критика Ольги Балла: «Интеллигентом — пожалуй, если понимать под интеллигентностью рефлектирующее и этически заряженное (чуткое, смиренное, даже самоумаляющее — “мы просим беды-беды”, “оставленности просим мы”) внимание к миру. (Вообще же, если видеть в интеллигенции категорию социальную — Юрий Рыдкин выше правильно сказал, концепт проблемный, — то мне тут видится, скорее, человек, изымающий себя из социальных координат. Впрочем, может быть, это одна из русских интеллигентских стратегий еще XX века, из “поколения дворников и сторожей” — и в этом смысле поколенческие черты у него скорее из предыдущего исторического этапа). Но мне не удастся здесь увидеть в его поэтическом и этическом поведении ничего, что отсылало бы к какому-то “новому” поколению, тем более, что мне совсем не ясно, в чем состоит поколенческая, типическая новизна интеллигентов-ровесников Бородина». Екатерина Адасова считает, что герой добровольно утратил черты интеллигентности: «Есть ли в стихах Василия Бородина современный герой? В одном из стихотворений Василий Бородин пишет о “ледяном войске”, которое победило, возможно, и самого героя. И эта победа холода, а и оставила “мерзлые угольки сердца”. И песня, к которой призывает герой поэта, связана с “клочком жилья”, с “тонущей ладьей”, и еще с “бедой-бедой”. И эта песня одиночества и необходимости известна человеку, известна и другим, и песня объединяет тех, кто проходит нечто, отличное от того, к чему стремятся другие. В другом стихотворении отражен тот мир, который может исчезнуть вечером, и не появится утром. Стремится автор сосредоточиться на своем, внутреннем, оберегаемом мире. Не стремится нести свой огонь, как спасение другим, ибо и те другие, имеют внутри свой маленький огонек. И отбросив черты, присущие интеллигенту, отбросив слабости и сомнения, строит поэт реальный, четкий мир. Возможно, это и поможет другому не пугаться такого мира, но только тому, одинокому и сильному, кто всё понимает и чувствует».

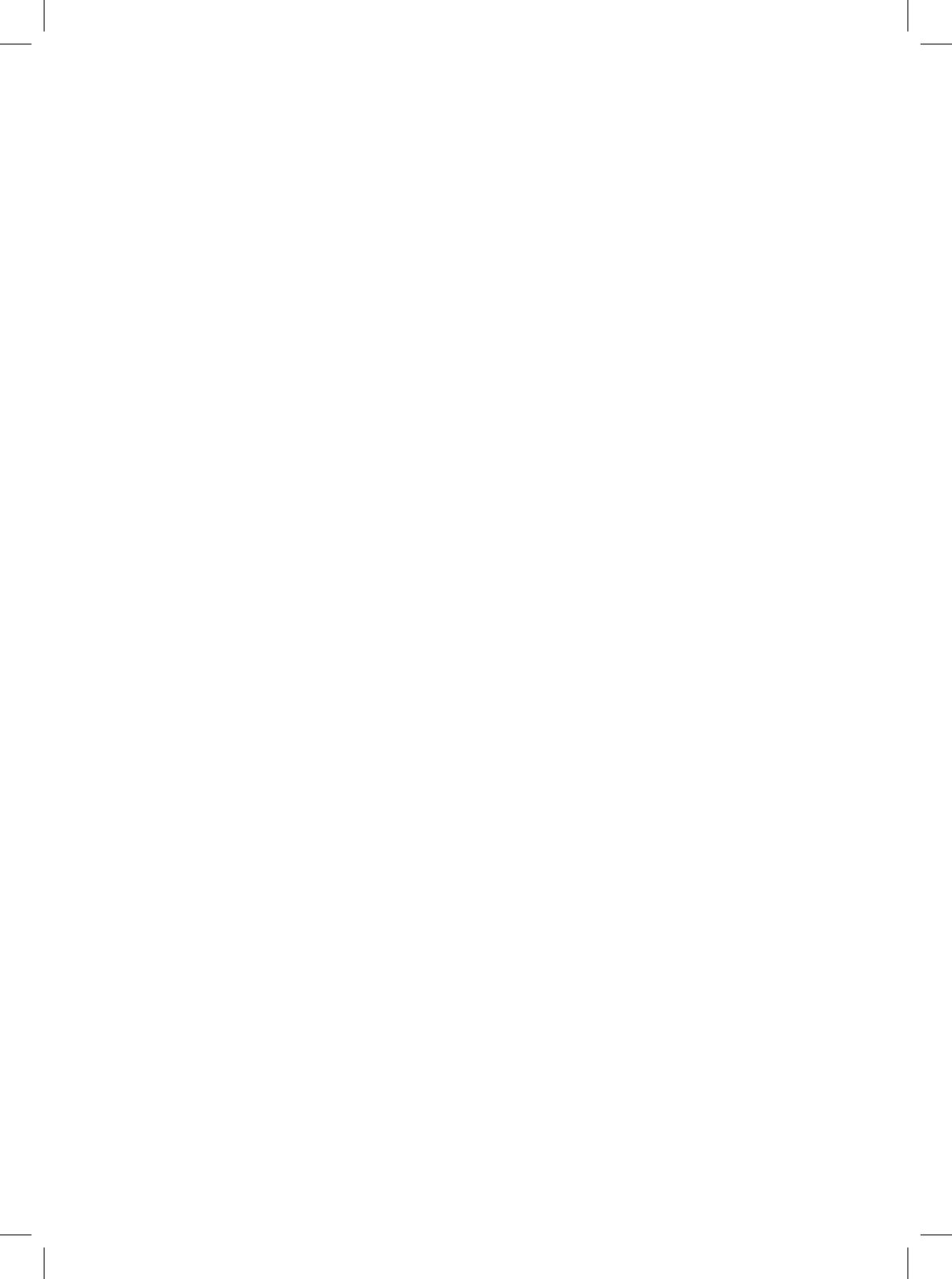
Интересно, что на опрос откликнулся и сам автор книги «Пёс» Василий Бородин. Он написал: «Интеллигент новейшего поколения, я думаю, заново идеологизирован, политизирован и жестко антиклерикален, готов с кем-то объединяться и кого-то осуждать, но это те, кто на 10 примерно лет младше меня, а мы со сверстниками скорее просто дети советских (полу)интеллигентов, сделали в юности ставку на свободу, радость, взаимное не рассуждающее приятие, со всеми пробами и ошибками. И на сегодня хоть и очень устали сами от себя, но в «жизни» не разочаровались и ничего невозможного от нее не требуем. Лирический герой книги «Пёс», прежде всего, высунулся из одиночества и хочет поговорить, но и боится мешать, если окажется ненужным. в общем, более или менее позднечеховский человек».

Это заявление прокомментировал в Фейсбуке доктор филологических наук, профессор Александр Марков: «Я бы сказал об отличии героя Бородина от героя Чехова так: чеховский интеллигент всегда уравновешен эксцентрикой вокруг него, обывательского экстравертизма, который и позволяет ему быть интровертом. Здесь скорее мандельштамовский интеллигент как культуртрегер-акробат, которому надо сохранить равновесие даже в непогоду. Но увиден он именно как не выступающий в слове, а сделавший шаг». Интересно, что мнение Александра Маркова уравновешивается мнением Юрия Рыдкина, видящего в душевной структуре героя Бородина скорее чеховскую гармонию. Комментарий дала и доцент, филолог из Минска Ульяна Верина, обратившись к автору книги: «Василий, мне кажется, что идеологизированы и объединены против кого бы то ни было интеллигенты быть не могут. Интеллектуалы — да. А интеллигент никогда не будет вот этого “я” и “они” или “мы” и “они”. И отдельное спасибо за грусть о “полуинтеллигентных” родителях в стихах. Они не “полу-”, они были настоящие. “А мы не горим” — грустно и правильно».

47 респондентов из 59 назвали лирического героя книги «Пёс» интеллигентным человеком, найдя в нем такие черты интеллигентности, как терпимость по отношению к другим, доброжелательность, душевную гармонию, приятие, ставку на свободу, радость, не-горение и др.). К новейшему поколению интеллигентных людей героя Бородина отнесли 19 человек. 14 человек усмотрели принадлежность лирического героя Бородина к интеллигенции. Большинство ответов положительны, находятся в зоне спокойной «золотой середины», но при этом есть немногочисленные крайние ответы — лирический герой сверхинтеллигентен/не интеллигентен.

Литература:

1. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук / сост. С.Г. Бочаров. СПб.: Азбука, 2000.
2. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975.
3. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
4. *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
5. *Голубева Ю.В.* Интеллигенция и интеллектуалы: критерии различия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. №6. С. 15–18.
6. *Дакоро М.А.* (а) Проблемы генезиса и специфики российской интеллигенции // Вестник Адыгейского государственного университета. 2014. Вып. 2. С. 88–94.
7. *Дакоро М.А.* (б) Ю. Лотман о специфике российской интеллигентности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014.
8. *Зиновьева А.А.* Проблема «другого» в философии М.М. Бахтина // Известия Тульского государственного университета. 2011.
9. Как живёшь, интеллигенция? Социологические очерки / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2018.
10. *Келеман Л.А.* Интеллигентность: антропологический статус и манифестация в современном мире: диссертация ... доктора филос. наук. Ставрополь, 2006.
11. *Левкин А.* Почему я не интеллигент? // *Intelligentia.ru*. Электронные текстовые данные. URL: <http://www.intelligentia.ru> (дата обращения: 27.01.2019).
12. *Лихачёв Д.С.* Письма о добром и прекрасном / Сост. и об. ред. Г.А. Дубровской. 3-е изд. М.: Дет. лит., 1989.
13. *Лотман Ю.М.* Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. М.: О.Г.И., 1999.
14. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.
15. Содержание интеллигентности // *Intelligentia.ru*. Электронные текстовые данные. URL: <http://www.intelligentia.ru> (дата обращения: 27.01.2019).
16. *Тощенко Ж. Т.* Гуманитарная интеллигенция: начало конца? // День науки в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов: материалы ежегод. междунар. науч.-практ. конф. «Гуманитарная культура как фактор преобразования России», 20–21 мая 1999 г. / отв. ред. В.Е. Триодин. СПб.: СПбГУП, 2000. С. 23–25.
17. *Усманов С.М.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссионные проблемы и варианты научной интерпретации // Вестник Костромского государственного университета. 2016. №6. Т. 22. С. 40–45.

РАЗДЕЛ II

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Становление и смыслы жизни советской интеллигенции

А.А. Возьмитель

доктор социологических наук,
главный научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

Исторически, русская интеллигенция складывалась из образованных, критически мыслящих слоев общества, находящихся в оппозиции самодержавию и ставящих своей главной целью служение народу. Указанные черты были присущи как дворянской, так и разночинной, земской интеллигенции. Это были люди, ориентированные на гуманистические идеалы Великой французской революции: свободу, равенство, братство.

Средство достижения этих целей — воздействие на власть всеми доступными для интеллигенции средствами: публицистика, научные исследования, защита интересов народа в госструктурах, «уход в народ» в целях его просвещения, повышение уровня сознательности его действий.

В силу уникальности, новизны и масштабности, осуществляемых преобразований, молодому советскому государству — творческие, деятельные, критически мыслящие люди были нужны как воздух: «без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, — переход к социализму невозможен» [Ленин: 178]. И они пришли в революцию, культуру, образование, науку, политику. Причем, это были не только талантливые прапорщики, подпоручики и поручики, но и генералы; не второстепенные, а признанные, широко известные деятели культуры и науки.

Так, ведущая роль в культуре первых лет революции принадлежит поэзии В.В. Маяковского, С.А. Есенина, А.А. Блока, поэма которого «Двенадцать» вошла в число лучших поэтических произведений первых лет революции. То же самое можно сказать и о стихах С.А. Есени-

на, который даже в своих лирических произведениях определял свое место в стране Советов как «самый яростный попутчик», готовый «за зная вольности и светлого труда... идти хоть до Ламанша» [Есенин, 1955: 431]. Страстным революционным содержанием проникнута вся послеоктябрьская поэзия Маяковского. «Ни одного крупного русского поэта современности, у которого после Революции не дрогнул и не вырос голос, — нет», — писала в этой связи М. Цветаева, у которой к Советской власти было весьма сложное отношение.

Огромное влияние на становление советской интеллигенции оказала позиция и произведения М. Горького. В советскую литературу органично «вписались» В.Я. Брюсов, А.С. Новиков-Прибой, М.М. Пришвин, В.В. Иванов, К.А. Федин и другие. В революционные годы проявили себя А.И. Безыменский, М.А. Светлов, Д.А. Фурманов, В.И. Лебедев-Кумач, В.А. Каверин. В 20-е годы изданы великолепные, глубокие произведения о революции и гражданской войне М.С. Булгакова, А.С. Серафимовича, Л.М. Леонова, И.Э. Бабеля, А.А. Фадеева, А.Н. Толстого, М.А. Шолохова и многих других талантливых представителей многонациональной советской литературы.

Изобразительное искусство обязано Великому Октябрю появлением на свет русского авангарда, который «был тесно связан с российскими проблемами, выражал дух революционной эпохи и питался национальными традициями... отечественной философской мыслью, прозрениями русской литературы. Современные формы западноевропейской культуры, воспринятые представителями авангарда, были преображены и одухотворены до такой степени самобытности, что вернулись на Запад как русское национальное открытие, сыгравшее колоссальную роль, в развитии мировой культуры» [Петрова, 1988: 7]. Комиссар М. Шагал писал в декабре 1918 г.: «Город Витебск зашевелился. В этой провинциальной “дыре” почти с сотысячным населением, где... доживает жалкое передвижничество, ныне — в дни октябрьские — раскачивалось многосажненное революционное искусство» [Ковтун, 1988: 14].

Свое место в новой России нашли ведущие дореволюционные кинорежиссеры Я.А. Протазанов, В.Р. Гардин, операторы А.А. Левицкий, Е.О. Славинский и другие. Ярko проявили себе молодые деятели советского кино Д. Вертов, С. Эйзенштейн, В.И. Пудовкин, создавшие уже в 1920-е годы шедевры советского кино мирового уровня.

Высокий уровень советской науки был обеспечен преемственностью ее поколенческих когорт, вхождением в нее таких крупных ученых как В.И. Вернадский, Н.Е. Жуковский, А.М. Ляпунов, И.В. Мичурин, И.П. Павлов, В.А. Стеклов, К.А. Тимирязев, А.И. Ферсман, С.А. Чаплы-

гин и многих других представителей научной интеллигенции. Об этой преемственности наглядно свидетельствует состав действительных членов АН СССР, указанных в справочнике АН СССР на 1940 г.

Из 126 академиков 5 были избраны в Академию еще в царское время: В.И. Вернадский (избран 04.03.1906), П.К. Коковцев (19.04.1903), А.Н. Крылов (05.03.1916), Н.С. Курнаков (07.12.1913), П.П. Лазарев (04.03.1917). Еще 6 — в конце или сразу по окончании гражданской войны А.Ф. Иоффе (08.05.1920), И.Ю. Крачковский (09.11.1921), В.Л. Комаров (04.09.1920), Б.М. Ляпунов (01.12.1923), А.Е. Ферсман (01.02.1919), Ф.И. Щербатский (02.11.1918).

За исключением пятерки «молодых» академиков, появившихся на свет уже в XX в.: А.Н. Колмогорова, М.Б. Митина, С.Л. Соболева, П.П. Ширшова и М.Н. Шолохова, — все остальные (121 человек) сформировались как ученые и интеллигенты еще в царское время. Среди них Н.И. Бурденко., братья Николай и Сергей Вавиловы, П.Л. Капица, Г.М. Кржижановский, В.А. Обручев, Н.Н. Семёнов, Д.Н. Прянишников, К.И. Скрябин [Академия наук СССР, 1940: 8–59].

Об этих людях очень хорошо написал Н.Н. Моисеев: «Мои оба деда были известными русскими инженерами, очень далекими от коммунистических идей. Они принимали активное участие в тех разработках, которые в начале 20-х годов велись под руководством академика Г.М. Кржижановского и были связаны с планом ГОЭЛРО. Часто у нас дома по субботам собирались инженеры и шел жаркий спор, обмен мнениями и о самом плане, и о его выполнении. Я по малолетству не мог оценить, а тем более сейчас воспроизвести особенности этих обсуждений. Но мне на всю жизнь запомнился тот энтузиазм, с которым люди дореволюционной формации воспринимали происходящее в этой сфере» [Моисеев, 2007: 9]. Таких людей из русской интеллигенции было много. Но их явно не хватало для решения грандиозных задач социалистического строительства. Необходимы были кадры, умеющие сознательно организовать жизнь при социализме и руководить ею в соответствии с познанными законами общественного развития. Сознательность здесь означает не только способность к постановке и реализации адекватных целей, но также соответствующий уровень квалификации, профессионализма в этом процессе. Иначе говоря, советская интеллигенция должна была пополниться выходцами из народа, сочетающими креативность, профессионализм с определенными политическими качествами, преданностью государству и народу. У них было у кого учиться. Молодая рабочая и крестьянская поросль жадно впитывала знания, опыт и нравственные устои у своих учителей — «старой гвардии» русской интеллигенции.

Среди этих выходцев из народа был мой отец Возьмитель Андрей Кузьмич, родившийся 29.11.1906 г. Его сравнительно недолгий жизненный путь представляет «лицо эпохи» социалистических преобразований в нашем обществе и государстве. На фотографии 1915 г. моему отцу 9 лет. Обращает на себя внимание, что правой рукой он прижимает к своему боку очень большую книгу, являвшуюся для него очень важным предметом, с которым ему не хотелось расставаться. Наверное, именно поэтому у нас в доме была приличная библиотека, благодаря которой я к 14 годам ознакомился с основными произведениями мировой литературы,

Не только русскими и советскими, но и зарубежными: В. Гюго, Р. Роллана, Оноре де Бальзака, А. Дюма, Л. Фейхтвагера, Э. Хемингуэя, Я. Гашека, Ю. Фучика и др., сформировавших мой характер и жизненную позицию.

Другой момент, который явно прослеживается на этой фотографии — достоинство простых крестьянских лиц. Особенно оно чувствуется в лице моей бабушки Василисы, сидящей рядом с отцом. Сразу видно, что эта женщина волевая, независимая, которая не даст в обиду не себя ни своих детей.

Отец рано начал свою трудовую деятельность. Работал по найму: пастухом, рабочим кожевенного завода в городе Дубровно. После окончания школы в 1924-1925 гг. — секретарем и председателем сельсовета; в 1925-1927 гг. секретарем Дубровенского РК ЛКСМБ, председателем районной земельной комиссии. В 1927 г. поступил в Витебский Лужеснянский с/х техникум, который закончил в 1929 г. Был избран секретарем бюро ЛКСМБ этого техникума и членом Витебского РК ЛКСМБ. На прилагаемой фотографии — члены указанного выше бюро. Отец как секретарь, сидит слева, как бы читая газету «Труд». Справа от него явно бесхитростный, интеллигентный Скорочкин. Прищуренный, пронизывающий взгляд Клименкова говорит о радикальном, может быть даже о беспощадном складе характера. Стоящий около Знамени Стросиченко явно готов к борьбе за правое дело. У остальных спокойные, приятные лица людей из народа, уверенных в избранном пути. Все они представляют собой различные типы людей, занявших впоследствии руководящие посты и проводивших вполне определенную политику.

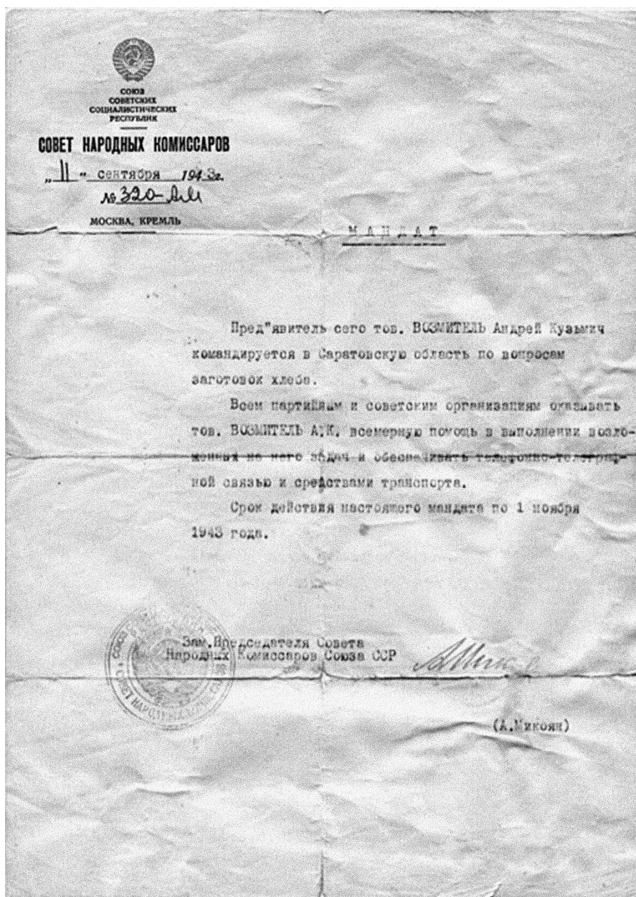

В 1929 г. отец поступил, а в 1932 закончил Белорусскую с/х академию (г. Горки), где избирался председателем профкома и членом бюро ЛКСМБ Академии. В 1931 г., будучи еще студентом, назначен проректором Академии. На фотографии 1931 г., сделанной в честь награждения его «Падставой» (Почетной грамотой?) как «лучшего ударника», — отец возмужал. У него серьезный, пронзительный, изучающий взгляд сформировавшегося руководителя.

После ВУЗа поступил в аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского института нового лубяного сырья ВАСХНИЛ СССР, по окончании которой получил звание «старшего научного работника». В 1934–1936 гг. в Сталинграде — главный редактор и руководитель Крайгиза. 26 февраля 1936 г. Постановлением Сталинградского крайкома ВКП (б) откомандирован в распоряжение Отдела печати ЦК ВКП (б).

Работал в ВАСХНИЛ заведующим редакционно-издательским сектором и ответственным редактором изданий этой Академии в тесном контакте с академиками Н.Н. Вавиловым, Д.Н. Прянишниковым, К.И. Скрябиным и др. С 1939 г. — особый докторант академика В.Р. Вильямса, а после его смерти — вице-президента ВАСХНИЛ, академика В.И. Цицина. У отца была очень интересная и важная для страны, почти фантастическая тема: «Агротехника многолетних пшениц». Война помешала этой работе, и отец выполнял специальные ответственные и очень сложные задания правительства. На следующей фотографии мандат, выданный отцу, командированному Советом Народных Комиссаров СССР в Саратовскую область по вопросам заготовки хлеба, подписанный зампредом Совнаркома СССР А.И. Микояном.

В 1944–1945 гг. работал старшим контролером в Наркомате Госконтроля. В конце 1945 г. назначен на должность зам. начальника Главного Управления научно-исследовательских учреждений Наркомата технических культур СССР. В 1947 г. решением Оргбюро ЦК ВКП (б) под личным председательством И.В. Сталина, переведен на ответственную работу в ЦК ВКП (б), где последовательно занимал должности инструктора, зам. зав. сектором, зав. сектором Сельхозотдела ЦК. Это была его работа и он имел все шансы для дальнейшего роста и много полезного смог бы сделать для развития сельского хозяйства страны. Залог тому, его непримиримая борьба с «лысенковщиной», аукнувшейся ему временным понижением по службе. Однако в январе 1958 г. он был переведен на должность помощника члена Политбюро и Секретаря ЦК КПСС.

Эта работа выполнялась им с большим нервным напряжением, поскольку отец привык к самостоятельности и независимости суждений. В результате микроинфаркт, перенесенный на работе, а потом и обширный инсульт, парализовавший его в 54 года. На последнем снимке отцу немногим более 50 лет. Сегодня я старше его на четверть века. И я должен в своей сфере завершить то, что он не успел закончить в своей.

Общий вывод проведенного исследования: когда в России функционируют креативный слой служивой интеллигенции, не помышляющей о взятках, преданной государству и народу — страна растет и развивается очень высокими темпами. Когда же этот слой истончается, или же практически исчезает вовсе, — неизбежны стагнация, деградация, «рост без развития» и т.п.

Литература:

1. Академия наук СССР. Справочник-календарь на 1940 год. М.: Изд-во АН СССР, 1940.
2. *Есенин С.А.* Стихотворение. М.: Гослитиздат, 1955.
3. *Ковтун Е.Ф.* Пути русского авангарда // Советское искусство 20–30-х годов. Живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство. Государственный русский музей. Л.: Искусство, 1988.
4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т.36.
5. *Моисеев Н.Н.* Россия в системе государства в XXI века. М.: МНЭПУ, 2007.
6. *Петрова Е.Н.* Введение научного редактора // Советское искусство 20–30-х годов. Живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство. Государственный русский музей. Л.: Искусство, 1988.

Русская интеллигенция второй половины XIX — начала XX века и культура (сравнительно-исторический анализ)

Ж.А. Гумерова

кандидат исторических наук, доцент
Томского государственного университета (Томск, Россия)

Осмысление места и роли русской интеллигенции в жизни общества приобрело в дискуссиях последних десятилетий особую актуальность. В связи представляется значимым выявление сущностных черт и социальной роли интеллигенции в прошлые культурно-исторические эпохи.

Неотъемлемой частью общественной жизни 60-х гг. XIX в. становится разночинная интеллигенция: «Люди, не принадлежавшие к высшему сословию, впервые в русской истории вошли в порядочное общество <...> как представители новой общественной группы, призванной сыграть важную роль в культурном и общественном развитии» [Паперно, 1996: 66]. Т.И. Печёрская определяет психологический склад разночинцев (его внутреннюю суть) как маргинальный [Печерская, 1999]. Действительно, маргинальность проявилась в их социальном статусе, а также в отношении к социальным ценностям и нормам. Разночинцы начинали сознательно противопоставлять себя обществу. Каждый должен был «порвать со всеми разорительными привычками, привитыми богатым чиновничеством и барством» [Водовозова, 1964: 40].

Поскольку отличительными характеристиками разночинной интеллигенции являлись социальная изоляция и отсутствие политической власти, то реализовывала она себя, главным образом, в литературной деятельности и публицистике. Это позволяло ей в форме критики литературных произведений выразить свои политические и философские взгляды. В «толстых журналах» рассматривалась и отторгалась культура предшествующего поколения, создавались новые философские теории, велись не дискуссии, а жесткие споры с идейны-

ми противниками (порой не соблюдающие корректность и содержащие личные оскорбления в адрес представителя иных взглядов).

Особенностью России того времени явились практические попытки применения существующих теорий. Так, Н.Г. Чернышевский использует художественную форму изложения романа «Что делать?» для выражения и внедрения в массы социалистических идей. В романе он следует наставлениям своей диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» [Чернышевский, 1955]. Однако, если в диссертации содержится мысль о том, что целью искусства является знакомство с прекрасным в действительности, то в романе Н.Г. Чернышевский показывает общество, которое ему хотелось бы увидеть в будущем.

Разночинная интеллигенция в своем большинстве выступила в качестве добровольных литературных и художественных критиков. Ценность произведения рассматривалась с точки зрения общественной значимости. Материал должен был давать почву для обсуждения условий общественной жизни. Исторически оправданным признавалось такое искусство, которое помимо изображения реальной действительности, выражало интересы и настроения народа. Вопросы эстетики не были самоцелью разночинцев, они являлись отражением социально-политической борьбы.

В это время наблюдается кризис эстетических и культурно-философских взглядов народничества. Помимо правительственных мер, способствующих понижению политической активности народников, стоит отметить факт, что к этому времени вырастает новое поколение, и теперь демократы 1860-х, нигилисты, становятся отцами. У нового поколения иные интересы, происходит формирование новой системы ценностей. В это время наблюдается «отказ от идеологии вообще с потребностями создания иной идеологии» [Русская литература, 2000: 20].

Смена поколений интеллигенции не означала абсолютный отход от эстетических взглядов народничества. Стоит говорить о попытках противостояния формирующемуся новому эстетическому мировоззрению. К 1880-м гг. сменились духовные лидеры народнической интеллигенции, точнее, лидеры, как таковые, отсутствовали. Можно отметить имена Н.К. Михайловского и А.М. Скабичевского, но их деятельности был свойственен механический подход к проблемам художественного творчества и догматическая защита народнических идей. Таким образом, не было тех личностей, которые могли бы повести за собой массы, повлиять на них, подобно Н.Г. Чернышевскому.

Н.А. Бердяев связывал кризис идей левой интеллигенции с распространением иной системы взглядов — марксизма. Данное направ-

ление впоследствии становится идеологической заменой народничества. Логика рассуждений философа приводит к выводу, что марксизм явился одним из источников «духовного перелома» рубежа веков. Завоевывая все большие позиции, он, несомненно, влиял и на психологический облик интеллигента, который был жестче облика народника, с более высоким уровнем культуры и более сложными культурными запросами. Новый тип интеллигента отказывался от нигилизма предшествующего поколения, и, таким образом, породил процесс «высвобождения отдельных сфер культуры от подчинения революционному центру» [Бердяев, 2002: 218]. Действительно, духовная жизнь начала XX в. не была подчинена идеологическому контролю — дороги политики и культуры разошлись.

Складывающаяся сложная, нестабильная обстановка 1890-х гг., определяемая новыми историческими реалиями, имела прямое воздействие на общественное сознание. Это время развития капитализма, усложнения социальной структуры общества, способствующие ощущениям политической и социальной неустойчивости. Научные открытия, космологические представления, сформированные на основе естественнонаучных испытаний, приводили к сомнениям во всемогущности опытного знания и к обращению к метафизическим теориям, которые давали иное представление о жизни — мир можно познать не логическим путем, а иррационально. Духовный климат интеллигенции в этот период определяли Ницше, Шопенгауэр, Шеллинг.

Деятели культурного Ренессанса отражали настроения конца века, свойственные Европе, испытывали на себе западноевропейский кризис веры [Пайман, 1998: 9]. Растерянность, «потеря почвы под ногами», утрата устоявшихся ценностей, приводила к стремлению восстановления стабильности. В России интеллигенция подпитывалась идеями и настроениями европейских мыслителей, воспринимала многие философские и эстетические установки, однако этот культурный процесс приобрел национальное и социальное своеобразие. Здесь прослеживается основная черта русской культуры: охотное восприятие научных представлений, методологических подходов западной науки, которые перерабатываются русской наукой и обретают свою национальную специфику [Михайлов, 1989: 79].

Первая волна выступлений в литературе Д.С. Мережковского, З. Гиппиус, Н. Минского в 1890-е гг. явилась, прежде всего, следствием кризиса народнических и либеральных идей. В это время был «провозглашен примат ценностей и ценности красоты, которые всегда были в загоне» [Бердяев, 2002: 218]. Д.С. Мережковский в своей программной работе «О причинах упадка и о новых течениях современной рус-

ской литературы» (1892) заявил, что «пошлая сторона отрицания, отсутствие высшей идеальной культуры, цивилизованное варварство среди грандиозных изобретений техники — все это наложило своеобразную печать на отношение современной толпы к искусству» [Мережковский, 1994: 170]. Автор возмущался против «удушающего мертвенного позитивизма» и сформулировал ключевые составляющие нового искусства: «мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности», заменяющие тенденциозность, изображение реальной жизни, утилитаризм. Формирующийся способ творческого выражения, опять же заимствованный на Западе, был реакцией на упадок языка в народнический период, виновницей которой Д.С. Мережковский видит критику, господствующую в тот период. Несомненно, формированию новых воззрений на искусство способствовал дух времени. Участники «духовного ренессанса» ощущали тот период, в который жили, а также понимали свое значение «...мы живем в страшную пору перелома, мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре, которая возьмет от нас то, что останется от нашей усталой мудрости» [Дягилев, 1982: 193].

На рубеже XIX–XX вв. продолжалось обновление различных сфер искусства, наполнение их существенно новым содержанием, принципиально отличным от предшествующего периода. Интеллигенция уходит в сферы культуры и занимается непосредственно вопросами искусства, сознательно отходит от социальных проблем, от противоречий реальности. В.Г. Короленко вспоминал, что это было время, когда «огорченный и разочарованный русский интеллигентный человек углублялся в себя, уходил в культурные скиты или обиженно требовал «новой красоты», становясь особенно капризным относительно эстетики и формы. (...) Началось самоуглубление, самоусовершенствование» [Короленко, 1955: 13–14]. В культуре отражение находил отмечающийся мировоззренческий кризис, потеря целостности личности. Искусство также стало областью постижения мира путем интуитивного прозрения. Но в первую очередь создателями культурных ценностей рубежа веков отмечались задачи искусства, радикально отличающиеся от целей, провозглашенных народниками. Так, В. Иванов определял новое литературное направление как «религиозную реакцию нашего национального гения против волны иконоборческого материализма» [Иванов, 1974: 596]. В. Брюсов, оценивая современное искусство, отмечал, что «история нового искусства, есть, прежде всего, история его освобождения», и свободу искусства понимал, как «признание за ним самостоятельной роли <...>, права на постановку целей и задач, не подчиненных никаким другим целям и задачам» [Брюсов, 1907: 69].

Таким образом, интеллигенция второй половины XIX — начала XX вв. была носителем культурных ценностей. Каждое поколение по-своему определяло содержание, задачи и особенности культурного развития. Потому в современных работах, посвященных феномену русской интеллигенции, довольно часто поднимаются вопросы, связанные с возможностью выполнения этой социальной группой тех функций, которые она осуществляла в прошлые культурно-исторические эпохи.

Литература:

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 11. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Харьков: Фолио, 2002.
3. *Брюсов В.* Ключи тайн // Весы. 1907. №8.
4. *Брюсов В.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1975.
5. *Бунин И.А.* Из записей // Собрание сочинений: В 6 т. Т.6. М.: Художественная литература, 1988.
6. *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. 2. М.: Художественная литература, 1964.
7. *Дягилев С.* и русское искусство: В 2 т. Т. 1. М.: Изобразительное искусство, 1982.
8. *Иванов В.* Заветы символизма // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. 1974.
9. *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Эстетика и критика: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994.
10. *Михайлов А.В.* Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. М.: Наука, 1989.
11. *Пайман А.* История русского символизма. М.: Рес-ка, 1998.
12. *Паперно И.* Семиотика поведения: Н. Чернышевский — человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
13. *Печёрская Т.И.* Разночинцы 60-х годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Новосибирск, 1999.
14. Русская литература XX века, 1890–1910: В 2 т. Т. 2. М.: «XXI век-согласие», 2000.
15. *Чернышевский Н.Г.* Эстетические отношения искусства к действительности. М.: Гослитиздат, 1955.

Судьбы социологической интеллигенции в России XIX — начала XX вв.¹

М.Б. Буланова

доктор социологических наук, профессор
Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

В конце XIX в. отношение к социологии со стороны официальных правительственных кругов было непростым. По словам М.М. Ковалевского, название новой науки прочно ассоциировалось у власти со словом «социализм», поэтому шансов добиться официального статуса науки и профессии в то время у социологии не было. Те представители интеллигенции, которые, несмотря на противодействие властей, пытались издавать свои труды по социологии, не находили поддержки и преследовались. Приведем лишь некоторые примеры.

Первый фундаментальный труд «Социология» (1880), составленный Е.В. Де-Роберти из девяти статей, опубликованных в журнале «La Philosophie Positive» в 1876–1878 гг. под общим названием «Социологические заметки», ждала незавидная участь. Высоко оцененный в западной прессе, изданный в России отдельной книгой, этот труд был запрещен по личному распоряжению главы Священного Синода К.П. Победоносцева. Тираж издания был изъят из всех книжных магазинов и библиотек под предлогом того, что «пропагандируемый в книге позитивизм мог составить конкуренцию православной вере», а за ее автором был установлен гласный полицейский надзор [Де-Роберти, 1880]. Еще более тяжкая кара постигла его вторую книгу — «Прошедшее философии» (1886), тираж которой был полностью уничтожен. Ученый был вынужден уехать во Францию, где издал много трудов по этике, философии и социологии, но на французском языке.

Подобная судьба — «быть непризнанными своей родиной» — постигла многих, рискнувших в то время заниматься социологией

1. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-01168 «Российская социология на изломе эпох (1917-1937)»

как наукой. Для М.М. Ковалевского, Г.Н. Вырубова, Я.А. Новикова, П.А. Кропоткина, Е.В. Де-Роберти Франция стала второй родиной, а участие этих ученых в различных формах социологического образования за рубежом — подготовкой к социологическому просвещению России.

П.Л. Лавров, один из пионеров русской социологии, труды которого, по словам Н.И. Кареева, должны быть известны всякому, кто занимается этой наукой, при жизни был вынужден публиковать свои работы под разными псевдонимами. Так, фундаментальный труд «Задачи понимания истории» (1898) вышел под псевдонимом С. Арнольди. И даже после его смерти в 1900 г. книги «Важнейшие моменты в истории мысли» (1903) и «Кому принадлежит будущее» (1905) были опубликованы под псевдонимом А. Доленги. И только после революции 1917 г. представилась возможность издать сочинения ученого под его собственным именем, через полвека после начала его деятельности как социолога.

Официальный запрет на публикацию трудов П.Л. Лаврова невольно отразился на судьбе «товарищей по цеху». П.Ф. Лилиенфельд, будучи вице-губернатором Санкт-Петербурга, был вынужден подписать распоряжение об уничтожении собственного труда «Мысли о социальной науке будущего» (1872), авторство которого скрыл (по известным причинам) под своими инициалами П.Л. (Павел Лилиенфельд). Однако эта уловка не сработала — цензура определила их как инициалы Петра Лаврова.

И данный пример отношения цензуры к трудам социологов распространялся не только на свое Отечество. М.М. Ковалевский рассказывал о курьезной ситуации, связанной с судьбой переведенного на русский язык произведения американского социолога Л. Уорда «Динамическая социология». Цензура запретила данную книгу на том основании, что динамическая — это что-то связанное с динамитом, а социология — понятно, связана с социализмом.

Не менее сложной была судьба тех представителей русской интеллигенции, которые с пониманием относились к становлению новой науки об обществе. Публицист В.А. Гольцев, сочувствующий -социологическим идеям, в своих статьях призывал власть «уважать человеческое достоинство, обеспечить свободу мысли и слова, создавать порядки, благоприятные для всестороннего развития личности» [Гольцев, 1893: 155]. Его личная судьба отражает гражданский подвиг тех, рисковал в то время заниматься опасной для властей социологией. Успешно начавшуюся научную карьеру В.А. Гольцева прервал донос, обвинивший его в революционной пропаганде.

Тем не менее, все творчество М.М. Ковалевского, Е.В. Де-Роберти, П.Л. Лаврова, Н.И. Кареева и многих других было подчинено решению задачи огромной теоретической и практической значимости — научно обосновать социологию.

С конца 1870-х гг. социологические знания начали проникать в российские университеты. Так, например, профессора Харьковского университета — экономист Н.А. Милютин, химик П. Цитович, филолог А.А. Потенбя знакомили своих студентов (среди которых был и М.М. Ковалевский) с доктриной О. Конта, взглядами Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера. Впоследствии сам проф. М.М. Ковалевский читал лекции об эволюции общественных форм в Московском университете. К 1890 г. все большее число профессоров прививали своим слушателям вкус к социологическим знаниям в университетах Петербурга, Москвы, Харькова, других городов. Однако и на этом пути ученых подстерегали препятствия.

В своих воспоминаниях «Прожитое и пережитое» Н.И. Кареев описал ситуацию, сложившуюся в 1882 г. с его учебным курсом «Теория культурного процесса истории», который он сам трактовал как социологический. Возглавлявший в то время ведомство народного просвещения И.Д. Делянов вычеркнул этот курс из обозрения преподавания и заменил другим, по своему усмотрению. На вопрос Н.И. Кареева о причинах замены курса, Делянов ответил, что заглавие слишком мудреное, а его могут спросить, что там читает такой-то профессор. Значит, сделал вывод Н.И. Кареев, под другим названием можно читать этот курс? «Да, все дело в названии. Читайте, что хотите, только чтобы не было повода меня спрашивать, а что такое читает это профессор», — был окончательный ответ. Профессор спас свой курс, назвав его «Историческая энциклопедия» [Кареев, 1990: 182–183].

Кстати, название «Энциклопедия» для учебного курса, включающего социологический материал, было распространенным и, в зависимости от того, в какой отрасли знаний работал тот или иной профессор, оно получало соответствующее дополнение. Например, Н.И. Кареев высоко оценивал читаемый проф. Н.М. Коркуновым курс «Энциклопедии права». Он писал, что введенный в этот курс значительный психологический и социологический материал поднимает его до «философской пропедевтики обществоведения». А дополнение используемых методов экономическим подходом, позволяет придать этому достаточно спорному предмету университетского преподавания (как и социология!) значение настоящего социологического курса [Кареев, 1997: 38–39].

Невозможная в России того времени задача официального преподавания социологии была решена за ее пределами, во Франции, в Париже, в рамках образовательного учреждения «Высшая русская школа общественных наук» (1901–1905 гг.). Основателями Школы были известные социологи — М.М. Ковалевский, Е.В. Де-Роберти, Ю.С. Гамбаров. Задумана она была как своего рода просветительное учреждение. Благодаря назначению французских руководителей-директоров (П. Адана, А. Бергло, Э. Дельбе) Школа получила легальный статус и была официально признана наравне со всеми другими вольными учреждениями страны. Открытие Высшей русской школы общественных наук в Париже стало крупным событием в жизни российского общества. По этому случаю в первые дни и недели ее деятельности пришло множество поздравлений из России. Как для основателей, так и для слушателей не было сомнения в том, что в Париже открылся «настоящий социологический факультет» [Семенов, 1997: 467].

Вместе с тем, царское правительство считало Школу в Париже «семинаром по революции» и сделало все необходимое, чтобы заставить французские власти ее ликвидировать. М.М. Ковалевский вспоминал, что при его свидании в 1906 г. с главой русского правительства С.Ю. Витте последний поинтересовался судьбой этого учебного заведения. Когда Ковалевский ответил, что Школа закрыта, Витте «с улыбкой заметил, что причина закрытия ему хорошо известна» [Ковалевский, 1969: 60].

Впрочем, гонения на профессуру, подозреваемую в распространении социологических (для власти — социалистических) идей, было обычной практикой: так, в 1887 г. профессор Московского университета М.М. Ковалевский был грубо отстранен от должности и уволен без объяснения причин. Уехав за границу, он в течение 17 лет жил без статуса эмигранта и вернулся в Россию только в 1905 г., но уже в Петербургский университет.

Притеснение со стороны официальных властей по отношению к университетским свободам было настолько ощутимым, что в 1911 г. профессора и приват-доценты Московского университета покинули его в знак протеста против действий министра народного просвещения Л.А. Кассо. Среди них: бывший ректор Московского университета А.А. Мануйлов, профессора В.М. Хвостов, Е.Н. Трубецкой, М.А. Мензбир, К.А. Тимирязев и другие. Все ониполнили штат частного Московского городского университета имени А.Л. Шанявского.

Еще одна страница гонений на профессуру связана с деятельностью частного Психоневрологического института в Санкт-Петербурге. На открытии института 3 октября 1908 г. в своей вступительной речи

проф. В.М. Бехтерев отметил, что это учебное заведение дает своим слушателям образование, выстроенное на комплексе биологических, неврологических, исторических и общественных наук, включая социологию. Вслед за ректором с докладами выступили профессора В.А. Вагнер, М.М. Ковалевский, Е.В. Де-Роберти. Причем, тема выступления последнего была обозначена как «Задачи социологии». Столь явный акцент на курсе социологии, которую к тому же собирались вести М.М. Ковалевский и Е.В. Де-Роберти, в недавнем прошлом политические эмигранты, вызвал недоумение в Министерстве народного просвещения. Ведь до этого времени официально эта наука в учебных заведениях не преподавалась. От В.М. Бехтерева потребовали официальных разъяснений, которые он дал со ссылкой на пункт 2 устава института, особо подчеркнув, что чтение курса социологии «соответствует общей схеме наук, допущенных к преподаванию» высочайшим распоряжением (имелась в виду виза Николая II). На этом инцидент был временно исчерпан. Но после того, как кресло министра занял А.Н. Шварц, отношения снова обострились. В своих воспоминаниях В.М. Бехтерев приводил эпизод визита в министерство, где в кабинете Шварца случайно был затронут вопрос о читаемом курсе социологии. По словам Бехтерева, министр не выдержал и с раздражением произнес: «Какая может быть там социология? Нет такой науки, а если что и есть, то одна болтовня!» [Бехтерев, 1928: 60].

Новая страница в судьбе социологической интеллигенции была открыта после революционных событий 1917 г. На первых порах советская власть не противодействовала утверждению социологии в статусе академической науки и учебной дисциплины. Напротив, в 1918–1919 гг. в государственных российских университетах (Московский, Петроградский, Ярославский, Смоленский) были открыты первые кафедры социологии в составе факультетов общественных наук. Социология в числе обязательных предметов вошла в программы не только высшей школы, но и средней школы второй ступени.

Однако «тревожный сигнал» для социологов раздался почти сразу, в 1919 г. Согласно архивным данным, когда в Петроградском государственном университете на заседании совета бывшего историко-филологического факультета был поставлен вопрос о включении курса социологии, только двое из присутствующих профессоров и приват-доцентов высказались в его поддержку — академик А.С. Лаппо-Данилевский и профессор Н.И. Кареев. Остальные высказывались или резко отрицательно, или с большим сомнением, или равнодушно молчали. Если потом на факультете общественных наук социология и стала преподаваться, то это произошло вследствие слияния с уни-

верситетом еще двух высших школ — Высших Женских курсов и Психоневрологического института, на которых уже раньше было введено преподавание этого предмета. Возглавил созданную на факультете общественных наук кафедру социологии П.А. Сорокин, а кафедру истории социологических и социалистических учений — К.М. Тахтарев [ЦГА СПб].

Впоследствии П.А. Сорокину удалось в рамках отделения социологии собрать внушительный коллектив единомышленников, в который входили профессора и приват-доценты: Н.Н. Андреев, Н.А. Гредескул, И.М. Кулишер, М.Я. Лазерсон, Я.М. Магазинер, Н.А. Рожков, В.В. Святловский, К.М. Тахтарев, Н.С. Тимашев, Б.А. Фингергт. Социологический цикл наук, преподаваемых в университете, включал, в частности, такие дисциплины, как: «Система социологии» (проф. П.А. Сорокин); «Генетическая социология» (проф. К.М. Тахтарев); «История социологических и социалистических учений» (профессора Н.И. Кареев, Н.А. Гредескул); «История социализма» (проф. В.В. Святловский). В качестве факультативных предлагались «Уголовная социология» (проф. П.А. Сорокин); «Этика общежития» (проф. А.Ф. Кони) [ГАРФ].

Однако с марта 1921 г. начался процесс реорганизации факультетов общественных наук в связи с поставленной властью задачей создания кадров научно подготовленных практических работников социалистического строительства. В Постановлении Совета народных комиссаров «Об установлении общего научного коммунизма, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР» от 4 марта 1921 г., подписанном В.И. Ульяновым (Лениным), был утвержден перечень предметов по общественным наукам, обязательных для преподавания. В список вошли следующие курсы: «Развитие общественных форм» — 1 триместр по 4 ч. в неделю; «Исторический материализм» — 1 триместр по 3 ч.; «Пролетарская революция» (исторические предпосылки перелома, включая империализм, его формы и история в связи с историей XIX–XX вв. вообще и рабочего движения, в частности) — 2 триместра по 2 ч.; «Политический строй РСФСР» — 1 триместр по 2 ч.; «Организация производства и распределения в РСФСР» — 1 триместр по 2 ч.; «План электрификации РСФСР» (его экономические основы, экономическая география России, значение и условия осуществления плана) — 2 триместра по 2 ч. В примечании указывалось, что настоящий минимум по общественным наукам должен читаться во всех отделениях всех высших школ, кроме факультетов общественных наук, на которых входящие в минимум предметы читаются в расширенном объеме [ГАСО].

Таким образом, курс социологии в данный перечень не включал-

ся. Под угрозой оказались все дисциплины социологического цикла, которые в то время читались на факультетах общественных наук российских университетов. В какой-то степени к социологическому можно было отнести только первый из указанных курсов — «Развитие общественных форм», т.к. он соответствовал трактовке социологии М.М. Ковалевским как генетической науке. Курс исторического материализма имел прямое отношение только к одному направлению — марксистской социологии.

Оказались пророческими слова Н.И. Кареева о том, что Октябрьская революция в 1917 г. совершилась под знаменем марксизма и под руководством одного из его теоретиков, что, разумеется, не могло не содействовать успеху экономического материализма. Фактическая победа теории на политическом поприще для многих получила значение подтверждения ее верности. Переход власти в руки марксистских вождей не мог не отразиться и на внешних условиях, в какие были поставлены как научные знания вообще, так в особенности социологическая работа, издание книг и статей по социологии, ее преподавание в высшей и даже в средней школе. Марксизм получил значение государственного учения, оберегаемого идеологической цензурой [Кареев, 1996: 287].

Дальнейшая судьба Н.И. Кареева сложилась в полном соответствии с этим невольным пророчеством. Свою последнюю социологическую работу — «Общие основы социологии» он выпустил в 1918 г. Не желая «изменяться в порядке приспособления», он с 1922 г. читал на этнографическом факультете Географического института в Петербурге дисциплину «Общий ход мировой культуры», а также небольшой курс по методологии общественных наук. Этот преподавательский опыт лег в основу работы «Методология общественных наук», которую он писал по образцу «Общих основ социологии». Однако судьба книги оказалась незавидной, она была запрещена советской цензурой.

В 1923 г., после того как было отпраздновано пятидесятилетие со дня начала преподавательской деятельности Н.И. Кареева, ему как профессору Географического института был оставлен факультативный курс исторической этнографии, а курс о ходе мировой культуры был отменен. После вышедшего в 1924 г. трехтомного труда «Историки Французской революции» больше книги Н.И. Кареева не печатались, включая четвертый том, посвященный обзору всех учебников философии и истории, в которых что-либо упоминалось об этой революции [Кареев, 1990: 285, 295–296, 358].

В 1929 г. Н.И. Кареев как историк был избран почетным членом АН СССР. Но последние месяцы его жизни (с октября 1930 г.) были омрачены обвинениями в рамках «разоблачения вредительской дея-

тельности буржуазных историков». Потрясенный несправедливой критикой, профессор направил письмо в Академию наук. Он ушел из жизни 18 февраля 1931 г., так и не получив ответа на свое письмо.

«Старые» профессора, лишённые возможности преподавать авторские социологические дисциплины, были вынуждены либо уйти из университетов, либо читать свои курсы с точки зрения исторического материализма. Часть из них, опасаясь преследований, предпочли в 1920–1922 гг. покинуть Россию. Среди них были: Н.А. Гредескул, И.М. Кулишер, М.Я. Лазерсон, Я.М. Магазинер, П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев. По-разному сложились их дальнейшие жизненные и научные пути. Однако всем им выпала судьба не быть пророками в своем Отечестве.

Социологическая интеллигенция и сегодня переживает непростые времена. История имеет обыкновение повторяться, и продолжающиеся «гонения на профессуру» затрагивают социологов не в меньшей степени, чем их коллег.

Литература:

1. *Бехтерев В.М.* Автобиография. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
2. *Гольцев В.А.* Из воспоминаний и переписки // Русская мысль. 1893. №11. С. 143–159.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 23. Л. 115-118.
4. Государственный архив Смоленской области (ГАСО) Ф. 139. Оп. 1. Д. 7. С. 73.
5. *Де-Роберти Е.* Социология, основная задача ее и методологические особенности, место в ряду наук, разделение и связь с биологией и психологией. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880.
6. *Кареев Н.И.* Взгляд на современное состояние социологии // Социология в России XIX — нач. XX вв. Тексты / Под ред. Добренкова В.И. Вып. 1. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1997. С. 27–51.
7. *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
8. *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л.: Ленинградский университет, 1990.
9. *Ковалевский М.М.* Моя жизнь // История СССР. 1969. №4. С. 53–119.
10. *Семенов Е.* Высшая русская школа в Париже // Социология в России XIX — начала XX вв. Тексты / Под ред. Добренкова В.И. Вып. 1. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1997. С. 457–470.
11. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 16. Л.75,88; Д. 19. Л.28-31.

Исследование статуса и роли современных китайских интеллектуалов

Цзоу Сючунь

доктор юридических наук, доцент
Пекинского спортивного университета (Пекин, Китай)

I. Динамика развития китайской интеллигенции

Президент Китая Си Цзиньпин отметил: «Интеллектуалы, как следует из названия, — это люди с более высоким уровнем образования и более богатыми знаниями, многие из которых являются экспертами, обладающими сильными сторонами обучения, специализации и определенных аспектов в определенной области <...> С непрерывным развитием партии и народного дела ряды интеллектуалов в Китае становятся все больше и больше, и они распространяются по всему обществу» [Си Цзиньпин, 2016]. Результаты национального выборочного опроса 1% населения, проведенного в 1 ноября 2015 г., являются стандартными. Уровень высокообразованных граждан вырос с 38 млн в 2000 г. до 170,93 млн человек [Национальное бюро статистики Китайской Народной Республики, 2016]. Поскольку жизнь населения Китая в целом улучшается, то и число китайских интеллектуалов будет быстро расти. Общее количество китайских интеллектуалов превысило 10% от общей численности населения, они распределены в экономической, политической, культурной и социальной областях.

- 1) Интеллектуалы в экономической сфере сосредоточены в сфере передачи информации, программного обеспечения и услуг в области информационных технологий, финансов, научных исследований и технических услуг, в общей сложности их около 14,48 млн [Статистический ежегодник Китая, 2017: 101–103].
- 2) В политической сфере интеллектуалы заняты в органах государственного управления, социального обеспечения и обще-

ственных организациях, среди которых большинство составляют государственные служащие в партийных и государственных органах. В 2015 г. их было более 7 млн [Ли Пэйлинь, 2017: 6].

- 3) Наибольшее количество интеллектуалов в сфере культуры сосредоточено в различных культурных проектах и отраслях. В 2016 г. в стране насчитывалось 12300 художественных коллективов, в которых работало 327700 человек, 462 государственных художественных музея (4597 сотрудников), 3153 публичных библиотек (57208 сотрудников, в том числе 6153 старших по званию), 44 497 учреждений массовой культуры (182030 сотрудников), 8954 учреждения, занимающихся реликвиями (151500 сотрудников), 2635 учреждений по охране нематериального культурного наследия (18463 сотрудника). К концу 2016 г. министерство культуры выявило 1986 представительных наследников национальных проектов нематериального культурного наследия [Статистическое коммюнике..., 2017].
- 4) Интеллигенция в социальной сфере в основном сосредоточена в сферах образования и медицинского обслуживания. В 2016 г. в области образования насчитывалось 2498800 работников детских садов, 927600 преподавателей полного дня по обязательному образованию, 53200 преподавателей полного дня в специальных школах, 2591900 обычных учителей средней школы и 1735500 преподавателей полного дня. В колледже насчитывается 3313 преподавателей средних школ и 2521 преподаватель полного дня, 208600 преподавателей в средних профессиональных учебных заведениях, 839600 преподавателей полного дня, 244800 преподавателей в обычных высших учебных заведениях, 1602000 преподавателей полного дня и 43100 преподавателей во взрослых вузах. Есть 25200 штатных преподавателей, 458800 преподавателей, 263900 штатных преподавателей, 23200 преподавателей начальной школы, 12400 преподавателей полного дня, 2779 преподавателей младших классов средней школы, 2198 преподавателей полного дня и грамотности. Есть 15700 преподавателей и 7405 штатных преподавателей. [Статистический бюллетень по развитию национального образования в 2016 году, 2017]. В 2016 г. общее количество работающих в области медицины и здравоохранения достигло 11172945 человек [Статистический ежегодник Китая, 2017: 705.]

Заметим, что численность китайских интеллектуалов расширяется, что может иметь положительный эффект в будущем.

II. Влияние и роль китайской интеллигенции в реформировании страны

Многие интеллектуалы стали экспертами в различных отраслях общественной жизни, интенсивно занимаясь своей работой, служат народу. Они являются элитой современного китайского общества. Они отличаются свободным духом, являются независимыми и критичными. Сегодня они представляют собой то направление развития национального духа нации, которое несет в себе социальные идеалы эпохи. Им свойственно внимательное отношение к новым тенденциям развития общества, где четко разграничивается сфера правильного и неправильного. По определению нынче они являются основой Китая и представляют его дух.

1) Предоставление научно-технических услуг

В начале реформы 80-х годов, Дэн Сяопин выступил с большим призывом: «Наука и техника являются основными производительными силами». В историческом русле реформ и открытости общества интеллектуалы стали восприниматься как часть рабочего класса, овладевшие большим объемом научных и культурных знаний, предоставляющих научно-технические услуги во всех сферах жизни. Есть сегодня в китайском обществе установка на то, что когда наука и техника развиваются, то это помогает людям достичь лучшего в жизни, нация процветает. В настоящее время китайские научно-технические инновации интенсивно и стремительно развиваются. Именно современные интеллектуалы служат основой для НТР Китая и содействуют инновациям: теоретическим, институциональным, технологическим, культурным. Это обеспечивает мощную интеллектуальную поддержку реформ и развития страны в XXI в.

2) Поддержка социалистической идеологии

Завоевать сердце каждого человека в стране — это и есть величайшая политика. Двигаться к сердцам китайцев через разум, это быть принятыми не только умом, но и душой. Интеллигенция усиливает свои теоретические исследования и вносит тем самым свой уникальный вклад в содействие популяризации демократии и правовых знаний, в совершенствование демократического сознания и правовой концепции всей нации, и в следование социалистической идеологии. Чувство родины и патриотизм поощряются у всех, в том числе и живущих за ее границами. Китайская мечта о столетней борьбе и реализации великого омоложения китайской нации с помощью ее интеллигенции принесет мудрость и силу.

3) Создание отличных духовных и культурных продуктов

В 1994 г. президент Китая Цзян Цзэминь заявил на Национальной конференции по пропаганде и идеологической работе, что нужно вооружать людей научными теориями, формировать правильное общественное мнение, поддерживать людей с благородным духом и вдохновлять их на отличную работу. В результате этого курса на развитие науки и культуры появились сотни миллионов интеллектуалов в Китае. Будучи непосредственными наследниками отечественной науки и культуры, они являются важными создателями и для мировой культуры. Они усердно работают над созданием выдающихся культурных ценностей Китая.

4) Продвижение основных ценностей социализма

В современном Китае деятельность выдающихся интеллектуалов как Хуан Даньяном, Ли Баогуо и Нан Рендонгом стала образцом для продвижения основных ценностей социализма. Они на своих должностях проявили сильные чувства патриотизма, и их духовная сущность имеет силу примера для всего общества, показывая людям направление прогресса. В 2018 г. в Китае увеличилось число выдающихся ученых, работающих в национальной оборонной науке и технике. Например, это Линь Цзюньде и Чжан Чао. Лин Цзюньде сражался за национальную оборону, науку и технику до последней капли жизни. Пилот авианосца Чжан Чао, столкнувшись с внезапным сбоем во время симуляционной тренировки, решил в первую очередь спасти бойцов, и упустил возможность спастись. Это пример гуманного отношения к своим сотрудникам и гражданам является важным в развитии роли интеллигенции в Китае.

5) Воспитание новых людей в современную эпоху

Образовательные системы для **интеллектуалов** должны являться наиболее полными и концентрированными по содержанию. В XX в. итальянский марксист и выдающийся политический философ Антонио Грамши в «Письмах из тюрьмы» заметил, что интеллектуалы делятся на две категории. Одна — это традиционные интеллектуалы, включая учителей, священников, административных чиновников, которые выполняют одну и ту же работу из поколения в поколение, а другая категория — органические интеллектуалы. Они имеют прямое отношение к классу или предприятию, получая больше власти и контроля. Грамши выделяет роль органических интеллектуалов, которые пытаются получить одобрение потенциальных клиентов, направляют потребителей или избирателей в демократическом обществе, всегда

стремятся повлиять на мнение других и расширить рынок. Он считает, что традиционные интеллектуалы, похоже, остаются более или менее в одном и том же месте, выполняя одну и ту же работу год за годом, в то время как органические интеллектуалы движутся и растут. Способ деления интеллектуалов у Грамши можно рассматривать как поддержку буржуазии, игнорируя важную роль интеллектуалов в наследовании общества правды, добра и красоты. В области образования, которая является основой формирования будущего, интеллектуалы поддерживают и защищают вечные стандарты правды и справедливости в этом мире. Статус и роль интеллектуалов в области образования, которых Грамши называет «органическими интеллектуалами», по-прежнему высоки и важны.

III. Изменения в социальном статусе китайских интеллектуалов

1) Политика защиты и уважения интеллектуалов постепенно совершенствуется

В древнем Китае все виды занятий были классифицированы на десять категорий. Первое место занимают — официальные должности. Второе — незначительные официальные должности. Третье место занимают монахи, а четвертое — даосские верующие. Пятое — закреплено за врачами, шестое — это рабочие. Седьмое — охотники, восьмое — проститутки. Девятое место отведено конфуцианцам, а десятое — нищим. Другими словами, конфуцианец, то есть личность ученого, была поставлена между проституткой и нищим.

С первых дней основания Китайской Народной Республики были высказывания, что пять категорий «помещик, богатый крестьянин, контрреволюционер, плохие элементы, правые» подлежат подчинению диктатуре пролетариата и трансформации. После начала «культурной революции» появились «предатели, шпионы и капиталисты», тоже ставшие объектами насилия и изменения. С углублением «культурной революции» интеллектуалы также стали объектом травли и дискриминации. Некоторые деятели и организаторы «культурной революции» поставили интеллектуалов вслед за восемью категориями: «помещиками, богатыми крестьянами, контрреволюционерами, плохими элементами, правыми, предателями, шпионами и капиталистами». За девятое место в этой классификации интеллигенция получила прозвище «Вонючая старая девятка». Этот унижительный термин когда-то был синонимом китайской интеллигенции в 1960-х и 1970-х гг. После выбора курса Китая на реформы и открытость миру, была поставлена важная задача: перевести реально и в общественном мнении

интеллектуалов из «старой девятки» на первое место. В настоящее время политика Китая, выраженная в лозунге «уважать знания и уважать таланты» значительно изменила общее положение интеллектуалов.

26 апреля 2016 г. президент КНР Си Цзиньпин на форуме интеллектуалов, образцовых работников и представителей молодежи подчеркнул, что «партийные комитеты и правительства на всех уровнях должны искренне уважать знания, уважать таланты, полностью доверять интеллектуалам и стремиться к знаниям. Кропотливая работа, учеба и жизнь создают лучшие условия» [Си Цзиньпин, 2016]. Он поставил задачу углубить реформу системы науки и техники, образования и культуры. Выстроить систему поддержки поиска и развития талантов, ускорить формирование институциональных механизмов, способствующих предпринимательству. Такая политика позволит интеллектуалам полностью высвободить свои таланты и энергию на благо китайского общества.

2) Исторический прогресс в изменении статуса китайской интеллигенции

После реформы и курса на открытость были предприняты конкретные меры по реализации новой политики, нацеленной на исторический прогресс в статусе китайских интеллигентов. Например, ряд документов национальной политики требует, чтобы заработная плата учителей начальных и средних школ основывалась на местных стандартах государственной службы. С 10 сентября 1985 г. ежегодно отмечается День Учителя, что служит для пропаганды уважения к учителям. В 2000 г. Государственный совет КНР учредил Национальную премию в области науки и техники. Ее присуждают в случае крупного прорыва в области современной науки и техники, выдающихся достижений в их развитии, создания огромной экономики в области инноваций, науки и техники, трансформации научно-технических достижений и индустриализации высоких технологий. Научно-технические работники теперь пользуются социальными льготами. По состоянию на январь 2019 г. награду получил 31 выдающийся ученый. Сумма премии была увеличена с 5 до 8 млн юаней на человека. В начале учреждения премии в области науки и техники была скорректирована структура распределения бонусов, причем во всех из них доминировали победители. Это, конечно, огромное улучшение по сравнению с предыдущим бонусом в 20 тысяч юаней в 1980-х гг. В то время государство дало двум исследовательским группам по изобретению атомной и водородной бомб суммарный приз всего в 10 тысяч юаней. На самом деле, Дэн Цзясянь получил в то время наивысший уровень вознаграждения: награды еще

за две бомбы составили всего 5 и 3 тысячи юаней. Конечно, в то время Китай действительно был беден, и так называемые бонусы носили скорее символический характер. Тем не менее, этот объективный факт минимальной оценки деятельности ученых стал поводом для насмешки у многих китайцев, которые видели пренебрежение в обращении с научным и техническим персоналом. Создание атомных бомб оценивалось хуже, чем продажа чайных яиц! Другим примером является Ту Юй из Китая. Она получила Нобелевскую премию по физиологии и медицине в 2015 г. Фактически, она успешно извлекла артемизинин в 1971 г., нашла новые лекарства от малярии и использовала их в клинике, чтобы спасти миллионы жизней. В 2016 г. она получила Национальную награду в области науки и технологий.

В последние годы уровень заработной платы интеллектуалов стал выше, чем в среднем по стране. На веб-сайте Национального бюро статистики есть информация, что «средняя годовая заработная плата работников городских не частных предприятий в 2017 году составила 74318 юаней» (табл.1). Средняя заработная плата за услуги по передаче информации, программному обеспечению и информационным технологиям была на ведущем уровне. Научные исследования и технические услуги, образование, здравоохранение и общество, а также среднегодовая заработная плата работников в сферах труда, культуры, спорта и развлечений, государственного управления, социального обеспечения и общественных организаций была выше, чем средняя заработная плата по стране за год.

ТАБЛИЦА 1. Среднегодовая заработная плата работающих в городских не частных учреждениях по отраслям в 2017 году

Различные отрасли	2016	2017	Номинальная скорость роста
общий	67569	74318	10.0
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, животноводство, рыболовство	33612	36504	8.6
Горнодобывающая промышленность	60544	69500	14.8
Производство	59470	64452	8.4
Производство и поставка электроэнергии, тепла, газа и воды	83863	90348	7.7
Строительная индустрия	52082	55568	6.7
Оптовая и розничная торговля	65061	71201	9.4
Транспортные, складские и почтовые услуги	73650	80225	8.9

Различные отрасли	2016	2017	Номинальная скорость роста
Индустрия размещения и питания	43382	45751	5.5
Услуги передачи информации, программного обеспечения и информационных технологий	122478	133150	8.7
Финансовая индустрия	117418	122851	4.6
Индустрия недвижимости	65497	69277	5.8
Лизинг и бизнес-услуги	76782	81393	6.0
Научно-исследовательские и технические услуги	96638	107815	11.6
Управление водными, природными и общественными объектами	47750	52229	9.4
Резидентские услуги, ремонт и другие услуги	47577	50552	6.3
Образование	74498	83412	12.0
Здоровье и социальная работа	80026	89648	12.0
Культура, спорт и развлечения	79875	87803	9.9
Государственное управление, социальное обеспечение и общественная организация	70959	80372	13.3

Примечание. Единица измерения: юань, %

3) Проблемы в социальном положении китайской интеллигенции

1. Низкий и неравномерный уровень заработной платы

В настоящее время уровень доходов интеллектуалов все еще не является оптимальным. На примере работы с учителями в мае 2017 г. Министерство образования Китая утвердило «Меры по надзору и оценке качества и сбалансированного развития обязательного образования в уездах». В него вошли 15 пунктов для улучшения положения учителей. Очевидно, что в 2017 г. средняя заработная плата учителей начальных и средних школ будет не меньше, чем у госслужащих. Причина, по которой страна публикует документы на перспективу улучшения обращения с учителями, заключается в том, что общество имеет слишком много долгов перед ними.

Учителя всех уровней поддерживают изменения в отношении неполного рабочего дня. С этой целью в 2016 г. в «Мнениях по реализации политики добавления знаний-ориентированного распределения», изданных Генеральным офисом ЦК КПК и Генеральным офисом Государственного совета четко указывалось, что преподавателям колледжей разрешено заниматься дополнительной подработкой для получе-

ния легального дохода в соответствии с законом. Из вышесказанного видно, что частичная занятость учителей больше не является чем-то новым, а с другой стороны, видно, что заработок учителя на самом деле неудовлетворительный. В Китае наблюдается большой разрыв в доходах интеллектуалов в разных частях страны. Существует разница в доходах между одним и тем же отделом и одним и тем же подразделением из-за разного ранга сотрудников. Например, в последние годы постоянно упоминалось малооплачиваемое положение молодых технических работников. Сегодня необходимо изучать контрмеры для обеспечения беспрепятственного развития их учебы, работы и жизни.

2. Высокая ответственность

В XXI в. Китай поставил задачу строительства инновационной страны. Тренд на рост Китая напрямую передается интеллектуалам и на их планы научных исследований. Некоторые китайские ученые инкогнито десятилетиями усердно трудились в самых сложных условиях. Например, только в 2014 г. все узнали, что Хуан Сюхуа был отцом китайской атомной подводной лодки. Ради научных исследований его подвергли режиму строгой секретности в государстве. В течение долгого времени он не мог раскрыть тайну о своей настоящей работе родственникам и друзьям. Он не мог навестить свою мать в течение 30 лет. Только в 2013 г. это стало известно общественности. В 2017 г. он выиграл 6-ю Национальную награду за высокоморальную модель поведения.

Подъем Китая требует огромного прогресса в построении материальной и духовной культуры. Распространенным в мире является мнение, что на китайских литературных и художественных произведениях лежит печать невысокого качества, образно говоря, отсутствует «высокогорье» и «пик». Обвиняют китайскую современную культуру в плагиате и подражании, а также в проблеме механизированного производства и потребления продуктов быстрого приготовления. Бремя изменения этого негативного статус-кво лежит на плечах широких масс интеллектуалов.

В новую эпоху резко возросло давление на большинство преподавателей страны, которые готовят строителей инновационного Китая, соответствующих мировому уровню и духу времени. В Китае возникли всесторонние требования к новому поколению, в которых образование, наука и культура, должны сочетаться с высокими идеологическими и моральными качествами. Новые поколения интеллектуалов помнят китайскую мудрость, что растут крепкие деревья десять и сто лет. Это не разовое событие, такова установка в китайском обществе на истинную цену интеллектуального развития всей нации.

3. Сохранение здоровья как национальная проблема для интеллектуалов

В настоящее время велико общественное требование к развитию личной карьеры китайской интеллигенции. Столкнувшись с большим давлением на работе, китайские интеллектуалы часто работают сверхурочно. Им приходится работать по схеме «5 + 2» дня, «белый + черный» заработок. Они заняты работой в течение дня и ищут возможности для развития ночью. Интенсивный умственный труд приводит к разным психологическим и физиологическим проблемам, ведет к переутомлению. Например, у преподавателей колледжа есть целый набор требований: по оценке профессионального звания, созданию академической команды, получению ученой степени — и все это должно сопровождаться значительным развитием научных исследований. Им часто приходится брать на себя большой объем преподавательской работы, а также выполнять более сложные научно-исследовательские задачи. В последние годы увеличилось число интеллектуалов молодого и среднего возраста, умерших молодыми.

IV. Содействие защите и культивированию интеллигенции

В стране поставлена задача по защите и культивированию развития интеллигенции. Интересен возрастной состав сообщества интеллектуалов в Китае. Например, среди учителей начальных и средних школ 60,8% младше 40 лет, 74,7% преподавателей колледжей младше 45 лет, средний возраст команды космических кораблей серии «Шэньчжоу» и целевой команды разработчиков самолетов «Тяньгун №1» старше 30 лет. Видно, что интеллектуальная команда Китая — все еще очень молодая команда с жизненной силой и выносливостью. Чтобы в полной мере использовать роль интеллектуалов в новую эпоху, необходимо постоянно усиливать их защиту и развитие.

1). Важной обязанностью партии и правительства является создание хорошей среды обучения и жизни для интеллектуалов, создание возможности для их роста, подготовка места для их развития.

2). Необходимо обратить внимание на обучение. Наладить постоянное изучение проблем и намечать пути развития интеллектуалов, организовывать и поддерживать их, чтобы они могли проявлять себя в социальной практике, совершенствоваться в служении партии и народу, постоянно обогащаться новыми знаниями и развивать новые таланты.

3) Поддерживать в работе. Активно создавать карьерный поэтапный план для интеллектуалов. Они должны иметь возможность продемонстрировать свои таланты. Для этого надо изменить способ отбора

и использования различных талантов. Реализовывать стратегию развития талантов по принципу, для некоторых неспособных — «уйди», и для талантов — «пожалуйста, входите». Есть цель расширения масштабов обучения за границей и помощи иностранным студентам возвращаться к работе у себя на родине. Это поможет начинать бизнес или служить Китаю различными способами. Международный опыт и видение расширит возможности интеллектуалов, принесет большую пользу в эффективном национальном строительстве. В широких массах интеллектуалов оно может ослабить сильную психическую тревогу, вызванную огромным давлением работы.

4) Проявлять заботу о повседневной жизни интеллектуалов. Активно помогать им решать практические проблемы, улучшать условия их учебы, труда и жизни. Нужно проявлять больше теплоты в общении с ними. Особую заботу надо уделять молодым интеллектуалам, будущему Китая.

Литература:

1. *Грамши А.* Письма из тюрьмы. М.: Издательство Иностранной литературы, 1959.
2. *Ли Пэйлинь* Изменения, проблемы и меры противодействия классово-и стратовой структуре Китая за последние 40 лет реформ и открытости // Журнал партийной школы ЦК Коммунистической партии Китая. 2017. №6. (на кит. яз.)
3. Национальное бюро статистики Китайской Народной Республики. «Бюллетень основных данных национального выборочного обследования 1% населения 2015 года». China Information News. 2 апреля 2016. (на кит. яз.)
4. *Си Цзиньпин* Выступление на симпозиуме интеллектуалов, модельеров и молодежных делегатов. People's Daily, 2-е издание. 30 апреля 2016. (на кит. яз.)
5. Статистический бюллетень по развитию национального образования в 2016 году. Министерство образования Китайской Народной Республики. China Education News, 4-е издание. 11 июля 2017. (на кит. яз.)
6. Статистический ежегодник Китая. Национальное бюро статистики Китайской Народной Республики. 2017. (на кит. яз.)
7. Статистическое коммюнике развития культуры 2016 года Министерства культуры Китайской Народной Республики. Департамент финансов Министерства культуры Китайской Народной Республики. Новости культуры Китая, 4-е издание. 15 мая 2017. (на кит. яз.)

Нигилизм или творчество: альтернативы российской интеллигенции (в свете идей С.Л. Франка)

Д.С. Семёнова

аспирант Башкирского педагогического
университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия)

Противоречивость общественной позиции российской интеллигенции была одной из ключевых тем социально-философских размышлений такого видного представителя русской философии начала XX в., как С.Л. Франк. Эту проблему он раскрывает через соотношение нигилизма и творчества в социальном действии, причем отмечает у российской интеллигенции явное предпочтение именно нигилизма. В начале революции 1905 г., когда демократическое преобразование России казалось весьма близким, С.Л. Франк в статье «Политика и идеи (о программе «Полярной звезды»)», осуждая «старый порядок, режим политического рабства», обращает внимание и на проблемы борцов с этим режимом. «Живая душа» революционеров в своей борьбе сама ограничивала себя, дополняя «оковы» собственными «веригами», отвергая «все идеи и духовные законы», не являющиеся «орудиями политической борьбы». Он пишет: «Было возвращено суровое, фанатическое поколение борцов, полное отваги и самоотвержения, но бедное самостоятельной мыслью и духовным творчеством» [Франк, 1990: 67]. Философ делает важный вывод: «Борьба разрушительная может вестись без широких идей, без сознания отдаленных ее целей; борьба созидательная, начало которой уже наступило, нуждается в культурном творчестве, в ясности и цельности мирозерцания, в богатстве духа и свободе его инициативы» [Франк, 1990: 68].

В основе этого созидания — идея «личности как носителя и творца духовных ценностей, осуществление которых в общественно-исторической жизни образует содержание культуры и есть высшая и послед-

няя задача политического строительства» [Франк, 1990: 69]. Именно на приоритете личности, по его мнению, должны основываться идеи и дела «либерализма, демократии и социализма». С.Л. Франк осуждает преувеличение роли насилия и власти в политике, характерное и для сил реакции, и для части революционеров, особенно для социал-демократов (явно, одно из наиболее далеких от позиций философа течений «в российском социализме»). Мысль о том, что «в насилии нет творчества» [Франк, 1990: 74] является ключевой для него, считающего, что «дело» социалистического движения надо понимать «как широкую задачу культурной, политической и социальной реформы» [Франк, 1990: 76].

Таким образом, уже в начале революционных событий 1905 г., выступая с позиций безусловного осуждения старого строя России и поддержки «социалистического движения», С.Л. Франк обращает внимание на преобладание в нем разрушительных тенденций, в то время как главное — созидание нового.

Опыт революции и контрреволюции привел в 1909 г. к значительно более резким оценкам российской интеллигенции в статье «Этика нигилизма» знаменитого сборника «Вехи». Здесь С.Л. Франк отмечает нигилизм, абстрактный морализм, отрицание культуры и общественного богатства, преобладание ненависти и стремления к разрушению над ориентациями к созиданию и творчеству, отвлеченное от конкретных реалий стремление к «благу народа». Соответственно, он считает, что можно: «определить классического русского интеллигента как воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия» [Франк, 1990: 104]. Это, несомненно, метафорическое определение, означающее подчиненность значительной части российской интеллигенции абстрактным идеалам, которые догматически навязываются жизни, нигилистски отрицая все конкретные ее особенности. При этом С.Л. Франк отмечает такую важную черту интеллигенции, как ее тяготение к корпоративным формам жизни, созданию замкнутого круга «порядочных», «прогрессивных» людей: «Интеллигенция есть как бы самостоятельное государство, особый мирок, со своими строжайшими и крепчайшими традициями, со своим этикетом, со своими нравами, обычаями, почти со своей собственной культурой <...>» [Франк, 1990: 104].

Следует подчеркнуть, что С.Л. Франк, осуждая революционные события 1917 г. и роль в них российской интеллигенции, в то же время не считал правильным переход к реакции, «к старому режиму». В «De profundis» (1918) он отмечал, что смена «красной»

политики на «черную» будет «лишь иною формой прежней смертельной болезни» [Франк, 1991: 492]. Еще более обстоятельно это положение развивается в «Крушении кумиров» (1923), написанном после высылки в 1922 г. из Советской России. Отрицание «кумиров» «революции», «политики», «культуры», «идеи» — не должно смениться созданием «анти-кумиров», т.е. оставить самосознание российской интеллигенции на том же уровне, только поменяв местами плюсы и минусы в своих оценках. Рухнула и вера в «западные идеи» и «западную цивилизацию»: «правда и справедливость в международных отношениях — пустые слова ... взаимная ненависть, озлобление, страх перед врагом, беспощадная эксплуатация слабых — есть нормальное, естественное состояние европейской международной жизни» [Франк, 1990: 135]. Выход С.Л. Франк видит в обращении к Богу, к осознанию «всеединства бытия, укорененного в Боге» [Франк, 1990: 177] — в конечном счете — в подъеме на новый, более высокий уровень понимания общечеловеческих и российских проблем; в созидании, материальном и духовном, реальной, а не выдуманной жизни.

Подводя итоги, можно отметить, что С.Л. Франк все-таки явно недооценивал творческий потенциал послереволюционной России, хотя многие негативные моменты революционного нигилизма и предсказаны, и описаны им убедительно. Особенности позиций некоторой (и довольно общественно активной) части российской интеллигенции, описанные С.Л. Франком, остаются актуальными и в XXI в. Это — склонность исключительно к критике и отрицанию, без всякой модели позитивной альтернативы, обычно подменяемой некритичными заменами «плюсов и минусов» и восторгами перед некими «цивилизованными» странами; отсутствие интереса к творческой, созидательной, реальной деятельности, желания понять конкретные обстоятельства и действовать не во имя неких отвлеченных «идей и принципов», а в соответствии с действительностью; наконец, неспособность к диалектическому мышлению, т.е. к синтезу — разрешающему проблемы и поднимающему жизнь в целом на новый, более высокий уровень. Здесь нужно уметь и преодолевать, и сохранять.

Как отметил С.Л. Франк в работе «Духовные основы общества» (1930): «охранение и свобода творческой инициативы суть, собственно, не две разные задачи общественной политики, а лишь две стороны одной органической целостной задачи» [Франк, 1992: 127]. Значит, российской интеллигенции надо больше следовать традициям той ее части, которая прославила страну своими творческими дости-

жениями во всех сферах жизни общества. Такие общие соображения возникают при обращении к работам о российской интеллигенции философа С.Л. Франка, у которого обучался мой прадед и встреча с которым стала значимой для всей нашей семьи [См.: Семёнова, 2009; Семёнов, 2015]. Полагаем, что мысли С.Л. Франка заслуживают внимания и в современной России.

Литература:

1. *Семёнов С.Н.* Автограф философа С.Л. Франка // Соловьевские исследования. 2015. Выпуск 4(48).
2. *Семёнова Д.С.* Справка декана С.Л. Франка // Наука. Философия. Общество: материалы V Российского философского конгресса. Новосибирск: Параллель, 2009.
3. *Франк С.Л.* De profundis // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991.
4. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
5. *Франк С.Л.* Сочинения. М.: Правда, 1990.

Судьба старой интеллигенции в России в советское время (на материалах народов Сибири)

И.И. Осинский

доктор философских наук, профессор
Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия)

После Октябрьской революции перед российской интеллигенцией встали два вопроса. Первый: готова ли она поставить свои знания, интеллект, опыт на службу новой власти и создаваемому ею обществу. Второй (адресованной власти): согласны ли власть, общество воспользоваться этими знаниями, интеллектом, опытом старой интеллигенции. Эти вопросы оказались трудными как для новой власти, так и для самой интеллигенции. Среди руководителей партии и государства в первые годы советской власти точки зрения по данному вопросу находились в довольно широком диапазоне различий, достигая временами диаметрально противоположных полюсов.

В.И. Ленин рассматривал эту проблему как часть более общего вопроса о взаимоотношении рабочего класса с непролетарскими слоями трудящихся, считая привлечение интеллигенции к созидательной деятельности одним из условий строительства социализма. Отвечая противникам использования старых специалистов в работе «Условия и трудности советской власти», он писал: «... от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах» [Ленин, 1922: 55].

Аналогичную или близкую точку зрения о необходимости использования старых специалистов высказывал Л.Д. Троцкий. Правда, он как наркомвоенмор требовал, чтобы беспартийный специалист был взят под бдительный политический, т.е. комиссарский контроль. В Красной Армии в начале гражданской войны находилось 130 тыс. беспартийных военспецов-офицеров (почти вдвое больше, чем в бе-

лой армии) — крупный отряд военной интеллигенции, без которого было немыслимо создание Красной Армии и ее победа на фронтах. Та же линия им предлагалась в отношении гражданских специалистов-интеллигентов (инженеров, техников, ученых и т.д.). В отличие от Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьев выступал против использования «буржуазной» интеллигенции. Еще более непримиримую позицию занимал И.В. Сталин, который очищал аппарат от наиболее образованных и инициативных работников, способных проводить в жизнь ленинскую программу социалистического строительства [Разумович, 1989: 198–202]. Столь широкий диапазон различий по отношению к представителям старой интеллигенции и борьбы за практическую реализацию обусловили непоследовательность в политике по отношению к интеллигенции, нередко трагически сказывались на ее судьбе.

Однако в первые годы советской власти при жизни В.И. Ленина, который искал пути включения старой интеллигенции в решение созидательных задач, преобладала в целом тенденция на сотрудничество. При этом исходили из тезиса, что привлечение специалистов к строительству социализма — закономерный процесс. Он диктуется, во-первых, потребностями использования и приумножения ценностей, которые были созданы в предыдущих формациях; во-вторых, необходимостью ослабления влияния эксплуататорских классов, которые использовали в борьбе против нового режима часть старой интеллигенции; в-третьих, привлечение интеллигенции диктуется самой природой социализма, провозглашающего и гарантирующего право на труд; в-четвертых, это связано и с потребностями создания новой интеллигенции. Она может быть подготовлена только с помощью существующей интеллигенции. Сотрудничество старой интеллигенции с новым государством было обусловлено и социальными потребностями самой старой интеллигенции, перед которой открывались широкие возможности активной творческой деятельности в интересах народа.

При крайней бедности национальных районов Сибири (Бурятия, Горный Алтай, Хакасия, Якутия и др.) работниками умственного труда, особенно из коренных народов, их привлечение к созданию нового общества имело особый смысл — они пользовались большим влиянием среди населения. Это влияние было обусловлено их национальным родством с местным населением, высоким социальным статусом специалистов как представителей особого, в прошлом малодоступного для трудящихся национальных окраин, умственного труда. Но главным фактором, определяющим их влияние, было то, что значительная их часть являлась выходцами из национальных «верхов», в зависимости у которых еще продолжительное время оставалось коренное население,

связанное сильными патриархально-феодальными отношениями, обычаями, традициями.

Будучи по характеру труда единым социальным слоем, интеллигенция национальных районов Сибири по своему социальному облику и мировоззренческим ориентациям была дифференцирована на пролетарскую, мелкобуржуазную и феодально-буржуазную. В то же время политические позиции всех групп интеллигенции были детерминированы не только классовым, но и национальным фактором: часть старой интеллигенции занимала революционно-демократические позиции, выступала поборницей сотрудничества трудящихся разных наций в борьбе за создание нового общества; феодально-буржуазная и преобладающая часть мелкобуржуазной интеллигенции требовали отделения революционного движения на окраинах от пролетарской революции, создания буржуазных органов самоуправления. Это требование в той или иной форме звучало практически во всех национальных регионах Сибири. Закономерным результатом политической дифференциации является образование трех ее групп: принявших революцию, нейтральных и враждебно встретивших новую власть. В числе пришедших на сторону советской власти была значительная часть национальной интеллигенции, чаще всего связанная с русской интеллигенцией, политзаключенные. Наиболее активными деятелями большевистской партии из числа бурятской интеллигенции в годы революции и гражданской войны были М.М. Сахьянова, М.И. Амагаев, М.Н. Ербанов, Г.Г. Данчинов, В.И. Трубочеев, Ф.М. Осодоева, С.Х. Николаев; видными партийными и советскими деятелями Якутии — М.К. Аммосов, П.А. Ойунский, И.Н. Бархатов, С.М. Аржаков и другие. Все они сыграли большую роль в укреплении советской власти, в борьбе с буржуазными националистами, в послевоенном хозяйственном и культурном строительстве [Осинский, 1978: 332]. К ним присоединились прогрессивно настроенные учителя, медицинские и некоторые другие работники.

Преобладающее большинство интеллигенции не сразу встало на сторону новой власти. Многие ее представители заняли нейтральную позицию. Часть же интеллигенции открыто перешла в лагерь контрреволюции. Это феодально-буржуазная и преобладающая часть мелкобуржуазной интеллигенции — они выступили под флагом национализма, пытались прикрыть свои классовые интересы, с одной стороны, лозунгом борьбы против великодержавного шовинизма и пережитков колонизаторства, а с другой — стремлением якобы помочь реализовать национальные интересы своих народов. Социальной базой, питавшей национализм, являлись прежде всего отсталые слои

крестьянства, неглубокое классовое расслоение населения. Давали о себе знать и остатки великодержавной политики царизма.

Как свидетельствует исторический опыт, переход интеллигенции от идейного и политического размежевания к сплочению и объединению на принципах социализма — сложный и длительный процесс. Он имеет три аспекта: политический — установление делового сотрудничества интеллигенции с новым государством на основе политической лояльности, а затем и поддержки длинного общественного строя, психологический и идеологический — разрыв с буржуазной идеологией и моралью и переход на позицию коммунистической партии и, наконец, профессиональный — связанный с владением новой моралью и стилем работы, соответствующим природе социалистического общества. Главное воздействие на политический и идейный переход интеллигенции оказали изменение соотношения классовых сил в целом в стране и в национальных районах Сибири, победа трудящихся в гражданской войне, ликвидация эксплуататорских классов.

В Сибири гражданская война была более продолжительной, здесь были временное падение советской власти, диктатура Колчака, Семенова и др. Они вызывали соответствующие настроения и поведение в среде интеллигенции. Несмотря на лавирование и лицемерие части буржуазно-националистических элементов интеллигенции, преобладающая ее часть, включая и указанные элементы, не избежала жестокого давления, репрессий колчаковцев и семеновцев. Об этом свидетельствует убийство семеновцами одного из лидеров бурятской интеллигенции М.Н. Богданова, арест колчаковцами члена Бурятской народной думы Р.Б. Бимбаева и председателя Каракорумской управы Г.И. Гуркина и некоторых других.

Анализ изменения политической и идейной позиции старой интеллигенции национальных регионов Сибири свидетельствует о том, что эти изменения происходили более трудно и более медленно, чем в центральных районах страны. Наличие этой особенности детерминировано отсутствием национальных кадров промышленных рабочих и малочисленностью коммунистов коренных национальностей, сохранением старых родовых и патриархально-федеральных отношений, использованием господствующими классами в своих целях национализма, отдаленностью, оторванностью этих районов от крупных промышленных центров страны, рассредоточенностью коренного населения на огромной территории.

Эти особенности требовали поиска специфических форм и методов в процессе привлечения интеллигенции. В их числе сотрудничество новой власти не только с революционно-демократически настро-

енными, но лояльными представителями умственного труда, включая национальные «верхи». Большое влияние на сознание старой интеллигенции нерусских народов оказало предоставление этим народам национальной государственности, коренная перестройка экономики и культуры национальных регионов, перевод на оседлость, создание письменности, национальной литературы.

Трудно переоценить роль в этом процессе русской интеллигенции. Ее влияние осуществлялось, во-первых, самим фактом перехода видных представителей русской культуры под знамя социализма. В их числе всемирно известные ученые К.А. Тимирязев, И.В. Мичурин, А.Н. Бах, К.Э. Циолковский, Н.Е. Жуковский и др. В созданном в августе 1918 г. научно-техническом отделе при ВСНХ в качестве экспертов, консультантов принимали активное участие около 800 ученых, инженеров, других специалистов. Во-вторых, на перелом в политических воззрениях национальных кадров интеллигенции оказали большое влияние командиры, политработники, красноармейцы, руководители партизанских отрядов, среди которых в этих районах находились Б.З. Шумяцкий, К.А. Каландаришвили, Е.Н. Лебедев, А.П. Смолин, И.Л. Ковалев, К.И. Лощенков и многие другие. В их числе были бывшие офицеры, отрешившиеся от своей прежней идеологии и перешедшие на позиции социализма. В-третьих, в мировоззренческом плане на интеллигенцию оказали большое воздействие специалисты, прибывшие из центральных районов страны и Сибири. Только в 1935 г. на строительство ЛВРЗ в Бурятию прибыло 1500 чел. из других районов СССР. Помощь прибывших, их самоотверженный труд убеждали местную интеллигенцию в искренности намерений советской власти, в ее стремлении поднять экономику, культуру северных районов. В процессе привлечения и «перевоспитания» старой интеллигенции национальных районов Сибири основная ее масса в середине 1920-х гг. встала на позиции советской власти. В целом в Сибири этот рубеж отмечен 1923–1924 гг.

Основанием для такого вывода является признание самой интеллигенции, а главное — включение ее в выполнение своих функциональных обязанностей и участие в общественной жизни в соответствии с целями и задачами новой власти. Так, наиболее демократическая и массовая часть интеллигенции Якутии — учительство — на своем первом съезде в 1925 г. заявило: «Ошибки забыты, к прошлому нет больше возврата. Мы дошли до сознания, что только рабоче-крестьянская власть есть подлинно народная власть, что только компартия есть действительно народная пролетарская партия [История Якутской АССР, 1963: 111]. Аналогичные решения учителями и другими отрядами интеллигенции принимались в Бурятии, Хакасии, Горном Алтае.

Однако основные принципы политики отношения к старой интеллигенции, выработанные в первые годы советской власти во второй половине 1920-х гг. претерпели серьезные изменения: взяли верх новые подходы к проблеме создания интеллигенции, заключающиеся в том, чтобы у старых ее представителей и новой генерации не просто сформировать социалистические качества, а выработать у них свойства, адекватные потребностям режима личной власти и административно-командной системы: покорность, исполнительность, преданность, послушание, угодливость, лишив интеллигенцию независимости мышления свободы творческого проявления личности, принципиальности в отстаивании своих позиций. Речь идет о создании в тот период такой интеллигенции, которая, как отмечает академик А.А. Логунов, «безоговорочно разделяла бы все идеологические догмы. С безопасными взглядами, нужной позицией, гибким строем мышления» [Логунов, 1989]. Властью сознательно был взят курс на формирование интеллигенции с качествами, которые существенно деформируют ее как определенную социальную категорию. Ведь интеллигентским профессиям отводилась роль лишь исполнителей, классиков и винтиков партийного дела.

Генерировали антиинтеллигентские настроения центральное партийное и государственное руководство, созданный им партийный и государственный аппарат, которые начиная со второй половины 1920-х гг. открыто призывали к применению репрессий против старой интеллигенции. Так, выступая на VI конгрессе Коминтерна (1928 г.), секретарь исполкома Коминтерна Д.З. Мануильский пытался даже «теоретически» обосновать необходимость уничтожения беспартийной нэповской интеллигенции. Мотивировалось это тем, что она якобы мешает борьбе за мировую пролетарскую революцию: это «опасный коварный классовый враг», «пролетариат использует их (спецов — прим. авт.) ... как использовала их буржуазия...», а сотрудничество аппарата ВКП(б) с интеллигенцией — «это такого рода сотрудничество, которое бывает между всадником и лошадей» [Мануильский, 1928]. В общественном сознании старательно культивировался стереотип восприятия интеллигенции как чего-то сомневающегося, ненадежного и даже враждебного обществу диктатуры пролетариата. Для ее характеристики нередко применялись эпитеты «гнилая интеллигенция», «продажная интеллигенция». Духовно-идеологическое и психологическое наступление на интеллигенцию сопровождалось массовыми репрессиями партийных и государственных работников, ученых, писателей, инженеров, агрономов, других специалистов.

В 1927–1928 гг. после победы Сталина над объединенной «левой» оппозицией были репрессированы десятки тысяч троцкистов и зино-

вьевцев. Они были высланы в отдаленные районы страны, помещены в политические изоляторы, исключены из партии и уволены с работы. В 1930–1933 гг., пройдя унижительную процедуру «раскаяния и присяги на верность Сталину», они вернулись к прежней профессиональной деятельности. Вскоре этот же путь прошли и десятки тысяч «правых уклонистов». Однако в 1936–1937 гг. все эти люди были повторно арестованы и уже не вернулись к своим семьям. В большинстве случаев бывшие оппозиционеры были расстреляны. В 1928 г. были репрессированы многие тысячи инженерно-технической интеллигенции по так называемому «шахтинскому делу», в сельской местности после провокационного дела «трудовой крестьянской партии», жертвами которого стали ведущие специалисты-аграрники, прошли массовые репрессии агрономов, зоотехников, работников кооперативных органов, всей сельской интеллигенции. В печати начала 1930-х гг. говорилось, что органами ОГПУ было арестовано около 200 тыс. членов «ТКП» [Медведев, 1988].

Не прекращались антиинтеллигентские кампании и в последующие годы. В их числе «ленинградское дело», борьба против «космополитов» и против «врачей-убийц», «шахтинское дело». Продолжались аресты и по «обычным мотивам — «антисоветская пропаганда» и др. В рабочих коллективах получило широкое распространение такое уродливое явление как «спецеество» (антиинтеллигентские настроения и действия). Характерной особенностью организуемых против интеллигенции акций являлось то, что несмотря на их кажущийся локальный характер, они словно круги на воде от брошенного камня, распространялись на другие регионы страны. Повсеместно устраивались поиски участников тех или иных сфабрикованных дел или им сочувствующих, нагнеталась атмосфера подозрительности, страха.

Не являлись исключением и национальные районы Сибири. Уже в первой половине 1920-х гг. в результате кампаний по чистке советского аппарата многие старые специалисты были изгнаны из занимаемых ими должностей. Например, в Горном Алтае в 1923 г. из 1158 служащих таким способом было уволено 333 человека [НАРАФ.1.ч ОП.1 Д.6. Л.33]. В 1928 г. в небольшом сибирском городке Анжеро-Судженск было возбуждено 50 уголовных дел против ИТР, из них 35 дел были прекращены из-за необоснованности обвинений [Историки..., 1983: 355].

Во второй половине 1920–начале 1930-х гг. «спецеество» приняло столь тревожные формы, что местные партийные органы в ряде случаев вынуждены были сдерживать рост антиинтеллигентских настроений и действий. Так, в 1926 г. секретарь Якутского обкома партии М.К. Аммосов выступил в республиканской газете со статьей «О родстве, о спецах и о сплетнях», в которой писал о необходимости реше-

тельно огораживать от сплетней и незаслуженных оскорблений тех советских специалистов, кои добросовестно трудятся вместе с нами за укрепление советской власти [Аммосов, 1926].

Подлинной трагедией для интеллигенции и других социальных групп советского общества стали массовые репрессии 1937–1938 гг. Отправной точкой послужило выступление Сталина на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), в котором содержался призыв «беспощадно громить и корчевать изменников, нынешних вредителей и диверсантов, каким был флагом они ни прикрывались». 30 июля 1937 г. вышел приказ «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», подписанный наркомом внутренних дел СССР Н.И. Ежовым. В нем устанавливался лимит подлежащих осуждению по 1-й категории (расстрел) и 2-й категории (10 лет лагерей). Лимит распространялся на все республики, края и области, в т.ч. и на Бурятию. Согласно приказу, планировалось начать операцию 5 августа 1937 г. и завершить в 4-месячный срок. 31 января 1938 г. ЦК ВКП(б) принял предложение НКВД СССР об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии кулаков, уголовников и антисоветского элемента по 22 областям, краям и республикам. На основании этого приказа с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. была проведена операция НКВД СССР по репрессированию «антисоветских элементов», в ходе которой 390 тыс. человек были расстреляны, 380 тыс. отправлены в лагеря Гулага.

Не миновала эта операция национальные районы Сибири. По неполным данным, количество лиц подвергшихся репрессиям по Бурятии составляет почти 20 тысяч человек. За 1937 г. и 10 месяцев 1938 г. в республике было арестовано 6836 человек, из них осуждено 4907. За неполных 2 года органы безопасности «выявили» 626 изменников Родины, диверсантов, вредителей, террористов, контрреволюционных агитаторов [История Бурятии, 2011: 124]. С 1 сентября 1937 г. по 1 февраля 1938 г. было исключено из партии более 400 человек. Среди исключенных из партии и физически уничтоженных секретарь Бурятского обкома ВКП(б) М.Н. Ербанов, председатель Совнаркома республики Д.Д. Доржиев. Такая же участь постигла почти всех бывших членов бюро, большинство членов обкома партии, всех народных комиссаров, многих ответственных работников ЦИК, Совнаркома и наркоматов. Были репрессированы почти все секретари райкомов партии и председатели аймачных исполкомов [Там же]. Необоснованным репрессиям были подвергнуты более десяти членов и кандидатов в члены Союза писателей С. Туя, Ц. Дон, Д. Дашинамаев, Д.-Р. Намжилон, Н. Занданов и др., директор института культуры Р. Базарон, зав. отделом культуры Совнаркома республики С. Кригель.

Были репрессированы и физически уничтожены почти все наиболее крупные ученые, педагоги, общественные деятели, принадлежавшие к старой интеллигенции. В своей статье «Бурятская интеллигенция» известный американский историк Роберт А. Рупен, высоко оценивая научный уровень дореволюционных бурятских ученых и педагогов, работы которых по его словам «делали им честь и честь дореволюционной школе русских востоковедов», о их судьбе писал так: «Очиров внезапно умер в 1914 г., Богданов был убит в 1919 г. белыми, Жамцарно был арестован в Ленинграде в 1937 г. и с тех пор о нем ничего не слышно, Ринчино был расстрелян в Москве в 1937 г., Бутухан арестован в Ленинграде в 1937 г., затем сослан в ссылку в концентрационный лагерь в Ухту, Сампилон убит в Бурят-Монголии в 1937 г., Доржиев арестован в Ленинграде в 1937 г. и позднее умер в Бурят-Монголии, Бадмаев умер в 1919 г., Цыбиков умер в 1930 г., Барадин расстрелян в 1937 г. Таким образом никому не удалось избежать ежовщины, чистки в 1937 г.» [Rupen, 1956: 398]. Подобным воздействиям подверглась интеллигенция и других национальных районов Сибири.

Сложность со старой интеллигенцией и острая нужда в грамотных кадрах вынуждали власти приступить к ускоренной подготовке новой интеллигенции. Одним из путей формирования новой интеллигенции являлось выдвиженчество, которое в национальных районах было связано с коренизацией, т.е. выдвижением на работу в партийный, государственный, хозяйственный аппараты представителей трудящихся коренных национальностей. В 1927 г. среди председателей сельских советов представители коренных национальностей составляли в Бурятии 58,4%, в Якутии — 92,9%, что значительно превышало долю этих национальностей в населении их республик (44,4% и 88,9%).

Основными же путями формирования интеллигенции являлись направление специалистов в эти районы из городов европейской части страны и Сибири, подготовка молодежи коренных национальностей в вузах других регионов СССР, в учебных заведениях, созданных в автономиях Сибири. В 1932 г. в вузах и средних специальных учебных заведениях СССР обучалось из Бурятии более 1000 чел., из Якутии — 786, Хакасии — около 400, Горного Алтая (только в вузах) — 80. Из числа студентов больше половины — представители коренных народов [История Сибири, 1968: 456].

В 1930-е гг. во всех автономных республиках и областях Сибири были созданы и получили развитие высшие и средние специальные учебные заведения, в которых обучались тысячи представителей народов Сибири. Благодаря этим мерам здесь в короткие сроки были созданы значительные по численности отряды новой советской интелли-

генции. Накануне Великой Отечественной войны (конец 1940–начало 1941 гг.) только специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве Бурятской АССР, насчитывалось 5100, Якутской АССР — 3700, Горно-Алтайской автономной области — 800, Хакасской автономной области — 1500 [Народное хозяйство, 1972: 701, 757, 780, 790]. Кроме того, большая часть работников умственного труда выполняла интеллектуальные функции, не имея высшего или среднего специального образования.

В последующие годы продолжалось количественные и качественные изменения интеллигенции национальных районов Сибири. Сегодня национальная интеллигенция этих регионов мало чем отличается от интеллигенции страны в целом. Она в своей основе приняла эстафету от старой национальной интеллигенции и наиболее значимые ценности русской интеллигенции. Вместе с тем в годы советской власти она освоила новое мировоззрение, принципы взаимоотношения с органами партийно-государственной системы, которые сохранились вплоть до середины 1980-х.

Литература:

1. Аммосов М.К. О родстве, о спечах и о сплетнях // Автономная Якутия. 1926. 26 марта.
2. Историки спорят. Тринадцать бесед / Под общей ред. Лельчука В.С. М.: Политиздат, 1988.
3. История Бурятии: В 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
4. История Сибири: В 4 т. Т. 4. Л., 1968.
5. История Якутской АССР. Т. 3. М., 1963.
6. Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти. Полн. собр. соч. Т. 38.
7. Логунов А.А. Интеллигенция — понятие русское // Правда. 1989. 7 августа.
8. Мануильский Д.З. Выступление на VI конгрессе Коминтерна. 1928 // Приводится по: Сироткин В. Еще раз о «белых пятнах» // Неделя. 1989. №25.
9. Медведев Р. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября.
10. Национальный архив Республики Алтай. Ф. 1. Ок. 1. Д. 6. Л. 33.
11. Осинский И.И. Формирование социалистической интеллигенции у народов Сибири // Историография культуры и интеллигенции Советской Сибири: Сб. статей. Ответ. Ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, 1978.
12. Разумович Н. Как родилась сталинская кадровая политика // Дружба народов. 1989. №4.
13. Ripen R. Buriat intelligentsia // Far Eastern quarterly. 1956. Vol. 15. No. 3.

Исследование повседневной жизни русской интеллигенции XIX в. в трудах В.Н. Тенишева

А.С. Сидорова

старший преподаватель Смоленского государственного университета
(Смоленск, Россия)

Интеллигенция представляет собой социальную группу, изучение жизнедеятельности которой затруднено ее неоднородным составом и противоречивым поведением. Основная проблема заключается в трудности определения специфических характеристик русской интеллигенции, которые меняются в зависимости от исторических условий, происходящих трансформаций в сфере образования и культуры, предписываемой ей роли в государстве.

В России в научной литературе понятие «интеллигенция» было введено в XIX в. для определения социальной прослойки, представители которой были образованы, играли значительную роль в культуре, имели возможность влиять на развитие общества. На актуальность исследования жизнедеятельности интеллигенции в дореволюционной России оказали влияние процессы урбанизации и мобильности. Рост городов способствовал активному переселению образованных людей из сельской местности, открывал новые возможности для творческой самореализации и улучшения условий их жизни.

В этой связи особый интерес приобретает разработанная В.Н. Тенишевым «Программа этнографических сведений о русских городских жителях образованного класса». Целью программы было изучение жизни интеллигенции — класса образованных горожан, а также разработка рекомендаций для правящих кругов в сфере социальной политики. По мнению В.Н. Тенишева, каждому администратору следует знать об особенностях поведения управляемых [Тенишев, 1897: 10].

В основе программы В.Н. Тенишева лежит разработанный им план исследования, включающий следующие показатели: «отличительные свойства организма; окружающий мир в отношении данного класса; исторический очерк; обзор жизни класса; общественные установки, обычаи; отношение между соотечественниками; верования, знания, язык, искус-

ство; семья, обычный порядок жизни; сближение полов; брак, отклонения от брака; рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности; выходящие из ряда обстоятельства» [Тенишев, 1897: 48].

Из перечисленных показателей видно, что автор акцентирует внимание на исследовании повседневного быта образованного класса и гораздо меньше интересуется материальной составляющей жизни. Такой акцент связан с основной задачей всех исследований В.Н. Тенишева: выяснение не столько фактического уровня жизни интеллигенции, сколько вероятного поведения данной социальной группы в привычных для нее или необычных обстоятельствах.

В результате В.Н. Тенишев разрабатывает несколько программ, направленных на изучение социальных классов, в том числе и русской интеллигенции. По результатам исследований предполагалось написать обширную монографию о российском обществе XIX в. Поэтому программы были достаточно подробными и включали большое количество вопросов, касающихся различных сторон жизни. Большой объем программ обусловлен также и тем, что в качестве корреспондентов работали люди, не имеющие каких-либо специальных знаний в области социологических и этнографических исследований. Подробные инструкции и интерпретация вопросов позволили собрать наиболее точные данные.

Первоначально В.Н. Тенишев разработал программу исследования жизнедеятельности русских чиновников, позже данная программа была переработана с целью изучения жизнедеятельности образованного класса. В частности, из программы были исключены пункты, касающиеся исторического очерка и образа жизни изучаемого класса. Возможно, особенности данной стороны жизнедеятельности образованного класса предполагалось уточнить на основании самих очерков, а не результатов опроса.

Некоторые разделы программы рассматривались достаточно подробно. Например, В.Н. Тенишев уделял значительное внимание проблеме продвижения по службе. Достаточно много вопросов относились к определению места государственных институтов в жизни интеллигенции.

Каждый раздел программы был дифференцирован, большинство разделов имели подразделы — главы, которые включали конкретные вопросы. Предполагалось, что такое дробление разделов и глав позволит упростить корреспондентам наблюдение за различными сторонами жизни изучаемых общественных классов, систематизацию и упорядочение данных.

Если посмотреть содержание программы, то можно заметить преимущественный интерес автора к сфере социальных, экономических, правовых отношений. В.Н. Тенишев считал, что именно эти отношения

поддаются точному описанию, а на периферии исследования должны находиться вопросы о культуре, религии, суевериях и т.п.

При постановке вопросов учитывалась специфика изучаемого общественного класса. Например, социальные отношения предполагалось изучить с помощью таких вопросов: «Какие профессии считаются более почетными?», «Как относится к мундиру население и те, кто мундир не носит?», «Каковы отношения различных социальных прослоек образованного класса»: например, дворяне не препятствуют ли бракам с иными сословиями, а купцы не стремятся ли породниться с дворянами?» и т.п.

Рассмотрим подробнее каждый из разделов программы исследования жизнедеятельности горожан образованного класса. В разделе, посвященном местным и климатическим условиям жизни, предполагалось изучить планировку города в целом, установить расположение районов преимущественного поселения представителей интеллигенции.

Раздел «Прохождение службы» содержал вопросы о поступлении на службу, условиях ее прохождения, дисциплине, отставке, жаловании, пенсии, а также о проблеме взяточничества среди чиновников. Автора интересовали проявления инициативы в трудовой деятельности интеллигенции.

Самым обширным в исследовании был раздел о семье. Он занимал почти пятую часть программы и охватывал, в частности, проблемы брачных отношений, воспитания детей, положения женщины в семье. В.Н. Тенишев считал важным определить, какое содержание интеллигенция вкладывает в понятия рода и родственности, насколько в кругу интеллигенции сохранилось представление о кровном родстве и как оно переплетается с современными взглядами о наследственности.

Исследуя состав семьи, В.Н. Тенишев выделял следующие ее виды: простая, состоящая из жены, мужа и детей; сложная, в которой живут родители обоих супругов или одного из них; распадающаяся — семья, оставшаяся после смерти одного из супругов.

Автор исследования стремился определить социальные роли хозяина и хозяйки в доме, уточнить специфику отношений между супругами, сюжеты разговоров, причины домашних ссор и т. п. Отдельные пункты раздела о семье касались отношения членов семьи к прислуге. Достаточно много вопросов определяли взаимоотношения детей и родителей, в частности, имущественно-правовые.

В программе изучалась и материальная культура интеллигенции: обустройство жилища, одежда, используемая утварь, средства передвижения. В разделе о жилище В.Н. Тенишев обращал внимание на материалы, которые используются при постройке и обустройстве дома, технике постройки. Так, в зависимости от типа семьи исследователь

выделил пять типов городских квартир: занимаемая простой семьей; занимаемая сложной семьей; занимаемая распадающейся семьей; занимаемая двумя мужчинами или двумя женщинами, согласившимися жить вместе и имеющими прислугу; занимаемая одиночками, имеющими прислугу. Данные типы квартир позволяли изучить особенности назначения и использования жилого пространства представителями образованного класса. Комплекс вопросов, касающихся обустройства жилища, был направлен и на исследование инноваций в обустройстве быта: использование электричества, парового или водяного отопления.

Значительное внимание в программе В.Н. Тенишева уделялось репрезентации представителей образованного класса в обществе. Данный раздел включал вопросы о том, как следует одеваться в плохую погоду, в домашней обстановке, в театре, какие украшения женщинам нужно одевать в том или ином случае, в чем заключаются модные тенденции в одежде.

Интересны вопросы о гигиене, опрятности и графика употребления пищи. Автор выделял четыре наиболее типичные для интеллигенции ежедневные трапезы: утренний чай или кофе, завтрак, обед и ужин; стремится выявить их особенности: состав пищи, детали приготовления блюд, уровень питания семьи и прислуги.

Экономическое положение семьи В.Н. Тенишев предлагал рассматривать в зависимости от типа семьи и вклада каждого из ее членов в семейный бюджет. Так, исследователь обращал внимание на индивидуальную жизнь каждого из членов семьи: хозяина, хозяйки, старших родственников, детей. Здесь особое место занимало изучение распорядка дня: подъем, умывание, одевание, завтрак, курение, утреннее приветствие, газета, служба, обед, вечерний досуг, ужин, сон. Интересны вопросы, касающиеся уточнения обычного для индивида распорядка жизни в связи с изменением его социального или семейного положения.

Обширным являлся раздел, касающийся проблем брака и сближения полов. Он начинался с вопросов о достижении подростками мужского и женского пола зрелости и связанных с ним изменением в их поведении. Автор считал важным выяснить, почему для девушек самым оптимальным возрастом для вступления в брак является период с 18 до 22 лет, а для юношей — 30 лет. Интересовали В.Н. Тенишева формы участия родителей в организации брака своих детей. Так, в отношении помолвки уточнялись порядок сватовства, случаи сговора, имущественные сделки.

В разделе «Разные обстоятельства, влияющие на брачную жизнь» исследовались осложнения, возникающие в результате возрастного и имущественного неравенства будущих супругов. Поднимались проблемы супружеской неверности, вдовства, рождения и воспитания детей.

Стоит отметить, что программа В.Н. Тенишева демонстрировала не столько этнографический, сколько социологический подход к исследованию. Так, обряды изучались лишь косвенно: сам порядок того или иного обряда не интересовал, внимание акцентировалось на возникающих в ходе обряда социальных отношениях.

В.Н. Тенишев уделял внимание изучению религиозной стороны жизнедеятельности образованного класса: религиозному воспитанию в семье, посещению церкви, следованию религиозным традициям и обрядам. Исследователь считал, что образование и воспитание ребенка в семье, школе, университете должно быть связано с развитием патриотизма, который, по мнению автора, основан на православной культуре.

В связи с этим особый интерес представляет раздел о верованиях, где основное внимание уделяется духовной культуре образованного класса. Исследователь определил три группы верующих: верующие в действительности, формально верующие и откровенные атеисты. После представления о природных явлениях, следовали вопросы о тех из них, которые не может объяснить наука. Выделялись вопросы, касающиеся различного рода суеверий: представления о загробной жизни, вере в тринадцатое число, порядку пробуждения, приметам во время рыбной ловли, построения жилища и т.п.

Определение того, насколько представители образованного класса соблюдают православные традиции, может служить критерием их патриотизма и способности изменить существующий порядок в стране. Если общество следует устоявшимся православным канонам, то оно не будет стремиться к изменениям существующего государственного строя.

Итак, «Программа этнографических сведений о русских городских жителях образованного класса» была разработана В.Н. Тенишевым с целью исследования повседневной жизни интеллигенции XIX в., но реализована не была. В настоящее время программа представляет собой ценность и для истории социологии, и для методологии социологических исследований. Она может послужить не только для реконструкции жизнедеятельности образованного класса дореволюционной России, но и стать основой для изучения особенностей жизни современной российской интеллигенции.

Литература:

1. *Тенишев В.Н.* Деятельность человека. СПб: Типография А.С. Суворина, 1897.
2. *Тенишев В.Н.* Программа этнографических сведений о городских жителях образованного класса. Архив РЭМ. Ф.7. Оп.1. Д. 1867–1875.

Роль китайской интеллигенции в антиправом движении 1950-х годов

Ли Гэнцзоань

доктор юридических наук, профессор
Пекинского спортивного университета (Пекин, Китай)

Китайская Народная Республика имеет 70-летнюю историю. Оглядываясь назад в прошлое, можно заметить, что существует много событий, которые вызывают у людей беспокойство, в том числе и «антиправое движение» 1950-х гг. Оценка этого движения последующими поколениями неоднозначна: одни считают, что «антиправая борьба на самом деле является политическим движением, которое подрывает социалистическую демократию и верховенство закона, нарушает гражданские права» [Ху Ляньшэн, 1989: 35–38], другие считают, что «цель этого антиправого движения состояла в том, чтобы консолидировать руководство пролетариата и Коммунистической партии демократическими партиями, интеллектуальным сообществом и деловым сообществом ... Но потом ... антиправое движение было серьезно усилено, что привело к печальным последствиям» [Ли Юган, 1990: 60–62]. В статье предпринята попытка проанализировать душевное состояние и роль интеллигенции, принявшей участие в этом движении.

Введение

«Антиправое движение» представляло собой движение против атак правых, которое начала Коммунистическая партия Китая (КПК) в 1957 г. после основания Китайской Народной Республики, затронувшее все слои общества. В результате антиправого движения многие представители интеллигенции и демократических партий, которые откликнулись на призыв к предоставлению своих критических замечаний в адрес партии, были обозначены как «правые», и впоследствии были лишены личной свободы и возможности участия в управлении

государством. Причиной возникновения Правого движения стала потребность упорядочивания стиля работы партии.

27 апреля 1957 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) издал «Инструкцию по движению исправления стиля работы», суть которой сводилась к проведению упорядочивания стиля работы партии, направленной на правильное разрешение внутренних противоречий между людьми и противодействию бюрократии, сектантству и субъективизму, а также мобилизацию людей на то, чтобы они выступали с критикой и предложениями по совершенствованию деятельности партии.

Однако чрезмерные резкие критические замечания и предложения вызвали контратаку правящей партии. Предложения некоторых людей вошли в глубокое противоречие с позицией правящей верхушкой КПК в то время. Очень резкая критика, например, такие высказывания, как: «Партия возвышается над всем миром», «Партия возвышается над страной и некоторые члены партии — над партией», вызвала сильное беспокойство в рядах правящей партии. 15 мая 1957 г. Мао Цзэдун написал статью «Все меняется», требуя, чтобы партия полностью признала ситуацию ужесточения классовой борьбы и обратила внимание на нападение правых. С 15 мая 1957 г. началось движение по упорядочиванию стиля работы партии, была поставлена задача доведения до партии мнений с целью исправления недостатков. На деле это движение преобразовалась в общенациональную борьбу против широкомасштабных нападков правых элементов. Так, 8 июня ЦК КПК издал «Инструкцию по организации сил для подготовки к противодействию правым атакам».

Участие представителей интеллигенции в «процессе с широким высказыванием мнений, широким и полным изложением взглядов» и антиправом движении

На стадии упорядочивания стиля работы партии представители интеллигенции по-разному отнеслись к возможности занять «платформу с широким высказыванием мнений, широким и полным изложением взглядов».

Во-первых, зачастую интеллигенты приводили неуместные политические метафоры и, пользуясь случаем, выдвигали требования и критические замечания в адрес КПК. 30 апреля 1957 г. Мао Цзэдун созвал собрание лидеров различных демократических партий у ворот Тяньаньмэнь, попросив их помочь Коммунистической партии в процессе упорядочивания стиля ее работы, подтвердив курс на «Расцвет

ста цветов и соперничество ста школ» (1956 г.), и пообещал придерживаться принципов: «Говорить все, что известно, не утаивая ничего; говорящему – не в вину, слушающему – в поучение»; «если у тебя есть ошибки, исправляй их, если ошибок нет, поступай еще лучше». При поддержке ЦК партии и председателя Мао Цзэдуна многим представителям интеллигенции была предоставлена возможность высказать свое мнение. Помимо отправки большого количества репортеров для сбора всевозможных критических комментариев со всей страны, Чу Аньпин, главный редактор газеты «Гуанмин жибао», также написал свои собственные статьи и вновь взялся за дела, которыми занимался во время своей работы в журнале «Наблюдения» – сатирические комментарии в адрес прежнего правительства. 1 июня 1957 г. на симпозиуме, который провел департамент Единого фронта ЦК КПК для беспартийных деятелей, Чу Аньпин выступил с речью и выдвинул теорию «Партия над всем миром», которая потрясла всю страну. Он утверждал, что в партии «процветает сектантство, наблюдаются плохие отношения между партией и народными массами, и все это уже стало явлением, которое захватило всю страну». Считая, что это имеет непосредственное отношение к ЦК КПК, Чу Аньпин сказал, что после взятия партией курса на «Расцвет ста цветов и соперничество ста школ», было высказано много критических замечаний о поступках молодых монахов (т.е. простых членов партии), но никто не сделал замечаний старому монаху (члену верхушки КПК). Он деликатно критиковал тот факт, что правительство превратилось в мир, живущий под одной партией; что среди двенадцати заместителей премьер-министра Госсовета нет ни одного беспартийного деятеля. В заключении он сделал такой вывод: «Эта идеологическая проблема под названием “Партия над всем миром”, является источником сектантства и корнями, то есть причиной основного противоречия между членами партии и беспартийными деятелями». На следующий день газеты «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» опубликовали полный текст речи Чу Аньпина на видном месте. Эта статья ошеломила и шокировала всех. После публикации этой статьи Мао Цзэдун, по его словам, «плохо спал несколько дней». Чжан Боцзюнь, директор издания «Гуанмин жибао», даже загорелся идеей создать «Институт политического планирования». После прочтения статьи Чу Аньпина, Чжан Боцзюнь восхитился им и сказал: «Чу Аньпин – это воин» [Пи Сюецзюнь, 2012: 47–53].

Во-вторых, часть представителей интеллигенции давала дельные советы членам Коммунистической партии и активно участвовали в движении за свободу выражения. В процессе упорядочивания стиля работы многие молодые интеллектуалы, как внутри партии, так и за

ее пределами, с целью скорейшего развития социалистического строительства, честно и искренне задавали вопросы членам партийных организаций и их руководителям, но в период борьбы с правыми элементами эти вопросы оставались без ответа, а к этим людям относились несправедливо. Типичным примером в этом отношении является история Сюй Хунцзы. Он родился в 1933 г. в семье крупных предпринимателей в Шанхае. С юных лет Сюй Хунцзы был вдохновлён идеями марксизма-ленинизма, прочитал много книг на эту тему, брал уроки лучших учителей. В 1948 г. в возрасте 15 лет он вступил в подпольную организацию КПК, с января 1951 г. работал в департаменте Единого фронта восточно-китайского бюро, в 1954 г. поступил в первый медицинский институт в Шанхае в качестве студента и кадрового работника, где отлично учился. В 1957 г. Сюй Хунцзы откликнулся на предложение прокомментировать деятельность компартии, но в результате, из-за своего негативного мнения, он был назван «крайне правым». С тех пор судьба Сюй Хунцзы изменилась: он был изгнан из института и вынужден провести несколько лет в деревне на трудовом перевоспитании, а впоследствии заключен в тюрьму в провинции Аньхуэй и Юньнань. Находясь в заключении, он сбегал из тюрем четыре раза, пережив бесчисленные трудности и опасности, и чудом остался в живых. В конце концов, благодаря упорной воле и необычайной мудрости, в сентябре 1972 г. Сюй Хунцзы удалось перечь границу Китая и проникнуть в Монголию. Монгольское правительство приговорило Сюй Хунцзы к одному году тюремного заключения за незаконное пересечение границы. После освобождения Сюй Хунцзы провел ещё 10 лет в изгнании в Монголии, где он женился и родились его дети. В 1984 г. Сюй Хунцзы был реабилитирован, возвратился со своей семьей в Китай и начал работать в больнице в Шанхае. К концу своей жизни (умер в 2008 г.), он пользовался большим уважением китайского правительства.

В-третьих, некоторые представители интеллигенции пассивно участвовали в комментировании, но говорили неосторожно при неизвестных обстоятельствах. На стадии свободы высказывания большинство членов партии, а также и беспартийные интеллектуалы не проявляли особого интереса к озвучиванию своего мнения, поскольку большинство кадров занимали определенные посты и не знали, какие именно суждения следует высказывать, а также не имели представления о том, что можно сказать и чего нельзя говорить в случайных беседах. Конечно, существовали ситуации, когда можно было бы обвинить друг друга. Однако после того, как ЦК КПК призвал нанести ответный удар по правой стороне, интеллектуалы — члены партии, обвиненные некоторое время назад, теперь почувствовали, что «будет и на нашей

улице праздник». Некоторых из тех, кто настаивал на своем мнении, связали впоследствии с антипартийным и антисоциалистическим движением. Были и такие интеллектуалы, которые питали взаимное презрение и вражду друг к другу, и поэтому они хотели воспользоваться моментом для того, чтобы «безжалостно наказать противоположную сторону» с помощью обвинения в антиправном движении. При таких обстоятельствах люди, которые слишком много говорили на стадии свободы высказывания и делали слишком много резких письменных комментариев, и «особенно те, кто делал замечания и критиковал лидеров», были причислены к правосторонним.

Активное раскрытие чужих поступков интеллектуалами и выражение своих верноподданнических чувств к партии на стадии антиправого движения

Во-первых, следует отметить, что разоблачали кого-то для того, чтобы доказать свою невиновность. Китайские интеллектуалы в конце 1950-х гг. пережили процесс слишком резкой идеологической трансформации: от упорядочивания стиля работы к антиправому движению. Часть из них раскаялась в том, что сказали слишком много, а некоторые взяли на себя инициативу разоблачить других, чтобы реабилитировать себя и даже продали своих учителей и друзей вопреки своей совести. В период антиправого движения появилось много безосновательных доносов.

Во-вторых, некоторые интеллектуалы активно выражали свои верноподданнические чувства к партии для того, чтобы показать, что они готовы служить Родине. В процессе борьбы с правыми, чтобы различать противоречия разного характера, ЦК КПК подводил интеллектуалов к выражению своих верноподданнических чувств для того, чтобы свести удары к минимуму. Искренне выражать свои чувства было хорошим поводом для обучения интеллектуалов и это был эффективный способ выявления двух видов противоречий. В газете «Вэньхуэй бао» была опубликована редакционная статья под названием «Несколько вопросов о выражении своих чувств», в которой подробно рассматривались различия между этими противоречиями: «Правые “выпустили ядовитый газ” и напали на партию. Они стояли в реакционной и антинародной позиции и пытались восстановить капитализм. Сегодня многие из наших товарищей поддерживают партию. Они стоят на позиции народа, готовы перейти на сторону партии и добровольно разоблачают себя. Это принципиальное отличие от правых. Между двумя сторонами — разные позиции и они имеют разные взгляды, поэтому характер проблемы также различен» [Редакционная статья..., 1958]. Душевные

мероприятия «от сердца к сердцу» осуществлялись посредством небольших собраний. Большинство интеллектуалов говорили о доверии к партии и советовали откровенно делиться своими мыслями. После «общения от сердца к сердцу» с партией, многие интеллектуалы «чувствовали, что они приблизились к партии и придерживаются одного с ней мнения», «что у них спокойное настроение, и они хотят активно работать» [Редакционная статья..., 1958].

Оргвыводы и взыскания, с которыми сталкивались некоторые представители интеллигенции, участвовавшие в антиправом движении

Результатом антиправого движения стало серьезное взыскание по организационной линии правых элементов, напавших на партию. Взыскание осуществлялось в соответствии с уведомлением ЦК КПК от 15 июля 1957 г. «О критериях разделения правых элементов». Это уведомление требовало, чтобы везде в соответствии с критериями определить действительно правых и воздержаться от слишком широких и жестких репрессий. При определении списка правых элементов нужно было подать его на проверку и получить одобрение руководящих органов партии на уровне уезда. При определении списка правых элементов из демократов нужно было подать его на проверку и получить одобрение руководящих органов партии на уровне провинции. Согласно унифицированным документам ЦК КПК, выделялись три типа правых элементов:

Крайне правые элементы. Согласно документу «О критериях разделения правых элементов», как крайние правые классифицировались люди, которые соответствовали следующим четырем аспектам: карьеристы, лидеры, инициаторы, ключевые участники правых действий; люди, предлагающие программные установки об антипартийности и антисоциализме, и активно агитировавшие за эти установки; особенно негативные и особенно решительные элементы в антипартийной и антиобщественной деятельности; люди, которые последовательно выступали против коммунистов и активно проводили реакционную деятельность во время правой атаки.

Правые элементы. Как правые элементы классифицировались люди, которые соответствовали следующим восьми аспектам: выступали против социалистической системы; выступали против диктатуры пролетариата, выступали против демократического централизма; не признавали лидерства Коммунистической партии в политической жизни страны; организовывали группы и принимали активное участие в них с целью выступления против социализма и Коммунистической партии; замыслили план свержения руководства определенного от-

дела или низового подразделения Коммунистической партии; разжигали беспорядки против Коммунистической партии и против народного правительства; правые элементы, которые совершили вышеупомянутые преступления, дают советы, устанавливают связи, передают информацию; разглашают секреты и данные революционной организации. Количество правых элементов было сравнительно большим, и к 1958 г. суммарное число их достигло около 550 тыс. человек. Все они были лишены права работать на своих прежних должностях и затем отправлены в деревню на перевоспитание в процессе труда.

Как «средние» «правые» были определены те люди, которые просто имели замечания, касающиеся работы партии, имели сходные с правыми мысли. Они высказывали ошибочные суждения о партии и социалистической системе, но не имели враждебных намерений. Они принимали участие в действиях правых, но признали свои ошибки. Их действия не являлись такими серьезными, как у правых элементов. Члены партии из средних правых персон должны были понести наказание и изгнаны из партии или комсомола, сняты с занимаемых государственных постов. Их воспринимали не как врагов, а как людей, которые получили уроки и глубоко осознали свои ошибки.

Уроки участия интеллигенции в групповых массовых движениях

Через антиправое движение в 1950-х гг. и Культурную революцию в 1960-х и 1970-х гг. китайские интеллектуалы постепенно осознали, что групповые политические движения являются не самым хорошим способом решения проблем, а бессмысленной борьбой, которая приводит к массовому противостоянию и катастрофе в обществе. Чтобы обеспечить долгосрочную стабильность, безопасность в стране и счастье ее народа, КПК и интеллигенция поняли следующее:

— Для построения процветающего и сильного Китая нужно укрепить руководство Коммунистической партии Китая. Для того, чтобы Китай стал богатым и сильным, у него должно быть сильное руководящее ядро — КПК. Вся партия и весь народ в стране должны тесно сплотиться вокруг партии, укреплять и совершенствовать руководство партии. Необходимо сознательно бороться с ослаблением роли партии и единодушно идти вперед по пути развития социализма с китайским лицом. Надо работать на осуществление мечты о великом возрождении китайской нации.

— Для построения демократического и сильного Китая нужно разобраться в отношениях между правящей партией и другими партиями (Революционный Комитет Гоминьдана, Демократическая лига

Китай, Ассоциация демократического национального строительства Китая, Рабоче-крестьянская демократическая партия Китая, Партия Цжигундан Китая, Общество Цзюсань, Лига демократической автономии Тайваня и т.д.). В процессе движения к демократии Китай должен совершенствовать отношения между политическими партиями, особенно в вопросе многопартийного сотрудничества, и предусмотреть возможность политических консультаций под руководством Коммунистической партии. Коммунистическая партия является правящей партией, в нашем государстве нет оппозиционной партии. Все остальные партии являются участвующими партиями и парламентскими партиями. Они контролируют друг друга через установленные механизмы, совместно ведут переговоры и совместно вносят предложения, совместно создают и разделяют славу демократической страны.

— Для построения цивилизованного Китая необходимо способствовать развитию социалистической правовой системы. Чтобы построить цивилизованную страну, нам нужно продвигать вперед и развивать темпы социалистической правовой системы, строить правовое общество и правительство на основе верховенства закона. Государственные органы и отдельные граждане должны действовать в соответствии с законом и в соответствии с судебными решениями. Государство гарантирует легализацию и стандартизацию всей жизни в стране, которая не меняется со сменой руководителей страны. Это нужно для того, чтобы жизнь и деятельность людей была защищена законом.

— Для построения гармоничного Китая необходимо в полной мере давать возможность интеллектуалам внести свой вклад в общее дело. Создание гармоничной страны является основой счастья людей, а интеллигенция — важный участник строительства гармоничной страны. Необходимо дать им возможность создания свободной политической среды, которая позволит им высказывать свое мнение, обновлять свою мудрость и вносить свой вклад в социальный прогресс. Это в то же время позволит интеллигенции обрести должное уважение и любовь в обществе.

Литература:

1. *Ли Юган* Немного об антиправом движении // Социалистические исследования. 1990. №2. С. 60–62. (на кит. яз.)
2. *Пи Сюецзюнь* «Антиправое» движение в газете Гуанмин жибао. Ян Хуан Чунью, 2012. №6. С. 47–53. (на кит. яз.)
3. Редакционная статья: несколько вопросов, касающихся откровенного высказывания своих мнений // Вэньхуэй бао. 1958. 5 апреля. (на кит. яз.)
4. *Ху Ляньшэн* Новый анализ антиправой борьбы // Социалистические исследования. 1989. №3. С. 35–38. (на кит. яз.)

Советская военная интеллигенция в 1920-е гг.: количественные и качественные характеристики

И.В. Образцов

доктор социологических наук, профессор
Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия)

В дореволюционный период, по причине отсутствия «оппозиционности» правящему режиму, приверженности самодержавию и правому консерватизму, офицерство обычно противопоставлялось интеллигентному сословию, никогда не рассматривалось в качестве ее части (исключение делалось только для отдельных групп офицеров — участников декабрьского восстания 1825 г., членов «Народной воли» и др. революционных организаций).

Когда же произошло формирование новой — советской интеллигенции? Большинство историков полагает, что «новые традиции привели к появлению “советского человека” и “нового общества” не ранее рубежа 1920-1930-х годов... симбиоза, действовавшего на долгую социально-историческую перспективу» [Квакин, 2008: 16].

Для того чтобы охарактеризовать военную часть нового интеллигентного сословия этого периода, рассмотрим источники ее формирования. Советская военная интеллигенция складывалась из трех основных категорий военнослужащих:

1. *Кадровый офицерский состав* бывшей императорской армии, насчитывавший по состоянию на 1 января 1914 г.: 45 956 офицеров, в т. ч. 1263 генерала, 7370 штаб-офицеров (старшие офицерские чины от капитана/ротмистра до полковника) и 37 323 обер-офицеров (младшие офицерские чины от прапорщика/корнета до штабс-капитана/штабс-ротмистра) [Кавтарадзе, 1988: 22]. Он представлял собой достаточно закрытую касту военных профессионалов — представителей дворянства (при этом удельный вес потомственных дворян — по происхождению, составлял 51,9%, остальные были выходцами из других сословий, получивших личное дворянство с первым офицерским чином) [Зайончковский, 1973: 203]. Этот офицерский состав имел высокий образовательный уровень (большая часть — двух- и трехуровневое образование:

кадетский корпус, военное (или юнкерское) училище и военную академию). Понеся значительные невозвратные потери в ходе Первой мировой войны, к ее окончанию они составляли только 4% офицерского корпуса, 96% были офицерами военного времени [Чернавин, 1924: 214]. Гражданская война расколола их на две части, одна из которых в добровольном или в добровольно-принудительном порядке перешла на сторону Советской власти, заняла в качестве «военных специалистов» высокие посты в армейской иерархии, внесла неоценимый вклад в создание Красной армии, и в дальнейшем составила костяк советской военной интеллигенции. По подсчетам военного историка А.Г. Кавтарадзе, «в Красной армии во время Гражданской войны служили 775 бывших генералов и 1726 штаб-офицеров (в том числе 980 полковников и 746 подполковников)» [Кавтарадзе, 1988: 176], т.е. всего 2,5 тыс. офицеров.

2. *Офицеры военного времени* — офицеры запаса, призванные по мобилизации в годы Первой мировой войны, лица, окончившие ускоренный курс военных училищ или школ прапорщиков с производством в первый офицерский чин прапорщика или получивших этот чин за храбрость. Таковых насчитывалось 220 тыс. человек [Спирин, 1965: 11], многие из оставшихся в живых (общие безвозвратные потери офицеров оценивались в 50 тысяч человек), к октябрю 1917 г. уже имели чины поручиков и штабс-капитанов, командовали ротами и даже батальонами. Эта была категория офицеров всесословного происхождения: дворяне составляли не более 4%, основная масса (80%) происходила из крестьян, остальные представляли мелкую буржуазию, служащих и рабочих [Головин, 1939: 212]. Офицеры военного времени имели низкий уровень образования, не только военного (3-6 месячные курсы военного обучения), но общего образования: «в целом свыше 50% не имели даже общего среднего образования... командный состав фактически соответствовал числу лиц в России того времени, имевших какое-либо образование (хотя бы и низшее)» [Кавтарадзе, 1988: 97]. Представители этой категории в массовом порядке добровольно вступали в ряды Красной армии и составляли основу младшего, среднего и старшего командного состава. Общее число этой категории офицеров в командном составе РККА периода Гражданской войны оценивалось в 70–75 тыс. чел.

3. *Красные командиры* («краскомы») — преимущественно представители пролетарских сословий, частью участвовавшие в Гражданской войне рядовыми, частью пришедшие в армию со школьной скамьи, имевшие низкий общий образовательный уровень, впоследствии окончившие военно-учебные заведения в Красной армии. Постепенно они замещали первые две категории командного состава и к началу Второй мировой войны составляли в нем подавляющее большинство.

Анализ динамики социально-демографической структуры советской военной интеллигенции периода 1920-х годов, прежде всего, интересен с точки зрения соотношения и преемственности поколений (кадровых офицеров, офицеров военного времени и «краскомов») в ее составе. И косвенно (ввиду отсутствия других объективированных данных) позволяет сформулировать некоторые выводы о возможностях трансляции военно-корпоративных офицерских ценностей старой императорской армии представителями ее кадрового состава и офицерами военного времени новому поколению красных командиров, о попытках их замены «революционными» традициями и нормами. Ренессанс «старорежимных» офицерских традиций, начиная от возврата к прежней форме одежды и заканчивая статусным обособлением от других категорий военнослужащих произошел, пожалуй, в один из самых сложных периодов в советской военной истории.¹

Архивные данные позволяют восстановить и проанализировать качественные характеристики командного состава Красной армии в наиболее сложный период ее становления. После окончания Гражданской войны и проведения военной реформы 1924–1925 гг. произошло сокращение численности вооруженных сил в 10 раз: с 5,3 млн чел. (в 1921 г.) до 562 тыс. чел. (в 1924 г.) [Берхин, 1958: 441]. Естественно, сократилась и численность командного состава РККА, которая по состоянию на декабрь 1920 г. составляла 130 932 чел. (в их числе 73 311 чел. (56%) — бывших офицеров) [Кавтарадзе, 1988: 176]. В ходе сокращений были уволены тысячи командиров, внесших неоценимый вклад в достижение победы над врагами Советской власти.

Численность оставшегося в Красной армии командного состава в течение 1920-х гг. колебалась в пределах от 35 тыс. чел. в 1923 г. до 42 тыс. чел. в 1927 г. Он подразделялся на три основные категории: 1) высший комсостав, включавший должностные категории 10–14 тарифных разрядов (от помощника командира дивизии до командующего войсками военного округа); 2) старший комсостав — 7–9 (от командира батальона до командира полка) и 3) средний комсостав — 3–6 (от командира взвода до помощника командира батальона). Данные категории в среднем соотносились между собой, как 5% (1 855 чел.), 20% (8 214 чел.) и 75% (31 947 чел.) [Итоговая..., 1927: 1].

1. Исторические события свидетельствуют, что в критические периоды эти вытравливаемые традиции оказываются единственно верными и функциональными для консолидации офицерского состава, повышения его социального статуса и морального духа. Так в переломный период Великой Отечественной войны (6 января 1943 г. в Красной Армии и 15 февраля — в Военно-Морском Флоте) в качестве знаков отличия офицерского состава были восстановлены погоны, отмененные большевиками в русской армии 15 (28) декабря 1917 года. Командный (командно-политический) состав РККА был переименован в офицерский состав.

Как же были представлены в командном составе войсковых частей, соединений и объединений три ранее нами выделенные категории офицерского состава? Определить примерное соотношение их численности можно по косвенным показателям (уровню военного и общего образования, служебному положению в старой армии и опыту участия в боевых действиях (войнах)), представленным в статистическом отчете Управления по командному составу Главного управления РККА по состоянию на 15 февраля 1927 г.

Так, по уровню, военного образования (окончивших военные академии — 465 чел. и военные училища мирного времени — 1321 чел.) кадровых офицеров в высшем командном составе насчитывалось 26,8%, в старшем — 12,2% и в среднем — менее одного процента (0,8%). В целом в командном составе РККА — не более 1 786 чел. или 4,3% (табл. 1) [Итоговая..., 1927: 1–6].

ТАБЛИЦА 1. Характеристика командного состава РККА по уровню военного и общего образования, служебному положению в старой армии и участию в боевых действиях (войнах) по состоянию на 15 февраля 1927 г.

Показатели			Средний	Старший	Высший	Всего по РККА	
Военное образование	В старой армии	Академии	Генерального Штаба	—	1,1	9,5	1,9
			Специальные	0,1	0,8	7,0	0,5
		Военные училища	Мирного времени	0,7	10,3	13,6	3,1
			Военного времени	3,9	19,8	11,4	7,4
		Учебные команды		1,3	3,4	2,1	2,1
		Военно-учебные заведения белых армий		0,1	0,1	—	0,1
	В РККА	Военные академии		—	5,5	18,2	2,0
		Военные школы		54,6	2,8	0,5	42,1
		Курсы высшего комсостава (КВВНАС)		—	0,7	19,5	1,0
		Курсы усовершенствования		8,9	22,8	19,5	10,7
		Курсы специализации		5,8	8,2	5,4	6,1
	Без военного образования		6,2	13,2	10,0	7,7	
	Общее образование	Высшее		0,3	4,8	10,6	1,6
Среднее		13,2	45,9	60,4	21,7		
Низшее		86,5	49,9	29,0	76,7		

Соответственно, к офицерам военного времени, можно отнести всех командиров образца 1927 г., окончивших краткосрочный курс военных училищ в ходе Первой мировой войны (3097 чел.) и в белых армиях в ходе Гражданской войны (38 чел.) — итого 3 135 чел. (7,5%). Также, в их число входило некоторое количество военнослужащих, произведенных в чин прапорщика без окончания курса военно-учебных заведений. Всего за годы Первой мировой войны чин прапорщика получили 172 358 чел., из которых произведены: «по удостоверению строевого начальства» для пополнения некомплекта (из числа лиц 1-го и 2-го разрядов по образованию) — 8 128 чел. (4,7%) и «за боевые отличия» 11 494 чел. (6,7%), т.е. всего 19 622 чел. (11,4%) [Кавтарадзе, 1988: 26]. Какое их количество находилось в РККА в 1927 г. можно попытаться определить, сравнив критерии образовательного ценза и служебного положения в старой армии.

Помимо использования показателя, характеризующего образовательный ценз, проверим наши расчеты по критерию служебного положения в старой армии (табл.2) [Итоговая..., 1927: 1–6].

ТАБЛИЦА 2. Характеристика командного состава РККА по служебному положению в старой армии и участию в боевых действиях (войнах) по состоянию на 15 февраля 1927 г.

Показатели		Средний	Старший	Высший	Всего по РККА
Служебное положение в старой армии	Генералы	—	0,7	5,2	0,4
	Штаб-офицеры	0,7	4,5	15,0	1,6
	Обер-офицеры	7,5	49,0	53,2	17,6
	Военные чиновники	1,0	3,9	2,6	1,6
	Врачи	—	—	0,2	—
	Подпрапорщики, фельдфебели и унтер-офицеры	10,5	14,7	7,0	11,2
	Рядовые	10,2	9,9	7,1	10,0
	Не служившие в старой армии	70,7	17,8	8,8	57,6

Показатели	Средний	Старший	Высший	Всего по РККА
Опыт участия в боевых действиях (войнах)				
В империалистической и Гражданской войнах	6,6	26,1	28,0	11,2
Только в империалистической войне	52,6	45,8	42,3	50,1
Только в Гражданской войне	1,9	8,3	9,1	3,4
Не участвовали	38,9	20,8	20,6	34,6

Он позволяет выделить нам костяк кадровых офицеров, состоящий из бывших генералов — 154 чел. (0,4%) и бывших штаб-офицеров — 692 чел. (1,6%), итого — 846 чел. (2,0%), как минимум, 381 чел. из их не имели академического образования, а окончили только военные училища (всего академии, как мы видели выше, окончили 465 чел.). Таким образом, на долю обер-офицеров (1321-381) приходится 940 чел. из числа окончивших военные училища. Таким образом, все кадровые офицеры (154+692+940) составляют 1 786 чел. (4,3%) — число, совпадающее с предыдущим вариантом исчислений.

Исходя из этого, определим число офицеров военного времени: от общего количества бывших обер-офицеров вычитаем количество кадровых офицеров (7 412-942), получаем 6 470 (15,4%) офицеров военного времени. Как мы видели ранее, 3 135 из них получили чин прапорщика по окончании училищ военного времени и школ прапорщиков, следовательно, еще 3 335 чел. стали офицерами по другим основаниям, без получения военного образования.

Таким образом, *бывшие офицеры*, обладавшие опытом участия в Первой мировой и Гражданской войнах и продолжавшие службу в РККА в 1927 г., включали 1 786 чел. (4,3%) кадровых офицеров и 6 470 чел. (15,4%) офицеров военного времени, всего — 8 256 чел. (19,6%). В основном они занимали должности высшего и старшего командного состава. При этом кадровые офицеры имели более высокие воинские звания, должностное положение, принадлежали к бывшему дворянскому сословию (потомственные и личные дворяне) и несравненно высокий образовательный уровень по сравнению с офицерами военного времени, кроме того, корпоративные ценности офицерской службы были у них сформированы более устойчиво.

Красные командиры, не служившие в старой армии, составляли подавляющее большинство в командном составе РККА — 33 760 (80,4%) и занимали должности среднего и частично — старшего командного состава. Уровень их образования относительно первых двух категорий был значительно хуже: их обучение в военных школах (54,6%) и на различных курсах повышения квалификации (14,7%) не могло компенсировать недостатки их общего образования «краскомов» (в их число входила и часть офицеров военного времени). В частности, 86,5% из них имели *низшее образование* (характеризовавшееся как «недостаточное»: школа 1-й ступени и ниже), частично — среднее (13,2%) и мизерная доля — высшее (0,3%). Опыт участия в боевых действиях отсутствовал у 38,9% военнослужащих данной категории ввиду поступления на службу в период после окончания Гражданской войны. Военно-корпоративные ценности и офицерские традиции могли формироваться у «краскомов» только под влиянием старшего и высшего командного состава, в большей части состоявшего их бывших офицеров, составлявшего, как мы видели ранее, только 1/5 часть командного состава.

В связи с чем говоря об «интеллигентности» военного сословия того периода (если в качестве критерия таковой брать только *фактический уровень образования*), то только, 1/3 часть *армейского командного состава*, имевшая средний и высший уровень, как общего, так и военного образования, могла претендовать на обладание данным свойством.

Прогнозируемо более высоким образовательным уровнем обладал командный состав военно-учебных заведений и центральных органов военного управления, где число кадровых и офицеров военного времени значительно превышало число таковых в армейских частях и соединениях. Так, в начальствующем составе военных академий бывшие офицеры к 1930 г. составляли 38,4%, а среди преподавателей военных и военно-специальных дисциплин их количество достигало 70,5%; число бывших офицеров в командном составе Центрального аппарата Народного комиссариата по военным и морским делам достигало 50,6%.

Причины низкого общего образовательного уровня большей части армейского командного состава становятся понятными при анализе социального состава данной категории военнослужащих. По социальному происхождению в нем преобладали крестьяне (50-58%), вместе с представителями рабочего класса (от 13% до 22%), составлявшими большинство военного сословия. От 1/3 до 1/4 снижалась численность «прочих», к которым относились выходцы из служащих, дворян, мещан и др. «непролетарских» сословий (табл.3) [Диаграммы..., 1926: 8].

ТАБЛИЦА 3. Динамика командного состава РККА по социальному происхождению (1923–1927 гг.)

Социальное происхождение	Годы				
	1923	1924	1925	1926	1927
Рабочие	13,6	16,0	14,4	16,0	22,4
Крестьяне	52,7	50,2	57,7	57,2	56,0
Прочие	33,7	33,8	27,4	26,8	21,6

Повышение рабочей «прослойки» в основном достигалось за счет регулирования социального состава курсантов и слушателей военно-учебных заведений РККА (в отдельные периоды для повышения данного показателя в их число также включались представители «сельского пролетариата» — батраки). Например, в военных академиях РККА рабочая (и батрацкая) прослойка по состоянию на 01.01.1930 г. достигла 39,5% против 35,0% на 01.01.1929 г. и 27,7% на 01.12.1927 г. По отдельным ВУЗам наибольший процент рабочих и батраков отмечался среди слушателей Военно-политической академии — 71,1%, а наименьший — в военных отделениях гражданских вузов — всего 22,1% [Материалы..., 1930: 7].

По показателю социального происхождения менее «пролетарским», естественно, выглядел высший командный состав, включавший значительное число кадровых офицеров: представителей прочих сословий — 60,9%, крестьян — 26,5% и рабочих — только 8,3%; в старшем командном составе «прочие» были уже в меньшинстве — 40,8%, преобладали крестьяне — 44,5% при повышавшемся числе рабочих — 14,7%. Самым «пролетарским» характеризовался средний комсостав, пополнявшийся выпускниками военных школ: при 14,3% «прочих», 60,5% крестьян и 25,2% рабочих. В целом по командному составу РККА соотношение этих трех социальных групп выглядело как примерно равное число представителей рабочего класса и «прочих» сословий (22,4% и 21,6%) при доминировании выходцев из крестьян (56%) [Итоговая..., 1927: 5].

В это же самое время красноармейский состав РККА, на фоне которого, комсостав по образовательному критерию вполне выглядел «интеллигентно», в полной мере репрезентировал свойства социальной структуры советского общества того периода. В частности, среди призывников 1928 г. грамотных «с образовательным цензом» было — 31%, грамотных «без окончания школы» — 23,5%, малограмотных — 32,5% и неграмотных — 13%. Крестьяне составляли 74,8% от призывного контингента, рабочие — 16,3%, батраки — 2,7%, служащие — 3,8% и «прочие» — 2,4% [Материалы..., 1928: 22, 24].

Таким образом, советская военная интеллигенция в период своего формирования в 1920-е гг. представляла собой разнородное по своему составу социальное сословие, большая часть которого (4/5), представлявшая «красных командиров», по своему образовательному, а, следовательно, и по культурному уровню, и социальному происхождению мало чем отличалась от красноармейской массы и, по сути, не имела признаков «интеллигентности».

Литература:

1. *Берхин И.Б.* Военная реформа СССР (1924–1925). М.: Воениздат, 1958.
2. *Диаграммы к характеристике командного состава РККА в социально-демографическом отношении (1923–1926) // РГВА: Ф. 37837. Оп. 1. Д. 564. Л.1-17.*
3. *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М.: Мысль, 1973.
4. *Итоговая таблица социально-демографического учета комсостава по данным на 15.02.1927 г. // РГВА: Ф. 37837. Оп. 1. Д. 600. Л.1-6.*
5. *Квакин А.В.* Русская интеллигенция и советская повседневность послереволюционной России (1917–1927 гг.) // Интеллигенция и мир. 2008. №4.
6. *Кватарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республике Советов 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988.
7. *Материалы по призыву на военную службу и характеристика призывных контингентов в период 1924-1928 гг., 1928 г. // РГВА: Ф.7. Оп.14. Д.2. Л.1-55.*
8. *Материалы, характеризующие начсостав Красной Армии и состояние высшей допризывной подготовки, 1930 г. // РГВА: Ф.7. Оп.14. Д.3. Л.1-13.*
9. *Спирин Л.М.* В.И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. №4.
10. *Чернавин В.В.* К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования // Военный сборник. Кн. V. Белград. 1924.

Мемуары Елизаветы Постниковой «Записки революционерки» как источник информации в историко-социологических исследованиях¹

М.В. Ломоносова

кандидат социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

В современном источниковедении существенное место занимает проблема мемуаристики. Имеется значительная литература по теории мемуаристики, в которой источники личного происхождения рассматриваются как явления культуры, как важный исторический источник [Павловская, 2006]. Частная переписка, дневники и мемуары принадлежат к одной группе документов — источники личного происхождения. И если в филологии и литературоведении мемуары рассматриваются как один из жанров литературы, то для социолога они приобретают совершенное иное значение. Личные документы, составленные частным лицом по собственной инициативе (письма, автобиографии, мемуары, дневники, тексты выступлений), содержат важную для социологов информацию. Мемуары или воспоминания, представляют наибольший интерес, так как в отличие от других документов личного происхождения, могут содержать уникальные данные об описываемых исторических событиях и социальных процессах.

В качестве примера использования мемуаров как источника информации в историко-социологических исследованиях рассмотрим воспоминания Елизаветы Постниковой «Записки революционерки». В рамках настоящей статьи остановимся лишь на наиболее значимых критериях анализа мемуаров.

Введение

Мемуары Елизаветы Викторовны Постниковой «Записки революционерки» продолжают традицию «Воспоминаний революционера» Пе-

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01168 А. «Российская социология на изломе эпох (1917–1937): от социологического анализа социальных проблем периода Русской революции 1917 года к сохранению российских исследовательских академических традиций в Европе и Америке».

тра Кропоткина, «Запечатленного труда» Веры Фигнер и «Листков из русского дневника» Питирима Сорокина. «Записки» охватывают период деятельности Е.В. Постниковой в рядах Партии социалистов-революционеров (1904–1909) и переносят читателя в начало прошлого века в Петербург, Киев, Баку, Ялту и другие города Российской Империи, сотрясаемой революционными волнениями. «Записки» позволяют взглянуть на переломную эпоху без идеологических клише и открывают перед читателями ХХI в. жизнь, которой жили тысячи людей, вовлекаемые в водоворот революции.

Автор мемуаров. Основные вехи биографии автора

Елизавета Викторовна Постникова (урожденная Ящуржинская) родилась 23 августа 1884 г. в Святошине (ныне в черте Киева) в семье надворного советника, учителя Второй киевской гимназии — Ящуржинского Виктора Кирилловича и его супруги Анны Ивановны. Закончив Киевскую женскую гимназию, в которой она обучалась с 1895 по 1903 г., она в 1903 г. приехала в Петербург, чтобы получить медицинское образование в Повивальном институте. Но революция изменила все ее планы. Примкнув к студенческому движению, она вступила в партию эсеров, в марте 1905 г. была арестована. По сведениям Санкт-Петербургского Охранного Отделения в ее квартире производилось печатание преступных изданий партии социалистов-революционеров и в результате обыска были обнаружены мимеограф и 250 экземпляров «Манифеста СПб Рабочего Союза Партии социалистов — революционеров». Так началась ее новая жизнь — жизнь революционерки. После ареста она провела в заключении около полугода, затем работала среди рабочих и военных в Киеве, в Крыму и в Баку. В 1910 г. вышла замуж за Сергея Порфирьевича Постникова, с которым прожила всю жизнь [Дойков, 2010]. В 1912–1914 гг. Елизавета Викторовна вместе с мужем принимала участие в издании журнала «Заветы», выходившем в Петербурге. За эти годы она пережила глубокую личную трагедию — смерть своего первенца, сына Вити. В 1915 г. на свет появился сын Коля, но злой рок продолжал преследовать их семью — в 1920 г. пятилетний мальчик умер. Как напишет она, спустя годы, в своих «Записках революционерки»: «Есть смерть ребенка у молодой матери — это почти что, если вырвать кусок мяса из груди матери, когда из нее еще каплет молоко или когда на ней — на этой груди — осталась ямка от лежащей головки мертвого ребенка. Эта смерть — ужасна» [Постникова, 2018: 35]. Смерть второго сына, произвела такое впечатление на Елизавету Постникову, что для того, чтобы вывести ее из состояния тяжелого горя и утраты, Сергей Порфирьевич решил радикально переменить обстановку и эмигрировать. В 1921 г. они

перешли финскую границу, затем жили в Берлине, в 1923 г. по приглашению Чехословацкого посла в Германии Властмила Тусара переехали в Прагу. Умерла Е.В. Постникова 4 марта 1961 г. в Праге.

Время и место написания мемуаров

«Записки революционерки» были написаны ещё в 1924–1925 гг. в Праге, но так и не были опубликованы вплоть до 2018 г. в силу разных причин: идеологических, политических и личных. Копии машинописной рукописи «Записок» находятся на хранении в Славянской библиотеке (Прага, отдел Национальной библиотеки Чешской Республики) и архиве Института русской литературы РАН (Пушкинском Доме, Санкт-Петербург). Причем машинописная рукопись «Записок революционерки» не содержит опубликованные еще при жизни фрагменты мемуаров Елизаветы Постниковой: «21-й год» // Архив Русской революции, 1924. Т.13; «Детство в Киеве» // Воля России, 1925. №7–8; «Юность» // Воля России, 1926. №2; «Лето» // Воля России, 1927. №7.

Хронология описываемых событий указывает, что были опубликованы только начало и конец мемуаров, а основная их часть была передана на хранение в архив Славянской библиотеки и Пушкинского Дома.

Цель написания мемуаров

Елизавета Постникова на первой странице своих мемуаров дает следующий подзаголовок «Памятник неизвестному революционеру» и пишет: «Так назвала я свои воспоминания за период свыше двадцати лет моей революционной деятельности в рядах партии социалистов-революционеров. В них бесконечной вереницей проходят лики умерших, погибающих и погибших революционеров» [Постникова, 2018: 34]. Таким образом, основная цель мемуаров Е.В. Постниковой — сохранить и передать для будущих поколений не столько информацию о вехах своего жизненного пути, сколько информацию об истории партии-социалистов революционеров и ее рядовых членах. Цель мемуаров реализуется в трех основных задачах: описание значимых исторических событий; представление подробной информации об участниках событий; введение в оборот широкого спектра дополнительных источников информации (редкие издания, периодическая печать, партийные документы, воспоминания других участников описываемых событий). Хронологические рамки «Записок революционерки» не ограничиваются только фактами из биографии Е.В. Постниковой, она не замыкается в своем повествовании на самой себе, ее интересуют окружающие люди, эволюция революционных идей, а история революционного народничества и партии эсеров предстает на страницах мемуаров сквозь призму имен и

судеб революционеров. Безусловно, как и любые воспоминания, «Записки революционерки» носят субъективный характер, но это не умаляет их ценности. На это указывает и сама Елизавета Постникова:

«Я не буду и не смогу здесь говорить об истории Киевского революционного движения до меня, о нем можно составить представление по изучению литературы, документов и материалов, имеющихся в архивах и в библиотеках. Я не могу даже бегло дать абзаца студенческого движения в Киеве <...>. Поэтому я буду говорить только о том, что видела и слышала сама» [Постникова, 2018: 130–131].

«Что видела и слышала сама» — именно этот принцип описания фактов и событий характеризует мемуары, а портреты людей, окружавших автора в жизни, окрашены ее личным восприятием. Именно такие «личные портреты» многих известных исторических личностей и забытых революционеров представлены на страницах «Записок революционерки». Вот только некоторые из них:

Григорий Андреевич Гершуни, глава Боевой организации Партии социалистов-революционеров до 1903 г. «Потом шел Гершуни — он так не похож на своих партнеров, что хочется всех их уничтожить. Он был блондин, у него были синие глаза, темные-претемные и, можно даже сказать, очень красивые и над ними черные мефистофельские брови. Очень обходительный, ласковый человек. На вид можно сказать, что это молодой профессор, а не «Капустин», который в арестантской блузе отбывал каторгу. «Капустиным» он именовался на съезде Партии, после побега из тюрьмы в бочке от капусты» [Постникова, 2018: 311].

Евно Фишелевич Азеф, российский революционер-provokator, один из руководителей партии эсеров и одновременно — секретный сотрудник Департамента полиции. «Теперь опишу Азефа Ивана Николаевича. Фотографии его совершенно правильно передают его физиономию. Только на фотографии нет ни его цвета, ни его веса. Вес очень большой — восемь пудов, а может быть, и больше. Как женщина, я замечаю мелочи: Азеф не мог сидеть на кресле, поставив рядом ноги, и он расставлял их, и его беременный живот лежал между ногами на кресле. Было противно и не эстетично. Несмотря на то, что он подбадривал меня, я не очаровалась им, как пишут советские гимназистки. Яркие щеки, страстные губы, чувственный рот широко заканчивали его орангутанское лицо. Волосы были черные, щетинистые и ежиком стояли на круглом черепе» [Постникова, 2018: 312].

Александр Алексеевич Ховрин, учился в Московском университете, был выслан по делу беспорядков 1900-х гг. в Восточную Сибирь. «Это был Александр Алексеевич Ховрин, с.-р., сын известного психиатра Ховрина в Тамбове, друг в студенческие годы Чернова, друг, вер-

нее, ментор Дзержинского, которого он один мог сдерживать, когда тот был во власти своих низменных инстинктов пьянства. Друг Церетели. Он же был бессменным председателем в течение трех суток сходки в Манеже, когда их там застали. Дальше была Якутка. Если не ошибаюсь, за ним были две Якутки позади за полярным кругом, откуда он вышел снова таким, каким и вошел». [Постникова, 2018: 230].

Портреты лидеров партии эсеров и ее рядовых членов, жандармов и политиков, близких людей и известных исторических личностей представляют особый интерес для читателей и исследователей, так как несут в себе большое количество уникальной информации. Составление именного указателя к «Запискам революционерки» потребовало кропотливой работы с библиографическими источниками, революционной периодикой, архивными документами. Были выверены все имена, события и даты. В итоге текст воспоминаний объемом около 200 страниц содержит более 500 комментариев, а именной указатель включает более 450 имен. Необходимость введения обширного справочного аппарата в форме комментариев и именного указателя, является ярким свидетельством того, что буквально каждая страница рукописи Елизаветы Постниковой, отвечая лучшим традициям конспирации эсеров, имела двойное дно и скрывала от случайного читателя истинную информацию. Благодаря тому, что в наши дни уже открыты архивные фонды, связанные с деятельностью эсеров, многие имена и события были проверены и восстановлены в деталях с опорой на конкретные архивные документы.

Исторические события, описываемые в мемуарах, и актуальность их осмысления

Центральным историческим событием «Записок революционерки» Е.В. Постниковой является Русская революция 1905 г. И именно это придает мемуарам особую ценность.

Революция 1905 г., последовавшая затем реакция, революция 1917 г. внесли свои коррективы не только в географические названия городов и улиц, но с неизбежностью изменили траектории жизней и судеб миллионов людей. В наши дни, после более чем 30-летнего забвения тема Русской революции 1917 г. вновь стала предметом политических дискуссий в средствах массовой информации. В этом противостоянии публицистики, политики и науки, как и в прошлые периоды отечественной истории, явную победу одерживает политика, формируя на уровне общественного сознания массу ложных стереотипов о революции. Таким образом, историческое сознание и память миллионов людей подвергается целенаправленному искажению. С одной стороны, у старших поколений еще живы представления о Великом Октябре 1917 г. и его всемирно-

историческом значении, а у молодежи сформирован совершенно иной взгляд на Русскую Революцию 1917 г. как некую «ошибку», «случайный поворот истории» или «заговор против России». Эта трансформация исторического сознания произошла очень стремительно в короткий исторический момент времени. И этому есть две основные причины.

Во-первых, историческая память о Русской революции 1917 г., изначально была сильно мифологизирована. Советские историки, работая в условиях жестких идеологических ограничений, оценивая значение революционных трансформаций, справедливо утверждали о том, что 25 октября (7 ноября) 1917 г. в России победила Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру всемирной истории. При этом, главную роль в этом историческом процессе они отводили рабочему классу, возглавляемому партией большевиков, который смог свергнуть капитализм, как единственную и всеохватывающую общественно-экономическую систему, построив на одной шестой части земли новое социалистическое общество, и подарив человечеству надежду на социальную справедливость в форме коммунистической утопии. Таким образом, основное внимание историков было приковано к истории Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (РСДРП), в то время как роль другой партии, внесшей огромный вклад в революционный процесс и занимавшей ведущее место в системе российских политических партий до 1917 г. — Партии социалистов-революционеров (эсеры, ПСР) оказалась на обочине научного осмысления. Вместе с этим и Русская революция 1905 г. осталась в тени исторического сознания, несмотря на то, что она была первой социальной революцией в России, в результате которой оформились в ясно очерченный партийный ландшафт те течения — социалистическое, либеральное, консервативное, националистическое, которые впоследствии структурировали российское политическое сознание вплоть до Русской революции 1917 г. Несмотря на то, что сегодня открыты архивы для исследователей и сняты грифы «совершенно секретно» со многих архивных фондов и документов, новых работ по истории революционного движения очень мало. Поэтому миф о Русской революции 1905 г. как «генеральной репетиции Октября», созданный в советское время, остается в исторической памяти практически без изменений.

Во-вторых, историческое сознание, являясь частью общественного сознания, в девяностые годы XX в. подверглось глубинным трансформациям. Распад Союза Советских Социалистических Республик, повлек за собой ломку не только экономической системы, но и идеологической. И вполне закономерно, что в историческом сознании уже бывших советских граждан необходимо было полностью изменить

представление об отправной точке истории СССР — Великой Октябрьской социалистической революции. На фоне бурного расцвета массовой культуры, желтой прессы и шоу-бизнеса эта задача не представляла особой сложности. Скандальные сюжеты из жизни бывших героев, фильмы и сюжеты, опирающиеся не на научные исторические исследования, а мифы и легенды, стали основным инструментом формирования общественного сознания.

Одна из задач науки и научного осмысления состоит в расшатывании и опровержении мифов и ложных представлений, прочно укоренившихся относительно тех или иных явлений и событий. Поэтому актуальность публикации и последующего изучения исторических документов ушедшей эпохи в наши дни неоспорима. Как уже отмечалось, мемуары, дневники, публицистика, архивные документы служат ценным источником информации, как для историков революционного движения, так и для социологов при проведении историко-социологических исследований. На протяжении почти всего двадцатого века марксистский подход не позволял создать полную и объективную картину истории Русской революции 1917 г., а для исследователей многие темы были попросту закрыты. Доступ к литературе и архивным источникам был ограничен. Сегодня, когда открыты для исследователей специальные фонды и хранилища библиотек и исторических архивов, а с большинства документов периода Русской революции снят гриф «Совершенно секретно», появилась возможность реконструировать историю России без идеологических искажений. В исторических и социальных науках советского периода темы, связанные с историей партии эсеров, ролью личности в истории и революционной повседневностью практически не рассматривались, поэтому мемуары «Записки революционерки» Е.В. Постниковой выступают в качестве бесценного источника информации как для историков, так и для социологов.

В «Записках революционерки» содержится информация, отражающая не только процессы политической социализации молодежи, но и методы ее радикализации, используемые политическими партиями в начале XX в. Именно в 1905 г. политическая агитация и пропаганда стала массовой и вышла из подполья. Большую службу сослужили в этом отношении Указ и Манифест от 18 февраля 1905г., которые установили нечто вроде права обсуждения проблем власти частными лицами, с целью внесения предложений по усовершенствованию государственного устройства. Опираясь на это право или, вернее, на вызванную указом растерянность местных властей, агитаторы созывали сельские сходы и побуждали их принимать резолюции об отмене частной собственности на землю и о созыве народного представительства.

Члены политических партий распространяли литературу, устраивали митинги и собрания для учащейся молодежи, поэтому нет ничего удивительного в том, что именно в это время огромное количество молодых юношей и девушек пополнило ряды всех политических партий и течений. Для многих из них этот выбор был судьбоносным, так как последующий водоворот революционных преобразований с неизбежностью повлиял на их жизнь. Так, например, Питирим Сорокин и Николай Кондратьев, вступившие в партию эсеров совсем юными в период русской революции 1905 г., к 1917 г. стали уже способными принимать самостоятельные решения и участвовать в политической жизни страны. К этому времени они успели получить блестящее образование — закончить Санкт-Петербургский университет и зарекомендовать себя в научном сообществе. Но это произошло во многом благодаря тому, что, вступив в ряды партии эсеров, они не встали на путь террора.

«Вас мы решили не брать в Боевую Организацию», — такой ответ дал Григорий Гершуни Лизе Ящуржинской на ее заявление о вступлении в ряды Боевой организации Партии социалистов-революционеров и, тем самым, он защитил ее от террора и сохранил ей жизнь. Но «Записки революционерки», возвращая читателя к трагическим событиям прошлого, описывают судьбы и тех революционеров, кто встал на путь террора... Тем не менее, чтобы у современного читателя «Записок» не возникло смещение фокуса восприятия терроризма как явления, отметим, что само понятие «террор» — это, прежде всего понятие историческое, которое имеет долгую жизнь, «реальную», является полисемантическим и вариативным, в разных ситуациях оно наполняется собственным содержанием, сохраняя при этом, наиболее общие признаки. И самый главный признак — это *абсолютное обесценивание жизни человека*. И поэтому ему нет и не может быть никакого оправдания, ни в прошлом, ни в настоящем. Трагизм судеб героев «Записок революционерки» является ярким тому подтверждением.

Литература:

1. Дойков Ю.В. С.П. Постников. Материалы к биографии. (1883–1965). Архангельск, 2010.
2. История теоретической социологии. Т. 1. М.: Канон, 1997.
3. Павловская С.В. Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX — начала XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2006.
4. Постникова Е.В. Записки революционерки / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. М.В. Ломоносовой, Ю.В. Дойкова, Л. Бабка. СПб.: Скифия-принт, 2018.

Положение интеллигенции в странах бывшей Югославии

В. Драшкович

доктор экономических наук, профессор, руководитель
Комиссии докторской академической студийной программы
«Менеджмент в морском хозяйстве»,
Университет Черногории (Котор, Черногория)

С. Баук

доктор технических наук, профессор, заместитель декана
Факультета морского хозяйства,
Университет Черногории (Котор, Черногория)

Р. Евович

доктор экономических наук, профессор, ректор университета «Медитеран»
(Подгорица, Черногория)

Введение. В процессе 30-летнего постсоциалистического перехода к «рыночной экономике» в странах бывшей Югославии на положение интеллигенции влиял целый комплекс тормозящих факторов. Среди них основную роль играл политический фактор, подрывающий высокое положение интеллигенции в обществе. Это проявилось: в значительном падении качества начального и высшего образования; высоком уровне безработицы среди средних слоев населения; увеличении дефицита демократических институтов; кризисе ценностных ориентаций; догматизме, негативном отборе и редукции выбора; различных формах социальной патологии (и насилия), свертывании организационных форм деятельности интеллигенции (научные институты, профессиональные объединения и др.); введении меркантилистской и псевдо-неолиберальной системы ценностей и новой формы партийной «монополии на правду» [Draskovic, 2015: 97; Delibasic, 2016: 149]. В таких обстоятельствах доминировали узкие интересы привилегированных лиц, создались «новые элиты» (политические, экономические и социальные). Все это привело к несправедливому перераспреде-

нию национальных ресурсов. Интеллигенция игнорировалась и была обречена на простое выживание. Влияние данных тормозящих факторов привело к сокращению социально-культурного капитала интеллигенции [Delibasic, 2014: 15].

Интеллигенция и квази-интеллигенция. Под термином «интеллигенция» обычно понимается просвещенный слой общества, занятый умственным трудом, цель которого — бороться за интеллектуальный и социальный прогресс. Речь идет о группах людей — носителях и творцах передовых идей. Они живут этими идеями, способствуют созданию, утверждению и расширению социальных, образовательных, научных ценностей общества. Интеллигенция поддерживает свою репутацию и творческий авторитет главным образом в области искусства, литературы и науки. Ее характеризует критическая мысль и способность инициировать социальные изменения.

Однако определение статуса интеллигенции в обществе сопровождается дискуссия [Misztal, 2007: 14], возникающая при ответе на вопрос: «Должна ли она быть аутсайдером или интегрированной в общество; быть конформистом или бунтарем; диссидентом или частью элиты; склонной к критике или соглашательству?» Разумно принять определение интеллигенции как образованного слоя общества, имеющего значительные достижения в области науки, журналистики, литературы, искусства, что обеспечивает ему соответствующую социальную репутацию и авторитет.

Взяв за основу точку зрения Э. Баумана [Bauman, 1989: 1], что интеллигенция в своем сознании объединяет знания, правду, моральные ценности и эстетические суждения, ее можно понимать в качестве конкретного и специфического слоя людей (умных, отважных, образованных, квалифицированных, опытных и изобретательных), которые действуют в ключевых социальных областях (политике, бизнесе, образовании), оставаясь частью народа.

К сожалению, разными политическими (включая голосование) и экономическими (активная роль капитала) механизмами, власть (меньшинство) доминирует, контролирует и управляет бизнесом, народом и образованием, а потому и большинством интеллигенции, выступающей оппонентом правящего класса. Власть пользуется разными идеологиями, мифами и риторикой (о глобализации, консьюмеризме, неолиберализме, предпринимательстве, равенстве, плюрализме, конкуренции и др.), которых нет в реальной жизни! Это происходит потому, что в обществе доминирует квази-интеллигенция, выступающая с позиций апологетики. Все сказанное характеризует кризис интеллигенции.

В политическом процессе, где существуют избиратели, максимизирующие выгоды и политические партии, максимизирующие число голосов, нет альтруизма. Выгоды имеет только узкая группа привилегированных людей, перекладывающих издержки на общество. Отсюда концентрированные интересы меньшинства выигрывают по сравнению с фрагментированными, разобщенными интересами большинства. Прогрывает и интеллигенция, поскольку находится среди большинства.

Положение интеллигенции при социализме. Интеллигенция в бывшей Югославии (1945–1991гг.) никогда не была настолько массовой и организованной, чтобы выполнять специфическую функцию культурно-политического посредничества между властью и народом. В условиях слабо развитого гражданского общества и дефицита демократических институтов, эту роль выполняли партийные идеологи. Исключая возможные идеологические интерпретации, Е. Морин [Morin, 1977] определил интеллигенцию как людей, обладающих культурно-значимой профессией, занимающих неопределенную политическую позицию и выступающих носителями универсального сознания. Следует отметить тот факт, что, будучи главным субъектом духовного производства, югославская интеллигенция никогда не играла значительной политической роли, т.к. не имела прямого отношения к реалиям общественной жизни. Не участвуя в проведении конкретных реформ, она, тем более, не была способна контролировать деспотизм государства и тиранию рынка.

При социализме интеллектуалов отличали утопические представления о знании и политике. В свою очередь, власть стремилась нейтрализовать интеллектуальную ответственность интеллигенции, поощряла ее молчание и наблюдение за происходящим со стороны, что превращало интеллектуалов в конформистов и соглашателей. Свобода мысли воспринималась властями как подрывная деятельность. Интеллигенция была желательна в качестве связующего звена между институтами, производящими знание, и институтами, осуществляющими власть.

Подчиненное политическое и экономическое положение интеллигенции в структуре общества, ее «пассивную» роль власти подчеркивали тем, что размещали в качестве прослойки между управляющим и рабочим классами. Это соответствовало статусу «средний класс». Доминирующее положение заняла партийная элита, которая возглавила государство и экономику, имела монополию на информацию, контролировала производство и распределение материальных благ, осуществляла подбор и выдвижение персонала на стратегически важные должности, а также формулировала господствующую идеологию.

Интеллигенция действовала в условиях имитации гражданского общества, которое «возникло» за несколько лет из довоенного, на 99% крестьянского общества, благодаря ускоренной индустриализации. От послевоенного восстановления страны (в котором преобладало копирование советских методов), посредством рабочего и общественного самоуправления, до кризиса социализма в конце 1980-х гг. значительную часть интеллигенции составляли люди из структур, уничтоженных в ходе Второй мировой войны. Для них были характерны идеологическая (оппозиционная) преемственность и диссидентский статус. Объяснение данного факта специфично и просто: пока социалистический слой набирал кадры для реконструкции и строительства страны (трудовые акции и т. д.), дети бывших врагов (коллорабонаристов) получали образование в разных вузах, а позже они получили работу и продолжили «лелеять» идеи своих отцов.

Вторая часть югославской творческой интеллигенции была воспитана на идеях марксизма, антифашизма, коллективизма и интернационализма. Третью часть интеллигенции составляли выжившие белогвардейцы — эмигранты из революционной России, которые до Второй мировой войны доминировали в черногорской и сербской интеллигенции (80-90%).

Существовала и критическая интеллигенция, но она составляла относительно небольшую группу людей. К их числу относились харизматичные ученые, профессора университетов, преподаватели средних школ, журналисты. Они грамотно, радикально и аргументировано занимали позицию защитников объективного знания и противников невежества. Таким образом, интеллектуальный слой, кажущийся однородным, идеологически был неоднородным.

К началу переходного периода стало очевидным, что социализм переживает глубокий кризис. Интеллигенция, главным образом из рядов оппозиции, получила возможность открыто критиковать неудачный социалистический эксперимент и подготовить почву для реализации своих «либеральных» идей и ценностей, в частности, справедливости и демократии.

Часть национальных политических элит вместе с некоторыми группами интеллигенции приняли национализм в качестве основного элемента идеологического сплочения. Это и стало основным фактором, вызвавшим распад Югославии. Тем самым часть интеллигенции непосредственно способствовала ухудшению своего положения в последовавшем кризисном будущем.

Положение интеллигенции в переходном периоде. Начало переходного периода обозначил крупный социально-экономический кри-

зис, повлиявший на трансформацию творческой гуманистической интеллигенции. В постсоциалистическом обществе происходили процессы переоценки ценностей и переосмысления понятий, вызванные крушением марксистской догматики. На изменение ценностных ориентаций интеллигенции повлияли глобализация и, больше всего, сладкозвучные неолиберальные обещания свободы и лучшей жизни. Но это невозможно в условиях, когда хорошие идеи реализуют плохие люди. На место одной догмы — коллективизма, пришла другая — привилегированного индивидуализма.

В процессе быстрых институциональных изменений и ценностных приоритетов, интеллигенция была лишена своего социального статуса, немалой части доходов, а то и средств к существованию. Появились «новые элиты» и новые формы тоталитаризма, за которыми последовала новая политическая культура, демонизирующая прошлое и прославляющая неолиберализм современности.

В ходе перераспределения социальных ролей и функций, интеллигенция потеряла свою прежнюю творческую идентичность, безопасность и статус в обществе, но взамен получила большую свободу слова, которая, однако, была маргинализована в условиях разрушительного псевдоинституционального монизма и высокой степени социальной патологии. Она объективно стала «мертвой буквой на бумаге». Численно слой интеллигенции резко уменьшился и почти вымирает. Это результат системного разрушения образования и, прежде всего, высшего образования. Лучшим свидетельством этого является инфляция дипломов, огромная безработица и переход от производства к сервисно-меркантильной деятельности со значительной долей «черного рынка».

Прежнее серьезное участие интеллигенции в творческих процессах сегодня заменено резкой и пылкой оппозиционной критикой, вызванной борьбой за власть. В этой борьбе интеллигенции нет места. В схватке за выживание часть интеллектуалов мимикрировали под «демократов», «либералов» или «реформистов» (так называемая «аморальная интеллигенция»).

Вульгаризация знаний или их игнорирование, поток примитивных, вульгарных анахронических диссертаций, плагиата и книг с грамматическими ошибками свидетельствуют о невероятном интеллектуальном падении. Стратегия массового высшего образования с тенденцией к дебилизации преподавательского состава явно имеет преднамеренную цель оглушение народа с целью долгосрочного контроля над ним. Многие политики и партийные работники (некоторые из которых были сотрудниками полиции, репатриантами в начальной

школе и т.д.) каким-то невероятным способом получили научную степень доктора наук и стали профессорами университетов. В результате люди без научных заслуг заняли места в важных научных органах и устанавливают для подготовки будущих ученых жесткие критерии, которым сами не удовлетворяют!

Разочарование основной массы населения в неолиберальных реформах, проповедником и проводником которых была псевдоинтеллигенция, фальшивая интеллигенция или откровенные шарлатаны [Тарасов, 2002], демотивировало подлинную интеллигенцию. Она почти обезглавлена, с небольшими шансами на выздоровление. Все это привело к значительной эмиграции интеллигенции.

Монополистическим структурам интеллигенция мешает. Потому они ее ломают, изолируют, унижают и уничтожают на массовом уровне, на уровне бизнеса и образования. Тотальное недоверие к интеллигенции, ее изоляция и игнорирование ведет к ее дезорганизации, что непродуктивно и не соответствует реалиям развитых стран мира.

Пределы развития интеллигенции. Эти пределы существовали всегда на уровне принятия профессиональных решений, но не важнейших стратегических вопросов социально-экономической жизни. Существовали также ограничения для независимости интеллигенции, рабочие места которой всегда были зависимы от потребностей политической системы. Параллельно с этим существовала и ее духовная автономия.

Однако мы считаем, что основным барьером для интеллигенции была политическая вовлеченность ее членов — зависимость от власти. Особенно это относится к членам академического сообщества, которые часто не защищали репутацию интеллектуалов [Rosić, 2014: 98]. Причины «предательства интеллигенции» [Benda, 1996] были чисто эгоистичными: реализация выгод, стремление к власти и/или человеческая трусость. Особо выразительны сообщения СМИ, что на руководящих должностях в высшем, среднем и начальном образовании процент членства в партии приближается к абсолютному (100%). В этом смысле юмористически звучит рассказ о «автономии» факультета, университета и профессии.

Пределы развитию интеллигенции наложили и двойные стандарты. В качестве примера: Болонская декларация привела к разделению высшего образования на государственное и частное. Этим актом обесценивается не только самая творческая часть интеллигенции, но также значительные научные результаты и национальная культура.

Объективные препятствия развитию интеллигенции создают интеллектуальная специализация, ограниченный доступ к информации,

узкие рамки политической свободы и зависимость от СМИ. Некоторые авторы [Misztal, 2007: 36; Bettenco, 2009: 115] полагают, что растущая сила СМИ ограничивает возможности интеллектуалов, поскольку способствует подозрительному отношению общественности к ним. С другой стороны, выросло число «медиаинтеллектуалов», играющих роль медиазвезд, хотя их авторитет спорен. Это включает появление многих самопровозглашенных «аналитиков СМИ», у которых нет научных и интеллектуальных заслуг. Популяризация новой медиакультуры привела к замене интеллектуалов медийными личностями [Collini, 2006: 451].

В течение трех десятилетий переходного периода своеволие привилегированных лиц не имело моральных, правовых, институциональных и других социальных ограничений. Алчность стала движущим инстинктом: обогатиться любой ценой. Извращенный индивидуализм немногих был возведен в социальную и цивилизационную норму. Доминировали интересы бизнесменов, лоббистов и неолибералов-теоретиков [Delibasic, Grgurevic, 2014]. Институты государственного регулирования были поставлены на службу интересов партийно-политических функционеров. При этом игнорировались и ущемлялись интересы рядовых граждан. В институциональном вакууме реализовалась рейдерская идеология неолиберализма в качестве вульгарного квази-институционального монизма [Delibasic, 2016: 149].

Независимо от относительно высокой степени гарантированной свободы выражения мнений, все социальные действия интеллигенции строго контролировались. Поэтому закономерно, что она активно или пассивно, более критически или менее, выступала против любой формы политического абсолютизма и институционального насилия. Она всегда была малочисленным и неоднородным социальным классом, объединявшим людей различных видов деятельности и статусов, положения в иерархии, интересов, стремлений и взглядов. Это не позволяло осуществлять им сколько-нибудь массовые совместные действия по захвату власти или влияния на власть.

Отсюда возникают разнообразные нападки на интеллигенцию, которая, якобы, ориентирована на элиту или стремится к собственной власти. Это испытанный метод маргинализации интеллигенции и ее отделения от потенциальной аудитории голосования — поддержки на выборах.

Выводы. Доминирование политики и идеологии над общественными движениями и знаниями обусловили резкое ухудшение социально-экономического положения интеллигенции. Политика постоянно вытесняла интеллигенцию из сферы универсальной и представительной деятельности в сегментированную экспертно-профессиональную

деятельность. Это минимизировало ее роль в сохранении, расширении и увеличении знаний, духовных ценностей и критики негативных явлений в обществе.

Долгосрочное воспроизводство экономического и институционального кризиса общества обусловило кризис интеллигенции. В интересах социально-экономического развития страны необходимо как можно быстрее преодолеть все догматические и квази-институциональные ограничения развития интеллигенции. Это основные предпосылки для истинного улучшения положения интеллигенции и стимулирования ее развития.

Литература:

1. Тарасов А.Н. Откровения бывшего интеллигента // Свободная мысль — XXI. 2002. №2.
2. Bauman, Z. (1989) *Legislator and Interpreters: On modernity, post-modernity and intellectuals*, Cambridge: Polity Press.
3. Bettenco Urt Pires, M.L. (2009) Public intellectuals — past, present, and future // *Comunicacao & Cultura*, No.7, p. 115–130.
4. Delibasic, M. (2014) The Post-socialist Transition Through the Prism of O. Williamson's Insight // *Montenegrin Journal of Economics*, No.10(1), p. 13–24.
5. Delibasic, M. (2016) Hypothetical Matrix for Institutional Modeling of the Basis for Economic Development in the Countries of Southeast Europe // *Montenegrin Journal of Economics*, No.12(2), p. 147–159.
6. Delibasic, M., Grgurevic, N. (2014) Framework for Researching the Modelling Possibilities of Institutional Behavior // *Montenegrin Journal of Economics*, No9(4), p. 65–75.
7. Draskovic, V. Neoliberal Totalitarianism // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 31, М.: ЦЭМИ РАН, 2015. С. 95–100.
8. Draskovic, V., Draskovic, M. (2012) Institutional Nihilism as a Basis for Anti-Development Policy // *Montenegrin Journal of Economics*, No.8(1), p. 119–136.
9. Misztal, B.A. (2007) *Intellectuals and the Public Good: Creativity and Civil Courage*, New York: Cambridge University Press.
10. Morin, E. (1977) *Intelektualci: kritika mita i mit kritike* // *Marksizam u svetu*, No.1–2.

Прошлое и настоящее в оценках обществом статуса российской интеллигенции

Н.В. Романович

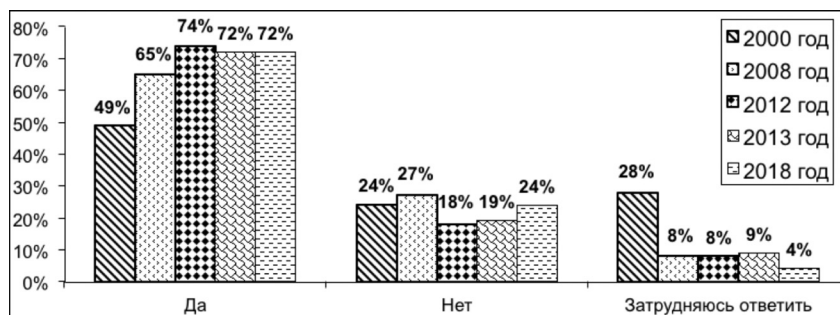
доктор социологических наук, профессор
Академии народного хозяйства
и государственной службы РФ
при Президенте РФ /Воронежский филиал/
(Воронеж, Россия)

Слово «интеллигент» на протяжении последнего столетия претерпело ряд модификаций своего значения. Латинское «*intelligens*» переводится как умный, понимающий, мыслящий и обозначает слой людей, профессионально занимающихся умственным трудом. В Большой советской энциклопедии есть определение: «Интеллигенция — общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры. Термин «интеллигенция» был введен в обиход писателем П.Д. Боборыкиным (в 60-х гг. XIX в.), и из русского перешел в другие языки. Вначале под интеллигенцией понимались вообще образованные люди. Это слово нередко и сейчас употребляется в таком значении» [Амбаримов, Ерман, 1972: 311]. Но с середины XIX в. этот термин начал применяться в России с дополнительной моральной нагрузкой: он стал воплощением высокой нравственности и культуры.

Слыть интеллигентным человеком стало равнозначно тому, чтобы считаться хорошо воспитанным человеком. Возможно, в силу такой трактовки этого понятия, результаты социологических опросов, осуществленных Институтом общественного мнения в Воронеже (ИОМ), выявляют значительное количество граждан, которые считают себя интеллигентными людьми [Ежемесячный Бюллетень..., 2018]. ИОМ «Квалитас» вот уже двадцать лет в рамках инициативного социального проекта ежемесячно проводит социологические опросы

жителей г. Воронежа по репрезентативной для взрослого населения старше 18 лет выборке объемом от 600 до 1000 человек. Впервые вопрос, выявляющий количество интеллигентных людей в Воронеже, прозвучал в 2000 г. Ответы горожан на этот вопрос в различные годы сопоставлены на рис. 1.

РИС. 1. Считаете ли Вы себя интеллигентным человеком?

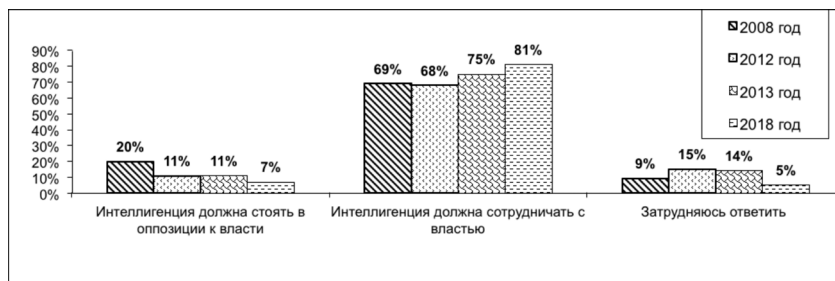

Если верить результатам опроса, то сегодня в Воронеже проживают 72% интеллигентных людей, как, впрочем, и пять лет назад. Восемнадцать лет назад их было существенно меньше (49%). Тогда около трети воронежцев (28%) затруднились ответить на этот вопрос, недоумевая, можно ли самих себя назвать интеллигентами. Но, видимо, с каждым годом сомнений оставалось все меньше, и сегодня всего 4% опрошенных не нашлись с ответом. Зато количество граждан, которые вовсе не считают себя интеллигентными людьми, сравнялось с результатами 2000 г. (24%).

Как-то исторически сложилось в России, что интеллигенция считает своим гражданским долгом стоять в оппозиции власти, ведь принято априори думать, что «власть — грязное дело». Но сегодня только 7% воронежцев соглашаются с такой установкой. А подавляющее большинство горожан (81%), напротив, уверены в том, что интеллигенция должна сотрудничать с властью. В процессе опроса респонденты уточняли, что интеллигенция «должна сотрудничать с властью для нормального развития страны», «должна быть с народом», «должна подчиняться власти», «должна помогать власти искать её ошибки и корректировать их», «должна исходить из интересов страны» и т.п.

Десять лет назад впервые воронежцы попытались ответить на этот вопрос. Сравнительные результаты опроса горожан в прошедшие годы представлены на рис. 2.

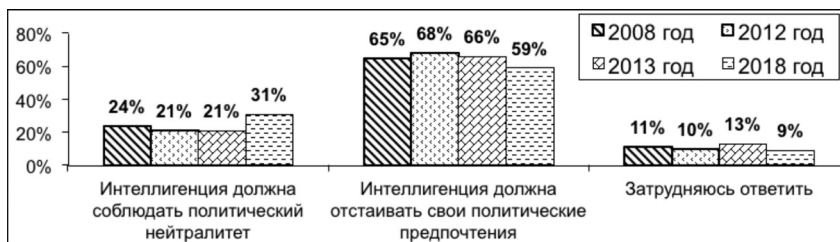
РИС. 2. С каким из двух высказываний Вы склонны согласиться в большей степени?

Результаты опросов свидетельствуют о том, что нормативные ожидания от интеллигенции стали другими, чем во времена советской власти. Общество ожидает интеграции интеллигенции и власти (ума и силы), а не дифференциации их. И во главу угла ставятся интересы страны, которую противостояние ослабляет, а солидарность укрепляет. Важно, что бы этот запрос услышали и интеллигенция, и власть.

В советское время ученые подчеркивали свою индифферентность политическим баталиям, выдвинув лозунг «Наука должна быть свободна от политики». Это был своеобразный способ защиты научной интеллигенции от бесцеремонного вмешательства советской власти, которая делила науку на «пролетарскую» и «буржуазную». Поэтому политический нейтралитет на долгое время стал буфером интеллигенции, о который советская власть гасила свою агрессию. Да и сегодня можно встретить такие высказывания: «интеллигенция должна быть вне политики», «интеллигенция должна заниматься культурой, а не политической деятельностью», «должна не вмешиваться в политику», «должна заниматься своим делом», «интеллигенция должна быть сама по себе». Эти и подобные высказывания встречались в процессе социологического опроса воронежцев (рис. 3).

РИС. 3. С каким из двух высказываний Вы склонны согласиться в большей степени?

Времена господства коммунистической идеологии канули в прошлое. Должна ли интеллигенция в постсоветское время сохранять политическую беспристрастность? Большинство населения (59%) с этим не согласны. Чем старше респонденты, тем чаще они настаивают на том, что люди умственного труда должны бороться за свои политические убеждения (среди пожилых людей — до 67%). А вот молодежь почему-то чаще «голосует» за политическую нейтральность интеллигенции (41%), в то время как средний показатель по городу — 31%.

Все четыре замера общественного мнения показывают, что современное общество ожидает от интеллигенции не столько политического нейтралитета, сколько отстаивания собственных убеждений. «Интеллигент, — как сказал один из респондентов, — должен действовать по совести». Но, добавил другой респондент: «если ты предлагаешь и работаешь — это одно, а если только критикуешь — это совсем другое».

Интеллигенция всегда существовала как бы в двух реальностях: с одной стороны — декларация собственной независимости, с другой стороны — реальная финансовая зависимость от власти. Образ интеллигенции, независимой от власти, распространен среди четверти населения (25%). Однако большинство воронежцев, считают, что это только «видимость независимости», а на самом деле реальная зависимость, хотя бы экономическая, всегда присутствует (55%). Правда, как уточнил один из респондентов: «Интеллигенция бывает разная. Творческая интеллигенция независима. А преподаватели, профессора — более зависимы». Не будем оспаривать это утверждение, хотя весьма обидно, что человек отнимает у профессоров и преподавателей право на творчество. Но его посыл понятен: к творческой интеллигенции отнесены, видимо, музыканты, писатели, художники, но отнюдь не ученые. Кроме того, воронежцы пытались дать и другие коррективы этого понятия: «интеллигентность не в образовании, а в душе и воспитании», «интеллигенция должна идти в ногу с властью», «интеллигенция должна показывать пример уважения к государству, любви к Отечеству», «интеллигенция должна быть на одном уровне с народом, а не считаться выше» и т.п. Десять лет назад воронежцы впервые отвечали на этот вопрос. С тех пор представление о независимости интеллигенции в глазах общества редуцировалось с 32% до 25%.

Интеллигенция обладает таким ресурсом как знание, который удобно конвертируется во власть в век информации. Не случайно интеллигенция стремится быть «при власти», использует свое влияние на неё, а иногда и просто «идет во власть». Именно стремление взять власть в свои руки свойственно современной интеллигенции, по мнению 31% населения (рис.4).

РИС. 4. Какая из двух характеристик, на Ваш взгляд, более свойственна современной российской интеллигенции?

Эта тенденция не осталась незамеченной российскими социологами. Еще в 2006 г. Р.В. Рывкина писала, что интеллигенция исчезла, потому что «пошла во власть, стала властью» [Рывкина, 2006: 96]. Иными словами, исчезновение интеллигенции некоторые исследователи связывают с тем, что она сегодня пытается захватить кормило власти. Респонденты в процессе опроса также высказали подобные предостережения: «интеллигенция не должна лезть во власть», «её дело — давать умные советы, обучать людей, писать книги и т.д.», «интеллигенция должна быть с властью заодно, интеллигенция должна работать в интересах государства и народа». В итоге социальные экспектации приобретают вид альянса интеллигенции и власти во благо страны.

Страх перед властью у интеллигенции имел все основания в первые годы советской власти, когда многие интеллектуалы были обречены на физическое уничтожение. Но в последние годы страх перед властью явно сдал свои позиции. Стремление самим стать у кормила власти не просто превалировало над страхом и отражалось в активности протестного движения, оно являлось социально одобряемым поведением. Но сегодня статусная роль интеллигенции изменилась в глазах населения. В отличие от прошлых лет народ отводит ныне интеллигенции скорее роль мудрого советчика, чем соперника действующей власти.

Литература:

1. Амбариев Е.А., Ерман Л.К. Интеллигенция // Большая Советская Энциклопедия. Т. 10. М., 1972.
2. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / под ред. Н.А. Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2018-03. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2018/March> (дата обращения: 18.04.2018).
3. Рывкина Р.В. Интеллигенция в постсоветской России — исчерпание социальной роли // Социологические исследования. 2006. №6. С. 138–146.

Научная и гражданская позиция Н.А. Бердяева — пассажира «философского парохода»

Н.Г. Севостьянова,

кандидат философских наук, доцент Минского государственного лингвистического университета (Минск, Беларусь)

Цель данной статьи — подчеркнуть духовно-нравственную миссию философов русского зарубежья, реализованную в их трудах и в их жизненном подвиге. На примере свидетельств Н.А. Бердяева, изложенных им в книге «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (1949), показать актуальный дискурс о духовном опыте человека в контексте мировой и отечественной истории.

Метафора «философский пароход» — «короткий путь к истине», и не только формирует точное представление о событии, но и предопределяет способ и стиль мышления о нем, сводит рассуждения в единый фокус. Метафора — сокращенное сравнение (аналогия) и противопоставление, вторжение синтеза в зону анализа. Живая метафора «философский пароход», по чаяниям его пассажиров, обращена в будущее: к коллективной памяти и индивидуальному духовно-нравственному опыту потомков. «Я обращаюсь не к завтрашнему дню, а к векам грядущим. Понимание моих идей предполагает изменение структуры сознания» [Бердяев, 1991: 314]. «Победа над смертью представлялась мне основной проблемой жизни. Смерть я считал событием более глубоким, более основным для жизни, более метафизическим, чем рождение» [Бердяев, 1991: 283]. «В памяти есть воскрешающая сила, память хочет победить смерть» [Бердяев, 1991: 24].

Краткая хронология событий. «Философскому пароходу» предшествовала широкомасштабная операция советских властей по выявлению инакомыслящих и их расстрелу, высылке за границу или в отдаленные районы страны. Из документальных материалов, хранящихся в Центральном архиве ФСБ России, следует, что кандидатами на высылку числились 228 человек. В настоящее время удалось выявить сведения о судьбе 224 человек, которые пострадали в результате ре-

прессий 1922–1923 гг. [Макаров, 2002]. Среди высланных, в основном из Москвы, наибольшее количество преподавателей вузов и в целом лиц гуманитарных профессий.

В начале и летом 1922 г. В.И. Лениным были отправлены записки и письма Л.Б. Каменеву и И.В. Сталину с предложением «обдумать, подготовить и ударить сильно» по оппозиции; Ф.Э. Дзержинскому — о подготовке высылки «писателей и профессоров, помогающих контрреволюции»; в ЦК — письмо с предложением арестовать и выслать без объяснения причин «несколько сот» представителей интеллигенции. В марте 1922 г. была опубликована программная статья В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма». 10 августа 1922 г. ВЦИК принял декрет «Об административной высылке», который предполагал изоляцию лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, в административном порядке, т.е. без суда. Философы, арестованные по подозрению, получили право замены смертной казни высылкой за границу [Высылка..., 2005]. Л.Д. Троцкий так прокомментировал эту акцию: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно».

29 сентября 1922 г. пассажирами первого «философского парохода» из Петрограда в Штеттин (Германия) стали известные русские философы Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, М.А. Ильин (Осоргин), С.Е. Трубецкой, А.А. Кизеветтер, М.М. Новиков и многие другие философы, деятели науки и искусства. Н.А. Бердяев так вспоминает об этих днях: «Мы ехали через Петербург и из Петербурга морем в Штеттин и оттуда в Берлин. Высылаемых было около 25 человек, с семьями это составляло приблизительно 75 человек. Поэтому из Петербурга в Штеттин мы наняли целый пароход, который целиком и заняли. Когда мы переехали по морю советскую границу, то было такое чувство, что мы в безопасности. Но вместе с этим чувством вступления в зону большей свободы у меня было чувство тоски расставания на неопределенное время со своей родиной. Я не испытывал подавленности от изгнания, но у меня все время была тоска по России» [Бердяев, 1991: 241].

Основными причинами изгнания интеллигенции из Советской России исследователи называют «попытку власти установить жесткий идеологический контроль, удалив из страны интеллектуальную элиту — тех людей, которые могли мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, а зачастую и критиковать существующий режим» [Макаров, 2010]. Эта воля к сопротивлению указывала на потенциальных противников нового режима, вызывала боязнь утраты политической власти в условиях мирного

времени. Трагедия «передовой части» русской интеллигенции, долгие годы готовившей революцию, заключается и в отсутствии у нее таланта по обладанию властью и не востребованностью новой властью. «Для творцов культуры, для людей мысли и духа положение стало трагическим и непереносимым. Деятели русской духовной культуры принуждены были переселиться за рубеж. Отчасти это была расплата за социальное равнодушие творцов духовной культуры» [Бердяев, 1991: 164]. «В отъезде было для меня много мучительного, приходилось расставаться со многими, и впереди была неизвестность. Но мне предстоял еще длинный и интересный путь на Западе и очень творческая для меня эпоха. В моей высылке я почувствовал что-то провиденциальное и значительное. То было свершение моей судьбы» [Бердяев, 1991: 237].

История не имеет сослагательного наклонения: «Не будем проклипать изгнание» (В. Набоков). Русские ученые получили возможность профессиональной самореализации: они публиковали свои труды, издавали газеты и журналы, читали лекции, создавали научные школы. Вынужденные эмигранты отличались высоким уровнем пассионарности, сохраняя в диаспоре коллективную память о родине и миф о возвращении, идентичность этнокультурную, национально-духовную, гражданскую.

Николай Александрович Бердяев (1874, близ Киева — 1948, близ Парижа) — один из основоположников христианского экзистенциализма и персонализма. Один из самых читаемых философов XX века. Семь раз был номинирован на Нобелевскую премию по литературе (1942–1948). О себе он пишет: «Весной 47-го года Кембриджский университет сделал меня доктором теологии *honoris causa*. Он предпочел меня Карлу Барту и Ж. Маритену, кандидатуры которых тоже выставались... Меня всегда не очень любили академические круги, считая меня философом слишком «экзистенциального» типа, скорее моралистом, чем ученым философом. Кроме того, я не теолог, а религиозный философ. Религиозная философия есть очень русский продукт» [Бердяев, 1991: 329]. «Я наследую традицию славянофилов и западников, Чаадаева и Хомякова, Герцена и Белинского, даже Бакунина и Чернышевского, несмотря на различие мирозерцаний, и более всего Достоевского и Л. Толстого, Вл. Соловьева и Н. Федорова. Я русский мыслитель и писатель. Кроме того, я сознаю себя мыслителем аристократическим» [Бердяев, 1991: 25].

«Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей родины, и для всего мира. На моих глазах рушились целые миры и возникли новые. Я мог наблюдать необычайную превратность человеческих судеб. История не щадит человеческой личности и даже не

замечает ее. Я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом русский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию ее победителями, я пережил изгнание, и изгнанничество мое не кончено. Я мучительно переживал страшную войну против России. И я еще не знаю, чем окончатся мировые потрясения. Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании. И вместе с тем я никогда не был человеком политическим. Ко многому я имел отношение, но, в сущности, ничему не принадлежал до глубины, за исключением своего творчества» [Бердяев, 1991: 23].

До эмиграции Н.А. Бердяевым были опубликованы работы: «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916) другие. Он принимал деятельное участие в работе религиозно-философских обществ Петербурга и Москвы. Был теоретиком нового религиозного сознания. Публиковался в сборниках «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). Был причастен к работе журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни». Основал Вольную Академию Духовной культуры. Претерпел эволюцию взглядов от легального марксизма к христианскому экзистенциализму и персонализму. «В течение пяти лет я прожил в советском коммунистическом строе, и все эти пять лет я отличался моральной непримиримостью. Могу сказать, что за это трудное время я никогда не изменял себе. Я даже горжусь этими годами своей жизни и признаю за ними особенное достоинство в моей биографии. Вокруг я видел много людей, изменивших себе» [Бердяев, 1991: 224]. «Годы, проведенные в советской России, в стихии коммунистической революции, давали мне чувство наибольшей остроты и напряженности жизни, наибольших контрастов. Я совсем не чувствовал подавленности. Я был духовно активен» [Бердяев, 1991: 226].

В эмиграции ученым были опубликованы основные труды: «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии» (1923), «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы» (1923), «Миросозерцание Достоевского» (1923), «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» (1924), «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931), «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (1939), «Русская идея» (1946), «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» (1947). Посмертно изданы книги «Самопознание. Опыт

философской автобиографии» (1949), «Царство Духа и царство Кесаря» (1951) «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» (1952). Три года спустя после смерти жены, Н.А. Бердяев скончался, сидя за письменным столом.

Первые годы изгнания прошли в Германии. «Присутствие в группе высланных людей науки дало возможность основать в Берлине Русский научный институт. Я активно участвовал в создании этого института. Немецкое правительство очень интересовалось этим начинанием и очень помогло его осуществлению. Гораздо большее значение имело для меня образование в Берлине русской Религиозно-философской академии. Это уже была моя личная инициатива. Для академии было достаточно сил среди русских за границей, главным образом среди высланных» [Бердяев, 1991: 237], к которым, прежде всего, относились С.Н. Булгаков и С.Л. Франк. Религиозно-философская академия была затем перенесена в Париж. Там же в 1925–1940 гг. Н.А. Бердяев издавал религиозно-философский журнал «Путь». Активно участвовал в европейском философском процессе, поддерживая отношения с соотечественниками Л.И. Шестовым, П.А. Флоренским, Д.С. Мережковским, П.Б. Струве; с западными философами М. Шелером, О. Шпенглером, Ж. Маритеном, Э. Мунье, Г. Марселем, К. Бартом.

Однако «трагизм положения увеличился от того, что произошло столкновение с ультрареакционным течением в эмиграции, с консервативно-традиционным и клерикальным православием, не желающим знать всего творческого движения религиозной мысли начала XX века, с реставрационной политикой, возделующей утерянному привилегированного положения» [Бердяев, 1991: 165]. «Меня считали левым и почти коммунистом. Но мне чужды все течения и группировки. Я остаюсь индивидуальным мыслителем и всегда возвращаюсь к себе, в свою индивидуальную мысль. Я мыслю о времени, о своей эпохе, но я несвоевременный мыслитель» [Бердяев, 1991: 251]. «Я более всего дорожил независимостью и свободой мыслителя и ни для какого лагеря никогда не подходил» [Бердяев, 1991: 244]. «У меня всегда была большая чуткость ко всем направлениям и системам мысли. Я с большой чуткостью мог вжиться в толстовство, буддизм, кантианство, марксизм, ницшеанство, томизм, германскую мистику, религиозную ортодоксию, экзистенциальную философию, но я ни с чем. не мог слиться и оставался самим собой» [Бердяев, 1991: 270]. Этим во многом определяется насущность оригинального дискурса «философа свободы», интерес к его критической рефлексии в современную эпоху критического мышления.

Из религиозно-философского дискурса Н.А. Бердяева. «Я представитель свободной религиозной философии, но православие мне

ближе католичества и протестантизма, и я не терял связи с Православной церковью» [Бердяев, 1991: 173]. «Я удержался в жизни, ни на что не опираясь, кроме искания божественной истины. Мое главное достижение в том, что я основал дело своей жизни на свободе. Я не должен представляться каноническим типом верующего» [Бердяев, 1991: 313]. По сути, отношения с церковью у Н.А. Бердяева были нераздельными и неслиянными. Оставаясь православным, он рассуждал о церкви «Третьего завета» и приближении эпохи Духа, который еще не явил себя как ипостась Святой Троицы. «Я исповедую религию духа и твердо на этом стою. Исповедую активно-творческий эсхатологизм, который призывает к преобразению мира» [Бердяев, 1991: 282]. «Христианство есть персонализм. С этим связана главная духовная борьба моей жизни. Я представитель личности, восставшей против власти объективированного «общего». В этом пафос моей жизни» [Бердяев, 1991: 280]. В поисках онтологического аргумента при рассмотрении темы духовности современные исследователи вполне могут опираться на следующий методологический прием Н.А. Бердяева. «Для моего философского пути важно отметить, что я не верю в возможность рациональной онтологии, я верю лишь в возможность феноменологии духовного опыта, символически описываемого. Творчество для меня не объективация, а трансцендирование» [Бердяев, 1991: 207]. «Моя философия не принадлежит к онтологическому типу и есть философия духа. Дух же для меня есть свобода, творческий акт, личность, общение любви. Я утверждаю примат свободы над бытием» [Бердяев, 1991: 278].

Из религиозно-этического дискурса Н.А. Бердяева [Севостьянова, 2003]. Его более всего раскрывает книга «О назначении человека», в которой рассмотрена теоандрическая (богочеловеческая) этика, соединяющая в себе три посюсторонних этики (закона, искупления, творчества) и одну потустороннюю (эсхатологии этику). Прежде всего, «человек есть существо метафизическое. Этого моего убеждения не может пошатнуть низость эмпирического человека. Мне свойствен пафос человечности» [Бердяев, 1991: 213]. «Живое конкретное существо, вот этот человек, выше по своей ценности, чем отвлеченная идея добра. Настоящий парадокс в том, что это и есть высшая идея человечности и персонализма» [Бердяев, 1993: 314]. «Я пытался проповедовать человечность в самую бесчеловечную эпоху» [Бердяев, 1991: 215]. Человек, по утверждению мыслителя, живет в трех мирах: божественном, природном, дьявольском (меоническом). Подчинен трем принципам: божественному промыслу, свободе духа и природной необходимости. Исповедует три «земные»

этики. С этим разнообразием связан трагизм жизни человека, да еще с тем, что им утрачена «изначальная андрогинность» как органичная сумма личностного мужского и космически-коллективного женского начал. Тем не менее, в духовном мире нет замкнутой личности, она всегда соединена с Богом и с другими людьми. «В человеке пересекаются все круги бытия. С одинаковым правом можно сказать о человеке, что он существо высокое и низкое, слабое и сильное, свободное и рабье. Но понять его можно лишь из того, что выше его» [Бердяев, 1993: 55].

Н.А. Бердяев утверждает, что способность к творчеству оправдывает человека, оказывается главной ценностью, направленной от личности к миру, дарующей страдание, которое превышает счастья и радости. Смысл жизни человека усматривается в творчестве; целью жизни объявляется творческое восхождение, а не спасение. Именно в этом свете личность (дух) рассматривается как экзистенциальный центр творческой энергии, а создаваемый ею объект результирует две интенции духа: интериоризацию и экстериоризацию. Последняя есть несвободная форма духа, но «мир страшно беден и плосок, если он довлеет себе, если нет Тайны за ним» [Бердяев, 1993: 325].

Этика и мораль закона указывают на «два разных добра»: в условиях греховного мира («оценивающее и судящее») и потустороннее (иное по качеству, «изливающее свет»). Идея второго добра ведет к более высокому нравственному уровню личности и рождается не из равнодушия ко злу, а из глубокого переживания проблемы зла. Такая этика социальна и авторитарна, потому что субъектом нравственной оценки в ней выступает общество, устанавливающее запреты, нормы и ценности. Общеобязательная этика закона человечна и бесчеловечна в одно и то же время, по тонкому замечанию философа. Это значит, данная этика охраняет личность, регламентирует ее жизнь, не проникая в интимную глубину индивидуальности; но этика закона и беспощадна к судьбе личности, она знает внешнего, но не внутреннего человека. «Этика закона, как этика греха, узнается потому, что она знает отвлеченное добро, отвлеченную норму добра, но не знает неповторимой индивидуальности» [Бердяев, 1993: 93]. Здесь добро и зло неразличимы «как по ту, так и по эту сторону», потому что детерминированы свободой как главным условием нравственной жизни человека. Свобода имплицитно охватывает онтологичность зла, природу которого не могут прояснить человеческие оценочные суждения. Зло является «оболганием всех стихий бытия», является «духом небытия». В искуплении греха и обожении заключается смысл истории и жизни человека. Н.А. Бердяев считает необхо-

димой социальную и моральную борьбу со злом, и скорее в форме просветления и преображения, чем насилия. «Зло недостойно никакой жалости; к злу должно быть беспощадное отношение». Христианство усматривает победу над злом не в смерти и не в рождении, а в воскресении, признает важным не осознание своей греховности, а понимание своего метафизического положения в мире, имеющем конечное существование.

Основными темами этики и морали искупления философ считает отношение к грешникам, силе, страданию, а также любовь, аскетизм, Царство Божье. Тема любви — это «самая мучительная проблема христианской этики. Человеку трудно соединить любовь к Богу с любовью к человеку» [Бердяев, 1993: 167]. Но именно от Бога человек получает силы, чтобы любить и сохранять в себе человеческое. Искупляющая идея прощения возвышается над добром и злом, призывает никого не судить, помиловать грешников. «Есть два нравственных пафоса: один требует прежде всего нравственной высоты от себя и своих, другой прежде всего обличает чужих. Второй пафос не христианский» [Бердяев, 1993: 106], — утверждает Н.А. Бердяев. Мораль искупления превращает путь страдания в путь спасения человека, рекомендует страдание как способ облегчения собственного переживания.

Этика и мораль творчества выводятся философом из учения о пробуждении человеческого духа и творческой духовной силы. Так становится важным не принятие закона добра, а индивидуальное творчество добра. Мораль творчества по сути жертвенна, но ее жертвы связаны со вдохновением и забвением самого себя, поскольку «этика творчества исходит от личности, но направлена она не на личность, а на мир, в то время как этика закона исходит от мира, от общества, и направлена на личность» [Бердяев, 1993: 122]. В системе координат творчества становятся наиболее значимыми духовность, свобода и совесть. Путь от духовности к социальности, а не наоборот, является должным с точки зрения мыслителя. Инфернальная духовность связана с гордыней и другими грехами, а подлинная христианская духовность христологична и «горяча», коррелирует с творчеством, свободой и любовью.

Из дискурса Н.А. Бердяева о русском. «Свою русскость я вижу в том, что проблема моральной философии для меня всегда стояла в центре» [Бердяев, 1991: 102]. «С какими же русскими мыслями приехал я на Запад? Я принес эсхатологическое чувство судеб истории, которое западным христианам было чуждо. Я принес с собой мысли, рожденные в катастрофе русской революции. Принес с собой сознание кризиса исторического христианства. Принес сознание конфлик-

та личности и мировой гармонии, индивидуального и общего. Принес также русскую критику рационализма, изначальную русскую экзистенциальность мышления. Русским я считаю также понимание христианства как религии Богочеловечества. С этим связана и богочеловеческая антропология» [Бердяев, 1991: 247].

Повествуя о своей философии, Н.А. Бердяев отмечает: «Основная метафизическая идея, к которой я пришел в результате своего философского пути и духовного опыта, на котором был основан этот путь, это идея примата свободы над бытием» [Бердяев, 1991: 105].

Литература:

1. «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921–начало 1923 г.: Документы. М., 2008.
2. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М., 1993.
3. *Бердяев Н.А.* Самопознание. Л., 1991.
4. Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; Комм. В. Г. Макарова. М., 2005.
5. *Главацкий М.Г.* «Философский пароход»: год 1922-й: Историкографические этюды. Екатеринбург, 2002.
6. *Костиков В.В.* .Не будем проклинать изгнание. Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990.
7. *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. СПб., 1994.
8. *Макаров В.Г.* «Власть ваша, а правда наша» (к 80-летию высылки интеллигенции из Советской России в 1922 г.) // Вопросы философии. 2002. №10.
9. *Макаров В.Г.* Историко-философский анализ внутривнутриполитической борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России. М., 2010.
10. *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* Пассажиры «философского парохода»: судьбы интеллигенции, репрессированной летом–осенью 1922 г. // Вопросы философии. 2003. №7.
11. *Севостьянова Н.Г.* Трансрациональная семантика учений о религиозной морали в русской философии конца XIX — начала XX в. Минск, 2003.
12. Теория метафоры: Сборник: пер с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М., 1990.
13. *Тополянский В.Д.* Бесконечное плавание философской флотилии // Новое время. 2002. №38.

РАЗДЕЛ III

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ЖИЗНЕННОГО МИРА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Интеллигенция России в дихотомии «власть — оппозиция» в исторической ретроспективе

Н.М. Великая

доктор политических наук, профессор

Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

Проблемы взаимоотношений с властью всегда были одной из самых острых дискуссионных зон в публичном дискурсе отечественных интеллектуалов. А сегодняшние поиски национально-культурной идентичности как никогда актуализируют тему участия образованного слоя в современных социально-экономических преобразованиях. Мы намеренно употребили здесь термин «образованный слой», т.к. феномен интеллигенции в разные исторические периоды интерпретировался по-разному и наполнялся разными коннотациями.

В конце XIX – начале XX вв. доминирующая точка зрения, которая потом нашла отражение в «Вехах», состояла в том, что интеллигенция – это всегда оппозиция власти и «антигосударственная общность». И, конечно, надо признать, что русская революционная интеллигенция сыграла большую роль как в разрушении имперской российской государственности, так и в разрушении идентификационных механизмов русского этноса. Все традиционное (этнос, семья, религия, наука) понималось русскими революционерами как нечто отжившее и требующего тотальной замены. Примеров тому не счесть, потому приведу лишь один, но показательный, если вспоминать многочисленных героев советского пантеона, которые вышли из дворянской и разночинской среды и были интеллигентами. Я же напишу несколько слов о Вере Брауде, которую не случайно сравнивают с Р. Землячкой, обращая внимание на беспрецедентную жестокость и равнодушие к страданиям ближнего. Вера Брауде, дочь ученого-химика, с ранней молодости включилась в революционную борьбу, неоднократно была в ссылках, в Швейцарии сблизилась с кружком Ленина и распространяла «Искру», бросив шестинедельную дочь, в 1917 г. вернулась в революционную борьбу,

была Председателем казанского Губчека, демонстрируя высокую эффективность поиске врагов, многие из которых были знакомыми ее семьи, раскрыла штаб монархистов. Позже работала в Томске, где лично принимала участие в расстрелах, что вполне вписывалось в логику того времени, где жертвы бросались в топку революции без всякого сожаления.

Образованный слой России далеко не с безусловной радостью принял Октябрьский переворот и последовавшие за ним социальные трансформации, несмотря на то, что на рубеже веков подавляющее большинство образованных людей поддерживало как партии, бывшие на нелегальном положении, так и партии, которые возникли после революции 1905 г. Нелюбовь молодой советской власти к образованным, спецам, старой интеллигенции хорошо известна: именно эта социальная группа с трудом пережила лихолетье гражданского противостояния и репрессий последующего периода. Одни уехали, другие попали под каток карательной машины.

Новая «советская интеллигенция», несмотря на ожидания власти, не всегда в полной мере демонстрировала лояльность режиму, и как только режим ослаблял давление, так или иначе появлялись своеобразные очаги несогласия, в том числе в лице диссидентского движения. При этом, несмотря на значительное численное увеличение формально образованных людей, интеллигенция виделась и мыслилась группой закрытой, этаким клубом избранных, где одним из критерием отнесения к ней стала нравственная составляющая, что привело к своеобразной дистанцированности от власти, потребности держаться от нее подальше. При этом разрыв между интеллигенцией и народом по-прежнему осознавался. Он осознается и артикулируется и сегодня, ибо интеллигенция сама по себе, народ сам по себе. Как писал С. Есенин, «а Русь все так же будет пить, плясать и плакать под забором». Но если интеллигенция конца XX – начала XXI вв. была занята поисками социальной справедливости, проблемами переустройства мира, собственного нравственного и духовного обновления, то для интеллигенции рубежа XX – начала XXI вв. главной актуальнейшей задачей становится проблема власти: взаимоотношения с ней, своего места во власти и хождения во власть.

Перестройка, демократические преобразования и либерализация общественной жизни, привели к существенной фрагментации интеллигенции как в экономическом плане, так и в идеологическом. Изменившиеся институциональные рамки политической жизни стали важным фактором политизации интеллигенции в постсоветский период, когда она стала основной группой (наряду с экс-

партфункционерами и чиновниками), составившей новую властную, прежде всего либеральную, элиту в России. Когорта молодых научных сотрудников, проводивших реформы и имевших смелость делать это с помощью шоковой терапии, безусловно, отождествляла себя с интеллигенцией, однако метаморфозы этого слоя были весьма характерны, прежде всего в силу изменений социальной структуры в пореформенном российском обществе, что давало все меньше оснований говорить об объективных и социальных характеристиках интеллигенции. Сокращение среднего класса, серьезная социальная дифференциация так называемого образованного слоя, где сегодня выделяют группы «работающих бедных» и успешно адаптирующиеся группы с высоким доходом лишь в малой степени позволяют говорить о единстве социально-экономических интересов и социальных практик интеллигенции, как в сфере потребления, так и в сфере социокультурного досуга.

Неудачи демократического транзита, на который были настроены либеральные реформаторы 1990-х, привели к тому, что государственная система после некоторого периода специфической деидеологизации, в нулевые годы XXI в. вновь поставила вопрос о выработке некоей государственной идеологии, что потребовало включения в политический дискурс и интеллектуальной элиты. Добавим, что ранее, в условиях краха коммунистической идеологии единственным островком придания смысла происходящему стала интеллигенция как носитель знания, а реже идеологии. При этом знание стало делиться на два практически не взаимосвязанных полюса: престижное и непрестижное. По этим полюсам и разбежалась интеллигенция. Престижным стало все, что связано с переделом собственности и распределением, обучением зарубежным технологиям, властью, организацией бизнеса. Знание интеллигенции резко измельчало. С идеологического, государственно-политического уровня оно переместилось на примитивно-конкретный уровень. Знание стало тождественно практическим навыкам, которые тут же оседлала так называемая элита. Начался процесс размывания интеллигенции и адаптации ее к мелким делам и социальным квартирам. Многопартийность, предполагающая также плюрализм идеологических концептов, также способствовала оживлению идеологических дискуссий в русле классического право-левого спектра, которые, однако, не способствуют идее примирения и выработки общих представлений для страны о приоритетной стратегии развития. Как результат, государственной идеологии, даже на уровне идей, в России нет.

Кризис идентичности как на групповом, так и на социальном уровне проявляется в низком уровне групповой и гражданской солидарности. Утрата вектора общественного развития, самости, обуславливают ситуацию, когда наши общественные социальные параметры и индикаторы формируются произвольно и случайно. На заре реформ казалось, что вот, наконец, появилась потенциальная возможность привлечь к процессу выработки важнейших политических решений гражданское общество, что легитимирует реформы, расширяет круг субъектов модернизации, обеспечит поддержку реформам со стороны граждан страны. Идея обустройства России, поиск оптимальных стратегий развития страны — естественное направление не просто научного поиска национальной науки, но и важная часть публичного дискурса, где основными субъектами выступает как раз интеллигенция. Общественные дискурсы, замечал Ю. Хабермас, приобретают резонанс исключительно в той степени, в какой они обладают диффузностью, а значит, при условии широкого, активного и в то же время нецентрализованного участия. Последнее в свою очередь требует, чтобы за всем этим стояла элитарная политическая культура, в своем формировании свободная от всяких привилегий, интеллектуальная во всем своем объеме [Хабермас, 1992]. Однако сервильный характер отношений интеллигенции и власти вряд ли может способствовать как серьезному научному поиску, так и реальной возможности, что именно продуктивные идеи, работающие на благо всей страны, могут лечь в основу предполагаемой государственной идеологии.

Об интеллектуалах и интеллигенции. Мы склонны в контексте социологического подхода, предполагающего апелляцию к эмпирическим данным, употреблять скорее термин интеллектуалы, поскольку под интеллигенцией мы понимаем исторический феномен российской жизни XIX–XX вв., группу, так или иначе включенную в модернизацию и часто находящуюся в оппозиции власти. Явление это, имеющее прежде всего морально-нравственные коннотации, хоть и сохранилось в языке, но довольно трудно подлечит операционализации в количественных исследованиях. В связи с этим, выделить реальные, объективные характеристики этой группы в современных условиях практически невозможно [Левада, 2016: 725]. Под интеллектуалами (в русле западной традиции) мы понимаем социальную группу, занятую интеллектуальной деятельностью, где смысл и суть интеллектуальной функции — критика, просвещенная популяризация, новаторство и самокритика. Интеллектуал в этом случае — наблюдатель, аналитик, что однако не исключает для него

и определенного уровня политического участия. В этом, кстати, западные интеллектуалы расходятся с российскими интеллигентами, которые предпочитают дистанцироваться от власти. Эту формулу ярко выразил Норберто Боббио (крупнейший итальянский интеллектуал XX в.): «Можно быть беспристрастным, не придерживаясь нейтралитета» [Боббио, 1992: 165]. Другими словами, интеллектуал не обязан быть «партийным», но также и не обязан быть «беспартийным». Большинство лидеров общественного мнения на Западе (интеллектуалов в полном смысле слова) включены в политическую жизнь — от Наома Хомского до Умберто Эко, от Збигнева Бжезинского до Алена Бадью, от Энтони Гидденса до Ричарда Таллера. И хотя дискуссия, начатая Манхеймом об интеллектуалах как классе, зависимом или независимом, себя еще не исчерпала, мы будем исходить из допущения, что представители интеллектуальной элиты могут быть включены в политическую практику в самом разном качестве. Полагаем, что сегодня есть основания говорить о довольно большой группе экспертов-идеологов и аналитиков, которые работают в политической сфере; о различных научных центрах, осуществляющих экспертную работу для действующей власти; о структурах, аффилированных с различными политическими партиями; о людях, так или иначе вовлеченных в политическую деятельность.

О новых и старых идеологических концептах. Недолгий период деидеологизации, связанный с отказом от доминирующей или государственной идеологии и разрушением старых политических моделей, сменился поначалу политико-идеологическим плюрализмом, а затем, весьма быстро, характерным для России периодом изобретения собственных идеологических матриц и схем, которые, впрочем, укладываются, в давно известную идеологию «особого пути». Заметим, что идея «особого пути» далеко не является изобретением исключительно русской культуры. Многие нации, испытывающие проблемы с формированием национальной или гражданской идентичности, с героизацией собственной истории, с преодолением комплекса неполноценности от недавних неудач и провалов, выстраивают свои культурно-идеологические стратегии на этой платформе. Здесь будет уместно вспомнить немецкое *Sonderweg*, особый путь, отличающийся от истории других западных стран [Блекборн, Эли, 2018], который впоследствии так или иначе был использован в нацистской идеологии. Все это, впрочем, лишь подчеркивает опасность противопоставления себя всему миру и педалирования собственной исключительности в ущерб общецивилизационным

ценностям. Опубликованная и широко обсуждаемая политологами и экспертами в «Независимой газете» статья В. Суркова вновь заставляет вспомнить и столь широко критикуемую в современной научной мысли теорию «евразийства» по Дугину, и теорию новой «суверенной» демократии. Рассматривая в дальнейшем главным образом институциональные особенности отечественной политической системы, остановимся в силу ограниченности объема именно на второй концепции. Напомню, что именно Сурков еще в 2006 г. ввел в политический дискурс термин «суверенная демократия», который в дальнейшем получил развитие в ряде последующих его статей и выступлений, главными из которых являются: «Национализация будущего» и «Одиночество полукровки» (2018), которые стали предметом обсуждения не только экспертного сообщества, но и действующих политиков. В предложенной и обоснованной автором оптимальной политической модели для России места для оппозиции не было. Отсюда и многочисленные эксперименты то с созданием якобы «социалистической партии» и другой ноги для действующей власти, то со строительством двухпартийной системы. Но даже искушенным читателям показалась гиперболой мысль, озвученная автором в его последней статье, где он пишет о честном российском государстве, где «бюрократия, даже когда хитрит, делает это не слишком тщательно, как бы исходя из того, что “все равно все понимают”» [Сурков, 2019]. Даже если это и попытка легитимировать режим, то наверное, не самая удачная, учитывая, что многие политологи склоняются к идентификации сложившегося политического режима как нео-авторитарного [Голосов, 2008]. Более того, утверждение, что «необходимо осознание, осмысление и описание путинской системы властвования и вообще всего комплекса идей и измерений путинизма как идеологии будущего», лишь подтверждает мысль о укреплении авторитарной тенденции в современной политической жизни страны.

Интеллигенция на идеологическом континууме. Остановимся для начала на идеологических приоритетах, свойственных представителям образованного слоя.

Динамика идеологических приоритетов по общероссийской выборке, согласно данным последней волны Мониторинга «Как живешь, Россия?», за последние 18 лет несущественна. Исключение составляет незначительный рост патриотов, что вполне объяснимо, учитывая специфику отечественного публичного дискурса, где упоминание либералов, демократов, социал-демократов почти всегда сопровождается негативными коннотациями.

ТАБЛИЦА 1. Идеологические приоритеты россиян, в %

	Демократические	Патриотические	Коммунистические	Либеральные	Социалистические	Социал-демократические	Консервативные	Националистические	Затруднились ответить
2002, XII	16	17	7	4	9	1	3	1	17
2003, X	28	21	13	8	9	4	3	3	30
2004, VI	26	18	8	10	12	5	7	5	29
2005, IX	23	24	8	6	9	4	5	4	32
2006, I	26	21	7	7	10	6	5	5	31
2007, I	26	22	10	10	7	5	6	4	29
2008, VI	30	20	9	10	7	4	5	2	29
2009, VI	24	22	9	11	13	7	5	3	26
2010, VI	32	21	9	10	7	6	6	2	25
2011, VI	27	20	8	9	14	10	5	2	24
2012, IV	30	17	9	9	11	8	5	2	26
2013, VI	31	17	11	9	5	6	5	2	28
2014, VI	32	21	8	9	10	7	6	2	23
2015, VI	28	32	6	8	6	6	4	3	26
2016, VI	23	30	6	9	10	7	5	3	27
2017, VI	29	28	10	9	9	7	4	3	20
2018, V	26	28	7	9	9	7	5	3	24
2018, XII	28	28	10	7	10	7	6	3	20

Источник: данные исследований Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Что же касается людей, имеющих образование, то они демонстрируют несколько иные политико-идеологические симпатии (табл.2). Почти в 2 раза выше доля тех, кто относит себя к демократически ориентированным гражданам (43% в группе с высшим образованием), существенно ниже доля людей, разделяющих коммунистические и патриотические взгляды. И причина, конечно, не в том, что они меньше любят Родину. Скорее они выступают против идеологии квази-патриотизма, выражающейся в известной максиме «чего изволите?» и в сервильности власти.

ТАБЛИЦА 2. Распределение ответов на вопрос:
Как бы вы определили свои политические взгляды? в %

	Образование	
	ниже высшего	высшее, незаконченное высшее
демократические	22	43
коммунистические	11	6
либеральные	7	7
социалистические	11	8
патриотические	30	24
консервативные	5	7
социал-демократические	7	7
националистические	3	2
затруднились ответить	22	15

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Для большинства представителей интеллектуальной элиты (научного сообщества, экспертов, журналистов) сегодня очевидно, что Россия так и не смогла вырваться из ловушки догоняющего развития, что именно критическая общественная рефлексия может быть предпосылкой формирования политических альтернатив, вызревания конкурентной общественной среды и обновления экономической системы. Констатация очевидных фактов, что «...мы не догнали Португалию по душевому доходу, ...не увеличили в два раза ВВП, ...цены на железнодорожный транспорт растут, ... качество обслуживания в сфере ЖКХ падает, "План 2020" не выполняется.....» приводит к осознанию того, что «главной приметой конца нулевых, приметой замалчиваемой, но оттого еще более мучительной, стало трезвое всеобщее осознание: будущего не будет. По крайней мере здесь» [Быков, 2010: 64]. И хотя не все разделяют столь пессимистическую точку зрения, исходя из содержания публичного дискурса, можно сказать, что если интеллектуальная элита видит возможности развития России в контексте «креативной модернизации», то политическая элита, прежде всего представленная партией власти, сформулировала концепт т.н. «консервативной модернизации».

Во-вторых, подчеркнем, что партийное строительство, в том виде, как оно было задано институциональными рамками, привело к форми-

рованию своеобразной квази-партийной системы, где партии не могут считаться значимыми акторами политического процесса. В этой системе партия власти — не правящая партия, а скорее инструмент мобилизации электоральной поддержки правящей элиты, кадровый резерв для административного аппарата, отбирающих людей, лояльных режиму. А вот оппозиция (прежде всего, парламентская) служит дополнительной поддержкой режиму, обеспечивая легитимность выборов и привлекая на избирательные участки свой традиционный электорат, а с другой, выступает буфером, который гасит политические и социальные конфликты. Реальной альтернативой действующему курсу эта оппозиция не является. Не случайно знаковые законопроекты как правило принимаются в Думе не только на основе парламентского большинства партии власти, но и благодаря представителям других фракций. Как результат, рейтинги поддержки парламентских партий невелики: по данным очередной волны мониторинга ИСПИ РАН «Как живешь, Россия?» от 2017 г., 32% россиян не поддерживают ни одну из существующих партий, а в 2018 г. количество таких выросло до 41%. При этом рейтинг «Единой России», по данным ИСПИ РАН, далеко не высок. В июне 2017 г. «Единую Россию» поддерживали 21% граждан, а в декабре 2018 — 13%. Рейтинги КПРФ и ЛДПР на момент опросов составляли 10 и 9%, и 9 и 8% соответственно. Значения рейтинга остальных политических партий, перечисленных в инструментарии, незначительны [Левашов и др., 2018].

О политическом дискурсе. Что касается актуального политического дискурса, то обращает на себя внимание изменение тренда и сужение пространства публичной дискуссии, связанного, как ярко заметил У. Эко, с формированием «неполноценной демократии», или «медийным деспотизмом». Это явление в разных формах присутствует и в России, где «критика властей доходит лишь до той аудитории, для которой в этой критике ничего нового не содержится» [Эко, 2007: 232]. Логично, что эксперты, так или иначе близкие партии власти и лояльные режиму публицисты, считают нынешнее состояние политической системы оптимальным [Зудин, 2010: 25]. Сформирован целый пул экспертов, журналистов, призванных обеспечивать легитимацию режима, таких как А. Чаадаев, написавший книгу «Путин. Наши ценности» [Чаадаев, 2018].

В заключении скажем, что институционализация основных демократических процедур и практик происходит в России не прямолинейно, легитимация исполнительной и законодательной ветви власти сопряжена с рядом трудностей, что выражается и в низком уровне доверия к власти и к политическим институтам.

В этом смысле политический дискурс — отражение тех реальных процессов, которые протекают в обществе. Этот дискурс подарил

нам такие перлы, как «*парламент — не место для дискуссий*», «*суверенная демократия*», «*консервативная модернизация*», «*неявка на московские выборы — показатель высочайшей поддержки населением “Единой России”*».

Преодолеть негативные и ригидные проявления массовой политической культуры возможно только за счет более активного включения граждан в политический процесс на всех уровнях, за счет обеспечения прозрачности избирательного процесса и процесса принятия политических решений, в том числе, за счет активизации деятельности политических партий, общественных организаций, органов местного и территориального общественного самоуправления, где роль интеллектуалов трудно переоценить.

Если мы говорим о будущем отечественной политической системы в рамках современных концепций государства и демократии, то здесь необходимым видится закрепление такого важнейшего элемента, как конкурентная партийная система, предусматривающая существование в рамках политико-идеологического спектра 3 центров: правого (либерального), центристского и левого (социал-демократического или социалистического), а также чередование во власти представителей этих центров в лице одной или нескольких партий, что позволит сделать политический дискурс более прозрачным и открытым.

Литература:

1. *Блэкборн Д., Эли Дж.* Предисловие к книге «Особенности немецкой истории: буржуазное общество и политика в Германии XIX века» / «Особый путь»: от идеологии к методу. М: Новое литературное обозрение, 2018.
2. *Боббио Н.* Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. №8. С. 162–171.
3. *Быков Д.* Чеховский стыд // Профиль. 2010. 1 февраля.
4. *Голосов Г.* Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. Выборы и политическая система. 2008. №1. С. 22–35.
5. Доклад о развитии политической системы Российской Федерации // Государственный Совет Российской Федерации. Москва, 2010.
6. *Зудин А.* Альтернатива реставрации // Профиль. 2010. 8 февраля.
7. *Крыштановская О.* Заявка на лидерство. Интервью // Профиль. 2010. 1 февраля.
8. *Латынина Ю.* Рой или антибулочник // Новая газета. 2010. 25 января URL.: <http://www.novayagazeta.ru/data/2010/007/10.html> (дата обращения: 02.03.2010).
9. *Левада Ю.* Время перемен: предмет и позиция исследователя. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

10. *Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С.* Как живешь, Россия? Экспресс-информация. XLVIII этап социологического мониторинга, ноябрь-декабрь 2018 г. М.: ФБГУН ИСПИ РАН, 2019.
11. *Любин В. П.* Норберто Боббио: политика и интеллектуалы // Вопросы философии. 1992. №8.
12. *Межуев Б., Черняев А., Куркин Н.* Политическая гегемония большинства. Доклад Цеха политической критики. Партия умного большинства // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Politicheskaya-gegemoniya-bol-shinstva>. (дата обращения: 01.02.2011).
13. *Орешкин Д.* Больше не крыса // Ежедневный журнал. URL: <http://www.ej.ru/?a=news&id=9489>. (дата обращения: 01.02.2011).
14. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992.
15. *Цуладзе А.* Единая Россия в собственном соку // Ежедневный журнал. 2009. 23 ноября. URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=9648>. (дата обращения: 01.02.2010).
16. *Чаадаев А.* Путин. Наши ценности. М.: Эксмо-пресс, 2018.
17. *Эко У.* О популизме в СМИ / Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. Пер. с итал. М.: Экспо, 2007.

Интеллигенция и власть в условиях революции (на примере Беларуси)

В.Ф. Гигин

кандидат исторических наук, доцент, декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Политический процесс в условиях революционных потрясений отличается возрастающей динамикой. Это оказывает прямое и существенное влияние на политическую роль и взаимоотношения различных социальных слоев. Показательно, что интеллигенция зачастую берет на себя лидирующие позиции, оттесняя на задний план представителей старой элиты (аристократии, бюрократии, верхушки буржуазии и т.д.). В условиях Русской революции, начавшейся в 1917 г., интеллигенции было уготовано место одновременно и лидера, и одной из движущих сил, и жертвы. Выходцы из этой особой общественной группы сыграли также значительную роль и в образовании новых национальных государств на пространствах бывшей Российской империи, в том числе в Беларуси.

Прежде всего, необходимо определиться с тем, что собой представляла белорусская интеллигенция на рубеже XIX и XX вв. Основным статистическим источником для анализа всех социальных процессов в тот период является Всероссийская перепись 1897 г. И здесь ключевая проблема, кого же именно относить к представителям интеллигенции? Например, можно ли считать таковыми дворян? Однозначный ответ дать достаточно трудно. Следует учитывать и общую терминологическую размытость самого определения «интеллигенция». Современные исследователи справедливо отмечают, что «интеллигентность человека (интеллигентное поведение, интеллигентный облик и т.д.) выходит за рамки социальной группы» [Гирицкий, 2005: 168]. Для того, чтобы не запутаться в понятиях, изберем в качестве ориентира

профессиональные занятия человека, предполагающие значительную степень образованности (на ниже полного гимназического курса), а также отсутствие коммерческой заинтересованности в труде, не-включенность в официальную чиновничью иерархию. Хотя с последним признаком не все так: многие представители «интеллигентных профессий» получали классные чины в соответствии с действовавшей тогда «Табелью о рангах». Очевидно, что при этом социальное происхождение становится второстепенным фактором. По данным той же переписи, интеллигентами (в социальном смысле этого слова) можно считать лиц, занимающихся учебной и воспитательной деятельностью, наукой, литературой и искусством. Таковых, например, только в Виленской губернии, в которой проживало 1 591 тыс. человек, насчитывалось (вместе с членами семьи) примерно 4 800 лиц [Беларусь, 1991: 86–87]. И все же точный подсчет представителей данной категории представляется затруднительным, поскольку неясным остается статус тех, кто занимался частной юридической практикой, врачебной и санитарной деятельностью, а также «не вошедших в предыдущие группы или неопределенных», как и довольно большой прослойки лиц, не указавших занятий.

Значительное влияние на положение интеллигенции в белорусских губерниях, ее численность имели последствия подавления Польского восстания 1863–1864 гг. Власти, не доверяя местному полонизированному дворянству и части мещан, не ввели здесь ни земское, ни городское самоуправление. В то же время в остальной России именно земства сыграли важнейшую роль в консолидации различных слоев интеллигенции, агрегации и артикуляции программных положений ее идейных течений. В Беларуси земство было введено в рамках столыпинских реформ только в 1911 г. При этом нужно отметить, что оно сразу же стало весомой силой, а в бурных событиях 1917–1918 гг. подчас играло решающую роль в крайне сложных политических событиях. Спецификой белорусской ситуации являлось и то, что в пяти губерниях Северо-Западного края не существовало высших учебных заведений. В определенной степени их заменяли учительские семинарии, открывавшиеся после подавления Польского восстания 1863–1864 гг. К 1917 г. их было 7, в том числе две женские.

Данные Всероссийской переписи позволяют однозначно утверждать, что представители интеллигенции в белорусских губерниях относились к различным этническим группам, а именно (в терминах того времени): белорусам, великороссам, малороссам, полякам, евреям, литовцам и латышам. Отношения между ними отличались противоречивостью и отсутствием тенденций к консолидации. Наиболее обосо-

бленно вели себя представители польской и еврейской общин. Первые стремились к восстановлению утраченной государственности, вторые традиционно обуславливали любое сотрудничество с общественными деятелями других национальностей требованием сохранения собственной национально-культурной автономии даже на внутриорганизационном уровне.

Таким образом, к основным характеристикам интеллигенции Беларуси того периода можно отнести следующие: неопределенность и неустойчивость социального статуса; многонациональность; слабую связь с другими общественными группами; отсутствие внутренней сплоченности, как идейной, так и организационной.

Большое влияние на ситуацию в крае оказала Первая мировая война. Из Беларуси было эвакуировано огромное количество местных жителей, вывозились со всем персоналом целые учреждения, в том числе учебные, которые затем продолжали работу в других регионах большой страны. По данным Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, в мае 1918 г. в республике находилось 2 292 395 беженцев из Беларуси [Энциклапедыя гісторыі, 1993: 339]. Наибольшее их количество проживало в Петрограде и Москве, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Самарской, Саратовской, Тамбовской и Уфимской губерниях.

Одновременно большое число интеллигентов оказалось в рядах воюющей армии. Здесь проявился еще один фактор – размытость и даже камуфлированность их социального статуса. По общему признанию историков, войска Западного фронта, распропагандированные большевиками, сыграли решающую роль в осуществлении переворота в октябре – ноябре 1917 г. Октябрьскую революцию в Беларуси сами ее организаторы называли «солдатской». Но при этом практически никто из руководителей солдатских масс не был профессиональным военным. А. Мясников, лидер Северо-Западного областного комитета РСДРП(б), закончил Армянскую семинарию, Лазаревский институт и юридический факультет Московского университета; К. Ландер, ставший председателем Совнаркома Западной области, до революции работал народным учителем и даже успел издать трехтомную «Историю Латвии»; В. Кнорин, один из руководителей большевиков в Беларуси, также закончил учительскую семинарию.

Естественно, что далеко не вся интеллигенция, даже несмотря на свою малочисленность, была вовлечена в политический процесс. Российский исследователь В. Беляев, изучая современный политический процесс, использует определение «политизированная интеллигенция», к которой он относит «обладающее качествами ин-

телигентности ядро слоя интеллигенции, осуществляющее особую консолидирующую, политико-строительную роль в обществе, сервисную функцию артикуляции, агрегирования и репрезентации интересов иных субъектов политики (также как и своих собственных), функцию индоктринации сознания этих политических субъектов, активистскую роль социального лидера-паттерна и катализатора кристаллизации политической инфраструктуры» [Беляев, 2007: 10]. При всей уязвимости для критики данного определения, нужно признать его наиболее удачным для обозначения политических функций интеллигенции, ее особого места в политике. Важно отметить, что в условиях революции, при ускоренном развитии, а порой и хаотичности всех процессов, число политизированной интеллигенции в процентном отношении резко увеличивается. Даже подчеркнуто отрешенные от политики люди вынуждены в той или иной форме участвовать в данных процессах. В этой связи стоит вспомнить слова А. Блока, который писал: «Но я — интеллигент, литератор, и оружие мое — слово. Боясь слов, я их произношу» [Блок, Слоним, 2006: 27]. Ровно то же можно сказать и об участии интеллигенции в политике. Гнушаясь политической деятельностью, относясь свысока к политикам как к людям, не состоявшимся в иных, «более благородных» профессиях, интеллигенция сама оказывается вовлечена в водоворот политических событий.

В ходе активизации культурной и политической жизни в национальных регионах России, проходившей сначала под лозунгом предоставления автономии, а затем полной независимости, местная интеллигенция практически повсеместно занимала лидерские позиции. Именно писатели, журналисты, а зачастую бывшие учителя и агрономы формулировали идеологию новых политических движений, ставили программные цели, возглавляли возникавшие партии. Однако в Беларуси интеллигенция не справилась с такой задачей. Любопытно, что на эту особенность обратили внимание западные исследователи вопроса. Постоянные неудачи политических акций белорусских национально-демократических партий и групп они видели в оторванности их идеологии от чаяний народных масс. Британский историк Э. Карр отмечает слабость белорусских национальных демократов, ссылаясь при этом на популярное на Западе мнение о том, что различные социальные слои Беларуси революционного периода считали себя частью российского общества, т.е. белорусские трудящиеся, мелкая буржуазия, часть интеллигенции готовы были консолидироваться не между собой по национальному признаку, а с родственными слоями России по признаку социальному, что облегчало задачу большевикам, стремившимся к установлению своей монополии на власть [Carr, 1969:

315–316]. Известный французский историк М. Ферро, ведя речь о наиболее значительных национальных движениях в России, пробужденных Революцией 1917 г., ни разу не упоминает о Беларуси [Ferro, 1967]. Этот скепсис в целом подтверждается и результатами избирательных кампаний революционного 1917 г. Белорусские национальные партии, ведущей из которых являлась Белорусская социалистическая громада, не сумели добиться существенного успеха ни на выборах в Советы, ни в городские думы. Они не провели туда ни одного своего представителя. Итог голосования на выборах во Всероссийское Учредительное собрание также был плачевен. По нашим подсчетам, по трем белорусским избирательным округам и Западному фронту, а также в Калужской губернии (там выставлялся особый «белорусский список») в совокупности они набрали 0,35% голосов избирателей.

Правда, этнические белорусы все же были представлены в различных органах власти. Но попадали они туда не по отдельным спискам, а в составе фракций общероссийских партий. Типичной политической организацией местной интеллигенции стал Белорусский областной комитет, образованный из белорусских делегатов Всероссийского съезда крестьянских депутатов в Петрограде. Задачи БОК были определены как «... образование аполитичной организации, которая берет на себя инициативу пробуждения в крестьянских, рабочих, солдатских и интеллигентских кругах белорусов национально-гражданского долга, созыв 1-го Всебелорусского съезда, создание краевой власти и общественно-политического уклада, отвечающего интересам белорусских трудовых масс» [Канчер, 1993: 139]. БОК сумел наладить деловой контакт с лидерами большевиков и руководством Совнаркома, а в скором времени и заручиться их поддержкой в деле национально-государственного обустройства Беларуси. 5 декабря 1917 г. состоялась встреча народного комиссара по делам национальностей И.В. Сталина с группой белорусских делегатов (примерно 70 человек), представлявших Всероссийский крестьянский Совет. В ходе встречи был затронут вопрос о необходимости созвать в ближайшее время «краевой съезд крестьянских депутатов в целях укрепления Советской власти в Белоруссии» [НАРБ, 4, 21: 2533, 6]. Выступая от имени крестьянства, деятели БОК являлись крестьянами разве что по происхождению, да и то не всегда. Председатель комитета Е. Канчер до революции окончил Марьиногорское земледельческое училище и Высшие сельскохозяйственные курсы в Санкт-Петербурге. В данном случае мы имеем дело с типичным примером. Учителя, агрономы, землемеры, врачи, писатели, журналисты сами себя провозглашали лидерами общественных настроений рабочих, крестьян и солдат. Показательно, что зачастую это

соответствовало действительности. Сами массы соглашались отдать руководство людям образованным и знающим свое дело. Но только в том случае, если идеи, которые артикулировались вновь провозглашенными вождями, были созвучны настроениям масс.

Значительная часть интеллигенция оказалась захвачена революционными идеями и стала на сторону большевиков. Они искренне верили, что Советская власть создает принципиально новый мир, служит делу преобразования общества. Свои идеи, даже мечты, фантазии они стремились согласовать с политическим курсом революции, а порой и повлиять на него, скорректировать. Один из лидеров этого движения А. Червяков, вспоминая настроения своего соратника Д. Жилуновича (Тишки Гартного) в те дни, дал одновременно и яркую зарисовку настроений многих белорусских интеллигентов: «Сам Тишка Гартный захвачен революцией — он стремится отразить свои настроения в своих произведениях, он хочет увлечь музыкой революционной борьбы всех, “кто спит до этой поры”» [Успаміны, 1984: 125].

В разгар революционных потрясений интеллигенция политизировалась, расходилась по различным политическим партиям и течениям гораздо активнее, чем другие социальные слои. Мы можем смело утверждать, что в Беларуси были целые сельские волости, практически не охваченные острой политической борьбой. Крестьяне если и формулировали свои требования, то в основном сводили их к экономическим условиям, стремились узаконить совершившийся «черный передел» земли. Солдатские массы, достигнув пика своего влияния осенью 1917 г., за считанные недели растворились в процессе стремительного дезертирства. Рабочий класс в Беларуси проявлял большую политическую активность, но, как правило, оказывался под руководством все тех же представителей интеллигенции. Как отмечает белорусский социолог А. Данилов, «противоречия переходных процессов приводят к общественным конфликтам», которые порой приобретают большую остроту, чем породившие их причины. Можно согласиться с его мнением, что революции, переходные процессы приводят к существенному изменению социального статуса различных групп населения [Данилов, 1999: 106–107]. От себя добавим, что эти изменения не зависят от политических взглядов и идеологических предпочтений.

Как уже отмечалось, интеллигенция края была расколота по национальному признаку весьма существенно. Порой речь шла о непреодолимых межнациональных противоречиях. С началом революции 1917 г. эта тенденция только усилилась. Например, польские общественные деятели отказывались идти на какое-либо сотрудничество с представителями других партий. Характерным примером может

служить деятельность центристского Польского Демократического Союза (Polski Związek Demokratyczny), объединявшего либеральную польскую интеллигенцию и близкого к Минской городской думе. Его лидеры практически не участвовали ни в каких общекраевых съездах, форумах. Польские общественные и политические деятели сознательно игнорировали любую активность в рамках общероссийских процессов, четко следуя своей цели – созданию возрожденного национального государства.

Вся сложность положения интеллигенции в крае в полной мере проявилась в период попытки создания Белорусской Народной Республики в 1918 г. Это был проект, от начала до конца задуманный и осуществленный небольшой группой местной интеллигенции, преимущественно членами БСГ. В феврале-марте 1918 г. после бегства большевиков и прихода германских войск они попытались взять власть в свои руки. На несколько недель эта идея овладела широкими кругами минского общества. Земство и городское самоуправление, где были представлены российские и еврейские политические партии, выразило готовность поддержать такие действия. Однако уже после провозглашения акта независимости 25 марта этот хрупкий консенсус был нарушен. Сказалась все та же внутренняя дискретность интеллигенции. Попытка опереться на крестьянство у Рады БНР также не удалась. На этот раз дала о себе знать идеологическая оторванность политизированных интеллигентов от народных масс. Сельчан волновали вопросы социально-экономического свойства, войны и мира, но никак не национального строительства. В конце концов, сама БСГ раскололась на несколько конкурирующих групп: белорусских эсеров, социал-демократов и социалистов-федералистов.

В ходе военных действий, сопровождавших революцию в Беларуси, различные участники военно-политического конфликта стремились заручиться поддержкой местной интеллигенции, в том числе для обоснования собственных прав на территорию. Эту тенденцию хорошо иллюстрирует воззвание Ю. Пилсудского «К жителям бывшего Великого княжества Литовского», выпущенное в апреле 1919 г., когда польская армия продвигалась по белорусской территории с запада на восток. В нем «начальник Польского государства» обещал дать местному населению возможность самостоятельно решать свои внутренние дела, свободно участвовать в предстоящих выборах в новый представительный орган. Опытный политик рассчитывал усилить полонофильские настроения в среде белорусской интеллигенции. Сам текст не оставляет сомнений, что именно интеллигенция была его основным (если не единственным) объектом воздействия, поскольку

в обращении практически ничего не говорилось о социальных правах, содержалась апелляция исключительно к историко-культурной общности с Польшей. И подобные настроения действительно были распространены среди части местной политической элиты. Их мысли выразил П.П. Алексюк в одном из своих выступлений 25 августа 1919 г.: «Политическая линия Белоруссии ясна. Борьба вместе с соседями с московской опасностью, создание своей государственности, опираясь на Запад, заключение в первую очередь с польским государством тех или иных связей, которые закрепят бы оборону и нашей и польской независимости» [НАРБ, 60, 3: 824, 5]. Однако и на этот раз интеллигенты не справились с возложенной на них «польской властью» миссией. Все созданные органы самоуправления оказались беспомощны и не пользовались авторитетом. Образованная «Белорусская войсковая комиссия» не сумела набрать ни добровольцев, ни призывников в боеспособные белорусские воинские части в составе польской армии, сформировав всего один пехотный батальон.

После окончания советско-польской войны позиции Советской власти и партии большевиков на оставшейся под их контролем территории Беларуси были крайне слабы. Об этом говорит резкое падение численности партии: с 1917 г. количество зарегистрированных членов уменьшилось в 14 раз. Причин ослабления политических позиций большевиков в Беларуси было несколько. В 1917 г. они опирались на значительные солдатские массы, распропагандированные ими в конце Первой мировой войны. Массовая демобилизация и дезертирство, последовавшие немецкая, а затем и польская оккупации не создавали прочных основ для укрепления авторитета правящей партии. Кроме того, были и другие причины. Белорусский исследователь А.Н. Сорокин в этой связи справедливо отмечает: «Однако нельзя не согласиться с тем, что неустойчивость национально-государственного и административно-территориального устройства усложняла дело самоопределения Беларуси, обостряла взаимоотношения, интенсифицировала межгрупповые противостояния в кругах политической элиты, дезорганизовывала партийную и советскую работу. Наконец, это оскорбляло национальные чувства, препятствовало привлечению белорусской интеллигенции на сторону Советской власти» [Сарокін, 2010: 23]. В то же время в ЦК Компартии (большевиков) Литвы и Беларуси, учитывая военные успехи Красной Армии на фронтах весной — летом 1920 г. считали настроения в освобождаемых от польских оккупантов районах вполне «благожелательными» для Советской власти.

В Компартии происходила перманентная текучесть и перемещение кадров. Партийные работники переходили из одной организации

в другую, направлялись на усиление работы на отдельных участках. Так, гомельская окружная организация на 1 августа 1920 г. насчитывала 1700 членов партии и кандидатов, на 1 октября – 1500, а на 1 января 1921 г. – 1296 человека. При этом из ее состава было откомандировано «для подкрепления других уездов» 139 человек, а прибыло в сам город из других партийных организаций 88 [ГА ОО ГО, 52, 1: 36, 22]. Необходимость проведения «чистки партии» была определена X съездом РКП(б). В резолюции «По вопросам партийного строительства», принятой съездом, отмечалась угроза распространения среди коммунистов идеологически чуждых настроений, определялись пути борьбы с этим явлением: «В силу того, что в партию вошла некоторая часть мелкобуржуазных и необработанных в коммунистическом духе мещанско-интеллигентских и полуинтеллигентских элементов, еще не переваренных партией, ... создается крайняя необходимость в том, чтобы решительно повернуть рычаг партийной политики в сторону вербовки рабочих и очищения партии от некоммунистических элементов путем учета каждого отдельного члена РКП по выполняемой им работе по должности, а также и как члена Российской Коммунистической партии» [Коммунистическая партия, 1983: 327–328]. Здесь интересна непосредственно терминология. «Интеллигентские» и «полуинтеллигентские» элементы рассматривались как угроза. И это при том, сами лидеры большевиков были людьми «интеллигентных профессий», а некоторые из них даже не в первом поколении. В ходе гражданской войны интеллигентность стала восприниматься как синоним «непролетарскости», «небольшевизма», а значит и оппозиции правящей партии.

Недоверие к новым членам партии, ранее состоявшим в политических организациях конкурентов большевиков, имела под собой определенные основания. Действительно, эсеры, бундовцы, меньшевики, становясь формально коммунистами, во многом сохраняли прежние идеологические взгляды. Зачастую они этого даже не скрывали. Еще на стадии объединения Бунда с РКП(б) один из его лидеров А.И. Вайнштейн отмечал: «Мы все члены Бунда, мы останемся верны бундизму... Никто из нас не перестал и не перестанет быть бундовцем». И далее: «Мы принимаем предложение Коминтерна и ступаем в РКП и там внутри мы ведем легальную внутреннюю борьбу за более широкие организационные формы для еврейского коммунистического движения» (НАРБ, 60, 3: 787, 1).

Тенденция на восприятие интеллигенции как априори оппозиционной новой власти. Возможность возрождения в период нэпа многопартийности, подорванной во время гражданской войны, всерьез

беспокоила большевиков. XII Всероссийская конференция РКП(б) (4 – 7 августа 1922 г.) выразила свою озабоченность в резолюции «Об антисоветских партиях и течениях». Делегаты конференции констатировали изменение социального состава населения Советской России в сторону оформления т.н. «новой буржуазии» (торговцы, частные арендаторы, зажиточные крестьяне и др.), которые являлись потенциальными противниками Советской власти, отметили перегруппировку сил политической оппозиции внутри страны и за рубежом. В резолюции говорилось: «Антисоветские партии и течения частично меняют тактику: они пытаются использовать советскую легальность в своих контрреволюционных интересах и держат курс на “врастание” в советский режим, который они надеются постепенно изменить в духе буржуазной демократии и который, по их расчетам, сам идет к неизбежному буржуазному перерождению» [Коммунистическая партия, 1983: 588]. Наиболее уязвимыми с точки зрения возможного усиления влияния «антисоветских партий» считались органы кооперации, культурно-просветительные учреждения, некоторые профессиональные союзы, сельские Советы. Соответственно, в качестве мер противодействия предлагалось усилить эти организации коммунистами, проводить широкую агитационно-пропагандистскую работу. «Вместе с тем, — отмечалось в резолюции, — нельзя отказаться и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийных, буржуазно-демократических интеллигентов» [Коммунистическая партия, 1983: 593]. То есть в категорию врагов революционной власти можно было попасть, даже не принадлежа к организованным структурам оппозиции. Вся интеллигенция была включена в категорию подозрительных лиц. Кстати сказать, в период нэпа одновременно с несколько увеличенной (по сравнению со временем «военного коммунизма») экономической свободой сохранялась жесткая репрессивная политика.

К этому времени контроль партии над Советами был всеобъемлющим. Центральное бюро Компартии (большевиков) Беларуси не только полностью утверждало избирательные комиссии, но и списки избирателей, а также тех лиц, которые были лишены права голоса. Более того, списки избранных депутатов, в том числе местного уровня подлежали утверждению в том же Центральном бюро.

Руководство КП(б)Б и Главного политического управления (ГПУ) внимательно отслеживали настроения населения. Согласно информационным сводкам ГПУ, подававшимся каждые две недели в ЦБ партии, с середины 1922 г. настроение рабочих и служащих, медленно стало изменяться в пользу Советской власти. Если в 1921 – 1922 гг., по

данным профсоюзов, в РСФСР было зафиксировано 401 стачка и забастовка, то в белорусских районах стачечное движение рабочих практически отсутствовало. В то же время высококвалифицированные служащие, сельская интеллигенция, большинство крестьянства по-прежнему были настроены враждебно по отношению к коммунистам. Причем чекисты отмечали «сильное моральное влияние» «эсерствующей интеллигенции» на крестьянские массы белорусской деревни. Среди причин этого влияния, наряду со знанием психологии местного населения, выделялось и неучастие проэсеровски настроенных интеллигентов во властных структурах, что позволяло им «не совершать никаких действий, которые бы дискредитировали их в глазах крестьян» [НАРБ, 4, 1: 555, 53]. Подобное пассивное сопротивление части населения могло стать опасным для режима в случае установлении связи между антибольшевистскими силами внутри страны и центрами политической эмиграции. ГПУ отмечало, что близость границы и ее слабая охрана не только создает возможность для процветания контрабанды, «а также дает и свободу действий таким личностям, которые, перейдя границу, находят приют в ближайшей деревне, из которой и ведут свою контрреволюционную деятельность» [НАРБ, 4, 1: 555, 2–12].

Именно местная интеллигенция, наряду с зажиточной частью крестьянства рассматривалась в качестве источника потенциальной угрозы новой власти. Показательна новая обвинительная риторика как партийных, так и репрессивных органов по отношению к интеллигенции. Ни одна другая социальная группа не упоминалась в их документах как целиком враждебная. По отношению к оппозиционной части крестьянства (вне зависимости от реального имущественного положения) употреблялся термин «кулачество». В то же время крайне критические, обвинительные выпады в сторону интеллигенции стали обыденным делом. Из внутривластных документов, постепенно они начали переноситься в массовую пропаганду. В литературе, кинематографе, даже изобразительном искусстве создавался образ одетого в «тройку» человека, как правило, в очках или пенсне, которые недоволен существующим порядком и в любой момент готов к антисоветским выпадам. Ему противопоставлялся человек нового типа, одетый просто и строго, даже несколько небрежно, с элементами военного обмундирования, преданный идеалам революции и готовый защищать Советскую власть.

Опасения большевиков в отношении интеллигенции имели под собой некоторую почву. Политические оппоненты правящей партии, оказавшиеся за рубежом, строили планы проникновения своих единомышленников внутри страны в партийный и советский аппарат управ-

ления с целью расшатывания режима. ЦК меньшевиков в феврале 1921 г. ставил такую задачу: «Дальнейшее развитие русской революции должно пойти через распад и раскол РКП» [Малашко, 1969: 274]. При этом в качестве основы для зарождения новой оппозиции, даже внутри самой правящей партии, рассматривались именно выходцы из интеллигентских кругов. Предполагалось, что установившаяся в стране политическая диктатура, доктринерство, навязываемая новая иерархия, властная вертикаль, регламентация духовной и культурной жизни изначально, по самой своей природе не могут положительно восприниматься интеллигенцией, будут порождать антагонизм между ней и властью.

В проекте резолюции одного из пленумов Центрального комитета КП(б)Б об очередных задачах партии, который был распространен в секретном порядке среди членов партии и кандидатов на вступление, в качестве одной из главных угроз отмечался «сильный рост националистических настроений в среде белорусской интеллигенции БССР, что вполне отвечает хозяйственному росту деревни и пробуждению активности как ее самой, так и связанной идеологически с нею интеллигенции» [НАРБ, 6, 5: 6, 58]. Власть искала новые пути воздействия на представителей интеллигенции. Становилось очевидным, что одни только репрессивные меры делу не помогут. В итоге был избран путь искусного политического маневрирования, в зависимости от складывающейся ситуации. Для местных еврейский и русских интеллигентов, входивших ранее в различные небольшевистские социалистические партии, был предложен путь интеграции в ряды правящей партии с возможностью дальнейшего карьерного роста, реализации собственных амбиций. Молодой белорусской интеллигенции предлагалось принять участие в невиданном ранее по своему масштабу процессе — белорусизации. Он начался в 1923 г. и предполагал активное внедрение как в делопроизводство, так и во сферы общественной жизни белорусского языка. Одновременно приоритет отдавался местный национальным кадрам (т.н. «коренизация»). В 1924 г. и 1926 г. состоялось две волны укрупнения БССР, в результате которых в составе республики оказались обширные восточные районы с Могилевом, Витебском, Гомелем и другими городами. Активизировалась культурная жизнь в 1921 г. был создан Белорусский государственный университет, в 1923 г. — Институт белорусской культуры (Инбелкульт), ставшие очагами институционализации новой национальной интеллигенции. Все это не могло ни сказаться политических настроениях как внутри республики, так и в среде эмиграции. Однако процесс этот шел хотя и последовательно, но все же медленно, заняв несколько лет, наполненных упорной и целенаправленной работой советских органов и спецслужб.

Пражская национально-политическая конференция (25 – 29 сентября 1921 г.), собравшая 37 участников, представлявших 41 организацию, подтвердила ориентацию белорусских социалистических партий за рубежом на тактику «третьего пути». Делегаты, подвергая резкой критике последствия Рижского договора 1921 г., особенно оккупационную антибелорусскую политику польских властей, негативно воспринимали и ситуацию в Советской Беларуси. И. Мамонько заявлял: «Фактически московские коммунисты являются такими же централистами, как и власти царского периода» [НАРБ, 325, 1: 169, 36]. Однако делегаты не поддержали антисоветские вооруженные акции С. Булак-Булаховича и Б. Савинкова. Государственный секретарь БНР К. Дуж-Душевский в докладе Раде Народных Министров (начало 1922 г.), отмечая невозможность легальной политической деятельности в БССР, писал: «... Под большевиками можно национальную работу проводить официально, проникая только в правительственные учреждения и захватывая таким образом государственный аппарат в свои руки» [НАРБ, 325, 1: 109, 38]. Лидер БПСР Ф. Гриб в докладе «VI Всебелорусский съезд Советов и очередные задачи БПСР», написанном в 1922 г., заявил об отказе белорусских эсеров от вооруженной борьбы с Советской властью. Осознавая, что большевики контролируют в БССР все рычаги власти и не допустят легального выступления оппозиции на выборах, Ф. Гриб призывал белорусских эсеров принимать «активное участие в школьном и вообще культурном строительстве, в потребительской и сельскохозяйственной кооперации», а также «обратить должное внимание на работу профсоюзных объединений с той целью, чтобы добиться влияния партии среди рабочих городов, а не только трудящихся деревни» [НАРБ, 60, 3: 749, 104–109]. Конечная цель работы в советском аппарате заключалась в легализации всех социалистических партий с предоставлением им полной свободы агитации и пропаганды, затем следовало произвести свободные перевыборы всех местных Советов и созвать Всебелорусский трудовой конгресс с представительством от всех частей этнографической Беларуси, и на нем решить будущее страны. Все эти факты показывают, что белорусская эмиграция оказалась перед типичным выбором интеллигентов той поры. Они считали, что и с большевиками им не по пути, но и белогвардейцы, а также польские власти тоже не являются их союзниками. Ставка на тактику «третьего пути» фактически лишала их союзников. При недостатке собственных ресурсов, отсутствии поддержки на Родине это обрекало политическую эмиграцию на поражение.

Вместе с тем руководителям Советской власти было ясно, настало время для более активных действий по дезорганизации своих про-

тивников за рубежом. Были обдуманы и осуществлены конкретные меры по нейтрализации белорусской политической эмиграции, ликвидации ее центров и (или) установлению своего контроля над ними. Это и произошло в октябре 1925 г., когда на конференции в Берлине руководители БНР заявили о самороспуске и признании советского Минска единственным центром национально-государственного строительства. Это ознаменовало собой завершения первого крупного этапа взаимодействия Советской власти и интеллигенции в Беларуси.

В ходе существенных революционных преобразований, последовавших за приходом к власти большевиков, белорусская интеллигенция находилась в эпицентре политических событий. Фактически именно ее представители, вне зависимости от национальности, взяли на себя руководящую роль в бурных событиях того времени. При этом они выступали не как представители собственной социальной группы, а преимущественно говорили от имени других категорий населения: рабочих, крестьянства, солдат и т.д. С некоторыми из них они были связаны происхождением, к другим не имели никакого отношения. Сама же интеллигенция как некий социальный слой не выступала в качестве самостоятельного субъекта политического процесса. Это было обусловлено целым рядом факторов, прежде всего, размытостью самого понятия «интеллигенция», ее разобщенностью по этническому и политическому признакам. В этот период представители власти активно старались привлечь на свою сторону интеллигенцию в целом. Исключение составляли только немецкие оккупационные органы, в целом индифферентно относившиеся к различным социальным общностям. И советские органы, и польские власти, наоборот, стремились склонить интеллигентов к активному сотрудничеству. Это во многом привело к дальнейшей поляризации настроений в ее среде. Советская власть постепенно стала менять свой курс, дифференцированно относясь к различным представителям интеллигенции в зависимости от их идеологических и политических предпочтений. Приобретала устойчивые черты новая линия власти по отношению к интеллигенции: сочетание политического маневрирования и жесткого репрессивного воздействия.

Литература:

1. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Мн.: Навука і тэхніка, 1991.
2. *Беляев В.А.* Интеллигенция как субъект российского политического процесса: федеральный и региональный аспекты: автореф. диссертации ... докт. полит. наук: 23.00.02 / Казан. гос. тех. ун-т. Казань, 2007.

3. *Блок А.* Россия и интеллигенция. Слоним М. Русские предтечи большевизма / Авт. вступ. ст. и коммент. О.А. Воробьев. 2-е изд. М.: Вузовская книга, 2006.
4. *Гидиринский В.И.* Русская интеллигенция в истории России (социокультурный аспект). М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2005.
5. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГА ОО ГО). Фонд 52, опись 1, дело 36.
6. *Данилов А.Н.* Молодежь кризисных лет: Иллюзии и новые надежды. Мн.: ООО «Харвест», 1999.
7. *Канчер Е.С.* Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов // Неман. 1993. №1.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): В 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1983–1989. Т. 2: 1917–1922.
9. *Малашко А.М.* К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. Минск: Изд. БГУ им. В.И. Ленина, 1969.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 4, опись 1, дело 555.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 4, опись 21, дело 2533.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 6, опись 5, дело 6.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), Фонд 60, опись 3, дело 749.
14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 60, опись 3, дело 787.
15. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 60, опись 3, дело 824.
16. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 325, опись 1, дело 109.
17. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 325, опись 1, дело 169.
18. *Сарокін А.М.* Покліч роднай зямлі. Канстытуцыі Беларусі Савецкай эпохі. Мінск: Права і эканоміка, 2010.
19. Успаміны пра Цішку Гартнага: Зборнік / Склад. Жылуновіч Г.Д., Александровіч С.Х. Мн.: Маст. літ., 1984.
20. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1. А – Беліца / Беларус. Энцикл.; Рэдкал.: М.В. Біч і інш.; Прадм. М. Ткачова; Маст. Э.Э. Жакевіч. Мн.: БелЭН, 1993.
21. *Carr E.H.* The Bolshevik Revolution, 1917–1923. Baltimore: Penguin Books, 1969. Vol. 1.
22. *Ferro M.* La Révolution de 1917. La chute du tsarisme et les origines d'Octobre. Paris: Editions Aubier-Montagne, 1967.

Интеллигенция и лоббизм: институциональный анализ

В.Ф. Левичева

доктор философских наук, профессор
Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

С.Л. Диманс

кандидат экономических наук, доцент
Московской государственной академии физической культуры (Москва, Россия)

За последние тридцать лет трансформация российского общества привела к значительным социально-структурным изменениям в составе такой значимой социальной группы российского общества как интеллигенция. Проследить эти изменения позволяет институциональный анализ.

Важнейшими составляющими современного российского общества стали группы интересов. Интересы объединяют группу в нечто единое и отделяют ее от других общностей.

Группы интересов различаются по структуре, стилю деятельности, способам финансирования и базе поддержки [Алмонд и др., 2002; Almond, Powell, 1995].

С этой точки зрения, интеллигенция представляет собой т. н. «неупорядоченную социальную группу», которую нередко объединяет только общая, во многом ценностная реакция на те или иные события.

Сложность определения общего интереса интеллигенции, видимо, связана с тем, что сама эта общность основана на таких неформальных признаках как стиль поведения, ценностные установки, предпочитаемые коммуникативные практики. Использование социальных характеристик в качестве маркеров не позволяет четко локализовать ее в системе социальной стратификации современного общества. Ее невозможно определить как целостность ни по социальному статусу, ни по функциональным характеристикам в системе социальных взаимодействий, ни, тем более, по идеологическим позициям. Интеллиген-

том может назваться каждый, просто продекларировав свой духовный, этический и социальный выбор.

Подобная гибридная идентичность интеллигенции, ее неоднородность, разобщенность и незначительная способность к групповому сотрудничеству, крайне усложняет процесс принятия солидарных решений, что в конечном счете оборачивается ситуацией упущенных шансов для всех.

Так могут ли люди, обладающие высшим образованием, профессиональными компетенциями и мировоззренческой культурой солидарно отстаивать свои интересы?

На наш взгляд, интеллигенцию более продуктивно рассматривать не как группу собственных интересов, а как акторов других социальных групп т.е. предпочтительнее анализировать ее не с позиций субстанционального подхода, а как феномен векторного (направленного) коммуникативного взаимодействия с другими социальными общностями, что позволяет сделать институциональный подход.

Интеллигенция в системе функционального представительства

В настоящее время нет ни одной сферы общественной жизни, а, следовательно, и группы интересов, в которой представители интеллигенции не играли бы заметную роль в силу специфики своей профессиональной подготовки.

Действительно, внутреннюю (родовую) самоидентичность интеллигенции сегодня фактически некому «содержать». Услуги по духовно-нравственному воспитанию молодежи, по разработке научной картины мира и проектированию будущего современным российским государством практически не востребованы.

Став обузой для государственной номенклатуры и перейдя на самообеспечение, интеллигенция как наиболее яркий субъект интеллектуальной деятельности, получивший в современных условиях демократии простор для самовыражения, тем не менее вынуждена предлагать свои услуги другим группам организованных интересов.

Экономический рынок как бы «растворяет» интеллигенцию как социальную общность. Но приступая к освоению новых социальных ролей, интеллектуалы, по крайней мере их значительная часть, все же сохраняют некоторые ценностные установки, присущие классической интеллигенции. Поэтому постоянные оговорки, фиксирующие феномен полураспада интеллигенции: «подлинная и неподлинная», «так называемая», «статусная», «профессиональная» интеллигенция, «образованщина» и т.п. — отражают ни что иное как адаптивность интеллигенции,

ее умение приспособиться к новой социальной среде. Раз нет ресурсов для защиты собственных интересов, приходится защищать чужие.

В условиях рынка у интеллигенции могут быть собственные интересы, но они производны от интересов конкретной группы.

М. Олсон называет большие группы «латентными», поскольку их потенциал совершения коллективных действий не реализуется сам по себе. Коллективное действие происходит в результате инициативной деятельности отдельных членов группы, добывающихся полезного для всех результата [Олсон, 1995].

Не вызывает сомнений, что большинство групп интересов также «латентны» и нуждаются в делегировании полномочий по выработке, артикуляции и отстаиванию их отдельными лицами. Интересы могут быть явными и неявными, расплывчатыми, четко или нечетко выраженными, чрезмерно общими или частными, ценностно окрашенными т.д. Одним словом, все это разнообразие можно свести, как отмечает Ф. Бро, к следующим трем пунктам: больше иметь; больше делать; больше значить [Бро, 1992: 42]. Это сложная и весьма специфическая профессиональная работа.

Речь в данном случае не идет о разделении группы на руководящее меньшинство и руководимое большинство, хотя это и происходит с неизбежностью. Группа не может существовать без лидера, но она также не может существовать без лиц, которые являются своеобразным субститутом (заменой) группы и могут говорить и действовать от ее имени, но не на правовой основе, а на основе доверия мнению тех, с кем считаются как «наверху», так и «внизу» группы. Чьи голоса слышны в общем хоре. Которые могут (имеют неформальное право) произнести, например, такие слова: «Партия считает, что ...», «Ассоциация врачей уверена в том, что ...», «Политика нашей компании направлена на ...». И это им сходит с рук даже в том случае, когда все оказывается не совсем так. Только тогда, когда поведение этих лиц выходит за некие рамки, их могут, что называется, «попросить на выход».

Влияние групп интересов определяется не только уровнем поддержки населения, но и наличием других ресурсов, в первую очередь, финансовых. Сплоченные и финансово поддержанные группы интересов политически более влиятельны, чем идеологически и организационно размытые общие интересы, причем это влияние во многом строится на использовании неформальных и неконвенциональных методов воздействия на политические и экономические процессы. Представляя их интересы, современная интеллигенция искажает важнейшие атрибутивные признаки своих предшественников, такие, например, как оппозиционность к власти и существующим институтам.

Вряд ли при этом она склонна испытывать чувство социального стыда и обнаженной совести.

Если анализировать интеллигенцию как представителей групп интересов, то многие ее традиционные характеристики, такие, к примеру, как «служение народу», становятся нерелевантными. С одной стороны, интеллигенция выполняет общественно полезную функцию — множество свободно возникающих и независимых от государства идейных и духовных направлений, экономических интересов, политических воззрений и т.д. получают реальное и внятное представительство, с другой — существенно снижается уровень представительства малообеспеченных и слабо организованных социальных слоев населения, интересы которых отодвигаются на задний план.

Интеллигенция в системе электорально-партийного представительства

Существующие в обществе интересы должны быть не только артикулированы, но и переведены в пространство политики. Эту функцию обычно приписывают партиям, безотносительно того, кто является акторами этого процесса.

Соперничество групп интересов на площадке представительной власти аналогично конкуренции на экономических рынках. Политический рынок регулирует государство. Здесь каждая группа интересов имеет «собственную интеллигенцию», которая агрегирует (собирает и объединяет) различные интересы в более общие партийные программы и продвигает их.

Наличие в обществе полноценной парламентской площадки выталкивает интеллигенцию в публичную политику. Это, с одной стороны, создает для нее новые политические возможности, но с другой — меняет ее «родовые» характеристики.

В парламентских фракциях большинства интеллигенция вынуждена работать на правительство, даже если в глубине души не вполне согласна с проводимой политикой. В оппозиционных фракциях она придерживается иных позиций. Но в обоих случаях интеллигенция представляет не большинство народа, а властное ресурсное меньшинство и на компромиссной основе участвует в процессах формирования реальной политики в его интересах.

Однако несмотря на то, что обычно признаются нормы и правила, удобные для ресурсного меньшинства, — появляется окно возможностей и для остальных групп интересов. Наряду с давлением, организованным привилегированными группами интересов (крупный

бизнес, корпорации, профессиональные ассоциации), появляется возможность представить интересы и других социальных групп (малого и среднего бизнеса, бюджетников, общественных движений, различных региональных групп). Это их право определено соответствующими законами и дает им возможность более эффективно использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы голосования. Однако они были и остаются аутсайдерами.

Есть еще одна социальная группа, которую М. Олсон называет «забытой». Это обычные неорганизованные налогоплательщики, не имеющие рычагов влияния на что-либо, пребывающие в «рациональном невежестве», особенно на выборах, и не предпринимающие никаких действий. Эта группа и составляет большую часть общества [Олсон, 1995: 154–155].

Конечно, с развитием социальных коммуникаций разногласия интересов основной части населения становится все более явной, и в этом есть некоторая заслуга интеллигенции. Интеллигент-идеолог, творец высших духовных ценностей и социальный критик, активно формирующий общественное мнение, все еще существует, но его ценностные продукты остаются почти незамеченными.

Что касается сетевой гражданской мобилизации на выборах, то пока она за редким исключением начисто проигрывает сложившейся вне демократических институтов неформальной организации реальной власти. Наиболее мощные «группы давления» — и есть фактическая власть, в отличие от власти формальной, т. е. политических институтов в их традиционном понимании.

Власть готова кооптировать в политическую элиту только тех представителей интеллигенции, которые пробиваются в лидеры групп организованных интересов, так как с ними приходится согласовывать некоторые решения. То есть одним представителям интеллигентских слоев открыт путь в элитарное сообщество, другим нет. Так было всегда, но в современных условиях, находясь на разном удаленном расстоянии от власти, наше «образованное сословие» стало резко дифференцироваться по имущественным признакам.

Диспропорциональность в репрезентации и воспроизводстве групповых интересов в системе представительной власти ведет к искажению их реального веса в обществе, что, в конечном счете, приводит к углублению социального неравенства. Оно обусловлено не только эгоизмом ресурсных групп, их волей к власти и доминированию, но и самой природой общества. Задача интеллигенции, ее, если хотите, социальная миссия — сглаживать последствия такого неравенства и примирять интересы. Однако вместо этого сегодня она подавляет одни интересы в пользу других и этим дестабилизирует общество.

Эта диспропорциональность углубляется по мере того, как группа интересов в органах представительной власти превращается в распределительную коалицию, монополизирующую тот или иной вид деятельности. Участие интеллигенции в такой коалиции и ориентация на борьбу за долю при распределении дохода в ущерб другим группам интересов, окончательно снимает иллюзорные представления о ее социальном альтруизме¹.

Известно, что наиболее активно подобные распределительные коалиции создаются в процессе рассмотрения государственного бюджета. Здесь главная роль принадлежит депутатам — непосредственным соискателям ренты в интересах той или иной ресурсной группы, использующим утвержденное законом право утвердить либо отклонить бюджет.

Политическая партия собственных интересов интеллигенции вряд ли когда-либо вообще сможет состояться, хотя неоднократные попытки ее создания были (достаточно обратиться хотя бы к истории партии «Яблоко»). Эсхатологическое и нигилистическое состояние интеллигенции, отсутствие этики «внутрицеховой» солидарности и осознание собственного бессилия перед лицом власти сводит все подобные попытки на нет.

Схожее положение партий и групп интересов в процессах формирования социально-экономического и политического курса создало своеобразную связь этих институтов. Е. Шаттшнейдер в свое время установил, что роль групп интересов в политике непосредственно и органически связана с состоянием политических партий на основе обратной пропорциональной зависимости: чем слабее функционирует партийная система, тем мощнее становится влияние заинтересованных групп на политический процесс; и наоборот, если партии осуществляют свои полномочия эффективно, они способны значительно ограничить или свести к минимуму влияние групп интересов [Schattschneider, 1942].

Интеллигенция в системе государственного аппарата «Бюджетная» интеллигенция

Анализ структурного разнообразия интеллигенции как социальной общности с точки зрения групп интересов, не может обойти проблему отношений ее с властью.

1. Распределительные коалиции — это разновидность групп интересов, ориентированная на распределение частных благ в определенной сфере. Эти коалиции нередко называют организациями с рентоориентированным поведением. Такие организации оказывают систематическое давление на власть с целью получения частных выгод.

Зависимость от государства и одновременно неприязнь к нему была своеобразным родовым «проклятием» советской интеллигенции. Из ее части рекрутировались государственные чиновники, а оставшиеся «на воле» активно соперничали за «милости» властей. Однако были и своего рода «профессиональные» интеллигенты, стремившиеся дистанцироваться от власти как источника зла, искавшие признания и самоутверждения среди своих.

Поскольку режим замалчивания разнообразных интересов теперь отключен, поле для критической (интеллигентской) рефлексии фактически значительно снижается. Критика власти доходит в основном лишь до той аудитории, от которой она и исходит, и до той аудитории, для которой в этой критике нет ничего нового.

В современных условиях считать интеллигенцию субъектом власти, конечно же, невозможно, хотя ее «хождение во власть» происходит довольно активно. Во многом этому способствуют те или иные группы ресурсных интересов, активно предлагающих своих адептов из числа интеллигенции для работы в различных правительственных структурах.

Многие интеллектуальные практики интеллигенции во властных структурах слабо востребованы. Как отмечал социолог Райт Миллс, когда люди, обладающие знаниями, идут во власть, они приходят туда «не как равные, а как наёмники» [Mills, 1963].

Чиновник из интеллигентской среды должен понимать, что он привлекается во власть только для того, чтобы подыскать средства осуществления политики, цели которой не подлежат не только критике, но даже обсуждению. Он может критиковать «отдельных лиц», «отдельные группы лиц» и «отдельные учреждения», но не институциональную систему в целом.

Как верно отмечает Л. Козер, «Люди, принимающие решения, по большей части не склонны к рефлексии» [Coser, 1965]. Можно добавить: не должны быть склонны к рефлексии. Способность интеллигента размышлять над дальними перспективами в бюрократических структурах не востребована в принципе. От него требуются не долгосрочные прогнозы, основанные на вдумчивом анализе тенденций, а фактическая информация, приуроченная к требованиям момента.

Интеллигент как госслужащий должен принять все ограничения, обусловленные иерархической структурой бюрократического аппарата, причем как необходимые и желательные.

Выстраивать отношения между обществом и властью, находясь во властных структурах, невозможно. Поэтому большинство интеллигентов-интеллектуалов, идущих во власть из чувства долга и наивной

веры в собственные возможности, как правило, оттуда быстро «возвращаются». Те, кто остается, должны освободиться от иллюзий по поводу собственной свободы и принять узкий практицизм бюрократического мышления.

Не имея возможности пробиться на самый верх, интеллигент находит утешение в критике «некомпетентных» верхов, где, по его мнению, действуют не знания, а личные связи в сочетании с услужливыми манерами. Он пребывает в стойкой уверенности, что некомпетентность, соединенная с риторикой и подкрепленная неформальными связями, — это именно то, что требуется для движения вверх по карьерной лестнице.

Иначе обстоит дело с интеллигентом, который попадает на высшие должности в системе государственной службы. Став частью организации, он теряет свою независимость в оценке ее действий, но также и независимость суждений вообще. Если же он пытается сочетать свое новое административное положение с прежними интеллектуальными установками, то их публичная демонстрация часто заканчивается отставкой.

Если интеллигент принимает на себя функции эксперта и считает, что таким путем он сможет конструктивно влиять на политику, то эти ожидания по большей части бывают обмануты. Консультант не может игнорировать интересы клиента, в качестве которого в данном случае выступает власть.

Кроме того, любая дельная мысль упирается в институциональные ограничения, которые чиновник, в отличие от эксперта, чувствует, что говорится, кожей. Рекомендации экспертов рисуют светлое послезавтра, а чиновнику надо знать, «что делать завтра, если сегодня начнем», с учетом реальных возможностей управления.

В ином положении находится «бюджетная интеллигенция» — специалисты в системе образования, здравоохранения и науки. Ее финансовая зависимость от властных структур провоцирует конформистские и адаптивные жизненные стратегии, направленные на решение повседневных проблем. Иные стратегии упираются в низкий социальный статус и престиж соответствующих профессий. Их представители очень легко идут на сделку с властью, что отчетливо проявляется в ходе избирательных компаний.

Подобный конформизм и отсутствие высокой ресурсной и статусной самоидентификации представителей бюджетных профессий — весьма травматичны для общества в целом. Репутационные социальные механизмы заменяются стимулами, задаваемыми избыточной нормативной регуляцией и квазирыночными экономическими отношениями, что коренным образом меняет поведенческие практики

людей. Служение обществу превращается в предоставление услуг наемными работниками. Особенно отрицательно это сказывается на образовании и здравоохранении.

Юрий Левада обозначил феномен конформизма термином «лукавое двоемыслие» — стремление обойти запреты и отыскать удобные поведенческие ниши в нормативных системах разного уровня (социальных, групповых, личностных). По его мнению, исполнение нормативных императивов превращается в более или менее лукавую сделку [Левада, 2000: 26].

Эти практики характерны практически для всех бюджетников. Но особенно широкое распространение они получили в системе высшего образования, которая сегодня буквально поглощена бюрократическими процедурами. Количество и многообразие всех форм административной отчетности превышают все мыслимые пределы. Вузы фактически превращены в клиент-ориентированные организации, а преподаватели — в обычных наемных работников, оказывающих образовательные услуги. «Лукавая сделка» превратилась в устойчивое оппортунистическое поведение, в частности, в очковничество как способ приспособления к возникшему административному абсурду. В результате резко ухудшилась вузовская среда, сократились академические свободы, понизились академические стандарты и в целом качество высшего образования.

Интеллигенция в процессах лоббирования

Согласно общепринятой точке зрения, лоббизм — это давление на власть (на людей, принимающих решения) разного рода социальных, профессиональных, корпоративных и др. групп. Это своего рода альтернатива конкурсному распределению финансовых потоков.

Давление осуществляется не только на законодателей, но и на все сколь-либо существенные центры власти и управления.

Апология лоббизма строится на аргументации, согласно которой в демократическом государстве неизбежна борьба и конкуренция различных общественных интересов, и люди, точнее, профессиональные ассоциации и корпоративные объединения, должны иметь право законными способами отстаивать свои интересы в органах государственной власти.

Интеллигенция как представитель заинтересованных групп и распределительных коалиций, нашедшая свое место в механизмах продвижения во власть групповых интересов, интегрируется в лоббистскую систему на достаточно прочных основаниях. Лоббист по сути объединяет в себе знания и опыт в четырех областях: коммуникации,

креативность, посредничество, умение вести переговоры и выступать публично. Продвижению целей и интересов всегда способствует активное владение профессиональным дискурсом в предлагаемых обстоятельствах. Все это — часть прочно укоренившихся интеллигентских практик. В процессе лоббирования специалист оказывает платную услугу по представлению интересов клиента и редко выходит за пределы чисто профессиональных функций.

В настоящее время интеллигенция присутствует на всех этажах лоббизма и непосредственно включена в механизм иерархического согласования решений. Фактически, она входит в распределительные коалиции как субъект лоббирования (имея, например, депутатский мандат или консультируя чиновников, принимающих решение) и обслуживает интересы немногочисленных высокоресурсных групп, тем самым прямо способствуя углублению социально-экономической дифференциации общества.

Будучи субъектом лоббирования, интеллигенция проявляет один из своих родовых признаков — оказывать целенаправленное воздействие на политический процесс, но при этом не принимая прямого участия в управлении государством, и, тем самым избегая какой-либо политической ответственности за свои действия.

Однако лоббизм воплощает собой также принцип свободы, выступает инструментом самоорганизации гражданского общества, с помощью которого оказывается влияние на политику и мобилизуется общественная поддержка или оппозиция. Лоббизм в этой ситуации — своего рода соперник институциональной бюрократии. Влияя на управленческие решения, он заставляет органы государственной власти и управления «быть в форме», придает им большую динамику и гибкость. Кроме того, лоббизм существенно расширяет информационную базу принимаемых решений. Все это дает интеллигенции, вовлеченной в лоббистскую деятельность, своеобразное алиби от обвинений в продажности.

Интеллигент, если он хочет оставаться интеллигентом, должен отстаивать интересы своей группы (интересы общества, отдельных отраслей, корпораций и профессиональных ассоциаций) не по меркантильным или другим утилитарным соображениям, а в силу своей социальной природы и политической позиции. В противном случае, он — обыкновенный политтехнологический прагматик.

Чтобы лоббизм не вырождался в коррупцию, все контакты заинтересованных лиц и законодателей должны быть нормативно отрегулированы и проходить под зорким оком комиссий по этике, которые обычно создаются практически при всех законодательных или исполнительных органах власти. А самих лоббистов целесообразно объеди-

нить в различные публичные ассоциации.

Представителей интеллигенции сегодня можно найти в специальных лоббистских фирмах, замаскированных под консалтинговые агентства, службы «паблик рилейшнз», аналитические и экспертные центры и пр.

К сожалению, обсуждение законопроекта о лоббизме в нашей стране стало одной из самых провальных кампаний последнего времени. В результате лоббистские технологии до сих пор не институционализированы, а все нормы лоббистской деятельности остаются условными.

По-прежнему ведутся кулуарные переговоры первых лиц компаний, чиновников и депутатов. Не отстают и среднее исполнительское звено. Аппаратные люди-невидимки могут поддержать или завалить любой проект или законодательную инициативу в силу личных договоренностей с теми, от кого негласно получают в той или иной форме бонусы.

В ряде российских регионов вообще произошло слияние муниципальной власти с частным сектором. Каждый сам себе и чиновник, и законодатель, и лоббист. Это худший вид лоббизма, порождающий вопиющие случаи конфликта интересов. Поэтому слово «лоббизм» в общественном сознании россиян прочно ассоциируется с коррупцией.

Лоббистские возможности различных сообществ распределены крайне неравномерно. Основная масса лоббистских коммуникаций иницируется и осуществляется корпорациями для продвижения собственных интересов.

Многим запомнилась, например, энергичная атака владельцев спиртоводочных заводов на российское правительство, в результате которой акциз на алкогольные напитки был снижен с 90% до 85%. Еще одна их атака завалила проект закона «О государственной монополии на производство и оборот этилового спирта».

Конечно, признавать специалистов, активно участвующих в подобного рода лоббистских кампаниях интеллигенцией, достаточно сложно. Лоббировать узко партикулярные интересы и одновременно выступать в «защиту гонимых» — невозможно.

Процесс лоббирования напоминает шахматную партию, в которой действуют фигуры разного веса: бизнес и власть, сырьевики и переработчики, бюджетники и «офисный планктон» частных компаний, мелкие предприниматели и олигархи и пр.

Так, врачебное сообщество России начисто проиграло «партию» страховому лобби, в результате которого между государственным Фондом обязательного медицинского страхования и государственными медицинскими учреждениями вклинились частные страховые кампании, в которых оседают значительные суммы обязательных

страховых платежей. Это непосредственно отразилось на заработках врачей и на отношениях врачей и пациентов.

Не так давно при полном игнорировании общественного мнения появился совершенно пустой по содержанию Закон об основах охраны здоровья граждан (№ 323-ФЗ), под сенью которого хиреет бюджетная медицина, и как снежный ком разрастаются платные медицинские услуги. Недовольство медицинской общественности звучало надрывно и безнадежно.

Медицинская интеллигенция не могла выступить единым фронтом, поскольку доходы врачей слабо коррелируют с их квалификацией и опытом. Вряд ли можно рассчитывать на наличие общей интеллигентской позиции, когда зарплата врача в Москве и в провинции, в государственном лечебном заведении и в частной клинике различаются во много раз. Поэтому врачебная этика как профессиональная этика части интеллигенции не институционализируется. Это видно и по беспомощности различных врачебных ассоциаций. О чем в них можно договориться, если даже социолог с трудом может найти там признаки одной социальной общности, а институциональный экономист — общие интересы группы?

Подобный социальный разрыв относится ко всем профессиональным группам интеллигенции. С точки зрения доходов не важно, кем работать, гораздо важнее — где, в каком регионе, в какой конкретно компании работать. Солидарность и этика совместных действий подменяются индивидуальной лояльностью к конкретному учреждению, которое на данный момент может предложить лучшие условия найма. В результате практически ни одна профессиональная ассоциация в России не сложилась таким образом, чтобы государство могло передать ей часть своих управленческих функций. Институциональная несостоятельность профессиональных ассоциаций в полной мере проявляется в их реальных лоббистских возможностях.

Лоббистскую деятельность ведут не только промышленные корпорации и профессиональные ассоциации, но и различные НКО, которые почти полностью состоят из представителей интеллигенции. Обычно они обосновывают свои предложения общественными интересами. Однако даже этот лоббизм никогда напрямую не связан с действительными общественными приоритетами. В интересах общества что-то надо прямо сейчас, а что-то может и подождать. Но в лоббизме побеждает тот, кто лучше организован и располагает большими ресурсами неформальных связей.

Лоббистам всегда нужна общественная поддержка или, по меньшей мере, видимость такой поддержки. Это так называемый «косвен-

ный лоббизм» (работа через население), при котором нет прямого контакта между лоббистом и политиком. На политиков обрушивается общественное мнение, выраженное в шквале звонков и писем, что иногда заставляет их все же принять решение в пользу людей. Пожалуй, именно здесь интеллектуальные практики интеллигенции, формирующей общественное мнение, могут иметь реальные результаты.

* * *

В среде интеллигенции сегодня распространено множество идейных и духовных направлений. Прежние стереотипы и идентичности, в которых она до сих пор определялась, и в которых она сама осмысливала свою социальную роль, больше непригодны.

Рынку нужны представители интересов. Поэтому место морализирующей и рефлексии интеллигенции в той же социальной среде постепенно замещается прагматически ориентированными специалистами. Выполняя функции лоббиста группы, придя во власть, работая по найму в промышленных корпорациях и т. д., интеллигент-профессионал вынужден отказаться от установок на оппозицию к власти, от позиции «жертвенности ради народа», от просветительских иллюзий и прочих атрибутов.

Однако то, что интеллигенция оказалась фактически отстраненной от идейного влияния на общественное сознание и умонастроения людей, в итоге серьезно ослабляет все наше общество.

Литература:

1. *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Строк К., Дантон Р.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / Пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; Под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М: Аспект Пресс, 2002.
2. *Бро Ф.* Политология / Пер. с фр. М.: Луч, 1992.
3. *Левада Ю.* Человек лукавый: двоемыслие по-русски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. №1 (45).
4. *Олсон М.* Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп / Под ред. Р.М. Нуреева, пер. с англ. М.: Фонд экономической инициативы, 1995.
5. *Almond Gabriel A., Powell G. Bingham.* Comparative Politics Today: A World View. New York: Harvester Wheatsheaf. 1995.
6. *Coser Lewis A.* Men of Ideas: a sociologist's view. New York: The Free Press. 1965.
7. *Mills C. Wright.* Power, politics and people. New York: Oxford University Press. 1963.
8. *Schattschneider E.E.* Party Government. New York: Farrar and Rinehart, Inc. 1942.

Российское государство глазами современной интеллигенции

М.Н. Яковлева

научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

Сегодняшняя неопределенность будущего вектора развития страны, противоречия между властью и обществом актуализируют вопрос о том, может ли сегодняшняя российская интеллигенция претендовать на роль интеллектуальной элиты, способной выработать ответы на стоящие перед российским обществом и страной вопросы. С этой проблемой неразрывно связано то, как современная российская интеллигенция воспринимает прошлое своей страны, как оценивает ее настоящее, и какие надежды связывает с будущим.

Однако постановка исследовательской проблемы в таком ключе неизбежно сталкивается с неопределенностью самого понятия интеллигенции. В исследовательской литературе в настоящее время нет единства мнений относительно содержания и границ понятия интеллигенции, что неизбежно затрудняет строгий научный анализ ее места и роли в обществе. Есть два различных подхода к определению интеллигенции. Социологи под интеллигенцией понимают *социальную группу людей, профессионально занимающихся умственным трудом, развитием и распространением культуры, обычно имеющих высшее образование*. Такое понимание интеллигенции прослеживается в образованных кругах европейской и российской общественности с первой трети XIX в.

Второй подход распространен в русской социальной философии, согласно которому к интеллигенции причисляют тех, кого можно считать *нравственным эталоном общества*. Такая трактовка интеллигенции получила распространение именно в России, где во второй половине XIX в. на первый план вышли морально-этические критерии, отражающие черты *социального мессианства интеллигенции*: озабоченность судьбами своего отечества (гражданская ответственность); стремление к социальной критике, к борьбе с тем, что мешает наци-

ональному развитию (роль носителя общественной совести); способность нравственно сопереживать «униженным и оскорбленным» (чувство моральной сопричастности) [Латова]. В результате понятия «образованный класс» и «интеллигенция» перестали совпадать — не любой образованный человек мог быть отнесен к интеллигенции. Интеллигенция стала определяться в первую очередь через противопоставление официальной государственной власти. Вопрос же о месте интеллигенции в социальной структуре общества при этом оставался дискуссионным.

В советский период социальный состав российской интеллигенции резко изменился. Этическая составляющая в определении интеллигенции отошла на задний план, под «интеллигенцией» стали понимать всех «работников умственного труда» — социальную «прослойку». При этом ядром этой группы стали выходцы из рабочих и крестьян, получивших доступ к высшему образованию. За счет резкого роста числа людей с высшим образованием к 1980-м гг. доля представителей интеллектуального труда достигла четвертой части всех трудящихся.

В результате смены социально-экономического и социально-политического строя 1990-х гг. советская интеллигенция, по сути, оказалась проигравшей стороной. Это выразилось в резком снижении ее уровня жизни, невостребованности как в профессиональном плане, так и в роли социального мессианства. В результате российская интеллигенция претерпела глубокие изменения. Одна часть интеллигенции эмигрировала из России, другая часть, разделяющая либеральную идеологию, сделала успешную карьеру, встроившись в современную социально-политическую систему. Многие представители интеллигенции были вынуждены сменить сферу деятельности, в том числе перейдя в сферу управления. Только небольшая часть интеллигенции сохранила стремление выполнять миссию просвещения власти. Подавляющее же большинство сегодня представляют собой работников умственного труда без культурно-этической рефлексии. Таким образом, сегодня российскую интеллигенцию характеризует отсутствие общей духовно-нравственной основы, что сближает ее с западным понятием «интеллектуалов», сущностно отличающееся от традиционно русского понятия «интеллигенция».

Термин «интеллектуалы» (intellectuals) обозначает людей, профессионально занимающихся интеллектуальной (умственной) деятельностью, не претендуя, как правило, на роль носителей «высших идеалов». Основой для выделения такой группы является разделение труда между работниками умственного и физического труда. Посколь-

ку в эпоху НТР резко повышается ценность знаний и креативного мышления, то в современном мире растет и число лиц умственного труда, и их значение в жизни общества. Более того, по мнению некоторых социологов, в постиндустриальном обществе интеллектуалы станут «новым господствующим классом». Некоторые исследователи в связи с этим делают вывод, что интеллигенции в традиционном русском смысле в России сегодня нет, и можно говорить только о группе «интеллектуалов». Тем не менее, в российской науке продолжают попытки понять внутреннюю структуру интеллигенции как социальной группы, определить ее признаки и черты. Например, В.В. Тепикин предлагает 10 признаков интеллигенции, в которых актуализируются нравственные идеалы, как неотъемлемая черта интеллигенции [Тепикин, 2008]. Напротив, в основе типологизации интеллигенции Г.Г. Силласте лежит степень творческого характера умственного труда интеллигенции [Силласте, 2009].

Подводя итог, можно сказать, что сегодня вряд ли представляется возможным предложить однозначный набор эмпирических индикаторов для выделения интеллигенции как отдельной социальной группы. Многие прежние критерии – например, оппозиционность к правительству – отчасти потеряли смысл, а этические признаки (традиционно русского понимания интеллигенции) слишком абстрактны, чтобы их можно было использовать для эмпирических исследований. В то же время, мы не разделяем трактовку интеллигенции только как интеллектуалов в западном смысле, поскольку, с нашей точки зрения, неотъемлемой чертой российской культуры являются поиски путей развития российского государства с учетом идей справедливости и духовности, что является прерогативой представителей именно русской интеллигенции.

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что в рамках эмпирического исследования социальную группу интеллигенции следует рассматривать в более широком контексте: как группу лиц с высшим образованием, дифференцированную по социально-профессиональным признакам, поскольку именно уровень образования, характер деятельности человека и профессиональной микросреды оказывают непосредственное влияние на формирование его мировоззрения. Соответственно в рамках поставленной задачи нас будет интересовать вопрос о том, *как сегодня дифференцированы взгляды на судьбу своей страны у высокообразованных представителей различных социально-профессиональных групп.*

Для ответа на поставленные вопросы мы опирались на данные московского исследования 2016 г., N=640 человек, репрезентативна отно-

нительно взрослого постоянно проживающего в Москве населения по полу и возрасту¹. Референтная группа для анализа — лица с высшим образованием (354 человека). С целью выделения представителей интеллигенции были отобраны сферы деятельности, в которых доля опрошенных с высшим образованием выше 50%. *Первая группа — государственные структуры — сфера управления* (администрации, разного уровня законодательные органы, местного самоуправления и т.д.); и *правоохранительные органы* (МВД, таможня, суд, прокуратура). *Вторая группа — финансово-техническая сфера — финансовая сфера* (служащие банков, страховых компаний, налоговики, бухгалтера и т.п.) и ИТР (инженеры, программисты, мастера, технологи). *Третья группа — социокультурная сфера — социальная сфера* (врачи, учителя, социальные работники и т.п.) и *творческие профессии* (артисты, художники, писатели и т.п.). В «других» сферах деятельности (сфера обслуживания, рабочие профессии и т.п.) доля опрошенных лиц с высшим образованием составила менее 50%.

Рассматривая вопрос о том, как граждане воспринимают свою страну, необходимо учитывать, что на восприятие людьми окружающей действительности, их оценочные суждения влияет множество факторов, как субъективного, так и объективного характера. Это не только реальные проблемы, с которыми сталкиваются люди, и которые взаимосвязаны с общей ситуацией в стране, но и система ценностных ориентаций людей, их базовые смысложизненные ориентиры. По мнению Д.А. Леонтьева, смысл — это «отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению)» [Леонтьев, 1999: 114]. В целом, главные смысложизненные ориентиры в российском социуме сохраняются. Судя по нашим данным, для образованных москвичей, как и для остального социума, первостепенное значение имеют семья, хорошие заработки, позволяющие жить достойно, интересная работа и уверенность в завтрашнем дне. В то же время смысложизненные ориентации представителей разных сфер деятельности имеют свою специфику. В соответствии с ними мы объединили рассматриваемые сферы деятельности образованных москвичей в три группы. Представители *государственных структур* чаще других стремятся к богатству (25% против 13%), карьере и власти (20,8% против 9,8%). И если в сфере управления это их единственное отличие

1. Автор концепции и методики исследования д.с.н. Вольмитель А.А.

от остальных, то для образованных представителей правоохранительных органов более значимы также интересная работа (40%) и уважение со стороны окружающих (33,3%). Представители *социокультурной сферы* во многом противоположны первой группе. Для них именно богатство (10%), карьера и власть (7,5%) наименее значимы. Важнее, чем для всех остальных, для них нематериальные ценности: «чувствовать себя в безопасности» (22,5% против 14,5%) и «жить в экологически чистой среде» (25% против 8,9%). Кроме того, для представителей творческих профессий отличает и самая высокая значимость «интересной работы, позволяющей проявить свои способности и таланты» (61,1%). Группа представителей *финансово-технической сферы* занимает промежуточное положение между первыми двумя и менее однородна. Объединяет ее представителей самая высокая значимость ценности «жить по правде, совести, справедливости» (30,8% против 13,8%), и самая низкая – «интересной работы, позволяющей проявить свои способности и таланты» (19,2%), которая их интересует в два раза реже, чем представителей других групп. Неоднородность группы проявляется в том, что в финансовой сфере по сравнению с остальными более значимы «хорошие заработки, чтобы жить достойно» (60,7%). А ИТР отличает повышенная потребность «чувствовать себя в безопасности» (20,8%).

Представления о должном характере социального государства в выделенных социально-профессиональных группах заметно различаются (табл.1).

ТАБЛИЦА 1. Представления о характере социального государства москвичей с высшим образованием (в % к ответившим)

Сферы деятельности	Государство должно обеспечивать достойную оплату по труду, качественное образование и медицину для всех граждан	Государство должно обеспечивать только минимальные социальные гарантии
творческие профессии	66,7	27,8
ИТР	62,5	37,5
финансовая сфера	60,7	35,7
социальная сфера	59,1	40,9
сфера управления	51,8	44,6
правоохранительные органы	46,7	40,0
другие	66,3	30,1

Меньше всего сторонников социального государства среди представителей государственных структур. Позиции в социокультурной

сфере разделились: представители социальной сферы выступают за минимальные социальные гарантии значительно чаще представителей творческих профессий. По отношению к государству различия между социально-профессиональными группами проявляются и в социальных установках. Сегодня во всем российском обществе отчетливо доминирует прагматическое отношение человека к государству и обществу (65%). Позицию социальной ответственности, стремление больше отдавать государству и людям, чем брать от них, разделяет только четверть москвичей. Среди образованных москвичей при этом наблюдаются существенные различия по сферам деятельности (табл.2).

ТАБЛИЦА 2. Социальные установки образованных москвичей (% к ответившим)

Сферы деятельности	Социальная ответственность «человек должен давать людям, обществу больше, чем брать от него и от других людей»	Прагматизм «сколько дает человек обществу, людям, столько и должен получать от них»
сфера управления	29,8	63,2
правоохранительные органы	26,7	66,7
творческие профессии	38,9	61,1
социальная сфера	36,4	54,5
финансовая сфера	17,9	75,0
ИТР	8,3	87,5
другие	16,9	74,7

В целом, среди образованных москвичей уровень социальной ответственности сегодня заметно выше среднего, а сторонников социального государства для всех граждан несколько меньше, чем в целом по массиву. Представители социокультурной сферы, для которых наименее значимы ценности богатства, карьеры и власти, выступая в целом за социальное государство для всех граждан, чаще других готовы проявить и социальную ответственность. И, судя по всему, их позиция по отношению к обществу и государству в большей мере соответствует традиционным представлениям о русской интеллигенции с ее нравственно-этическим императивом. При этом сторонников минимальных социальных гарантий со стороны государства заметно больше среди представителей социальной сферы, чем среди творческих профессий. Напротив, представители государственных структур реже всех поддерживают идею социального государства

для всех граждан, часто выступая сторонниками минимальных социальных гарантий. Но при этом им не чужды и идеи социальной ответственности перед обществом и государством. Несмотря на выраженную среди них ориентацию на ценности материального успеха, сторонников прагматического отношения к обществу и государству (в ущерб социальной ответственности) среди них все же меньше, чем в целом по массиву. Представители финансово-технической сферы в своих взглядах на социальное государство занимают промежуточное положение между двумя предыдущими группами. Однако они фактически чужды идее социальной ответственности, занимая прагматическую позицию по отношению к обществу и государству. И в этом смысле они меньше всего соответствуют традиционным представлениям о русской интеллигенции. Скорее их можно охарактеризовать как интеллектуалов в западном смысле слова. Примечательно то, что именно для них важно «жить по правде, совести, справедливости».

Выявленные различия между профессиональными группами прослеживаются и в восприятии их представителями прошлого, настоящего и будущего России. Для нашего анализа в первую очередь представляют интерес характеристики государства, наиболее значимые с точки зрения российского цивилизационного кода: «справедливое», «помогающее своим гражданам», «правовое», «криминальное», «сильное» и «независимое». Современное российское государство часто сравнивают с «кораблем без ветрил». Действительно, базовые цели и направление развития российского государства за последнюю четверть века так не были сформулированы. Периодические кризисы сотрясают экономику, сопровождаясь расслоением населения на фоне повсеместного распространения в обществе ценностей материального успеха. Потеря гуманистических смыслов современного образа жизни, утрата российским социумом центрального универсума — все это делает неопределенным будущее страны и способствует распространению негативных и пессимистических настроений в российском обществе. Как же сегодня воспринимают современную ситуацию, недавнее прошлое и видят будущее России представители образованной части российского общества?

На восприятие образованными москвичами современного состояния российского государства оказывают влияние испытываемые ими негативные чувства, вызванные сложившейся ситуацией: неуверенности в завтрашнем дне; несправедливости всего что происходит вокруг; беззащитности перед произволом чиновников, работников правоохранительных органов и тесно связанных с ними предпринимателей; тре-

воги за безопасность и будущее своих детей; ненависти к тем группам и отдельным лицам, по воле которых жизнь в стране стала такой, какой она есть сегодня. Больше всего их влияние сказывается на восприятии образованными москвичами современной России как государства справедливого, правового, криминального, т.е. наиболее болезненных для российского общества проблем. В меньшей степени — на таких характеристиках государства, как независимое, сильное, помогающее своим гражданам. Эта взаимосвязь сильнее всего проявляется у представителей государственных структур, в меньшей степени — у представителей финансово-технической сферы, и практически не наблюдается в социокультурной сфере.

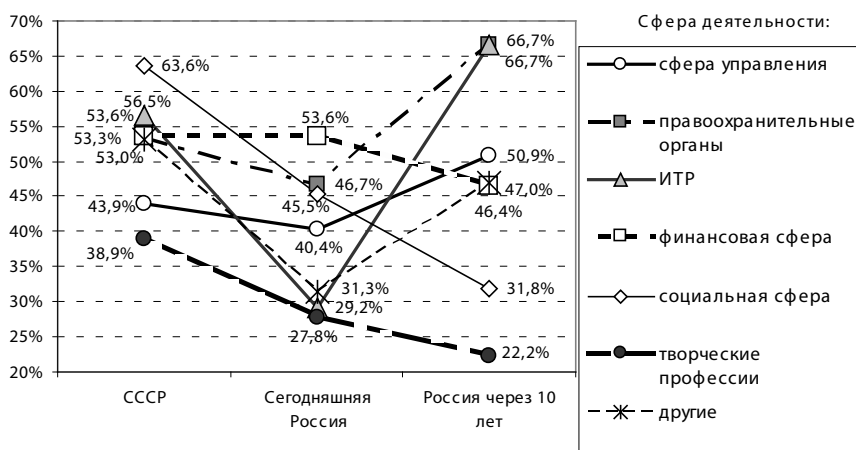

РИС. 1. Восприятие разных периодов российского государства как «справедливого» москвичами с высшим образованием (% к числу ответивших)

Судя по нашим данным, оценки тех или иных параметров государства разными профессиональными группами могут существенно различаться не только в количественном отношении, но и в характере направленности из прошлого в будущее. Наиболее четкие различия между представителями разных сфер занятости прослеживаются в восприятии России как справедливого государства. Идея справедливости в российской культуре имеет первостепенное значение, переключаясь со способностью традиционной российской интеллигенции сопереживать «униженным и оскорбленным», а сегодня — с представлениями о социальном государстве. Образованные представители разных социально-профессиональных групп существенно неоднородны в этом вопросе, особенно относительно будущего России (рис.1).

В целом, восприятие России как справедливого государства отражает социальный опыт и социальную память представителей разных профессиональных групп. В динамике оценок наибольший пессимизм прослеживается в социокультурной сфере, особенно среди представителей творческих профессий, что перекликается с их представлениями о должном социальном характере государства, которые мало совпадают с реальностью. При этом восприятие представителями социальной сферы российского государства как справедливого изменяется от максимума в советский период до, практически, минимума в будущем. «Надежды нет» — так можно охарактеризовать позицию этой группы. Представители государственных структур, напротив, демонстрируют умеренный оптимизм. Сегодняшнюю Россию они воспринимают только как немногим менее справедливую, чем в советское время, и заметно оптимистичнее смотрят в будущее, что вполне совпадает с относительным благополучием этой группы. У представителей финансово-технической сферы представление как о справедливом ассоциируется, судя по всему, только с советским периодом. В восприятии же современной и будущей России эта группа неоднородна: у ИТР крайний пессимизм сегодня и максимальный оптимизм относительно будущего, у представителей финансовой сферы — стабильные оценки, которые только немного снижаются относительно будущего. В этих оценках, судя по всему, нашло отражение восприятие положения своей профессиональной группы: степень востребованности инженеров в советское и нынешнее время и надежда представителей этой группы на технологическое развитие страны в будущем, которое невозможно без ИТР, контрастируют с положением представителей финансовой сферы.

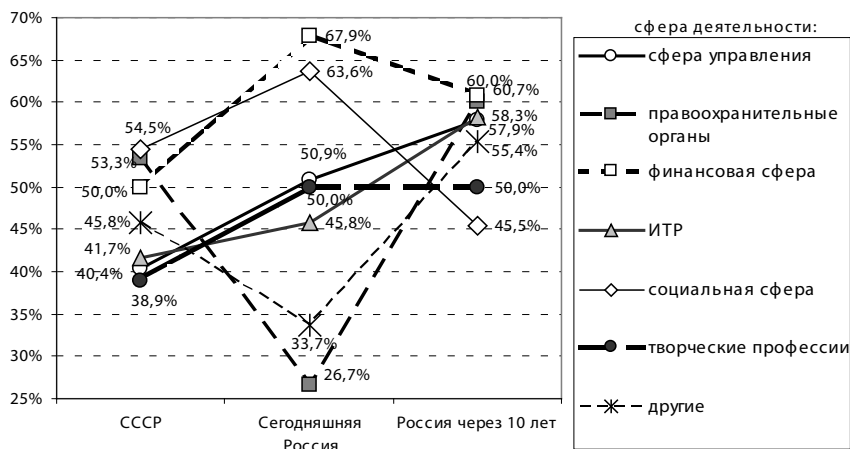

РИС. 2. Восприятие разных периодов российского государства как «правового» москвичами с высшим образованием (% к числу ответивших)

В целом, москвичи достаточно единодушно воспринимают то, как сегодняшняя Россия изменилась по сравнению с советским периодом. Они полагают, что страна стала менее сильной, независимой и безопасной для своих граждан, но более демократичной, правовой и основанной на индивидуализме. Однако прослеживается и особая точка зрения представителей отдельных профессиональных групп. Прежде всего, представителей правоохранительных органов, которые, например, намного пессимистичнее остальных оценивают сегодняшнюю Россию как правовое государство (рис. 2).

В целом, советский период и будущее России именно представители правоохранительных органов воспринимают оптимистичнее других практически по всем параметрам. Чаще других они оценивают Россию всех периодов как демократическое государство. И только они полагают, что Россия станет сильнее, но менее независимой. В противоположность им, представителей творческих профессий отличает самый пессимистический взгляд на свою страну во все периоды ее развития. Складывается впечатление, что «им все не так». И хотя, представители социальной сферы несколько оптимистичнее в своих оценках, в будущее они все же смотрят без оптимизма. В целом, можно сказать, что представители социокультурной сферы утратили веру в сильное государство, помогающее своим гражданам. От будущего они все реже ждут, что Россия станет справедливым, сильным, правовым, безопасным и демократическим государством, помогающим своим гражданам. Респонденты, относящиеся к финансово-технической сфере, в своем восприятии разных периодов российского государства не однородны. Сегодняшнюю Россию представители финансовой сферы воспринимают по многим характеристикам оптимистичнее, чем ИТР, тогда как оценки советского периода у них не очень различаются. При этом от будущего представители финансовой сферы улучшения ситуации в стране уже не ждут, а ИТР в целом надеются на лучшее.

Таким образом, можно сказать, что отношение образованных москвичей к российскому государству сегодня отчетливо дифференцировано по социально-профессиональной принадлежности. Социальный пессимизм сегодня демонстрируют наиболее близкие к традиционным представлениям об интеллигенции представители социокультурной сферы, которые утратили веру в сильное государство, помогающее своим гражданам. Именно они чаще других разделяют как позицию личной социальной ответственности по отношению к обществу и государству, так и идею социального государства для всех граждан. Напротив, представители государственных структур оптимистичнее других

воспринимают советский период и будущее России практически по всем параметрам. Но они реже всех поддерживают идею социального государства для всех граждан, часто выступая сторонниками минимальных социальных гарантий.

Литература:

1. *Латова Н.* Интеллигенция // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/INTELLIGENTSIYA.html?page=0,1 (дата обращения: 10.02.2019).
2. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
3. *Силласте Г.Г.* Интеллигенция в канун и в период бури глобального кризиса. Харьков: Народная украинская академия-НУА, 2009.
4. *Тепликин В.В.* Интеллигенция: культурный контекст. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008.

Политическая роль современной гуманитарной интеллигенции¹

И. В. Воробьева

кандидат социологических наук, доцент

Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

Специфическая природа интеллигенции, ее роль в истории России регулярно подвергается всестороннему осмыслению со стороны ученых, журналистов и политических деятелей. Спорным и проблемным вопросом остается определение того, что же представляет собой данная специфическая социальная группа, какую смысловую нагрузку несет в себе данное понятие, в чем заключается роль и предназначение российской интеллигенции в жизни нашей страны.

В оценках роли интеллигенции обращают на себя внимание директивные «аксиоматические шаблоны восприятия» [Яковенко, 2018: 33] базовых признаков, которыми, по мнению общества, должен и даже обязан обладать любой представитель этой группы. Интеллигенция рассматривается не просто как образованная часть общества, профессионально занятая интеллектуальным трудом, но и как носитель определенных моральных качеств, определяющих нравственное сознание, способность к участию в процессе развития материально-производственной и духовной сфер жизни общества.

Подобные установки существуют и относительно политической жизни интеллигенции, диктуя и навязывая определенные шаблоны и нравственные обязательства. Представителям группы интеллигенции приписывают специфические черты политического сознания и поведения, которые отличают их от других социальных групп. Поэтому в работе делается попытка проверки следующих стереотипов и установок в отношении данной общности: 1) интеллигенция в большей степени, чем другие группы, интересуется политикой и компетентна

1. Статья выполнена в рамках гранта «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» Российского научного фонда, грант № 18-18-00024.

в данной сфере; 2) интеллигенции больше, чем другим социальным группам, присущи либеральные и демократические ценности; 3) интеллигенция критически (и даже оппозиционно) относится к власти.

Политическая информированность и компетентность интеллигенции: стереотипы и реальность

Сформированный политический интерес влияет на информированность, компетентность и включенность в данную сферу. Анализ эмпирических данных показывает — предположение о том, что в данной социальной общности интерес к этой сфере будет выше, чем в других группах, не находит своего подтверждения. Число тех, кто совсем не интересуется политикой составляет примерно равную часть (чуть больше трети), как среди интеллигенции, так и среди всего населения.

Исторически сложилось, что интеллигенция — группа, одной из социальных функций которых является социальный критицизм. Традиционно критическое отношение к социальной реальности и деятельности власти делает эту группу особенно вовлеченной в политическую повестку страны. Однако, если 15,8% россиян заявляют, что активно интересуются политикой, то среди представителей интеллигенции эта доля составляет лишь 11,5%. [Цапко, 2018: 78] При этом доля тех, кто интересуется только отдельными проблемами среди интеллигенции несколько выше (55,9% против 50,6% среди всего населения). Это может свидетельствовать о том, что интеллигенция более избирательно подходит к выбору информации и интересуется, не политикой в целом, а отдельными проблемами, отвечающим ее интересам (табл.1).

ТАБЛИЦА 1. Распределение ответов на вопрос «Интересуетесь ли Вы политикой?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	ЖМ-2014	Интеллигенция-2016
	Всего	Всего
Очень интересуются	15,8	11,5
Интересуются, но только отдельными проблемами	50,6	55,9
Совсем не интересуются	33,6	32,6

Источник: Жизненный мир-2014, Интеллигенция-2016².

2. Всероссийское исследование «Жизненный мир россиян и эволюции форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2000 годы)». Опрос проведен в октябре 2014 г. во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию, Поволжье, Юг

Принято считать, что интерес к политике в большей степени проявляют люди с высоким уровнем интеллекта, образования, в старшей возрастной категории. Внутри самой интеллигенции распределение по возрастам демонстрирует вполне предсказуемые результаты политического интереса, то есть мы наблюдаем рост интереса к политике по мере увеличения возраста, что характерно и для всего населения в целом. Если среди молодежи до 35 лет о полном игнорировании политической информации заявляют 42,6%, то среди тех, кому больше 50-ти, только 26% говорят о полном отсутствии интереса. Молодежь в большей степени интересуется проблемами дружбы, любви, семейные отношения и вопросы построения карьеры, и поскольку политика не входит в приоритетные интересы, то и политическая информация не воспринимается и не усваивается.

Политические взгляды интеллигенции: есть ли ориентации на либерализм?

Представления о том, что интеллигенция обладает большей политической компетентностью в сравнении с другими социальными группами не нашла своего подтверждения, также, как и представления об особой ее приверженности либеральным настроениям. Как и в ситуации с населением, политические ориентации этой группы распределились по вектору «левые» — 14%, «правые» — 14,8%, «патриотические» — 21,1% (табл.2). Затруднились с оценкой собственных политических взглядов 38,1% (в 2014 г., по данным исследования ЖМ-2014, все неопределившиеся составили менее 15%, в 2018 г. — 18,6%). В отношении всего населения обращает на себя внимание увеличение числа сторонников социалистических и коммунистических настроений, которые остаются стабильно популярными в последние годы, и особенно при ухудшении экономического положения в стране, а также рост числа тех, кто определяет свои взгляды как «патриотические и национальные». Можно говорить, что в политических ориентациях россиян, помимо традиционного разделения

Страны, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также два мегаполиса — Москву и Санкт-Петербург. Опрошено 1750 чел. с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форм собственности и трудовому стажу. Представители гуманитарной интеллигенции среди опрошенных составляют 205 человек (ЖМ-2014).

Всероссийское исследование «Как живешь, интеллигенция?». Опрос проведен в мае 2016 г. в 14 объектах, выбранных как типичных для основных территориально-экономических регионов РФ: Москва, Санкт-Петербург, Свердловская, Новосибирская, Новгородская, Архангельская, Ярославская, Воронежская, Владимирская, Нижегородская области, Ставропольский край, Республика Крым, Красноярский и Хабаровские края. Опрошено 1350 чел. Обследованию подлежали три группы интеллигенции: занятые в сферах образования, культуры, здравоохранения (ЖМИ-2016).

на сторонников «коммунистов» и «демократов» сформировалось новое, достаточно многочисленное направление, состоящее из людей, определяющих себя в рамках национально-патриотической идеологии.

ТАБЛИЦА 2. Распределение ответов на вопрос «Какие политические взгляды Вам ближе?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	Данные ЖМ-2014	Интеллигенция-2016
Левые (социалистические, коммунистические)	21,2	14,0
Правые (либеральные)	18,8	14,8
Патриотические	28,7	21,1
Национальные	-	7,5
Монархические	4,4	3,3
Еще какие	7,0	1,2
Религиозных	-	-
Затруднились ответить	14,7	38,1

Источник: Жизненный мир-2014, Интеллигенция-2016.

То, что интеллигенция в большей степени, чем все остальное население, испытывает трудность с идентификацией своих политических взглядов, объясняется, с одной стороны, как попытка полного игнорирования, исключения этой сферы из своих приоритетов частью интеллигенции, с другой — тем, что большая информированность и высокий уровень критического мышления не позволяет некоторых безусловных определений своей позиции в политических ориентациях и предпочтениях.

Таким образом, политические взгляды интеллигенции оказались даже более неопределенными, чем всего населения в целом. Эти данные во многом подтверждаются результатами опросов «Левада-Центр» в 2016 г., согласно которым 38% населения говорят о том, что не разбираются в политике и не интересуются ей [Общественное мнение, 2017: 45]. Соответственно, можно говорить о том, что ситуация в сфере политической компетентности и информированности группы интеллигенции ничем не отличается от остального населения и данная группа не может считаться авангардом политического знания.

Мнение о политической ситуации в стране

На основе политической информированности возникает определенное отношение к политической ситуации в стране. Стоит отметить, что представление о ней в группе интеллигенции чуть более критическое, чем в целом по населению: 46,4% оценивают ее как «кризисную», а 6,8% — как «катастрофическую», в то время как среди остального населения за кризисную позицию высказалось 36,6%, а за катастрофическую — 5,3% [ЖМ-2014, ЖМИ-2016]. Негативная оценка положения дел в стране может объясняться тем, что среди интеллигенции самое большое число таких, кто считает, что они проиграли в результате произошедших в России перемен (в группе интеллигенции выбравших эту позицию более трети, а среди всех россиян — чуть менее 14%)

Полагаем, интеллигенция может считать, что «проиграла» или уступила свои позиции по нескольким основаниям. Во-первых, речь идет о потере экономического статуса и престижа данной группы. Во-вторых, падение значимости принадлежности к данному слою (распространение высших учебных заведений низкого качества, получение высшего образования за деньги и нивелирование его ценности и пр.). В-третьих, с изменением самой группы интеллигенции изменилась и ее роль транслятора культурных ценностей, которые не всегда находят позитивный отклик и уважение у населения.

Политическое участие интеллигенции

Отсутствие интереса к политике, о котором уже говорилось ранее, сказывается и на готовности интеллигенции к включению в данный вид деятельности. Эмпирические данные показывают, что интеллигенция обнаруживает несколько меньший уровень реальной политической активности в сравнении с другими группами населения: о своем участии в политической жизни, в том числе в электоральном выборном процессе, заявляют 57% интеллигенции, среди всего населения таких 53,5% [ЖМ-2014, ЖМИ-2016].

Иначе говоря, интеллигенция не просто не является выразителем политической активности, подающей пример остальным группам населения, она сама первой самоустраняется от выполнения гражданского долга. Остается не вполне понятным, что это, какая-то форма проявления гражданской позиции или полная апатия и безразличие к политической жизни своей страны?

Некоторое увеличение потенциала наблюдается за счет участия интеллигенции в интернет-пространстве. О том, что им доводилось

высказываться на политические темы в Интернете (в социальных сетях и на форумах), заявило 7,3% участников опроса. Примерно такое же число 6,7% признались в том, что им доводилось подписывать петиции или обращения.

Как показали результаты исследования, политическое участие зависит от политической самоидентификации и политической компетентности личности. То есть, практики политического участия воспроизводятся, если участники осознают их смысл и цели. Значит ли это, что некомпетентность интеллигенции в политических вопросах приводит к политической пассивности? Скорее нет, вероятно, речь идет о дистанцированности и отчуждении. Остальная часть интеллигенции, отчасти завися от государства, отчасти от неверия в возможность перемен, отчасти от нежелания ввязываться в «грязные» политические дела демонстрирует полный уход и игнорирование этой сферы жизнедеятельности.

Общественно-политическая активность, связанная с реальными действиями или готовностью людей противостоять государственному режиму, ограничивающему права и свободы населения, реализовать свое право на критику и несогласие с действиями власти, проводимой внутренней политикой, принимаемыми законами и тому подобное, на сегодняшний момент у интеллигенции очень низка. Настоящее снижение особенно заметно на фоне протестной активности 2011–2012 гг. Череда принятых до и после протестов законов репрессивного характера (законы о митингах, собраниях, НКО и т.д.) носит ограничительный характер и негативно влияет на любые зачатки гражданской и политической активности.

Сказывается и отсутствие сильных политических лидеров, которые могли бы стать представителями интересов интеллигенции. Стоит заметить, что представленные на сегодняшней политической арене лидеры несистемной оппозиции, пытающиеся говорить от лица интеллигенции, в большинстве случаев выглядят как политические маргиналы, и тоже не могут стать полноценным рупором политических интересов интеллигенции.

Интеллигенция и власть

Понятия «интеллигенция» и «власть» очень часто противопоставляются. Некоторые исследователи ставят вопрос еще более категорично: интеллигенция такая социальная группа, которая всегда должна находиться в оппозиции к власти. Однако в настоящий момент эта позиция представляется спорной.

По целому ряду формальных признаков (например, наличие высшего образования, занятие интеллектуальным трудом) значительная часть управленческого аппарата на разных уровнях (как политическая, государственная, так и представители менеджмента конкретных организаций и учреждений) может быть отнесена к группе интеллигенции. Иными словами, нынешняя политическая власть и менеджмент являются одной из «ветвей» социальной группы интеллигентов.

Несмотря на то, что среди интеллигенции доля тех, кто считает, что при всех недостатках нынешнюю власть стоит поддерживать меньше в сравнении с другими группами (45,9% в среде интеллигенции против 55% среди всего населения), данный вариант ответа является самым популярным. Следующие по значению ответы, хоть и в меньшей степени, соотносятся с результатами опроса населения в 2014 г.: 33,9% считают, что *«Страна больше нуждается в стабильности, чем в переменах»*, 26% — что *«России нужна твердая рука, порядок в обществе»*. За перемены в обществе выступает даже меньшее число интеллигенции, чем в целом по России во всех группах населения. Даже тезис о том, что *«Политические свободы и демократия — это обязательные условия существования государства»* разделяют всего 13,5% (в целом по населению 15,8%) [ЖМ-2014, ЖМИ-2016].

В отношении власти интеллигенция выказывает достаточно высокий уровень лояльности и конформизма. Основная часть интеллигенции выступает за сохранение стабильности, не стремится к переменам и считает, что при всех недостатках нынешнюю власть стоит поддерживать. Стоит отметить, что основная часть интеллигенции (как и все остальные группы) придерживается позиции сохранения существующего положения дел.

Возможно, такая оценка объясняется тем, что значительная часть интеллигенции, будучи интеллектуалами-профессионалами, работает в государственных сферах и зависит от государства и власти, которые выплачивают им зарплату, социальные пособия и пр. И это в определенной мере препятствует критической оппозиционной настроенности по отношению к власти. Учитывая, что интеллигенция обладает потенциалом влияния на массы через трансляцию культуры, образцов поведения, норм и пр., ее поддержка существующей власти обеспечивает поддержку власти и со стороны остального населения.

Само население считает, что *«Интеллигенция идет на слишком большие компромиссы с бизнесом и властью»*. По данным «Левада-Центр», эту позицию разделяют 49% граждан, а 24% затрудняются с ответом [Российская интеллигенция, 2012].

Таким образом, можно говорить о том, что политические, экономические и социальные преобразования, которые начались с образованием постсоветской России, определенным образом отразились на социальном статусе и политической роли интеллигенции. Эмпирические данные показывают, что политические взгляды и позиции интеллигенции характеризуются невысоким уровнем интереса, анонимностью и отстраненностью. Значительная часть интеллигенции не разбирается в политике и не интересуется ею. Даже наиболее продвинутая часть интеллигенции в значительной мере абстрагировалась от реальной политической ситуации и сосредоточилась на личных повседневных проблемах и делах ближайшего окружения. Реальная политическая активность группы практически упала и в значительной мере перетекла в виртуальное пространство, социальные сети.

Роль интеллигенции в социально-политической жизни страны не соответствует ее месту и значению, претензиям и амбициям ее отдельных групп, а также ожиданиям и требованиям, предъявляемым обществом [Как живешь, интеллигенция..., 2018 :162]. В сегодняшних реалиях интеллигенция значительно утратила роль лидера, в том числе в политической жизни.

Традиционное противопоставление понятий «интеллигенция» и «власть» в настоящее время не работает. Руководство сегодняшней власти на разных уровнях (как государственной, так и на уровне менеджмента конкретных организаций и учреждений) по всем формальным признакам могут быть отнесены к группе интеллигенции. Иными словами, нынешняя власть и нынешний менеджмент и являются одной из «ветвей» социальной группы интеллигентов. Одна часть интеллигенции во всех профессиональных сферах напрямую зависит от власти, находится под ее опекой и финансированием, поэтому вынуждена проявлять лояльность. Другая значительная часть самоустранилась от «общенародных забот», уйдя из социально-политического целеполагания в профессиональное или личностное. Третья часть интеллигенции стала оппозиционной, еще одна часть интеллигенции и есть сама власть. Однако, по нашему мнению, включение интеллигенции во властные структуры имеет скорее положительный смысл. Да, отчасти интеллигенция, вступившая во власть, начинает частично разделять ценности принятые в данной сфере, но при этом сохраняет и свои. Таким образом, воспроизводятся некие гибридные ценности, сближающие позиции властных структур и интеллигенции.

Литература:

1. *Зеленко Б.* О политических стереотипах интеллигенции в современной России // Интеллигенция и власть: Сб. статей / РГГУ. Социолог. фак-т. Центр социолог. исследований; Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2008.
2. Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018.
3. Общественное мнение – 2016. М.: Левада-Центр, 2017.
4. Российская интеллигенция. Исследование. // АНО «Левада-Центр». URL: <http://www.levada.ru/2012/04/16/rossijskaya-intelligentsiya/> (дата обращения: 02.05.2017).
5. *Цапко М.С.* Главные смыслы жизни российской интеллигенции // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2018.
6. *Яковенко А.В.* Смыслы жизни интеллигенции: между стереотипами и реальностью. // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2018.

На ком стоит российская экономика? Социолого-статистический эскиз

Н.Ю. Федоров

кандидат философских наук, доцент

Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

Отвечая на вопрос, поставленный в заглавии статьи, мы без затруднения назовем множество различных социальных групп, и все они играют большую или меньшую роль в экономической жизни. Автор же склонен в первую очередь назвать интеллигенцию, причем, как советскую, так и современную. Попытаемся эскизно обосновать эту позицию, применяя небольшое количество доступных экономических и социальных статистических данных.

Хорошо известно, что понятие интеллигенции несет в себе значительную неопределенность. Но в большинстве случаев это не препятствует чисто практическому шагу — сказать о конкретной социально-профессиональной группе, которую можно наблюдать непосредственно или логически, — «интеллигенция». Это люди, занятые интеллектуальным трудом, несущим в себе в значительной степени творческое содержание и выступающим основным источником трудовых доходов этих людей. Главное же в том, что в интеллигенции сконцентрирована духовная сила российского народа, и только тогда она и становится интеллигенцией: она такова, каков ее народ, и таков народ, какова его интеллигенция.

С социально-экономической точки зрения интеллигенцию можно рассматривать как ведущего субъекта индустриальной, научно-технической и информационной революций и соответствующей экономики. Именно ученым в области естественных и технических наук и инженерам принадлежат открытия, создание и внедрение новых производственных технологий; именно гуманитарные науки создают культуру и идеологию своего общества, а их представители в лице врачей, учителей и преподавателей готовят к труду непосредственных участников общественного производства, социальной и гражданской жизни.

Российская интеллигенция к началу 1860-х гг. включала около 20 тыс. человек с высшим образованием. Численность интеллигенции после реформ 1860-х гг. росла значительными темпами, как и другие новые для России социальные группы. Мы исходим из того, что рост каждой социальной группы означает и рост ее вклада в экономическое развитие России: чем ближе темпы ее роста к увеличению общественного продукта, тем значительнее и ее вклад в экономику.

Национально хозяйство России в конце XIX — начале XX столетия переживало мощный подъем. В течение 1894–1913 гг. один из основных экономических показателей — чистый общественный продукт, произведенный в России, вырос в 1,95 раза и составил 21422 млн руб. Одновременно росла численность, следовательно, и вклад различных социальных групп Российской империи в общественный продукт.

Статистические данные позволяют сравнить близость тенденций роста численности различных социальных групп, включая интеллигенцию, с ростом чистого общественного продукта в условиях Российской империи конца XIX — начала XX столетия и Российской Федерации 2000-х гг.

При росте всего населения Российской империи в 1,32 раза одним из самых значительных был рост численности пролетариев — в 1,48 раза (табл.1). Несколько меньше, но также значительно росла численность крупной буржуазии и других крупных владельцев собственности, а также зажиточных мелких хозяев и полупролетариев — в 1,33–1,37 раза. При этом наиболее высоким темпом увеличивалась численность одной из ведущих групп российской интеллигенции — преподавателей университетов и других высших учебных заведений — в 1,82 раза. Надо полагать, что за ним стоит рост и других профессиональных групп интеллигенции, о численности которых мы на данный момент не располагаем статистическими данными. Численность же всей группы занятых умственным трудом в 1917 г. превысила данные 1898 г. в 2,07 раза, показав значительно более высокий темп роста по сравнению с другими социальными группами. Такой рост в наибольшей степени приближается к темпу возрастания общественного продукта, следовательно, можно предполагать, что интеллигенция оказывала наиболее значительное влияние на экономическое развитие страны. Это влияние является прямым — в виде непосредственного участия в производстве общественного продукта, и косвенным — в виде подготовки высококвалифицированного персонала, сохранению его физического и духовного здоровья и др.

Взаимосвязь закономерностей изменения численности социальных групп работников (табл.2) позволяет, на наш взгляд, показать

роль современной российской интеллигенции в экономическом развитии страны по сравнению с ролью других групп.

В 2005–2017 гг. валовой внутренний продукт российской экономики увеличился в 4,3 раза в действующих ценах и только в 1,29 раза в ценах 2005 г. (с учетом инфляции). Численность же интеллигенции возросла в 1,5 раза, что ближе всего к темпам роста не инфляционно-го ВВП (рис.1). Другие группы по образованию либо неустойчиво изменялись по своей численности, оставаясь в том же количестве, что и в базовом году (занятые с средним профессиональным образованием), либо изменялись незначительно (с начальным профессиональным), либо снижались (группа без профобразования). Теснота связи каждой из этих групп с валовым продуктом существенно ниже, чем у группы с высшим образованием. Если первые колеблются от 0,36 до 0,78, а у не имеющих профессионального образования являются крайне отрицательными, то связь имеющих высшее образование является максимально высокой.

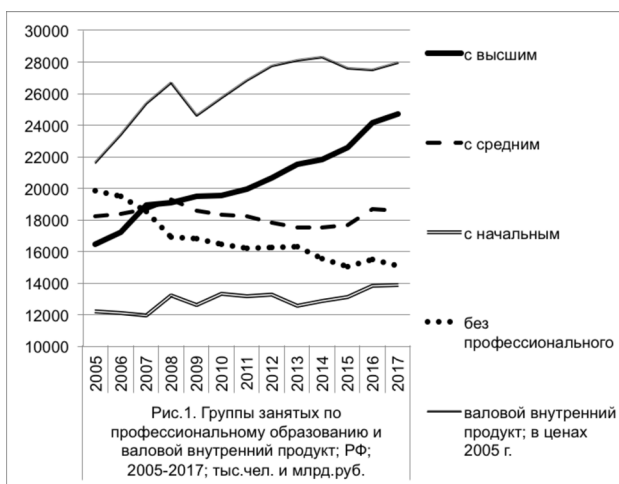
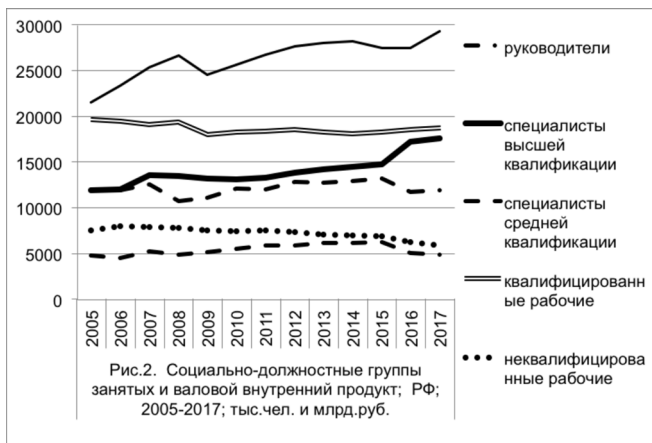

Рис. 1. Группы занятых по профессиональному образованию и валовой внутренний продукт; РФ; 2005-2017; тыс.чел. и млрд.руб.

Столь же тесно связаны и сходны с тенденциями роста валового продукта и тенденции изменения численности специалистов высшей квалификации, существенно отличаясь от тенденций прочих квалификационных групп (рис.2). Специалисты высшей квалификации изменяются максимально близко к изменениям валового продукта, теснота связи превышает 0,9. В отличие от них, численность руководителей в течение 2005–2017 гг. изменялась незначительно, снижаясь главным образом в кризисные периоды, делая это в противоположность росту валового продукта. Специалисты средней квалификации еще более

неустойчивы в своей динамике и столь же противоположны динамике валового продукта, как и руководители (исключая кризисный период 2008–2009 гг.). Квалифицированные рабочие, уменьшившись в 2005–2009 гг., остаются практически неизменными в последующем, а неквалифицированные медленно и устойчиво снижаются почти весь наблюдаемый период. Теснота связи этих групп с валовым внутренним продуктом не превышает 0,57, а у квалифицированных и неквалифицированных рабочих достигает крайне низкого отрицательного уровня.

Различные варианты роли интеллигенции в экономическом развитии сложились в различных отраслях народного хозяйства (видах экономической деятельности). В обрабатывающей промышленности ее динамика очень близка к динамике роста объемов производства (рис.3). В противоположность такой динамике изменения других групп работников происходят в противоположном направлении: во всех группах, кроме занятых с начальным профессиональным образованием, наблюдается устойчивое снижение численности; все группы отрицательно связаны с ростом объемов производства (табл.2).

В добывающей промышленности наблюдается близкая динамика: рост численности работающих с высшим образованием остается тесно связанным с динамикой объемов производства, хотя связь с инфляционным объемом несколько ниже. Иначе говоря, работа интеллигенции в большей степени обеспечивает неинфляционное развитие этой отрасли и в значительно меньшей степени связана с инфляционным ростом. Остальные же группы снижаются в своей численности, исключая занятых с начальным профессиональным образованием, динамика которых относительно близка динамике инфляционного роста.

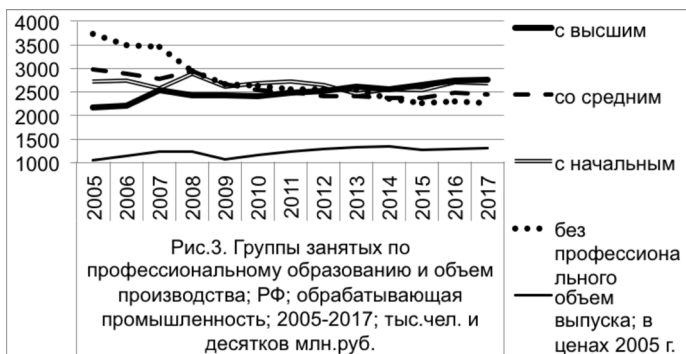
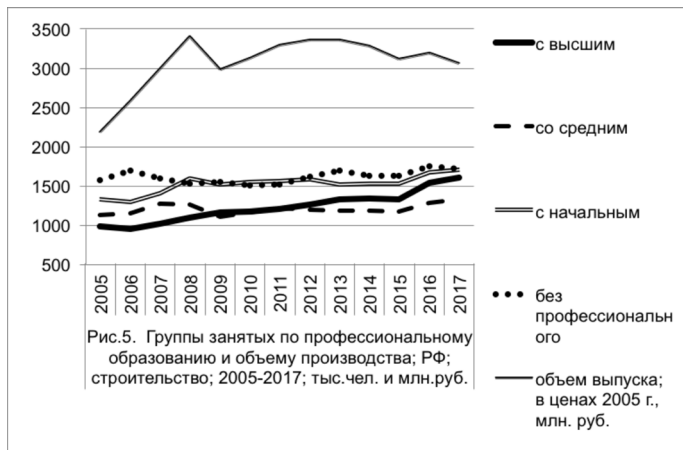

Рис.3. Группы занятых по профессиональному образованию и объем производства; РФ; обрабатывающая промышленность; 2005-2017; тыс.чел. и десятков млн.руб.

В строительстве при низкой устойчивости неинфляционного роста объемов производства (выпуска) численность работников с высшим образованием возрастает, хотя и невысокими темпами, но вполне устойчиво, приостановившись лишь в 2013–2015 гг. (рис.5). Различный характер роста экономического показателя и численности группы приводит к высокой отрицательной связи между ними и вместе с тем к столь же высокой положительной связи численности этой группы с инфляционным ростом объема производства (табл.2). Такое же различие свойственно и двум другим профессионально подготовленным группам работников — с начальным и средним профессиональным образованием. Работа этих трех групп обеспечивает только инфляционный характер экономического развития строительной отрасли. В отличие от них, группа работников без профессиональной подготовки положительно связана и с инфляционным, и с неинфляционным содержанием производства, причем, в первом случае эта связь более значительна, хотя и существенно меньше, чем у других групп. Тем самым строительство обеспечивается преимущественно трудом профессионально неподготовленных работников, а не работников высшей квалификации.

Рост производства в сельском хозяйстве, являясь относительно стабильным (исключая кризисные годы), близок к тенденциям роста численности группы работников с высшим образованием (рис. 6). Связь между ними является положительной и достаточно высокой, чтобы утверждать ведущую роль интеллигенции в развитии сельскохозяйственного производства, несмотря на ее значительно меньшую численность (табл.2). В отличие от нее, для групп с начальным и средним профессиональным образованием характерны неустойчивые тенденции — небольшой рост численности сменяется несколько большим снижением; группа же без профессионального образования устойчиво и значительно снижается. Связь этих групп с объемом производства

является значительно меньшей, чем у группы с высшим образованием, и во многих случаях — отрицательной.

Таким образом, в российской экономике группа с высшим образованием— преимущественно группа специалистов высшей квалификации, возрастая в темпах, близких к темпам роста неинфляционного валового продукта и объемов производства, является ведущей социальной группой в развитии экономики. Можно предполагать, что это положение, сложившееся со становлением российской интеллигенции, будет сохраняться и в будущем развитии России.

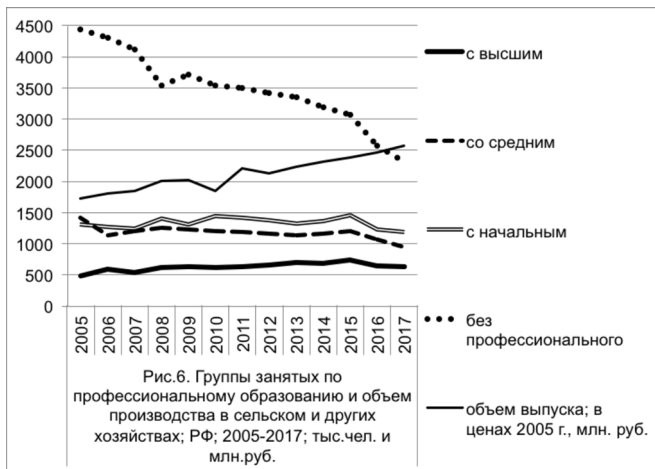

ТАБЛИЦА 1. Чистый общественный продукт и численность социальных групп;
Российская империя; 1897–1913

	1894-1898	1913	1913 к 1894-1898; раз
Произведенный продукт; млн.руб. в год	9154,6	21422	1,95
Социальные группы; тыс.чел.			
крупная буржуазия, помещики и другие крупные собственники	3000	4100	1,37
зажиточные мелкие хозяева	23100	31500	1,36
беднейшие мелкие хозяева	35800	42000	1,17
Полупролетарии	41700	55600	1,33
Пролетарии	22000	32500	1,48
итого	125600	165700	1,32
занятые умственным трудом	726	1500 (в 1917)	2,07
профессора, преподаватели высших учебных заведений*	2,5 (в 1898-99)	4,5 (в 1913/14)	1,82
преподаватели учебных заведений Мин-ва торговли и промышленности*		7,8	
врачи и фельдшеры		74,1 (в 1912)	

*по неполным данным

Источники: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник.
Санкт-Петербург: БЛИЦ, 1995. С. 36; 221; 322; 337; Меметов В.С., Расторгуев В.Н.
Интеллигенция // Большая Российская энциклопедия. Т. 11. С. 431.

ТАБЛИЦА 2. Взаимосвязь занятых по профессиональному образованию и квалификации с объемом производства; Российская Федерация; 2005-2017; коэффициент парной корреляции

Объем производства	занятые, всего	Группы по профессиональному образованию			
		с высшим	со средним	с начальным	без образования
Валовой внутренний продукт:					
в действующих ценах	0,94	0,97	0,36	0,78	-0,96
в ценах 2005 г.	0,95	0,95	0,57	0,69	-0,90
Сельское и другие хозяйства (лесное, рыбное, охота):					
в действующих ценах		0,71	0,84	-0,15	-0,96
в ценах 2005 г.		0,72	-0,70	0,47	-0,94
Добывающие производства:					
в действующих ценах		0,73	-0,40	0,68	-0,47
в ценах 2005 г.		0,96	-0,60	-0,68	-0,76
Обрабатывающие производства:					
в действующих ценах		0,92	-0,90	-0,33	-0,94
в ценах 2005 г.		0,82	-0,70	-0,48	-0,64
Строительство:					
в действующих ценах		0,96	0,51	0,81	0,48
в ценах 2005 г.		-0,80	-0,60	-0,88	0,17
Социально-должностные группы занятых по уровню квалификации					
валовой внутренний продукт:	руководители	специалисты		рабочие	
		высший уровень	средний уровень	квалифицированные	квалифицированные
в действующих ценах	0,47	0,92	0,38	-0,77	-0,90
в ценах 2005 г.	0,57	0,93	0,45	-0,83	-0,67

Управленческая интеллигенция и госслужащие в Республике Бурятия

М.И. Добрынина

доктор социологических наук, профессор
Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия)

Одной из социально-профессиональных групп интеллигенции является управленческая интеллигенция. Это высококвалифицированные специалисты занятые преимущественно в органах государственного управления. Управленческий и исполнительно-распорядительный труд — один из видов умственного труда. Эта интеллектуальная деятельность столь же необходима и общественно значима, как научно-исследовательский, инженерно-технический труд, художественное освоение мира и другие. Понятие «управленческая интеллигенция» давно утвердилось в отечественном обществоведении и стало объектом научного анализа.

В годы советской власти работа в государственных органах не считалась профессией. Многочисленные должности советских служащих чаще всего замещались лицами, уже имеющими диплом выпускников различных «производственных» вузов, так как «знание производства» считалось главным в деятельности любых административных органов. Особое положение в составе управленческой интеллигенции занимали партийные работники, что было обусловлено местом и ролью коммунистической партии в политической системе советского общества. В переходный период произошли изменения в структуре управленческой интеллигенции, связанные, прежде всего, с ликвидацией отдельных политических институтов. В частности, прекратили функционирование КПСС, ВЛКСМ, некоторые общественные организации. Не стало таких категорий управленцев как освобожденные партийные, комсомольские работники, политработники в воинских коллективах. В Бурятии эти категории, не считая политработников в воинских частях, в конце 1980-х годов составляли 2365 человек. Возникшие в 90-е годы в стране и ее регионах политические партии и дру-

гие организации имели небольшое количество штатных управленцев [Материалы, 1989: 15].

О профессии администратора зашла речь в начале 80-х гг., и даже были сделаны первые попытки начать профессиональную подготовку управленцев, но заметных положительных результатов эти начинания не дали. Работа различных государственно-административных органов считалась как бы продолжением, исполнительным уровнем деятельности коммунистической партии и поэтому в их комплектовании господствовал кадрово-политический подход в ущерб профессиональному. Многие десятилетия кадровая политика в системе государственной службы в нашей стране находилась сугубо в партийном ведении. Она достаточно жестко регулировалась стандартом политической благонадежности работников, их социального происхождения и служебной биографии.

При всей ее зарегламентированности она не имела необходимой законодательной и нормативно-методической базы. Назначение на работу в системе государственной власти интерпретировалось не столько как привлечение к определенной профессиональной деятельности, сколько как доверие, партийное поручение, официально закрепленное решением соответствующего партийного органа. Тысячи чиновников, находящихся на административных, управленческих должностях и сейчас остаются еще по профессии, по своему базовому образованию инженерами, юристами, врачами, учителями, строителями, торговыми работниками.

Создание нормативной основы государственной службы как социально-правового института в системе кадровой работы в России было начато фактически в последние два десятка лет. В 1995 г., в частности, принят Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации», который трактует государственную службу как особый вид профессиональной деятельности по обеспечению исполнения полномочий государственных органов. Закон впервые четко определил субъектов, существенно сузив их круг. По этому закону к социально-профессиональной группе государственных служащих отнесены определенные работники аппарата федеральных и региональных (субъектов РФ) органов исполнительной, представительной и судебной власти, а также некоторых других государственных органов, реализующих от имени государства функции, отнесенные актами законодательства РФ к государственной службе. При этом народные депутаты, судьи, граждане, работающие в государственных органах по контрактам, не являются государственными служащими [Федеральный..., 1995]. Согласно закону деятельность служащих госпредприятий, учреждений (даже руководителей вузов, медицинских

учреждений, а тем более врачей, преподавателей, учителей) официально не считается госслужбой, а называется службой в государственных организациях, а ее субъекты – служащими госорганизаций.

Со второй половины 90-х годов в России началась профессиональная подготовка государственных служащих. Кафедры, факультеты и даже профильные вузы стали готовить управленцев для органов государственной власти. Профессиональная подготовка государственных служащих предполагает целый комплекс знаний, который обеспечивает система профессионального образования включающая, наряду с образовательными учреждениями, государственные образовательные стандарты, учебные программы, органы управления. Качественные изменения в обществе и государстве вызывают необходимость непрерывного профессионального образования госслужащих, освоения программ более высокого уровня обучения. Так, в 1996 г. в Бурятском государственном университете на факультете экономики и управления открылась специальность «государственное и муниципальное управление». За период с 1996 по 2016 гг. в университете было подготовлено 530 дипломированных управленцев. С 2011 г. ведется переподготовка и повышение квалификации госслужащих на основе госконтрактов. Готовят кадры для государственной службы также Восточно-Сибирский государственный университет технологии и управления, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия, Бурятский республиканский институт образовательной политики.

Как показывают статистические данные, общее количество государственных служащих в нашей стране до недавнего времени имело тенденцию увеличения. Так, если в 1994 г. в России количество работников органов государственной власти и местного самоуправления составляло 1004,3 тыс. человек, в 2000 г. – 1163,3 тыс. человек, то в 2013 г. – 1455 тыс. человек, или 1,9% рабочей силы. Таким образом, в России 102 чиновника приходится на 10 тыс. человек. В 1988 г. это соотношение составляло 81 чел. / 10 тысяч (за 25 лет возросло на 20%) [Исследование..., 2014].

Рост численности управленцев неизбежно влечет увеличение бюджетных расходов. Если в 2009 г. совокупные расходы на оплату труда занятых в госуправлении насчитывали 519,3 млрд руб., то в 2013 г. – 682,7 млрд руб. Рост, следовательно, составил 31% (данные Росстата).

Эти данные отражают реальные потребности общества или свидетельствуют о «разбухании» бюрократического аппарата?

Оценивая эти показатели надо иметь в виду некоторые обстоятельства: во-первых, в нашей стране отсутствует научно обоснованная методика определения оптимальной структуры государственных орга-

нов, а также численности госаппарата и результативности его работы. Это создает впечатление, что преобразования в этой области происходят стихийно. Иллюстрацией служит, например, тот факт, что в 1991 г. в России функционировало 43 федеральных министерства и ведомства, в 1993 г. – 85, в 1996 г. – 66, а в 2017 г. – 57. Во-вторых, до 1991 г. аппарат органов власти России составлял относительно небольшую часть государственного аппарата Советского Союза и фактически ретранслировал общесоюзную политику. Третье – динамику численности госслужащих необходимо соизмерять с нынешними целями и задачами их деятельности.

Существенный рост численности управленцев наблюдался также в республиканских, краевых, областных и городских органах власти. Это объясняется, прежде всего, радикальным переустройством государственной структуры. При этом, обращает на себя внимание то, что при высоких темпах роста числа госслужащих происходило заметное снижение удельного веса занятых в других областях: промышленности, строительстве, науке и научном обслуживании.

В связи с повышением роли региональных органов власти в 1990-е гг., перераспределения функций и полномочий от федеральных органов власти и управления к региональным, а от них – к муниципальным возросло число государственных служащих в регионах, увеличилась их доля в занятом населении регионов. Причем эта доля традиционно значительно больше в национально–государственных образованиях (в республиках), чем в краях и областях Российской Федерации.

Результаты рейтинга, составленного по данным Росстата в сентябре 2016 г., дают представление о численности чиновников Республики Бурятия* в сравнении с другими регионами Сибирского федерального округа и Российской Федерацией (табл.1) [Росстат, 2016].

ТАБЛИЦА 1. Рейтинг регионов СФО по доле чиновников в численности занятого населения в 2016 г.

Регион	Население региона	Число занятых	Число чиновников	Доля чиновников среди занятых	Чиновников на 1000 населения
Новосибирская область	2762237	1367300	38906	2,845	14
Омская область	1978466	998900	28598	2,863	14

Регион	Население региона	Число занятых	Число чиновников	Доля чиновников среди занятых	Чиновников на 1000 населения
Кемеровская область	2717627	1277700	37790	2,958	14
Томская область	1076762	526900	17836	3,385	17
Алтайский край	2376774	1099000	38674	3,519	16
Красноярский край	2866490	1418700	51500	3,630	18
Республика Бурятия	982284	421200	15789	3,749	16
Иркутская область	2412800	1125500	42226	3,752	18
Республика Хакасия	536781	249300	11073	4,442	21
Забайкальский край	1083012	476800	24204	5,076	22
Республика Тыва	315637	109800	7810	7,113	25
Республика Алтай	215161	90500	6614	7,308	31
Российская Федерация	146544710	73237400	2152090,7	2,939	15

Прим.: В соответствии с указом президента РФ от 03.11.2018 г. Республика Бурятия вошла в состав Дальневосточного федерального округа

Источник: Рейтинг составлен «Байкал-Daily» по данным Росстата на сентябрь 2016 г. о численности занятого населения и численности работников государственных органов России и субъектов, органов местного самоуправления и избирательных комиссий муниципальных образований, а также по данным о численности населения регионов на 01.01.2016.

Верхнюю половину рейтинга (с наименьшей долей чиновников в структуре населения и занятых) занимают Новосибирская, Омская, Кемеровская, Томская области, Алтайский и Красноярский края. Затем следует Республика Бурятия. В Бурятии из почти миллионного населения (982,3 тыс.) занята в экономике лишь 421 тыс. человек. Из них почти 15,8 тыс. работают в государственных и муниципальных органах (более 3,7%). Соседняя с Бурятией Иркутская область в рейтинге занимает аналогичную позицию (3,7%). Несколько выше процент

госслужащих в Хакасии (4,4%) и Забайкальском крае (5,0%). Замыкают рейтинг республики Тыва и Алтай, где доля государственных служащих среди экономически активного населения составляет более 7%, а на 1000 всего населения региона приходится 25 и 31 чиновников соответственно.

В среднем по Российской Федерации доля чиновников среди работающих составляет 2,9%. Таким образом, процент чиновников из числа работающего населения Республики Бурятия оказался выше, чем в целом по России.

В 2000-х гг. с усилением системы центральной власти, вновь наметилась тенденция возрастания роли федеральных органов и роста численности их сотрудников. За период с 2013 по 2015 гг. число госслужащих федеральных органов Республики Бурятия выросло на 39,7% (с 6288 до 10109 чел.), в то время как республиканских госорганов — на 8,2% (с 1992 до 2136 чел.), органов местного самоуправления — лишь на 2,2% (с 3533 до 3633 чел.). Однако в 2016 г. произошло незначительное (на 2,0%) снижение общего числа госслужащих в республике (с 16211 до 15878 чел.) в сравнении с 2015 г. [Бурятия..., 2018].

Связано это с началом реализации программы по оптимизации государственных расходов. С 1 января 2016 г. предусмотрено сокращение штатной численности чиновников российских государственных ведомств на 10%. Под сокращение попадают сотрудники МЧС, Минобороны, Следственного комитета, Минюста, органов прокуратуры и других ведомств. Прежде всего, планируется сокращение вакансий в госаппарате, перевод госслужащих с обеспечивающей на контрактную схему работы, а также — проверка на квалификацию, в соответствии с новыми квалификационными требованиями, которые уже вступили в силу. Рационализация структуры госорганов и оптимизация численности госслужащих — чрезвычайно актуальная задача, которая имеет и финансовую подоплеку (ожидаемая экономия для бюджета должна составить более 700 млн руб. ежемесячно). Однако, как заявила, являясь главой Счетной палаты, Т. Голикова, «начиная с 2012 года у нас численность государственных служащих росла, а в 2016 году она сократилась на 5,6%, но при этом все сокращение произошло за счет низового звена... Есть очень плохая тенденция: у нас сокращается количество территориальных органов, оно где-то сократилось на 4,5%, но при этом на 25% возросло количество подведомственных учреждений, которые создаются федеральными органами для целей обеспечения их деятельности — не для выполнения функционала, например, образования и здравоохранения, а для целей обеспечения деятельности» [Сокращение..., 2017].

Постановлением Правительства Республики Бурятия в 2013 г. принята и продолжает действовать государственная программа РБ «Совершенствование государственного управления (2013–2020 годы)». Реализация данной Программы позволит завершить реформирование государственной гражданской службы, оптимизировать ее деятельность на основе принципов, установленных законодательством РФ, внедрить современные кадровые, информационные, управленческие технологии на государственной гражданской службе. Компетентность кадров, их профессионализм, активность, здоровое стремление к служебному росту в значительной степени определяют эффективность деятельности органов государственной власти и отношение граждан к государственному управлению.

Литература:

1. Бурятия в цифрах — 2018 (статистический сборник 01-01-13). URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/db/9065f48045b906e6ac28ecedf35b80 (дата обращения: 25.09.2018).
2. Исследование РБК: сколько в России чиновников и много ли они зарабатывают // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/10/2014/543cfe56cbb20f8c4e0b98f2> (дата обращения: 25.09.2018).
3. Материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения по занятиям. Бурятская АССР.
4. Сокращение числа госслужащих в РФ в 2016 году коснулось лишь младшего персонала // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/574369> (дата обращения: 21.09.2018).
5. Федеральные органы исполнительной власти // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://www.gov.ru/main/ministry/isp-vlast44.html> (дата обращения: 20.01.2019).

Роль служилой интеллигенции в условиях контрреформ

С.А. Денисов

кандидат юридических наук, доцент
Гуманитарного университета (Екатеринбург, Россия)

Термин «служилая интеллигенция» стал применяться в XIX в. в отношении той части интеллигенции, которая находилась на службе государства. Противоположной ей является группа гражданской интеллигенции, получающей свой доход от продажи своих интеллектуальных способностей обществу (его членам) в ходе товарно-денежного обмена (адвокаты, учителя и преподаватели частных образовательных заведений, политики). К сожалению, исследованию служилой интеллигенции не уделяется в России должного внимания.

Предметом данного исследования являются установки части служилой интеллигенции, поддерживающей политику усиления государства и сохранения власти административного класса. Эту политику автор определяет как контрреформы в России, направленные против провозглашенных в Конституции РФ 1993 г. целей по развитию страны. К этим целям относится укрепление общества граждан, которое должно встать над государством — как корпорации чиновников.

Исследование проведено на основе анализа общедоступных письменных источников, которые в большом количестве производит гуманитарная часть служилой интеллигенции. Техническая интеллигенция, к сожалению, не доступна для исследования, проводимого таким образом. Буквально «кладезем» информации об установках служилой интеллигенции являются сборники статей, издаваемых в Краснодаре, городе известным своим консерватизмом.

Этатистские установки служилой интеллигенции вполне объяснимы. Они вытекают из ее объективного социального положения. Эта социальная группа находится на содержании государственного аппара-

рата и, чем он мощнее, тем больше средств он может отнять у общества и передать их на удовлетворение потребностей своих слуг. Служилая интеллигенция больно переживает потерю своей социальной роли «инженера человеческих душ» и хочет вернуть себе роль назначенного государством «господина» над сознанием людей (особенно молодежи). Рыночная экономика предлагает ей предоставлять образовательные услуги, при этом, на конкурсной основе. А ей хочется командовать, указывать подчиненным ей школьникам и студентам, что является истиной, а что ложью. Такое право давало ей старое идеократическое государство. Поэтому закономерным является ностальгия по нему и добровольная помощь в его восстановлении. Сознание служилой технической интеллигенции является стихийно технократическим. Она переносит теорию управления машинами на теорию управления обществом и постоянно воспроизводит идеи Платона о «сверхчеловеке» (или группе людей), который должен управлять «стадами» неразумных масс [Федотов, 2003: 163, 167].

Административный класс в России является «классом для себя». Он вполне осознает свои интересы, связанные с удержанием власти над обществом и целенаправленно стимулирует деятельность служилой интеллигенции на защиту этих интересов. С помощью заработной платы, грантов, распределения должностей в образовательных учреждениях административное государство стимулирует служилую интеллигенцию к производству и транслированию идей, работающих на укрепление власти административного класса над обществом. Из служилой интеллигенции искусственно формируется интеллектуальная элита общества, которой предоставляются площадки (в первую очередь, телевизионные) для распространения полезных для административного класса идей, для манипуляции сознанием масс. Служилая интеллигенция должна подменять гуманитарную науку идеологией господствующего класса. Ей передается воспитание молодого поколения в духе верности административному государству. Для служилой интеллигенции свойственно иерархическое мышление. Она по инерции поддерживает все идеи спущенные «сверху», от начальства.

Общество граждан в России еще очень слабо и не имеет авторитета. Чаще всего за него выдается симулякр, созданный самим государством. Служилая интеллигенция предпочитает служить сильному государству, в руках которого находятся финансовые и организационные средства, широкие возможности по выработке и распространению идеологии. Именно этой деятельностью и занимается служилая интеллигенция.

Часть интеллигенции идет на службу к административному государству, поскольку не видит в обществе силы, способной что-либо произвести. Она не хочет признать, что само строительство общества граждан является важнейшей задачей России. Вместо того, чтобы приложить усилия к возникновению этого общества, служилая интеллигенция призывает государство подчинить себе всю духовную сферу жизни страны (науку, культуру, образование, воспитание, музейное дело, кинематограф, театр, литературу, книгоиздание и СМИ) посредством закона навязывать обществу нравственные ориентиры и основы [Ямпольская, 2012: 2]. Управленческие элиты объявляются самой прогрессивной общественной силой, которая должна осуществить модернизацию страны, привести ее к счастью и процветанию. Будучи стихийными конфуцианцами, представители служилой интеллигенции верят, что придут «добрые» и умные чиновники и решат все проблемы, стоящие перед обществом [Кива, 2007: 62].

Служилую интеллигенцию используют для обозначения наличия в стране гражданского общества. Ее представителей включают в состав разного рода советов и общественных палат при органах власти, назначают на должности депутатов разного уровня. Они обозначают представительство народа и поддержку этим народом политики государства.

Основной чертой идеологии служилой интеллигенции является апологетика административного государства, его политики, идеализация административного общества им созданного. Критика авторитарного государства называется распространением «вредоносной информации, способной негативно повлиять на психическое здоровье молодежи» и объявляется «основной угрозой национальной безопасности РФ» [Записная, 2017: 141–142]. Некоторые представители служилой интеллигенции требуют прекратить говорить о кризисе в России [Авксентьев, 2017: 12]. В ходе выполнения своей пропагандистской миссии представители служилой интеллигенции по старой привычке выдают «черное» за «белое». И.К. Пантин называет людей руководящих контрреформами авторитарными модернизаторами [Пантин, 2007: 132.]. Служилая интеллигенция распространяет миф о «добром царе» и «плохих» бюрократах [Пантин, 2007: 108–109]. Она используется административным классом для создания видимости демократизации страны, построения в ней «сверху» гражданского общества. Так, созданная Администрацией Президента Общественная палата объявляется М.С. Кудряшовой признаком развития гражданского общества в России, роста его самоуправления [Кудряшова, 2007: 5]. Бойцы пропагандистского фронта всегда готовы максимально поддержать и рекламировать любое движение государственной власти.

Этатистская идеология сегодня открыто внедряется в сознание людей под лозунгом консерватизма [Консерватизм..., 2014: 93–125] или неоконсерватизма [Гурова, 2017: 18]. Иногда представители служилой интеллигенции не скрывают своего традиционалистского сознания [Лушин, 2013: 24] и открыто выступают против всего нового. Они требуют запретить переоценку прошлого [Ханин, 2013: 34–35].

Консервативная часть служилой интеллигенции требует расширить уже имеющуюся власть государства, устранить конституционные препятствия для его политики. Так, звучат предложения отменить ст. 13 Конституции РФ, запрещающую государственную идеологию, мешающую открыто восстановить идеократическое государство. Другие требуют устранить из Конституции норму, требующую от государства подчиняться общепризнанным международным нормам, которые сегодня мешают государству безнаказанно посягать на права и свободы человека. Раздаются требования возратить государству право лишения людей гражданства, а вместе с ним и собственности [Медведев и др., 2005: 196].

Служилая интеллигенция ищет оправдания для нарушений Конституции РФ. Устранение свободы слова и захват государством средств массовой коммуникации оправдывается ведением информационной войны с Западом, необходимостью защиты личности и сохранения стабильного развития общества [Записная, 2017: 138–139]. Введение цензуры оправдывается обязанностью государства перед людьми, которые еще «духовно не самоактуализированы» и не способны отвернуться от «информационной помойки» [Костылев, 2017: 187].

Важнейшей чертой сознания служилой интеллигенции является идеология вождизма. Фактически, вождизм является развитием и приспособлением к современным условиям средневековых идей монархизма. Служилой интеллигенции не нравится принцип «разделения властей» и она всячески поддерживает его отмену. Она активно участвует в имитации наличия «разделения властей», выдавая за него реализацию принципа «разделения труда». Сползание России к монархической форме правления представляется как укрепление государственной власти в стране [Громько, 2007: 70]. На смену советской лениниане сегодня пришла путиниана [Торощина, 2018: 24]. Служилая интеллигенция приветствует восстановление в стране средневекового патримониализма и прикрывает его мифом «о добром царе». Вождизм ярко проявляется в научных работах гуманитариев, которые начинают с указания на то, что по исследуемому вопросу сказал Правитель.

Российская Конституция сегодня требует от государства обеспечивать верховенство человека, его прав и свобод. Служилая интелли-

генция делает акцент на обеспечение интересов общества. За этими общими интересами прячется государство (как корпорация чиновников), которое объявляет себя главным представителем общества. Служилая интеллигенция указывает на опасность, исходящую от индивида, его частных интересов и призывает к спасению страны, опираясь на государственный аппарат. За служение обществу она выдает службу государству, как корпорации бюрократии. Обычно, служилая интеллигенция пытается говорить от имени всего общества, выдавая себя за представителя народа.

Отказ от гуманистических идей, закрепленных в Конституции РФ («человек — высшая ценность») обосновывается служилой интеллигенцией реализацией целей великодержавия («Россия встала с колен»). Необходимость объединения населения вокруг вождя оправдывается внешними угрозами для страны. Служилая интеллигенция доказывает, что эти внешние угрозы являются не порождением политики государства, а имеют объективные причины [Юрьев, 2014: 81–92]. Конфликт между уходящей в прошлое административной социальной системой и капитализмом выдается за межгосударственный конфликт, для того чтобы мобилизовать население страны на защиту власти административного класса. Под предлогом защиты национальных интересов населению предлагается защищать власть бюрократии.

Угроза для власти административного класса сегодня исходит из-за рубежа. Поэтому служилая интеллигенция делает акцент в своих выступлениях на необходимость защиты суверенитета государства, на учет национальных особенностей россиян.

Одним из прикрытий контрреформ в России является распространение идеологии консервативного патриотизма, суть которого заключается в призыве к сохранению специфических духовных традиций общества. При этом пропагандисты стараются не вспоминать о содержании этих традиций, связанных с самодержавием, великодержавием, патернализмом, послушанием государственному аппарату. За патриотизм может выдаваться милитаристское сознание [Радулова, 2016: 16–17]. Служилая интеллигенция пытается вытеснить скорбь по погибшим в многочисленных войнах, которые вело государство, гордостью за победы и готовностью стать «пушечным мясом» в следующей войне [Патриотизм..., 2016: 26].

Одним из оснований сохранения власти административного государства является осуществление им патерналистской политики. Служилая интеллигенция пытается играть роль защитника бедных слоев и требует усиления патерналистской функции государства, осуществляемой через редистрибуцию. В свою очередь, эта редистрибуция

обеспечивает экономическое господство административного класса. Власть бюрократии прикрывается идеалами справедливости.

Идея восстановления идеократического государства, которое бы через служилую интеллигенцию навязывало обществу «правильную» идеологию прикрывается сегодня массой наукообразных терминов. Служилая интеллигенция требует от государства проведения «социокультурной политики духовно-нравственного развития народа», идейно-символической, «ценностной» политики, политики памяти, фелицитарной политики, политики обеспечения духовной, нравственной, информационно-психологической безопасности населения, политики управления «психологическим тоном народа» с целью «возрождения духовного, культурного кода нации», мобилизации духовной «иммунной системы страны», «подъема духовной энергии» национального сознания, «духовно-нравственной консолидации общества», духовно-нравственного преображения, «духовной реформации постсоветской России, расширения воспроизводства условий для духовно-нравственного развития граждан [Теребихин и др., 2017: 153], «выработки единых консолидирующих постулатов в общественном сознании» [Литвинов, 2017: 155].

В отличие от советской, современная служилая интеллигенция призывает себе на помощь для манипуляции сознанием населения религию. Называя себя представителями науки, она отказывается от идеалов критического подхода к действительности и возвращается к идеалам средневекового мракобесия. «...оздоровление российского общества, выход из морального кризиса, духовно-нравственное возрождение молодого поколения видится нам в осмыслении религиозного опыта духовного просвещения и перенесение его в систему светского образования и воспитания» — заявляют люди, претендующие на звание ученых [Калинина и др., 2017: 192].

Поскольку в ходе контрреформ идет восстановление ряда черт советского государства, то часть служилой интеллигенции пытается реабилитировать его в глазах людей. Эта реабилитация идет под лозунгом «уважения к истории страны», «недопущения очернения прошлого». Людям говорят о «великих победах», умалчивая об их цене. А.Н. Лушин со всей своей наивностью открыто указывает, что под лозунгом борьбы с «фальсификацией истории», в среде молодежи необходимо внедрять убеждение, что «Россия никогда не вела захватнические войны», все военные кампании носили чисто освободительный характер»; «Первая мировая война была Великой войной»; все идеи гражданского общества и самоуправления, разрушительные для государственности — враждебная идеология Запада; Россия — никогда не была им-

перией и тюрьмой народов. Он доказывает, что пропагандист должен говорить только о заслугах государственных и общественных деятелей [Лушин, 2013: 25]. Служилая интеллигенция прославляет патерналистскую политику советского государства [Кургинян, 2011: 25]. Советское административное государство, имеющее много сходств с Древним Египтом и Древней Месопотамией, она называет «социалистическим». Воспроизводится миф об общенародной собственности, которая якобы существовала в СССР [Лисичкин, 2006: 18]. Часть служилой интеллигенции проклинает реформы в России, называя их «смутой», и предлагают вернуться в «светлое прошлое» с его «невиданными ранее победами», «несравнимым ни с чем по масштабам строительством» [Лагунов, 2017: 201].

Очевидно, что российское общество не умеет управлять своей страной. Оно приучено к тому, что им управляет государственный аппарат. Служилая интеллигенция часто не понимает (и не хочет понять), что демократия является ценнейшей способностью современных обществ, которой Россия не обладает. Демократии надо долго учиться. Служилая интеллигенция не хочет, чтобы общество осваивало эту тяжелую науку самоуправления. Она либо утверждает, что в стране уже есть демократия и ни чему учиться не надо, либо убеждает население доверять государству и проводимой им политике [Краснова, 2007: 177]. Некоторые откровенно выступают против политического плюрализма, лишения населения права выбирать ту или иную элиту для управления государством, заявляют о вреде оппозиции [Авксентьев, 2017: 11]. Чтобы девальвировать ценность демократии, представители служилой интеллигенции заявляют, что ее нет нигде в мире [Кузина, 2009: 197].

Важнейшей задачей служилой интеллигенции является нивелирование ценностей, исходящих из-за рубежа. Для этого она стремится к тому, чтобы страны Запада ассоциировались в сознании населения не с демократией, высоким уровнем жизни и свободой развития человека, а с какими-то негативными для традиционного сознания явлениями: однополые браки, миграция, злоупотребления свободами и т.д. По мере возможности она старается представить в негативном свете сами конституционные ценности развитых стран. Свобода отождествляется с вседозволенностью, демократия с охлократией. Политкорректность объявляется посягательством на демократию. У капитализма действительно масса недостатков и его легко критиковать. Но служилая интеллигенция отказывается признать, что России приходится выбирать между капитализмом и средневековьем. Служилая интеллигенция стремится изолировать Россию от западной культуры и объявляет ее влияние «культурной агрессией».

Служилая интеллигенция направляет стрелы своей критики на гражданскую интеллигенцию. Ненависть к идеалам свободы трансформируется у служилой интеллигенции в ненависть к ее носителям — либерально мыслящей интеллигенции [Михалков, 2012: 6]. Их обвиняют в предательстве интересов страны, в работе на иностранные государства и во всех возможных грехах [Петровская, 2018: 24]. Работники пропагандистской машины, как правило, циничны и, не стесняясь «обливают помоями» своих противников.

Служилая интеллигенция претендует на роль «настоящей» интеллигенции, на которую должен опираться Правитель [Говорухин..., 2012]. Она объявляет себя борцом за правду против мифотворчества и очернительства государства и его политики [Кара-Мурза, 2005: 265].

Талантливая служилая интеллигенция умело «жонглирует» понятиями. Она выдает авторитарный режим за демократию, монархию за республику, империю за федерализм, полицейское государство за правовое, патернализм за социальное государство. Национальную безопасность она путает с государственной, а последнюю отождествляет с сохранением власти правящей группы (правителя). Ее деятельность направлена на имитацию конституционного строя в стране [Денисов, 2018: 132–146] и сокрытие осуществляемых в стране контрреформ. Движение назад, к средневековью, выдается за прогрессивное развитие страны. Служилая интеллигенция умело прячет превращение населения в подданных государства, полностью зависимых от произвола бюрократии. Она не отличает свободную буржуазию, возникающих в условиях свободного рынка от клиентистской, умеющей только «пилить бюджет» и выдает феодальные отношения вассалитета-сюзеренитета за капитализм. Всякое воровство и мошенничество называется либерализмом и на него сваливается вся ответственность за беды страны. Вместо развития демократического государства служилая интеллигенция ратует за укрепление бюрократического государства. Демократический порядок подменяется авторитарным. Объявляется, что альтернативой последнему может быть только хаос. Ссылаясь на опыт демократических государств Запада, служилая интеллигенция требует расширения участия административного государства в экономической жизни России [Кива, 2007: 62]. Она старается скрыть то, что под предлогом национализации экономики бюрократическое государство может произвести только ее огосударствление с целью расширения привилегий бюрократии и ее клиентелы. Понятно, что служилой интеллигенции также может что-то достаться от ее хозяина.

Интеллигенция может служить целям контрреформ сознательно или бессознательно. Часто она не понимает, как ее используют. Стар-

шее поколение служилой интеллигенции воспроизводит административную идеологию на основе сложившихся у нее в молодости установок. Ей трудно перестроиться. Часть интеллигенции не понимает, как работает рынок и действуют демократические механизмы. Она боится всего нового. Служилая интеллигенция не может встроиться в рыночные отношения и поэтому боится их. Сохранять свое рабочее место путем угождения начальнику для нее более привычно.

Итак, служилая интеллигенция является отличным инструментом в руках административного класса для осуществления контрреформ в России.

Литература:

1. *Авксентьев В.А.* Политика идентичности в современной России и манипулятивные практики деконструкции // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 100-летию Великой русской революции, сборник статей Международной научно-просветительской конференции, 26–30 мая 2017 г. Краснодар: Традиция, 2017. С. 9–14.
2. Говорухин со ссылкой на Ленина назвал протестующую интеллигенцию «г**ном нации». URL: http://newsru.com/russia/13feb2012/nagovoril_print.html (дата обращения: 05.09.2015).
3. *Громыко А.* Цивилизационные ориентиры во взаимоотношениях России, ЕС и США // Свободная мысль. 2007. №8.
4. *Гурова Т.* Краткий словарь для выборов // Эксперт. 2017. №17. С. 13–18.
5. *Денисов С.А.* Имитация конституционного строя: в 4 кн. Кн. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018.
6. *Записная Т.В.* Правовое оформление политики Российской Федерации в сфере информационной безопасности // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 100-летию Великой русской революции, сборник статей Международной научно-просветительской конференции, 26–30 мая 2017 г. Краснодар: Традиция, 2017. С. 136–143.

7. *Калинина Г.Н., Штейнмиллер И.О.* Духовно-культурная парадигма как ресурс национальной безопасности России: «смена веж» и «вызов времени» // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 13–15 марта 2017 г. г. Краснодар — Сочи, 2017. С. 189–195.
8. *Кара-Мурза С.* Потерянный разум. М., 2005.
9. *Кива А.* Какие реформаторы — такие и реформы // Свободная мысль. 2007. №2.
10. Консерватизм как фактор мягкой силы России // Тетради по консерватизму: альманах Фонда ИСЭПИ: №2 (2): Форум «Бердяевские чтения», 16 мая 2014 г. Доклады и статья. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014. С. 93–125.
11. *Костылев А.Н.* Массмедиа в современной России и их влияние на общество // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 100-летию Великой русской революции, сборник статей Международной научно-просветительской конференции, 26–30 мая 2017 г. Краснодар: Традиция, 2017. С. 184–188.
12. *Краснова Е.А.* Национальные проекты и идеологическая функция государства // Вестник Пермского университета. 2007. Вып. 2. Политология.
13. *Кудряшова М.С.* О взаимодействии гуманизма и политики в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2007. №4.
14. *Кузина С.И.* Государственный суверенитет России в условиях поствестфальской системы // Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. XV Адлерские чтения. Краснодар: «Традиция», 2009. С. 196–199.
15. *Кургинян С.* Суть времени // Россия XXI. 2011. №1.
16. *Лагунов А.А.* Трансформации российского общественного сознания: 1917–2017 // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 100-летию Великой русской революции, сборник статей Международной научно-просветительской конференции, 26–30 мая 2017 г. Краснодар: Традиция, 2017. С. 201–207.
17. *Лисичкин Г.* Что и кто спасет Россию // Мир перемен. 2006. №1.
18. *Литвинов А.А.* Понятие национально-культурной идентичности как неотъемлемая часть государственной идеологии и культурной политики // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 13–15 марта 2017 г. г. Краснодар — Сочи, 2017. С. 155–160.
19. *Лушин А.Н.* Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. №23. С. 21–25.
20. *Медведев В.С., Хомяков В.Е., Белокур В.М.* Национальная идея или Чего ожидает Бог от России. М.: «Современные тетради», 2005.

21. *Михалков Н.* Петр Столыпин против «норковых воротничков» // Культура. 2012. №1. С. 6.
22. *Пантин И.К.* Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. 2007. №3.
23. Патриотизм в сердцах подрастающего поколения // Образование на Урале. 2016. №1. С. 26.
24. *Петровская И.* ТВ врать не будет // Новая газета. 2018. 14 декабря. С. 24.
25. *Радулова Н.* Девочки и война // Огонек. 2016. №15. С. 16–17.
26. *Теребихин В.М., Теребихин Н.М.* Духовно-нравственный кризис как угроза национальной безопасности России и некоторые научные и политико-управленческие идеи к проектированию стратегии духовно-нравственного преобразования российского общества // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 13–15 марта 2017 г. г. Краснодар — Сочи, 2017. С. 149–155.
27. *Торощина С.* Весь тот «МХАТ» // Новая газета. 2018. 5 сентября. С. 24.
28. *Федотов А.П.* Новая историческая миссия России в меняющемся мире // Синтез цивилизации и культуры. Международный альманах. М., 2003.
29. *Ханин С.В.* Фальсификация истории как инструмент подрыва национальной безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 33–36.
30. *Юрьев Д.А.* От Запада до Востока // Тетради по консерватизму: альманах Фонда ИСЭПИ: №2 (2): Форум «Бердяевские чтения», 16 мая 2014 г. Доклады и статья. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014. С. 81–92.
31. *Ямпольская Е.* Утвердить глубинные ценности нашего народа // Культура. 2012. №6. С. 2.

Субъектность русской интеллигенции в защите русского мира

Г.И. Козырев

доктор социологических наук, профессор
Российского химико-технологического
университета им. Д.И. Менделеева (Москва, Россия)

Известный русский писатель Юрий Поляков в своей книге «Желание быть русским» поднял давно назревшую и весьма деликатную тему о роли и судьбе русского интеллигента в современной России. В частности, он говорит о том, что в последние годы ему как-то неловко публично признаваться, что он русский, в то время как телеведущий Владимир Соловьев в очередной раз в прямом эфире с гордостью напоминает миллионам телезрителей о том, что он еврей. При этом вышло так, что в организованной Соловьевым дискуссии Поляков оказался русским в единственном числе.

Еще дальше пошла представительница другой нации — руководитель телеканала Матч-TV грузинка Тина Канделаки, заявившая в открытом эфире, что Россия уже давно не страна русских. Что никакой русской нации в России уже давно нет — она ассимилировалась как другие нации как в США. Если следовать этой логике, то нет и русской интеллигенции. После такого заявления, невольно возникает ассоциация с заявлениями западных приверженцев однополой любви, которые пытаются доказать всему миру, что традиционной любви и семьи уже не существует.

В русле тематики нашей конференции, хочу остановиться на некоторых причинах недостаточной субъектности русской интеллигенции в вопросе защиты русского мира.

Распыление русской интеллигенции. Ленинская политика по национальному вопросу предполагала развитие всех национальных культур, создание условий по их поддержке в первую очередь в сфере духовной жизни. Уже «с января 1919 г. стали создаваться националь-

ные органы просвещения при губернских и уездных отделах. Например, в Саратовской губернии в 1920 г. работали татаро-персидская, мордовская, польская, чувашская и другие секции, в Симбирской губернии — мусульманская, чувашская, мордовская, украинская, еврейская, польская, литовская, латышская, эстонская секции». Только в РСФСР было создано 44 подобных подразделений [Мирошниченко, 2013]. Одновременно было обращено огромное внимание на развитие культуры малочисленных народов, в результате чего в 1920-е — 1930-е гг. более 50-и из них впервые обрели письменность.

Вплоть до распада СССР национальные школы в союзных республиках доукомплектовывались молодыми педагогами, преимущественно из Центральной России, которых направляли туда после окончания педучилища или вуза по распределению. Живя в Таджикистане, я много раз встречал молодых девушек, которые не по своей воле оказались в глухом кишлаке, окруженные другой культурой. Некоторые из них выходили замуж за местных ребят, рожали детей, пополняя ряды национальных кадров.

Аналогичная ситуация складывалась и с промышленными предприятиями, в результате чего, в том же Таджикистане, приходилось завозить не только инженеров и техников, но и рядовых рабочих. Во-первых, это было связано с недостаточной квалификацией местных трудовых ресурсов, во-вторых, с тем, что на сугубо женские профессии, например, ткачих, местные мужчины своих женщин не пускали. Но на должности руководителя цеха, предприятия, учебного заведения, в подавляющем большинстве случаев, назначались представители титульной нации. Таким образом, демонстрировалось — кто в доме хозяин.

После распада СССР на территориях постсоветского пространства осталось более 25 млн русских, которые столкнулись с русофобией, что послужило основой для массового оттока: с 1991 по 2000 гг. в Россию вернулись более 6,5 млн русских. Но около 2 млн из них вынуждены были вернуться назад или уехать в другие страны из-за невразумительной и ошибочной миграционной политики в отношении соотечественников, которая была навязана стране правящим в то время классом. С точки здравого смысла или элементарного гуманизма понять такую изуверскую политику невозможно.

Между тем и в России есть примеры не только поддержки, но и спасения соотечественников. Так в 1998 г. из воюющей Югославии была организована и проведена репатриация адыгов на их историческую родину с последующим их комфортным обустройством [Югославские..., 2019]. Глава Чечни Рамзан Кадыров организовал и провел ряд сложных и весьма затратных операций по возвращению на родину

своих соотечественников — женщин и детей, увезенных когда-то их мужьями на Ближний Восток в ряды ИГИЛ (организацию, запрещенную в России). Но я не слышал, чтобы кто-то пытался спасти русских, которых в 1990-е гг. тысячами убивали и насиловали местные националисты на моей малой родине в Таджикистане [Геноцид ..., 2019].

И здесь вопрос не столько к центральной власти, которая чувствовала себя 1990 г. весьма неуверенно и готова была предать и продать кого угодно, а к самим русским и, прежде всего, к интеллигенции. Почему они не озаботились судьбой своих соотечественников, как адыги или чеченцы? Почему в открытом бою русский солдат демонстрирует массовый и индивидуальный героизм, которым восхищаются другие народы, а в повседневности он пасует перед кучкой охамевших от безнаказанности чиновников. Почему он терпит власть, проводящую русофобскую политику? В повседневной жизни порой кстати и некстати употребляется лозунг «Русские своих не сдают!». Но в связи с выше сказанным, он звучит как-то неубедительно, а то и цинично. Очевидно, что-то сломалось в менталитете русской интеллигенции, которая в Советское время рассматривалась властями как донор и расходный материал для создания и развития интеллигенции других наций и национальных меньшинств.

Диспропорция в подготовке кадров. В Советский период за счет центральной, в основном русскоязычной России ускоренными темпами готовились национальные кадры, в том числе и интеллигенция союзных республик и национальных автономий. При этом местные всегда имели приоритет перед приезжими. Учась в техникуме в Таджикистане, я помню, как один из педагогов нам, русскоязычным, объяснял, почему при поступлении в вуз или техникум таджик должен иметь приоритет перед русским. По его мнению, после окончания учебного заведения его можно послать работать в глухой кишлак, а русский не поедет. И в этом была своя логика.

Кроме того, во многих ведущих вузах страны имелись квоты для подготовки национальных кадров. И это тоже вроде разумно. Но уже в 1973 г. среди научных работников СССР самый низкий удельный вес имели русские и белорусы. Так, на 100 научных работников среди русских было 9,7 аспиранта, среди белорусов — 13,4, среди киргизов — 23,8, среди туркмен — 26,2 [Лачин, 2013].

По итогам переписи населения 1979 г. среди наций, имевших самые низкие показатели по обеспеченности занятого населения специалистами высшей квалификации, оказались русские, белорусы и народы Прибалтики, имевшие до революции самые высокие показатели грамотности. А наивысшие показатели оказались у народов Закавказья.

зья и Средней Азии, до революции, имевшие крайне низкие показатели грамотности. Например, Грузинская ССР была обеспечена специалистами высшей квалификации в 3–5 раза выше, чем промышленно развитые регионы России. Даже в самой России (тогда РСФСР) по числу лиц с высшим образованием среди занятого населения русские оказались на 16 месте у горожан и на 19 месте — у сельских жителей, уступая в полтора-два раза даже бесписьменным в недавнем прошлом бурятам, якутам, чукчам [Лачин, 2013].

Согласно последней в СССР Всесоюзной переписи населения, в 1989 г. наивысший процент лиц с высшим образованием имела Грузия — 15,1% от числа жителей республики, на втором месте оказалась Армения — 13,8%, далее Эстония — 11,7%, Латвия — 11,5%, и Россия — 11,3%. Если же взять долю всех граждан с высшим, средним и неполным средним образованием, то в лидерах оказалась Армения — 90,1%, на втором месте Азербайджан — 87,8%, далее Грузия — 87,7%, Узбекистан — 86,7%, Туркменистан — 86,4%. Россия в этом перечне оказалась на 11-м месте — 80,6% [Какие..., 2019].

И такая антирусская политика в области образования продолжается и в современной России. Недавно в одной из передач по ТВ показали начальную школу в горном селении Дагестана, в которой обучаются всего три ученика. Но почему-то в Центральной России, в Сибири и на Дальнем Востоке сельские школы, в которых обучаются 60 и более человек, считаются нерентабельными и их закрывают, обрекая целые поселения на вымирание. С 2000 по 2015 гг. в России закрыли более 24 тыс. школ. В результате в Амурской области за этот период количество школьников, получивших аттестаты, снизилось в 2 раза, а учителей — в 3 раза. А количество населения сократилось на 130 тыс. человек [Сколько ..., 2019].

Антирусская сущность капитализма в современной России. В результате предательства высшей партийной и управленческой элиты, в том числе и значительной части интеллигенции, в 1990-е гг. власть в стране захватили ставленники олигархического капитализма. Новый правящий класс и по своему этническому составу, и по суммарной доле захваченного капитала, и по проводимой политике оказался антирусским.

Так если русская бизнес-элита, представляющая 80,9% населения страны, владеет суммарным капиталом в 165 млрд долл., то еврейская бизнес-элита, представляющая 0,11% населения страны, владеет суммарным капиталом в 122,3 млрд долл. На третьем месте по суммарному капиталу в России находятся бизнесмены-украинцы, на четвертом — узбеки, на пятом — армяне. В целом же доля русских, хоть и самая большая среди владельцев капитала, но она почти в два раза

меньше их доли в населении страны [Шибутов, 2019]. А неравенство во владении капиталом это и неравенство возможностей, которое воспроизводится и углубляется из поколения в поколение, в том числе и в воспроизводстве интеллигенции.

Также остро стоит проблема этнического патриотизма русской управленческой и бизнес-элиты, или отсутствия у нее, по определению Ю. Полякова «этнической совести». Пытаться сравнивать современную бизнес-элилу с Третьяковыми, Морозовыми, Строгановыми нет ни малейших оснований. Во-первых, потому, что приобретенные ею капиталы, как правило, имеют не вполне законное происхождение, а во-вторых, созданная правящим классом политическая и экономическая структура не гарантирует сохранность любой — «законной» или «незаконной» собственности. Поэтому русская и нерусская управленческая и бизнес-элита стремятся вывести и спрятать «нажитые непосильным трудом» в России капиталы за границей. А там геополитические противники России требуют от космополитической российской «элиты» доказать свою антироссийскую и антирусскую позицию.

Дискриминация русской культуры. Одним из вопросов, поднятых Ю. Поляковым, непосредственно касающийся интеллигенции, почему русский народ, являясь государствообразующим, не является эфиробразующим в своем Отечестве? Почему презрение к стране, к российской государственности, и явная русофобия стали своего рода маркерами премиальной литературы? Почему творчество писателей и других деятелей культуры «русского направления» искусственно замалчивается или вытесняется на периферию общественного сознания? Почему на детских и взрослых телепередачах «Голос» и др. подавляющее количество песен звучат на английском языке?

Сейчас на телеканалах часто показывают фильм-сказку «Последний богатырь». При этом всячески рекламируют его как «русскую» и чуть ли не «народную», но две песни (а их всего две), звучащие по ходу фильма, озвучены на английском языке. Получается какой-то абсурд — сказка русская, а песни английские. Но кому-то это надо, чтобы у ребенка возникал диссонанс в выборе языка общения, а по сути — в менталитете. Невозможно представить, чтобы Арина Родионовна рассказывала бы маленькому Александру Пушкину русские народные сказки, в которых герои сказок пели бы на модном тогда в России французском языке.

15 февраля 2019 г. несколько сотен активистов православных и патриотических организаций вышли на митинг на Пушкинской площади, протестуя против закрытия единственного в своем роде русского культурного центра столицы. Официальная причина закрытия — неуплата коммунальных платежей. Многочисленные обращения к президенту,

правительству РФ и к представителям бизнеса с просьбой о помощи оказались без ответа. Ранее аналогичным образом в Москве были закрыты несколько русских организаций. Но на очередной «Ельцин-центр», создаваемый уже в Москве, в государственных структурах миллиардные субсидии нашлись [Шибутов, 2019].

О русофобии правящего класса. Если следовать логике экономического детерминизма, то у кого деньги — у того и власть, и наоборот. Если около трети суммарного капитала в России сосредоточил этнос, составляющий 0,11% населения страны, то и во власти он имеет такие же непропорционально большие возможности. В этой связи возникает вопрос об этническом составе правительства РФ и Госдумы, а также об отмененной 1997 г. в российских паспортах графе о национальной принадлежности. По мнению главы Центра изучения элит Ольги Крыштановской, «эта отмена связана с дискриминационной политикой по отношению к евреям, с антисемитизмом при Сталине и сразу после его смерти» [Цит. по: Алексеева, 2019]. Но, по мнению экспертов, графа о национальной принадлежности могла бы свидетельствовать о том, что этнический состав правящего класса не представляет в процентном соотношении самый многочисленный народ страны. Поэтому более 50% россиян желают, чтобы в их паспортах была графа о национальной принадлежности [Каждый..., 2019].

Россия является федеративным государством, в котором есть национальные республики и, следовательно, нации, которые в рамках своих республик и автономий и на федеральном уровне, защищают свою национальную идентичность. А у русского народа нет республики или области с самоназванием «русская». Кроме того, его лишили возможности самоидентифицировать себя в паспорте, а также возможности знать национальный состав Госдумы и правительства РФ. По словам лидера ЛДПР В.В. Жириновского, «еще 25 лет назад я требовал принять закон «О русском народе», но мне отказали. И что мы в итоге получили? Многие русские сегодня не чувствуют, что живут в своей стране!» [Юрьев, 2019].

О менталитете русского народа. В основе формирования русского этноса лежала соседская община, которая предполагала равные условия проживания различных этнических групп. Такие объективно справедливые условия сосуществования способствовали объединению многочисленных славянских и неславянских племен в единый русский этнос. Присоединяя другие народы, русские предлагали им равные, а то и более льготные условия проживания в едином государстве. Царский двор с целью обеспечения лояльности национальных окраин, потворствовал местечковому национализму и задабривал

местных князьков дворянскими званиями и высокооплачиваемыми государственными должностями. Подобная политика поощрения националистических намерений и ограничения прав русского народа проводилась и в Советское время. Проводится она и сейчас. Одним из ее итогов являются события на Украине.

Но ментальные преимущества других этнических групп обернулись трагедией для самого русского народа. Объективно равные условия для всех народов не учитывают субъективный фактор. Небольшие этнические группы, сплоченные на основе кровнородственных отношений имеют преимущество над большим, но недостаточно сплоченным этносом. А интеллигенция, управленческая и бизнес-элита в национальных регионах более этнопатриотична и ответственна за будущее своих народов, чем элита русских областей. Об этом феномене говорил еще Платон, на примере Спарты, в которой сравнительно небольшая этническая группа спартанцев поработила более многочисленную этническую группу илотов.

Современная Россия все в большей мере напоминает античную Спарту, в которой русскому народу отведена участь илотов. Но это представляет экзистенциальную опасность для всех народов страны. Если не решать эту проблему, то можно спрогнозировать три возможных варианта развития событий:

1. В случае внешней агрессии обескровленный и униженный русский народ не в состоянии будет защитить общее отечество, как он это делал прежде. И оно распадется на отдельные национальные вотчины, которыми будут управлять западные кураторы.

2. Протест против доминирования в государственном управлении, бизнесе и культурной сфере этнических меньшинств, трансформируется в русский национализм и в России повториться сценарий Германии 1930-х гг.

3. Русская идентичность будет окончательно подавлена, нивелирована и несдерживаемые русской доброжелательностью и жертвенностью другие этносы начнут выяснять — кто из них главней и круче, что также приведет к распаду единого государства с самыми трагическими последствиями для всех народов России.

Заключение. В связи с возвращением в состав России Крыма и антирусской истерией на Украине, на международной арене русофобия становится модной и, для кого-то выгодной темой. На волне патриотизма, президент РФ и его окружение заговорили о «русском мире» и необходимости его расширения и защиты. Эта тема стала обсуждаться и в СМИ. Но потом как будто кто-то окликнул зарвавшихся «холопов», и тема сошла на нет.

Чтобы решить проблему, необходимо выявить истоки русофобской политики в самой России. Поэтому, прежде всего российская интеллигенция не должна оставаться в стороне от этой назревшей и перезревшей проблемы. Ее решение в интересах всех народов, проживающих в России.

А закончить я хочу словами Ю. Полякова: «Главная же мысль, которую я хотел донести до моих читателей, а если повезет — и до сильных мира сего, проста: от нашего с вами желания быть русскими (не по крови, конечно, а по самоощущению) зависит судьба всей тысячелетней евразийской державы. Имеющий разум — поймет».

Литература:

1. *Алексеева Н.* Кому мешает графа «Национальность» // Сетевое издание «Правда.ру». 2014. 13 января. URL: <https://www.prawda.ru/society/1185073-konstitucia/> (дата обращения: 14.02.2019).
2. Геноцид русских в 90-е // Живой журнал. URL: <https://wowavostok.livejournal.com/8986762.html> (дата обращения: 12.02.2019).
3. Каждый второй россиянин — за то, чтобы в паспорте была строка «национальность» // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/26135.4/3025757/> (дата обращения: 20.02.2019).
4. Какие республики СССР были самыми привилегированными. URL: <https://russian7.ru/post/kakie-respubliki-sssr-byli-samymi-pri/> (дата обращения: 18.02.2019).
5. *Лачин Н.* Неравноправное положение русских в СССР. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1169796/> (дата обращения: 30.04. 2013).
6. *Миросниченко В. В.* Основные этапы развития национального образования в советский период // Актуальные задачи педагогики: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, февраль 2013 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. С. 10–12. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/67/3446/> (дата обращения: 18.02.2019).
7. О доле русских в России. URL: <https://burckina-new.livejournal.com/288774.html> (дата обращения: 12.02.2019).
8. «Преступление против русского народа». URL: <file:///D:/«Преступление против русского народа».htm> (дата обращения: 18.02.2019).
9. Сколько школ было закрыто в России за последние 15 лет? URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2470998-skolko-shkol-bylo-zakryto-v-rossii-za-poslednie-15-let.html> (дата обращения: 14.02.2019).
10. *Шибутов М.* Кому на Руси жить хорошо? URL: <https://lenta.ru/articles/2014/10/27/reachethnic/> (дата обращения: 14.02.2019).
11. Югославские адыги: возвращение на родину. История вопроса. URL: <http://www.shapsugiya.ru/index.php?newsid=1709> (дата обращения: 12.02.2019).
12. *Юрьев В.* Нужен ли закон о русском народе? // Аргументы и факты. 2019. №8. С. 19.

Динамика миграционных процессов и человеческий ресурс на Харьковщине и в Литве

Н.О. Гордеева

кандидат социологических наук, доцент
Харьковского социально-экономического института (Харьков, Украина)

А.Н. Гумуляускене

преподаватель Шауляйского университета (Шауляй, Литва)

Миграция населения — демографический процесс, который изменяет численность и состав населения за счет его территориального перемещения. Для многих бывших союзных республик было характерно создание специализированных кластеров, среди которых важное место занимали научно-образовательные. Именно таким стала крупная городская агломерация на Украине в Харьковской области. Отсутствие полезных ископаемых и исторически сложившийся уклад жизни обусловил создание наукоемких производств в Прибалтике, в частности в Литве. Анализ демографических процессов в этих территориях может пролить свет на изменение численности интеллигенции в этих странах, коль скоро эта социальная группа именно здесь широко представлена. Информация о миграции на Харьковщине была сформирована по результатам ежегодной статистической обработки административных данных по изменению регистрации места жительства. Начиная с апреля 2016 года, такая информация формируется по данным регистрации/снятия с регистрации места проживания, которые предоставляют исполнительными органами сельского, поселкового или городского совета и др.

Социально-демографические показатели целесообразно использовать для оценки степени благополучия/неблагополучия в обществе, уровня и качества жизни населения, функции или дисфункции таких социальных институтов, как семья, образование, государство, политика, экономика, собственность и др.

Чтобы проследить динамику социально-демографических процессов и определить возможность сохранения человеческого ресурса в бывших советских республиках, предлагается провести сравнительный анализ некоторых статистических показателей последних лет в Украине (на примере Харьковщины) и Литве¹.

Численность населения в Харьковской области по оценке на 1 декабря 2018 г. составила 2 678 133 человека, в течение января-ноября 2018 г. (11 мес.) численность населения области сократилось на 15 874 человека. Уменьшение численности населения за счет превышения смертности над рождаемостью составило 20 165 человек, одновременно зафиксирован миграционный прирост населения — 4291 человек, несколько восполняющий эти потери.

В рамках данного исследования было посчитано соотношение жителей Харьковщины по полу и возрасту. По данным Главного управления статистики в Харьковской области на 1 января 2018 г., в области было 2 694 007 человек (для сравнения: на 1 января 2017 г. — 2 701 188 человек). Из них женщины по всем возрастным группам составляют 53,7% от общей численности населения (1 437,7 тыс. чел.), а мужчины 46,3% (1 240,6 тыс. чел.). В городах средний возраст жителей составил 41,6 года (38,6 у мужчин и 44,1 у женщин). В сельской местности население оказалось старше на два года: средний возраст 43,0 года (40,1 мужчин и 45,7 женщин).

На рис.1 представлена динамика численности мужчин и женщин на Харьковщине, начиная с 2013 г. по конец 2018 г.²

Однако, усредненные показатели «в целом», не отражают реальной картины социально-демографических процессов. Если на каждую 1000 женщин в 2017 году в среднем приходится всего 863 представителя сильного пола, то в разных возрастных группах это соотношение весьма различно.

Социально-демографические показатели проиллюстрировали различия между представлениями, бытующими в обществе и объективными статистическими данными последних лет. Например, беспокойство о том, что «на 10 девочек по статистике 9 ребят», сейчас относится только к людям среднего и пожилого возраста. Таким образом, харьковским «девушкам после сорока» труднее выйти замуж, чем их

1. Сравнительную характеристику Украины и Литвы провести сейчас невозможно, из-за отсутствия статистических данных по Украине в целом. Но Харьковщина и Литва сопоставимы как по площади территорий, так и по численности и демографическому составу населения.

2. Статистические данные за полный период 2018 года будут официально представлены Главным управлением статистики в Харьковской области в апреле 2019, поэтому для анализа были использованы данные за полных 11 месяцев 2018 года.

младшим сестрам или дочерям, либо искать себе «половину» в младших возрастных группах.

Соотношение женщин и мужчин по возрастным группам на Харьковщине

Изучение нормального распределения показателей численности населения Харьковщины по возрастным группам иллюстрирует стандартную Гауссову кривую со сдвижкой к более резкому уменьшению численности в старших возрастных группах. Четко прослеживается тенденция резкого сокращения численности населения после 40 лет. На Украине это происходит в силу разных причин: выезд на заработки в другие страны в качестве гастарбайтеров или на ПМЖ, более высокий уровень смертности, особенно среди мужчин среднего возраста: от онкологии, сердечно-сосудистых и других заболеваний, несчастных случаев, а также в результате участия мужчин в военных действиях и т.п.

По последним данным на 1000 официально работающих в Харьковской области приходится 610 человек, которые требуют социально-экономической поддержки: это дети и пенсионеры. Детей в области от 0 до 14 лет — 13,8%, а почти каждый шестой житель области — пенсионного возраста. 23,3% населения — люди от 60 до 64 лет, в том числе в возрасте 65 и старше — 16,7%. Трудоспособного населения (15-64 лет), способного внести в свой вклад в бюджет и пенсионный фонд, 69,5%. Пожилых людей в возрасте 60 лет и старше — на 3% больше среди жителей сельской местности (25,8%), чем среди горожан (22,7%).

Согласно рекомендациям ООН, для статистики используется еще один важный показатель коэффициент старения. Он учитывает долю людей в возрасте от 65 лет и старше. Если показатель превышает 7%, то население считают «старым». В Харьковской области в 2018 г. такой коэффициент составил 16,4%.

Если рассмотреть показатели демографической нагрузки на население в возрасте 16–59 лет и 15–64 года по регионам на 1 января

2018 г., то самая высокая нагрузка на 1 тыс. человек из возрастной группы трудоспособного населения — в Черниговской области (695 чел.). Самая низкая нагрузка — в Харьковской области (610 чел.), поскольку в ней наибольший удельный вес молодежи (в первую очередь студенческой) в силу пока сохраняющегося здесь образовательного кластера страны (табл.1).

Демографическая нагрузка на 1 тысячу человек постоянного населения в возрасте 16-59 лет и 15-64 года по регионам (на 1 января 2018 г.)³

ТАБЛИЦА 1

	На 1000 чел. 16–59 лет			На 1000 чел. 15–64 лет		
	Общая нагрузка	В т.ч. в возрасте:		Общая нагрузка	В т.ч. в возрасте:	
		0–15 лет	60 лет и старше		0–14 лет	65 лет и старше
Украина	647	269	378	470	227	243
Харьковская обл.	610	235	375	439	199	240
Киевская обл.	643	290	353	474	248	226
Львовская обл.	612	281	331	452	239	213
Черниговская обл.	695	246	449	495	205	290

Действительно, численность народонаселения по данным U.S. Census Bureau по сравнению с семидесятью годами прошлого века возросла вдвое и по прогнозам ученых к 2050 г. может достичь 9 млрд чел. При этом в динамике естественных движений населения наблюдается явный перекося: численность населения в отдельных регионах мира неуклонно растет, тогда как в других странах, к которым относятся Украина и Литва, коренное население сокращается.

Вопрос демографического регулирования достаточно деликатный и искусственное его решение может привести к человеческой селекции известной в истории «чистоты расы». Кроме того, вмешательство в природные процессы регуляции численности населения могут сильно изменить (и уже кое-где изменили) демографическую структуру населения.

3. В таблице представлены выборочные данные, полученные в Главном управлении статистики в Харьковской области.

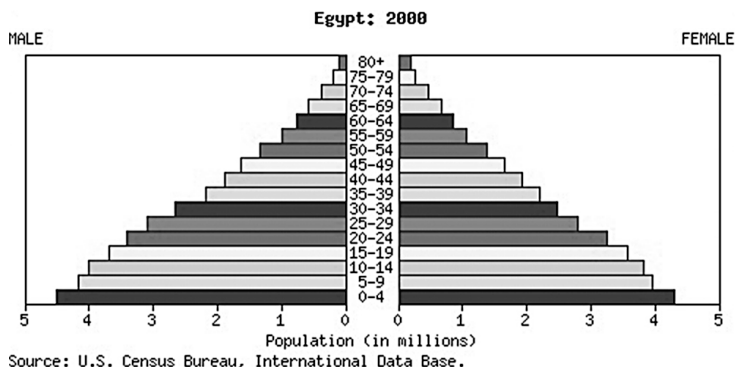

РИС.2. Пирамида распределения численности населения по полу и возрасту.

На рис.2 представлена пирамида нормального распределения численности населения по полу и возрасту характеризующего страну, демографические процессы которой развиваются естественно, т.е. без вмешательства специальных программ по регулированию численности населения.

Картина характерна не только для Египта 2000 года, но и Афганистана, Ирака, куда до определенного времени не распространились новейшие достижения контрацептивной медицины и программ планирования семьи. Такая равносоставленная пирамида распределения была в странах мира до начала распространения идей мальтузианства и предостережений Л. Брауна о глобальном перенаселении на планете. (В России пирамида, построенная на данных 1926 г., также выглядела равносоставленной с расширенным основанием).

Пирамиды стран «западного» типа и тех, кто подчинился или добровольно заимствовал западную политику, у основания имеют «сужение», что свидетельствует об искусственном снижении численности рождаемости. При этом, раз начавшись, процесс «сужения» основания продолжается: малочисленное поколение воспроизведет еще меньшую популяцию.

А такой вид имеет демографическая картина в Украине, которую никак нельзя отнести к перенаселенным регионам планеты. На рис. 3 представлена пирамида распределения по полу и возрасту в Украине в 2000 г.

Такая же картина в 2000 г. была характерна для России, Грузии и Франции. Даже в Иран успела внедриться демографическая политика искусственного сокращения численности населения. Достаточно

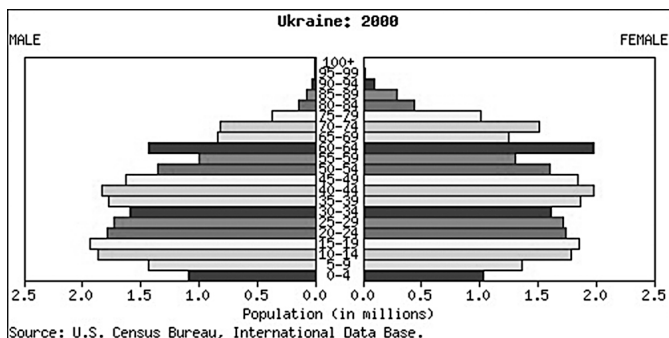

РИС.3. Пирамида распределения численности населения по полу и возрасту

раз подрубить под корень естественную демографию, дальше процесс «усыхания» пойдет сам⁴.

К чему привела необдуманная государственная политика, допустившая к украинскому населению программу «Планирования семьи», можно было бы увидеть при изучении численности молодежи, рожденной в период 1991–1999 гг. (когда эта программа внедрялась наиболее активно). Теперь мы пожинаем плоды такой политики.

В 2018 г. пирамида распределения по полу и возрасту Харьковской области выглядит несколько иначе. На рис.4 виден «перевес» в сторону мужской части населения.

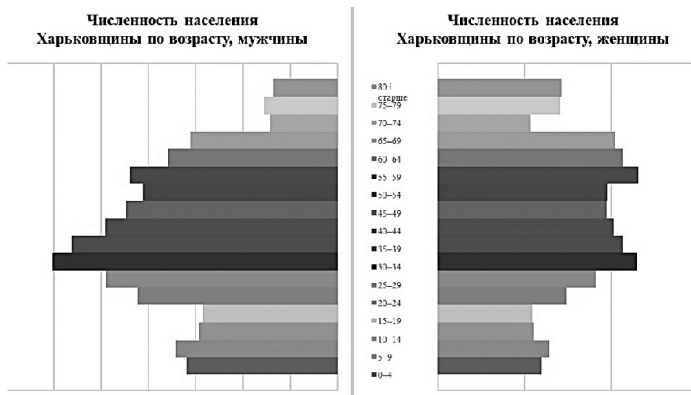

РИС.4. Пирамида распределения численности населения по полу и возрасту.

4. Сайт «Матриархат в СССР и СНГ, положение мужчин и женщин», 2006–2008.

Однако «свято место пусто не бывает», и на территорию, где естественные перемещения привели к потерям постоянного населения, будут иммигрировать люди из других регионов и стран.

В миграционных процессах есть некоторые положительные моменты. По последним данным к нам прибыли люди возрастной группы 16–59 лет (46247 чел.), среди которых 22345 мужчин и 23902 женщин, способных пополнить трудоспособную часть населения области. По данным на 1 января 2018 г. всего прибыло 55076 человек из разных регионов Украины, а также из других стран, а уехало 43007 человек. Сальдо положительно: 12069 чел. При этом большинство (48442 чел.) зарегистрировано в городах и только 6634 — в сельской местности. Несмотря на высокое позитивное миграционное сальдо в 2017 г., сельская местность потеряла 2754 человек за счет эмиграции. Учитывая научно-образовательную специализацию Харькова, такое замещение коренного населения мигрантами, едва ли восполняет потери в группе интеллигенции.

С момента независимости Украина за счет механических перемещений стала ежегодно терять население, т.е. в ней преобладали эмиграционные процессы. На Харьковщине наибольшее число эмиграций пришлось на переломный 1991 г. (78 559 чел.), а также 1997 г. (53 420 чел.) и 1998 г. (55 420 чел.), и вплоть до конца 90-х годов сальдо имело негативные значения.

Новое тысячелетие изменило тенденцию, и уже на протяжении почти 20-ти лет происходит процесс восполнения за счет иммиграции людей в Харьковскую область. Наиболее выразительными в этом смысле оказались: 2005 г. (55 236 чел.), 2006 г. (53 755 чел.), 2012 г. (56 305 чел.) и 2017 г. (55 076 чел.). Наименьшую активность в миграционных процессах показал 2016 г. (17 916 чел.) (рис.5).

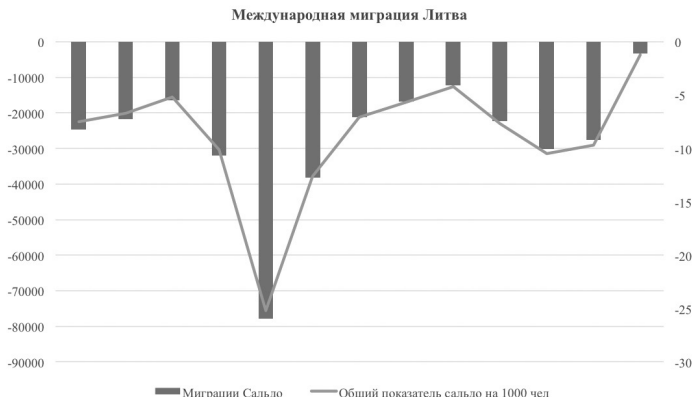

РИС. 5. Международная миграция на Харьковщине и в Литве.

Можно сказать, что после 2000 г. эмиграционные процессы на Харьковщине поутихли. Если в 2005 г. область покинули 50 077 чел., то спустя 10 лет уехали 35 568 чел., в 2016 г. — 17 118 чел. Затем эмиграционная активность повысилась, хотя сальдо все равно осталось позитивно высоким.

Если проследить, с какой из стран СНГ в Харьковской области происходят наиболее активные эмиграционные и иммиграционные процессы, то на первом месте — Россия. Более всего прибывает людей из РФ, регистрируясь в Харькове или области: ежегодно более 1–1,5 тыс. чел. (2016 г. был исключением). Уехавших в Россию — 886 чел. (2017 г.) Из остальных стран содружества иммиграция не существенна (менее 70 чел.). Зато из других стран в 2017 г. ежегодно прибывает 4–7 тыс. чел., в том числе, из Азии и Африки⁵. И несмотря на эмиграционные процессы (выехало 16 939 чел.), сальдо передвижений остается положительным, составив +11 021 чел. (4 058 мужчин и 6 963 женщин). Причем, наибольшее число приехавших в область (19 308 чел.) — это возрастная группа 15–19 лет, т.е. молодые люди без высшего образования, из которых больше мужчин (9 773 чел.). Зато среди уехавших из области (11 814 чел.) — молодые люди чуть постарше (20–24 лет), многие из которых получили диплом о высшем образовании. Таким образом, доля интеллигенции постепенно сокращается.

5. Данные по миграции в Харьковской области будут представлены в конце апреля 2019 г.

Совершенно иную картину наблюдаем в Литве, которая стала первой советской республикой, объявившей о выходе из Союза (11 марта 1990 г.).

На рис.5 видно, что механические движения в Литве упорно демонстрируют отрицательное сальдо миграционных процессов.

Из Литвы уезжает самая активная и трудоспособная и высокообразованная часть населения, в том числе врачи и ученые. Среди стран эмиграции в 2017 г.: 37 чел. — в США, 348 чел. — Белоруссия, 616 чел. — Украина, 710 чел. — Россия, 894 чел. переехали в «другие страны». При этом 45 289 литовцев, вынужденно отказываются от литовской регистрации, приезжая и уезжая из страны на заработки в Европу.

Эмиграционный пик пришелся на 2010 г., когда в стране был принят закон о так называемом социальном налоге для всех граждан государства (кроме детей, учащихся, пенсионеров, лиц, находящихся на учете в биржах труда и других лиц, имеющих право на социальную поддержку). Все граждане Литвы, и работающие, и не работающие, должны платить эту «социальную страховку» (за работающих литовцев платит работодатель). В связи с этим законом, уезжающие на заработки в Европу граждане, стали легализовывать свой отъезд, становясь официальными эмигрантами, что и повлияло на статистические показатели отрицательного механического прироста населения из этой некогда процветающей Прибалтийской республики.

Закон о страховании был принят в Литве вынужденно из-за массового отъезда граждан за границу, поднимающих экономику других стран, но приезжающих время от времени на родину за получением социальных благ (медицина, образование, социальная помощь и т.п.). Здесь речь уже идет не о сохранении человеческого ресурса, а скорее, о его восполнении.

Так, в 2017 г. в Литву массово переехали украинцы (4340 чел.). Только из Харьковской области 9 чел. На втором месте среди иммигрантов — белорусы (2 714 чел.), на третьем месте «другие страны» (2 374 чел.). Среди россиян, получивших регистрацию в Литве всего 656 чел., а 96 чел. — из США.

Литва член ООН с 1991 г., ЕС и НАТО с 2004 г., ОЭСР с 30 мая 2018 г., входит в Шенгенскую зону и Еврозону, и перемещения населения происходит без каких-либо ограничений, вплоть до трудоустройства за границей.

Украина, в которой 6 февраля 2019 г. проголосовали в Верховной Раде за вступление в ЕС и НАТО, находится на том же пути, и по-видимому, в перспективе будет иметь похожую картину в динамике механических социально-демографических движений. Как это может

отразиться на человеческом ресурсе региона, в частности, на его интеллектуальном потенциале?

В статье «Гастарбайтеры оставляют Украину без воды» журналисты бьют тревогу по поводу того, что в стране (в основном, в Киеве) уже не осталось специалистов, работающих в системе городского коммунального хозяйства. Ситуация критическая, поскольку руководители крупных городов в Украине в них попросту не живут, а приезжая по делам на время, не замечают такого рода проблем. «С одной стороны, специалисты массово увольняются, выезжают за границу или выходят на пенсию, с другой — нет системы подготовки работников. Скоро некому будет не только ликвидировать аварии, но и эксплуатировать оборудование, поставлять воду и очищать стоки», — констатирует глава «Киевводоканала» Дмитрий Новицкий. Такая же проблема существует и в газовой сфере (<https://ukraina.ru/news/20180829/1020968187.html>).

Для научно-образовательного кластера, исторически располагающегося в харьковской области потери специалистов — это потери интеллигенции. Уже сейчас можно видеть, что в Харьковскую область в основном прибывают не специалисты, а люди достаточно юного возраста (15–19 лет), не имеющие высшего образования и опыта работы. Зато покидают наш край молодежь 20–24 лет, среди которых многие — новоиспеченные специалисты. Иными словами, Харьков и районные центры области принимают на обучение неквалифицированную молодежь, а поставляют в другие страны, включая Россию, обученных молодых специалистов.

Наступает время, когда центры занятости приглашают на работу в профтехучилища и КБ специалистов пенсионного возраста, предлагая более высокую зарплату.

Что касается возрастной группы пенсионного возраста (60 лет и старше), иммиграционные и эмиграционные процессы в ней примерно одинаковы, но с небольшим позитивным сальдо в сторону приехавших (+754 чел.). Как известно, на Харьковшину (как в ближайший регион) приезжают пенсионеры из Луганской и Донецкой областей, однако, на фоне пополнения области людьми трудоспособного возраста их доля статистически незначима (табл. 2).

Причем, некоторые временно перемещенные лица из Восточной Украины пенсионного возраста, получившие регистрацию, вынуждены трудоустроиваться на новом месте, заполняя тем самым свободную нишу на рынке труда. Из табл.2 видно, что доля этих людей невысока (всего 754 чел.). Число приехавших в Харьковскую область детей еще ниже (294 чел.). При этом нагрузка на 1 тысячу человек трудоспособ-

ного населения, прибывшего в Харьковскую область невысока, и составляет всего 95 человек.

ТАБЛИЦА 2. Миграционная активность в Харьковской области по возрастным группам

Возрастные группы	Кол-во прибывших			Кол-во выбывших			Миграционный прирост/сокращение (-)		
	Всего	Мужчин	женщин	Всего	мужчин	женщин	Всего	мужчин	женщин
Всего	55076	26223	28853	43007	21802	21205	12069	4421	7648
0–15	4521	2291	2230	4227	2219	2008	294	72	222
16–59	46247	22345	23902	35226	18287	16939	11021	4058	6963
60 и старше	4308	1587	2721	3554	1296	2258	754	291	463

Таким образом, контроль и вмешательство в социально-демографические процессы — искушение, которому подвержены правительства некоторых развитых стран, причем не только на своей собственной территории, но и далеко за ее пределами. Например, программы «Планирования семьи», планомерно сокращающие численность новорожденных в Восточной Европе или различного рода рекомендации по медицине и социальному обустройству регионов, а также политическое давление, выдавливающее людей из насиженных мест. И пока это останется на совести разжигателей демографических войн, и тех, кому народ доверил власть и судьбу будущих поколений.

Литература:

1. Демографические данные по Харьковской области (январь-ноябрь, 2018). Статистический бюллетень, Харьков, 2019.
2. Ежегодник. Главное управление статистики в Харьковской области, Харьков, 2019.
3. Сайт: «Матриархат в СССР и СНГ, положение мужчин и женщин», 2006–2008.

Качество жизни и электоральное поведение жителей Московской области с высшим образованием

А.Я. Клементьева

кандидат педагогических наук, ГУТП Московской области (Москва, Россия)

М.С. Цапко

кандидат культурологии, доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

Текущее десятилетие для Российской Федерации характеризуется множеством социально-политических событий. В летопись страны 2018 г. войдет как год успешно проведенного Чемпионата мира по футболу, год выборов Президента страны и год важных для государства реформ, сказывающихся на качестве жизни всех групп населения и рейтингах доверия ко всем ветвям власти.

Высокий кредит доверия, выраженный Президенту РФ во время выборов, проявился в высокой электоральной активности и голосовании за действующего Президента В.В. Путина в том числе и среди представителей интеллигенции. Традиционный скепсис и социальный критицизм, свойственный этой группе населения, был вытеснен патриотическими чувствами на фоне внешнеполитических вызовов и отсутствия реальной альтернативы. Общая консолидация россиян вокруг фигуры В.В. Путина сделала его одним из самых легитимно избранных лидеров мира.

Именно такая политическая ситуация дала возможность реализовать один из самых непопулярных социальных проектов в новейшей истории РФ — пенсионную реформу. Необходимость увеличения пенсионного возраста была очевидна давно. Российская Федерация — единственное в мире государство, чьи граждане выходят на пенсию в случае с женщинами в 55 лет. Гендерный перекося в этом возрасте в сторону увеличенной доли женщин и все увеличивающаяся средняя продолжительность жизни делают группу пенсионеров самой многочисленной, а экономическую нагрузку на трудоспособное население

близкой к критической. Тем не менее, изменение условий выхода на пенсию, касаясь каждого взрослого человека, является серьезным социальным потрясением и чревато негативными последствиями. Только власть, обладающая высоким кредитом доверия населения, может сохранить свое влияние после осуществления подобной реформы. Расчет оказался верным и, несмотря на то, что за постсоветский период патерналистские настроения сильно снизились и число граждан, рассчитывающих только на себя и свое ближайшее окружение, а не на государство, сильно возросло, реформа была принята, однако, привела к существенному падению рейтинга власти.

Все эти процессы особенно ярко отразились в электоральном поведении жителей регионов РФ, где проходили выборы высших должностных лиц (губернаторов и мэров крупных городов).

Разочарование в Президенте и Правительстве РФ, отсутствие позитивных результатов по принимаемым Указам, вызвали резкий спад электоральной активности, отток сторонников партии власти и рост протестного голосования, который проявился не только в голосовании за оппозиционных лидеров, но и в демонстративной поддержке аутсайдеров.

Московская область представляет собой самый крупный регион страны, избиравший в сентябре 2018 года своего руководителя. Его многосоставность и сложность социальной структуры делает анализ сложившейся ситуации особенно важным, так как данный субъект РФ представляет собой своеобразную модель страны с крупными промышленными городами и сельскими территориями, наукоградом и военными городками. Тем не менее в Московской области можно говорить об увеличенной доле интеллигенции коль скоро ВПК и опытные хозяйства, наукоемкие производства и высокотехнологичные войска, в том числе космические, исторически были сконцентрированы вокруг Москвы. В связи с этим выявление особенностей в социально-политическом поведении жителей Московской области становится наиболее значимым для изучения современной российской интеллигенции.

Накануне выборов Президента РФ в Московской области производилось социологическое исследование методом личного интервью, репрезентировавшее жителей каждого муниципального района и городского округа Московской области. В ходе него было опрошено 10 300 человек.

Для анализа электорального поведения представителей интеллигенции нами был сформирован подмассив, включавший группы профессий, предполагающих наличие высшего образования, занятых

интеллектуальным трудом: руководителей, специалистов, офисных работников и студентов, выразивших готовность принять участие в голосовании (активный электорат). Он составил 2487 человека.

Для представителей этой социальной группы, условно названной нами, интеллигенцией, характерно более позитивное восприятие ситуации в своих муниципальных образованиях. Так, если в среднем по массиву, были удовлетворены положением дел 55,7%, то среди интеллигенции такой точки зрения придерживались 59,5%.

Одной из причин такой оценки ситуации может выступать более высокий уровень материального благосостояния. В нашей группе к наиболее обеспеченным слоям населения с доходом «высоким» и «выше среднего» отнесли себя 13,4%, в то время как такую самооценку своего благосостояния в целом по области дали 7,8%. Достаточно существенным является и разрыв между долей со «средним» достатком среди всего населения и интеллигенцией. Так, например, среди интеллигенции к среднему уровню по доходу отнесли себя две трети (66,6%), в целом по области 59,4%. Если рассматривать более детально состав изучаемой группы, то, естественно, самыми обеспеченными считают себя руководители (24,4% с уровнем дохода выше среднего), и, как ни странно, студенты (17,6%).

ТАБЛИЦА 1. Самооценка материального положения

Материальное положение	ВАШЕ ОСНОВНОЕ ЗАНЯТИЕ, КОТОРОЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВНЫМ ИСТОЧНИКОМ ВАШЕГО ДОХОДА?				Среднее по массиву
	Руководитель	Специалист, офисный работник	Студент	Под-массив	
Выше среднего	24,4%	9,5%	17,6%	13,4%	7,8%
Среднее	62,6%	68,4%	63,3%	66,6%	59,4%
Ниже среднего	11,0%	21,0%	16,6%	18,6%	31,2%
Затрудняются ответить/ отказ от ответа	1,9%	1,1%	2,5%	1,5%	1,6%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Интеллигенция не только имеет более высокий уровень дохода, но и стремится заработать больше. Более высокие потребности формируют особые представления о минимально необходимом прожиточном уровне. Если в среднем по Московской области 50% опрошенных готовы довольствоваться доходом до 30 тыс. руб. в месяц, то среди выделенной нами группы, на этот уровень ориентируется только 38,0%, а 54,3% хотели бы зарабатывать от 30 до 70 тыс. руб., т.е. для каждо-

го второго представителя интеллигенции это можно было бы назвать адекватной оплатой его труда. При этом самые непритязательные запросы характерны для студентов (54,2% стремятся к доходу до 30 тыс. руб.). Подмосковные руководители оценивают свой труд, безусловно, более значимо — 56,5% хотели бы иметь доход свыше 40 тыс. руб.

ТАБЛИЦА 2. Желаемый доход

Желаемый доход	ВАШЕ ОСНОВНОЕ ЗАНЯТИЕ, КОТОРОЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВНЫМ ИСТОЧНИКОМ ВАШЕГО ДОХОДА?				Среднее по массиву
	Руководитель	Специалист, офисный работник	Студент	Под-массив	
До 20 тысяч руб.	8,4%	9,8%	21,4%	11,5%	18,5%
От 20 тысяч руб. до 30 тысяч руб.	20,7%	26,3%	32,8%	26,5%	31,5%
От 30 тысяч руб. до 40 тысяч руб.	14,5%	20,4%	21,7%	19,6%	16,8%
От 40 тысяч руб. до 50 тысяч руб.	29,3%	25,2%	13,2%	23,9%	19,9%
От 50 тысяч руб. до 70 тысяч руб.	13,6%	11,1%	6,2%	10,7%	7,4%
Свыше 70 тысяч руб.	13,6%	7,1%	4,7%	7,8%	5,8%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Материальное благополучие интеллигенции нашло свое отражение и в политических пристрастиях. Накопленный базис она не хотела бы растерять в процессе очередного слома системы, поэтому для нее характерна поддержка партии власти, какой бы она ни была в тот или иной момент времени. В начале 2018 г. в преддверии выборов Президента РФ для интеллигенции был характерен более высокий уровень электоральной поддержки партии «Единая Россия» — 46,9% против 42,5% в среднем по области. Вероятно, для этой группы избирателей партия власти была неким гарантом стабильности перед лицом накапливающихся трудностей.

Электоральные предпочтения интеллигенции и других групп населения в отношении иных политических образований существенно не различались. Но интеллигенция в меньшей степени была готова артикулировать абсентеизм.

Не характерна для изучаемой группы и повышенная протестная активность. Накануне выборов Президента РФ более трех четвертей интеллигенции не допускала для себя участия в каких-либо акциях протеста 77,5%.

Из группы электоральной активной интеллигенции меньше всего были уверены в своем участии в голосовании самые молодые, но тем не менее 77,8% из них были достаточно устойчивы в своем желании исполнить гражданский долг.

Электоральные предпочтения на выборах Президента РФ в группе активного электората в общеобластном массиве и среди электорально активной интеллигенции практически не различались. За В.В. Путина были готовы проголосовать 63% интеллигенции и 65% среди всего населения области. Несколько выше была декларируемая поддержка действующего Президента среди студентов 66,3%.

ТАБЛИЦА 3. Электоральные предпочтения в Президентскую кампанию

ЕСЛИ БЫ ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РФ СОСТОЯЛИСЬ В БЛИЖАЙШЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, ТО ЗА КОГО ВЫ БЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ?	ВАШЕ ОСНОВНОЕ ЗАНЯТИЕ, КОТОРОЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВНЫМ ИСТОЧНИКОМ ВАШЕГО ДОХОДА?				Среднее по массиву
	Руководитель	Специалист, офисный работник	Студент	Под-массив	
Бабурин Сергей Николаевич, «Российский общенародный союз»		0,3%		0,2%	0,4%
Груднин Павел Николаевич, КПРФ	11,0%	10,2%	8,1%	10,1%	10,0%
Жириновский Владимир Вольфович, ЛДПР	7,1%	7,4%	12,2%	8,0%	7,3%
Путин Владимир Владимирович – Президент РФ, самовыдвижение	65,8%	62,0%	66,3%	63,0%	65,0%
Собчак Ксения Анатольевна, «Гражданская инициатива»	2,7%	2,6%	2,2%	2,6%	1,6%
Сурайкин Максим Александрович, «Коммунистическая партия Коммунисты России»		0,1%	0,3%	0,1%	0,3%
Титов Борис Юрьевич, «Партия Роста»	0,6%	0,6%	0,3%	0,6%	0,5%
Явлинский Григорий Алексеевич, «Яблоко»	1,2%	0,5%	0,6%	0,6%	0,9%
Ни за одного из этих кандидатов	2,1%	3,2%	1,3%	2,8%	2,8%

ЕСЛИ БЫ ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РФ СОСТОЯЛИСЬ В БЛИЖАЙШЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, ТО ЗА КОГО ВЫ БЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ?	ВАШЕ ОСНОВНОЕ ЗАНЯТИЕ, КОТОРОЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВНЫМ ИСТОЧНИКОМ ВАШЕГО ДОХОДА?				Среднее по массиву
Затрудняюсь ответить	9,2%	11,9%	8,4%	11,1%	10,1%
Отказ от ответа	0,3%	1,1%	0,3%	0,9%	1,0%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Для интеллигенции в большей степени характерна демагогическая мотивация участия в голосовании «хочу реализовать свое избирательное право», чем для других групп населения. По этой причине было готово прийти на избирательные участки 35,8%, в то время как среди всего населения такую готовность высказало лишь 30,5%. Но для участников предстоящего избирательного действия было важным, в первую очередь, поддержать конкретного кандидата (соответственно 39,4% среди интеллигенции и 44,1% среди всего активного электората Московской области).

ТАБЛИЦА 4. Причины участия в выборах Президента РФ

ПОЧЕМУ ВЫ БУДЕТЕ УЧАСТВОВАТЬ В ВЫБОРАХ?	Подмассив	Среднее по массиву (активный электорат)
Хочу поддержать конкретного кандидата	39,4%	44,1%
Хочу реализовать свое избирательное право	35,8%	30,5%
Хочу использовать свой голос	21,8%	21,5%
По просьбе руководства района/городского округа	0,3%	0,4%
Меня (родственников) заставят на работе (службе)	1,5%	1,8%
Это обязанность, долг	0,2%	0,2%
Другое	0,4%	0,4%
Затрудняюсь ответить	0,5%	1,0%
Всего	100,0%	100,0%

Таким образом, на выборах Президента РФ интеллигенция практически не проявила себя как какая-то специфическая группа, обладающая какими-либо активными запросами на изменения. Ее, в большей степени, можно было отнести к консервативной группе избирателей, не стремящейся к кардинальным изменениям, а высказывающей желание тихо и спокойно «обрастать жирком» материального благополучия. В результатах голосования была выражена некая потребность

в подтверждении правоты курса развития страны, напрямую ассоциирующегося с персоной В.В. Путина.

События, развернувшиеся впоследствии, сильно повлияли на политическое поведение представителей этой группы в Подмосковье. Рост недовольства работой свалок и предприятий по утилизации мусора в области вылился в самые популярные среди интеллигенции каналы коммуникации: мессенджеры, социальные сети, информационно-политические блоги. Это привело к тому, что именно эта группа населения стала наиболее осведомленной об экологических проблемах не только близких к ним территорий, но и отдаленных муниципалитетов Московской области. Добавьте к этому драматическую реакцию на объявление увеличения НДС, стоимости бензина и пенсионного возраста во время первых побед российской сборной на Чемпионате мира по футболу, выражавшуюся исключительно с использованием понятий «предательство», «трусость», «низость», «непорядочность», и становится ясно, как наиболее думающая часть общества перестала дорожить стабильностью и примкнула к тем, кто был готов голосовать за спойлеров. Склонность к рефлексии и социальному критицизму сделала представителей этой группы весьма решительно настроенными. Это вылилось в то, что даже та часть электората, которая обычно оставалась дома и обсуждала деятельность власти лишь на кухнях, пришла на избирательные участки, решив таким образом вступить в разговор со властью.

ТАБЛИЦА 5. Причины участия в выборах губернатора Московской области

ПОЧЕМУ ВЫ УЧАСТВОВАЛИ В ЭТИХ ВЫБОРАХ?	Подмассив	Среднее по массиву
Хотел(а) поддержать конкретного кандидата	24,8%	33,4%
Хотел(а) использовать свой голос	22,6%	18,1%
Хотел(а) реализовать свое избирательное право	43,4%	38,4%
Меня (родственников) заставили на работе (службе)	4,4%	4,8%
По просьбе руководства района/городского округа	1,8%	1,6
Всегда ходят голосовать	0,7%	1,4%
Хотели выразить протест действующей власти	0,5%	0,5%
Просто так, за компанию	0,7%	0,5%
Член избирательной комиссии	0,3%	0,1%
Другое	0,6%	0,8%
Затрудняюсь ответить	0,3%	0,5%
Всего	100,0%	100,0%

Цифры говорят сами за себя: представители интеллигенции в голосовании за губернатора Московской области не пытались поддержать своего кандидата, а чаще, чем другие избиратели думали о возможности использовать свой голос и избирательное право как специфический способ заявить действующей власти, о своем несогласии с ее решениями и действиями.

В результате постэлекторальное исследование, проведенное с сохранением метода и выборки предвыборного замера, выявило, что более половины всех голосов, отданных в поддержку любого кандидата, отличного от представителя действующей власти, была проявлением нежелания голосовать за кандидата от партии власти.

ТАБЛИЦА 6. Причины голосования за кандидатов в губернаторы Московской области

Кандидат в Губернаторы Московской области	Причины выбора	Доля от числа голосовавших
Действующий губернатор Московской области Воробьев А.Ю. (ЕР)	одобряю деятельность	59%
	представитель действующей власти/его поддерживает Президент	12%
	знаю только его	11%
	нравится как человек (семьянин, спортивный, энергичный, обаятельный, уверенный в себе)	9%
	затрудняюсь ответить/отказ от ответа	10%
Другой кандидат	против действующей власти/против кандидата от ЕР	52%
	нужен кто-то новый/нужно что-то менять	17%
	не решит проблему мусора	8%
	затрудняюсь ответить/отказ от ответа	25%

Разочарование интеллигенции в результатах деятельности власти, и прежде всего федеральной, в реалиях электорального процесса привели к тому, что поддержку действующему губернатору А.Ю. Воробьеву оказали только 48% представителей этой группы, и самыми скептическими оказались руководители.

ТАБЛИЦА 7. Электоральные предпочтения в губернаторскую кампанию

ЗА КОГО ИЗ КАНДИДАТОВ ВЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ?	ВАШЕ ОСНОВНОЕ ЗАНЯТИЕ, КОТОРОЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВНЫМ ИСТОЧНИКОМ ВАШЕГО ДОХОДА?				Среднее по массиву (активный электорат)
	Руково- дитель	Специалист, офисный работник	Студент	Под- массив	
Белова Лилия Игоревна, «Альянс зеленых»	5,0%	7,1%	8,4%	6,9%	5,7%
Воробьев Андрей Юрьевич, «Единая Россия»	46,3%	47,3%	55,7%	48,0%	53,0%
Жигарев Кирилл Сергеевич, ЛДПР	3,7%	5,1%	6,9%	5,0%	4,6%
Надеждин Борис Борисович, «Партия Роста»	5,0%	2,5%	3,8%	3,1%	2,3%
Черемисов Константин Николаевич, КПРФ	11,9%	10,7%	7,6%	10,6%	11,6%
Чистюхин Игорь Васильевич, «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»	1,4%	1,9%	1,5%	1,8%	2,5
Испортил бюллетень	2,3%	2,5%	3,1%	2,5%	2,2
Затрудняюсь ответить	4,6%	2,5%	3,1%	3,0%	2,5
Отказ от ответа	19,7%	20,3%	9,9%	19,0%	15,5%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Как мы видим, молодежь в большей степени, чем другие группы, голосовала за представителя ЛДПР К.С. Жигарева. Для этой партии традиционна поддержка молодежи. Именно в ее электорате наибольшее число лиц в возрасте от 18 до 29 лет, привлекаемых эпатажем ее лидера В.Ф. Жириновского. Новой оказалась поддержка представителя экологической партии «Альянс зеленых» Л.И. Беловой. Ее активность была преимущественно виртуальная: кампания велась исключительно средствами интернет-ресурсов и стала достоянием лишь активных пользователей социальных сетей и телеграмм-каналов. В группе руководителей, а также массовой прослойки офисных работников и специалистов на последних выборах в Московской области явно выразился уклон в сторону усиления ностальгических «левых» настроений, о чем говорит голосование за представителя КПРФ К.Н. Черемисова.

Выборы губернатора в Московской области завершились следующим образом:

ТАБЛИЦА 8. Результаты выборов губернатора Московской области

Кандидат	Результат голосования по данным ИК МО
Белова Лилия Игоревна, «Альянс зеленых»	7,51%
Воробьев Андрей Юрьевич, «Единая Россия»	62,52%
Жигарев Кирилл Сергеевич, ЛДПР	5,77%
Надеждин Борис Борисович, «Партия Роста»	4,36%
Черемисов Константин Николаевич, КПРФ	12,99%
Чистюхин Игорь Васильевич, «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»	4,63%

Как видно из приведенных выше данных, не произошло явной консолидации оппозиционных сил вокруг какого-либо одного политического лидера. Голоса избирателей растеклись между кандидатами, конкурировавшими с действующим губернатором Московской области, почти ровным слоем. Отрыв от победителя представителя КПРФ К.Н. Черемисова, набравшего наибольшее число голосов оппозиции, составляет почти 50%. Такой результат доказывает так называемый «сигнальный» характер голосования интеллигенции. Суть его не сместить руководителя региона, а сообщить федеральной власти о своем недовольстве ее действиями, отсутствии должного внимания к внутриполитическим проблемам, не способности предложить понятный сценарий будущего для страны и ее народа. В отсутствии других форм выражения политической воли такой способ разговора с властью оказался единственно возможным.

Помимо достаточно благополучного Подмосковья, в сентябре 2018 г. выборы глав субъектов проходили еще в 21 регионе РФ. И сила негодования социально-политическими решениями административной номенклатуры в некоторых из них привела к власти почти случайных людей, голосования за которых было не для того, чтобы поддержать именно их, а для того, чтобы не сохранить на посту действующего губернатора.

В четырех из 22 регионов выборы 9 сентября 2018 г. оказались неудачными для выдвиженцев от действующей власти. Еще в 3 субъектах действующие руководители набрали минимально возможные для победы проценты. На фоне нарастающих настроений недовольства такие результаты можно считать закономерными. Волна нарастающего антиистеблишмента нашла свое выражение в некоторых регионах в сниженной явке, где на избирательные участки пришла только треть избирателей. В других — в голосовании против действующих губернаторов. Рассуждения о «неправильных», «неподготовленных», «про-

веденных спустя рукава» избирательных кампаниях, уступают выводу о том, что население заявило о своем разочаровании в курсе правящей элиты. Но если основная масса избирателей голосовала «ногами», не приходя на избирательные участки, то со стороны интеллигенции это было осознанное голосование против действующей власти, ответственной за снижение качества жизни населения.

Анализируя события прошлой осени, политологи выработали «теорию черных очков», которые надело население, воспринимая сегодняшнюю реальность. Она описывает не только разочарование в деятельности власти, но и отдельные нюансы социально-политических настроений россиян. Таких как **презумпция виновности власти**: «*все, что не делается ее представителями заведомо плохо*», «*даже если что-то хорошо, значит слишком дорого, наверняка большую часть разворовали*»; **отсутствие уверенности в завтрашнем дне**; **снижение чувства личной безопасности**; **усталость от существующих политических партий и лидеров, включая оппозиционных**; **ощущение перманентного экономического кризиса и военной угрозы**; **убежденность в том, что власть пытается решить экономические проблемы за счет населения**. Руководствуясь этой теорией, была осуществлена попытка снижения негативизма через тезисы послания Президента РФ Федеральному собранию, сфокусированного на внутривластной повестке, наполненного предложениями по решению наиболее актуальных социальных проблем, влияющих на качество жизни граждан.

Специализированное исследование ВЦИОМ продемонстрировало благосклонное отношение населения к обращению. Большая часть его тезисов была воспринята позитивно. Однако представители интеллигенции и здесь проявили социальный критицизм, выразив скепсис относительно выполнимости продекларированных властных обещаний.

Литература:

1. *Анисимов Р.И.* Материальная обеспеченность в жизненном мире гуманитарной интеллигенции / *Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное.* М.: РГГУ, 2015. С. 199–205.
2. *Как живешь интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко.* М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018.
3. *Цапко М.С.* Образование как смыслообразующий фактор профессиональной деятельности интеллигенции / *Профессиональная культура российской интеллигенции.* М.: РГГУ, 2017. С. 332–345.

РАЗДЕЛ IV

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Преподаватели высшей школы в контексте прекарного труда¹

И.О. Шевченко

кандидат исторических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия)

В советское время преподаватель вуза имел высокий статус в обществе и достаточный уровень дохода. Получить этот статус было нелегко, поскольку начинающий сотрудник последовательно проходил все ступени – ассистент, старший преподаватель, доцент и профессор. Путь этот занимал немало времени, требовал существенных усилий от человека, поэтому до высшей ступени в профессиональной иерархии доходили далеко не все. Но уже позиция доцента позволяла утвердиться в профессиональном и социальном плане, давала достойный материальный достаток [Кабацков, Лейбович, 2017]. Преподавательская нагрузка была щадящей, «в соответствии с лучшими мировыми стандартами» (профессор имел около 150–200 ауд. час. в год, доцент – 450–500). Это положение позволяло преподавателям много читать, следить за новейшими тенденциями в своей профессиональной области и давало возможность заниматься научной работой. Научно-публикационная активность была необходима для продвижения в служебной иерархии. «Публикации влияли косвенно, были необходимы, чтобы получить звание, администрация в этом помогала» (мужчина, профессор, 79 лет) [Архив автора].

Кроме статуса и дохода, преподаватели обладали еще одним существенным преимуществом – возможностью относительно свободно распоряжаться своим временем. Преподаватели вузов имели т.н. «ненормированный» рабочий день. Он действительно был таковым, поскольку помимо аудиторных занятий и присутственных часов в вузах,

1. Выполнено при поддержке гранта РНФ № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества».

работа преподавателя требует большой подготовки к лекциям и семинарам, постоянной работы над повышением своего профессионального уровня, участия в научных исследованиях, публикациях и много другого. Но так как учебных часов и присутственных дней было немного, оставалось время для научного творчества. Следует оговорить, что степень академической свободы преподавателя зависела от вуза: были институты, где обеспечивался достаточно жесткий административный контроль преподавания. Но это имело и плюсы: методический контроль обеспечивал единство преподавательского процесса и возможность обмена опытом. Позиция преподавателя вуза считалась престижной, поэтом проблем с рекрутированием молодых кадров не существовало. *«Плюсами позиции преподавателя вуза были стабильность, четкая иерархия и последовательность продвижения по всем известным правилам. Люди знали, чего добиваться. Нагрузка была щадящей. Профессор была элитарная должность»* (женщина, профессор, 78 лет) [Архив автора].

1990-е гг. принесли, с одной стороны, расширение академических свобод, возможность создавать авторские программы и частные вузы, с другой — недофинансирование сферы образования, резкое падение зарплат преподавателей и отток молодых кадров в другие отрасли. В это время меняется основа образования в России: *«Незаметно стала исчезать фундаментальность образования. Это имело следствием то обстоятельство, что люди стали мыслить конкретными понятиями. Абстрактное мышление исчезает...»* (мужчина, профессор, 79 лет) [Архив автора].

Подключение России к Болонскому процессу в начале 2000-х гг. ухудшило ситуацию, поскольку параллельно правительство стало проводить политику стратификации вузов, прежде всего по объему финансирования. Различный объем доступа к ресурсам приводил к переходу преподавателей из плохо обеспеченных ресурсами в хорошо финансируемые вузы. Помимо стратификации вузов, запускался активный процесс стратификации преподавателей. Начало было положено отменой единой тарифной сетки в 2008 г., усилено майскими указами Президента в 2012 г. и продолжается по сей день. На наш взгляд, социальная группа преподавателей вузов проделала путь эволюции от престижной позиции к прекариям интеллектуального труда.

Прекарность можно рассматривать на макро-, мезо- и микроуровне [Жученкова, 2019]. Исследователи называют различные критерии прекарности, в основном это следующие: работа по найму в организации или нет; размер и стабильность заработной платы; необходимость подработки и переработки для увеличения дохода; количество рабоче-

го времени и его организация; содержание труда; наличие социальных гарантий, возможность реализации прав; психологический климат и отношения с руководством; социальное самочувствие применительно к работе; опасение потери работы и уверенность в будущем трудоустройстве; наличие вторичной и дополнительной занятости; общая удовлетворенность работой.

Проанализируем положение преподавателей высшей школы по этим критериям.

Работа по найму в организации или нет. Большинство преподавателей официально имеют бессрочный трудовой договор (при условии успешного прохождения конкурса на должность). Но реально почти у всех сотрудников — срочный контракт, у многих — на короткие сроки, от года до двух. Это зависит от типа университета и его ресурсов. Пожизненных контрактов нет даже у профессоров, признанных профессионалов с большим стажем работы. Практикуются временные трудовые договора сроком на 10 месяцев и переводы на почасовую оплату [Балацкий, 2014].

Размер и стабильность заработной платы (наличие базовой части и премиальной), необходимость подработки для увеличения дохода. Преподаватели в России получают заработную плату, не соответствующую образованию, квалификации и трудовым затратам. На фоне профессионалов других стран, даже развивающихся, вознаграждение преподавателей выглядит недостойным [Альтбах, 2018; Балацкий, 2014]. Задача, поставленная Президентом в 2012 г. — повысить оплату работников образования, выполнена только на словах [Как живешь..., 2018].

Основная проблема — базовый оклад, не покрывающий самых необходимых потребностей, его размер порой меньше минимальной заработной платы. Остальная часть зарплаты является премиальной, размер ее выплаты не фиксирован, определение величины непрозрачно. Вследствие этого многие преподаватели вынуждены подрабатывать в других местах [Кудюкин, 2017].

Количество рабочего времени часов, необходимость переработки. В научной литературе фиксируется рост нагрузки у преподавателей, в основном за счет исследовательской части. В России мы видим параллельное, двойное увеличение нагрузки — рост количества аудиторных часов, т.е. собственно преподавание, и времени, затрачиваемого на исследования и подготовку публикаций, а также многократное возрастание времени на работу с документами, порой совершенно бессмысленную [Абрамов, 2017; Дежина, Ключарев, 2018; Курбатова, 2016; Курбатова, 2017].

Рабочий день преподавателя является ненормированным. Вследствие все увеличивающейся учебно-преподавательской, научной

и бюрократической нагрузки порой сложно провести границу между рабочим и свободным временем: «Я все время что-то пишу» (женщина, доцент, 42 года) [Архив автора].

Содержание труда. Помимо непосредственных обязанностей обучения и проведения научно-исследовательской работы, преподавателя зачастую нагружают дополнительными делами. Это может быть все что угодно: воспитательная работа со студентами, редактирование научных работ, экспертная деятельность и многое другое. Большая часть этой работы не оплачивается [Шереги, 2017].

Социальные гарантии и права. Если преподаватель оформлен по правилам Трудового кодекса, то формально ему гарантирован весь пакет социальных прав: оплата больничного и отпуска, пенсионные отчисления и т.д. На практике может быть по-разному. К примеру, больничный выплачивается, исходя из размеров базового оклада, а не зарплаты. Отпускные выплачиваются с «понижающим коэффициентом», работающим по совместительству не выплачиваются совсем. Про выходное пособие при увольнении никто не слышал, потому что работники не увольняются, у них просто истекает срок контракта [Кудюкин, 2017].

Ущемление в правах. Самое болезненное, что происходило и продолжает происходить — принудительный перевод работников на долю ставки при сохранении прежней нагрузки. Сокращается штатное расписание, и вместо полной ставки преподавателя переводят на половину, несогласные могут быть свободны. Так достигается показатель повышения зарплаты профессорско-преподавательского состава. [Кудюкин, 2017]. Преподавателей угнетает вынужденность такого состояния.

Психологическое самочувствие, климат, отношения с руководством. Все вышеперечисленное сопровождается беспрецедентным давлением администрации, усилением контроля за преподавателями. Понятие доверия нивелируется полностью, академические свободы практически ликвидированы. Попытки защиты прав преподавателей, высказывание своего мнения публично чреватые. Сотрудники независимых профсоюзов и просто пытавшиеся высказаться увольняются [Кудюкин, 2017; Кабацков, Лейбович, 2017].

Социальное самочувствие и уверенность в будущем трудоустройстве. Поскольку за последние годы произошло сокращение численности профессорско-преподавательского состава [Как живешь..., 2018], то риск не найти работу по профессии велик, в регионах — особенно. Это ухудшает социальное самочувствие и вызывает чувство бесперспективности [Как живешь..., 2018; Курбатова, 2016].

Вторичная занятость. Помимо основной работы, преподаватели вузов участвуют в научных исследованиях (это стало обязательной

частью работы), участвуют в грантах, публикуются [Абрамов, 2017]. Если есть возможность, многие ищут подработку. Не всегда это преподавание, все зависит от специальности. Репетиторство — тоже возможность дополнительного заработка.

Общая удовлетворенность работой. Вместе с тем, общая удовлетворенность работой у преподавателей может быть высокой, вероятно, это связано с содержанием труда и пониманием значимости профессии [Как живешь..., 2018].

Формально все отлично, Росстат бодро рапортует об увеличении зарплат, но это не соответствует действительности. Справедливости ради нужно отметить, что есть различия как по университетам, так и внутри университетов [Абрамов, 2017]. Но в основном наблюдается диссонанс между декларируемыми достижениями и реальностью. Преподаватели высшей школы попали в ловушку трансформационных процессов. Помимо отмеченных, у них есть и профессиональные проблемы, связанные с общим состоянием сферы образования и «качеством» студенчества [Денисова-Шмидт, Леонтьева, 2015].

Таким образом, неолиберальная основа реформ высшей школы [Осипов, 2017] приводит к выхолащиванию самого процесса образования [Зборовский, 2018], неблагоприятному изменению социально-стратификационного и демографического состава преподавателей российских вузов [Пугач, 2015] и в конечном итоге противоречит фундаментальной задаче системы образования — подготовке кадров высшей квалификации, способных работать в условиях инновационной экономики [Дежина, Ключарев, 2018].

Литература:

1. Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А. Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета // Вопросы образования. 2017. №1. С. 88–111.
2. Альтбах Ф. Академическое вознаграждение и контракты: мировые тенденции и реалии // Глобальные перспективы высшего образования. М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2018.
3. Архив автора: интервью №1, 2.
4. Балацкий Е.В. Истощение академической ренты // Мир России. Социология. Этнология. 2014. №3. С. 150–174.
5. Дежина И.Г., Ключарев Г.А. Российское образование для инновационной экономики: «болевы́е точки» // Социологические исследования. 2018. №9. С. 40–48.

6. *Денисова-Шмидт Е.В., Леонтьева Э.О.* Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) // Социологические исследования. 2015. №9. С. 86–93.
7. *Зборовский Г.Е.* Можно ли быть вместе, находясь врозь: студенты и преподаватели в вузе // Социологические исследования. 2018. №9. С. 49–58.
8. *Кабацков А., Лейбович О.* «По духу времени и вкусу...»: доцент как невольник // Гефтер. URL.: <http://gefeter.ru/archive/21773> (дата обращения: 10.02.2019).
9. Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки. Коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018.
10. *Кудюкин П.М.* У российских преподавателей самая большая нагрузка в мире // Гражданская инициатива. URL.: <http://netreforme.org/news/pavel-kudyukin-u-rossiyskih-vuzovskih-prepodavateley-samaya-bolshaya-nagruzka-v-mire/> (дата обращения: 10.02.2019).
11. *Курбатова М.В., Донова И.В., Каган Е.С.* Оценка изменений положения преподавателей российских вузов // Мир России. Социология. Этнология. 2017. №3. С. 90–116.
12. *Курбатова М.В., Каган Е.С.* Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2016. Т. 8. №3. С. 116–136.
13. *Кученкова А.В.* Прекаризация занятости: к методологии и методам измерения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. №1.
14. *Осипов А.М.* «Троянские кони» неолиберализма в образовании // Социологические исследования. 2017. №8. С. 136–146.
15. *Пугач В.Ф.* Гендерный состав преподавателей российских вузов // Высшее образование в России. 2015. №12. С. 78–88.
16. *Шереги Ф.Э.* Труд преподавателя вуза: творчество или «выживание»? // Социологические исследования. 2017. №11. С. 87–98.

Парадоксы труда и особенности прекаризации работников образования¹

Р.И. Анисимов

кандидат социологических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия)

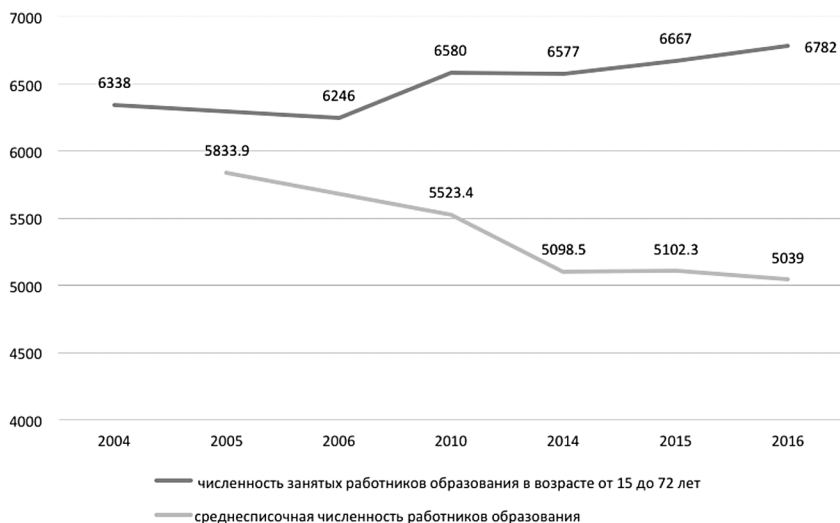
Снятие капитализмом ограничений на реализацию своей основной функции — «систематически извлекаемой прибыли» [Валлерстайн, 2014: 76], привело к росту нестандартных отношений в сфере труда, при которых все большее количество людей работают по устной договоренности с работодателем или имеют срочные трудовые договора, распространяются флексибильные трудовые отношения, работники трудятся удаленно или не имеют постоянного рабочего места, получают распространение практики заемного труда. В научной литературе данный процесс получил наименование — прекаризация (увеличение нестабильности в социально-трудовой сфере). Возникли концепции, полагающие, что нестабильность труда становится постоянной константой современного наемного работника, и соответственно возникает новый класс — прекариат. «Прекариат — это формирующийся класс, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся построить рациональные взаимосвязи с обществом и государством, с другой стороны — это быстро растущий слой работников нестабильного социального положения с неопределенной, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта

1. Выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества».

и произвольной оплатой труда. Они полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющих их перспектив гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни» [Тощенко, 2018: 81]. Прекарные отношения имеют разную форму проявления. Ж. Тощенко выстраивает следующую структуру прекариата. К прекариату относятся: неформально трудоустроенные работники (работающие на основе устной договоренности), работники, имеющие временную (работающие по срочным договорам до 1 года) и неполную занятость (сюда Ж. Тощенко относит работников, имеющих неполную занятость, имеющих недозанятость, а также имеющих дополнительную занятость (сверхзанятость); следующей группой выступают работники, имеющие сезонную и фрагментарную занятость, далее идет заемный труд и безработные. Также автор относит к прекариату мигрантов и не относит к ним фрилансеров [Тощенко, 2018]. Формы прекарного труда различаются в зависимости от сферы. В строительстве и сельском хозяйстве превалирует неформальный труд, в клининге заемный труд и т.д. В данной статье мы рассмотрим, какие формы прекарного труда превалируют в сфере образования? По результатам исследования, организованного РГГУ², большинство работников образования трудятся по бессрочным договорам (73,8%) и по срочным договорам со сроком более года (19%). Таким образом, прекарнизация, определяемая формой договора, в образовании практически отсутствует. Но нестабильность в труде не исчерпывается лишь формой договора. Помимо этого параметра, прекарный труд определяется рабочим временем, которое отличается от установленной продолжительности рабочего времени (36 часов в неделю для педагогов вузов и учителей в средних школах) как в меньшую (недозанятость), так и в большую (сверхзанятость, включая дополнительную работу) стороны. И здесь в сфере образования наблюдается противоречивая картина. Одновременно растет и недозанятость, и сверхзанятость работников образования. Недозанятость проявляется в следующем парадоксе. Исходя из данных официальной статистики мы наблюдаем сокращение списочного состава работников образования при одновременном росте занятых в этой сфере (рис. 1).

2. Всероссийское социологическое исследование методом анкетирования «Как живешь, интеллигенция?» (далее в тексте — ЖМИ-2016). Сроки полевого этапа исследования — 15–20 мая 2016 г. Выборка квотная. Всего было опрошено 1350 человек. Из них — 250 работников образования (учителей и преподавателей вузов), 900 работников здравоохранения (врачей и среднего медицинского персонала), 300 человек работников культуры в 14 регионах страны, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге. Подробнее о результатах исследования см. [Как живешь..., 2018].

РИС. 1. Соотношение численности занятых работников образования и их среднесписочной численности (тыс. ч.).

Источник: [Труд..., 2017: 120]; [Рабочая сила..., 2018: 48]; [Экономическая активность..., 2006: 66].

Это противоречие возникает вследствие разных методик подсчета списочного состава и общей численности работников организации. Списочный состав конструируется пропорционально отработанному времени (поэтому если 2 сотрудника оформлены на 0,5 ставки, то в списочный состав они входят как 1 человек, к тому же здесь исключаются внешние совместители, работающие по договорам ГПХ, женщины, находящиеся в отпуске по беременности, и студенты, отправляемые на обучение), тогда как в численность работников входят все работники организации. Исходя из разных методик, в сфере образования мы наблюдаем и сокращение, и увеличение одновременно. Сравнение общей численности и списочного состава работников, на наш взгляд, хорошо отражает масштабы процессов прекаризации в сфере образования. Администрация сокращает ставки, переводя работников на неполную занятость. В 2016 г. 1 млн 743 тыс. работников образования или каждый четвертый (25,7%) от общей численности занятых в образовании, имел неполную занятость³, и эта тенденция

3. Конечно, в это количество попали женщины, находящиеся в декретном отпуске и студенты-заочники, но мы не думаем, что эти категории лиц, составляют значительный объем среди 1 млн 743 тыс. работников. Также в это число вошел и административно-управленческий и вспомогательный аппарат сферы образования.

будет расти. Зачастую перевод на неполную ставку не означает фактического уменьшения рабочего времени, так как сокращаются часы на различные виды внеурочной работы (проверка домашних заданий, курсовые проекты, подготовка к занятиям). Но по факту работник тратит такое же количество времени на эти виды работ, что и раньше. Таким образом, формальная недозанятость означает фактическую такую же занятость учителя или педагога, что была у него до сокращения ставки, но при этом оплачивается она меньше. А это приводит к ухудшению их материального положения. Поэтому работники образования вынуждены искать дополнительную работу (в организации, в которой они работают или на стороне), чтобы компенсировать материальные потери. И таким образом, оптимизация штата сотрудников и вытекающая отсюда формальная недозанятость приводит к фактической сверхзанятости учителей и преподавателей, что также является отклонением от установленной продолжительности рабочего времени и свидетельствует о другом аспекте прекаризации — сверхзанятости. По результатам нашего исследования практически каждый второй педагог (40,5%) занимается подработкой, совместительством [ЖМИ-2016].

Вышесказанное приводит к сверхэксплуатации работников образования, снижению качества их работы, отсутствию стабильности в их трудовой деятельности. Формальные сокращения ставок и фактическое увеличение работы порождает неуверенность в завтрашнем дне, которое выражается в опасении потерять работу и невозможности прогноза своей будущей заработной платы. В нашем исследовании был задан вопрос: «Какие проблемы в первую очередь Вас волнуют по месту работы (в вашей организации, учреждении)?», и самые распространенные варианты ответов среди педагогов были: «Неясность в оплате труда» — 33,3 % и «Опасение потерять работу» — 28,8 % [ЖМИ-2016]. Отметим, что «низкую оплату труда» в качестве проблемы указало только 5,4% респондентов, т.е. в целом, проблема низкой оплаты труда педагогов решена, но решена она только за счет роста дополнительной занятости работников образования, т.е. их прекаризации.

Таким образом, можно констатировать, что прекаризация работников сферы образования получила широкое распространение. Проявляется она в отклонении от стандартного рабочего времени. Причиной этого отклонения стала оптимизация штатов организаций сферы образования. Причины этого сокращения имеют различные основания: это «майские указы» 2012 г., требующие повышения заработной платы за счет внутренних ресурсов организации без увеличения расходов государственного бюджета, и общий демографический

спад, и экономический кризис, но фактически, количество работников образования не уменьшилось, а официальная статистика, даже несмотря на вышесказанные причины, демонстрирует их рост, что свидетельствует о том, что формальная незанятость компенсируется работниками за счет самоэксплуатации (сверхзанятости), или говоря иначе, решение системных проблем общества и экономики переложено на самих работников образования путем превращения их в прекариат.

Г. Стэндинг, создавая концепцию прекариата разместил этот класс ниже пролетариата и выше андеркласса [Стэндинг, 2014: 21–22]. В прекариат, по его мнению, как правило попадают люди с небольшим уровнем образования, занятые рутинным, поддающимся автоматизации трудом. Российская специфика опровергает данную классификацию. Работники образования имеют высокий уровень образования, а также сложный, не автоматизированный характер труда, однако они также подвергаются прекарнизации. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что прекарнизации — удел не только низко и среднеквалифицированных работников, а распространена везде, где есть наемный труд. А это свидетельствует о том, что мы присутствуем при очередном столкновении капиталистических принципов (конкуренция, ориентация на прибыль) с социальной сферой (к которой относится образование), где господствуют совершенно другие принципы (солидарность, ориентация на стабильность) [см.: Поланьи, 2002]. В результате переноса капиталистических принципов на сферу образования появляется и распространяется выявленный нами выше парадокс сферы образования (сокращение штатных работников и рост у них же дополнительной работы). Общество сопротивляется этим принципам и вырабатывает необычные механизмы адаптации к ним. В научной литературе такие механизмы получили наименования «метис». Метис — это местное, контекстуальное знание, практические навыки, позволяющие населению минимизировать и смягчить последствия проводимых реформ [см.: Скотт, 2010: 498–507]. Практики метиса получили широкое распространение в сфере образования и в целом, снимают социальное напряжение в этой сфере, которое могло бы возникнуть в результате действительного, а не формального сокращения работников сферы образования, но в тоже время метис снижает качество образования. Решить эту проблему можно лишь подчинив принцип экономической эффективности основной функции образования — образованию, в настоящий момент все наоборот. Для этого требуется обоснование необходимости хорошего массового образования

для общества, экономики и государства. Советское образование достигло своих высот, потому что обществу, государству и экономике нужны были высококвалифицированные работники, но этот этап пройден. Необходимо новое обоснование нужности образования, иначе оно так и будет восприниматься как необходимая социальная издержка, на которой можно экономить. В противном случае парадоксы, описанные выше, будут распространяться, а прекаризация работников образования расти.

Литература:

1. *Валлерстайн И.* Исторический капитализм / Пер. с англ. К.А. Фурсова. Т. 8. М., 2014.
2. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева. Под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002.
3. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы), 2018: Стат. сб. М.: Росстат, 2018. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm (дата обращения: 02.01.2019).
4. *Скотт Д.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. 2-е изд. М.: Университетская книга, 2010.
5. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Маргинем Пресс, 2014.
6. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
7. Труд и занятость в России, 2017: Стат. сб. М.: Росстат, 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm (дата обращения: 01.02.2019).
8. Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований), 2006: Стат. сб. М.: Росстат, 2006. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B06_61/Main.htm (дата обращения: 02.01.2019).

Реформа российского здравоохранения в оценках профессионального сообщества и населения¹

Н.И. Белова

кандидат социологических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия)

В Российской Федерации уже на протяжении нескольких лет наиболее обсуждаемой, вызывающей огромное количество споров и болезненных реакций является тема, связанная с реформированием системы здравоохранения. Рассмотрим отдельные аспекты, касающиеся реформы российского здравоохранения и оценок ее последствий представителями профессионального сообщества и населением.

Одним из принципиальных изменений системы здравоохранения стал перенос акцентов с оказания стационарной помощи на амбулаторно-поликлиническую — как следствие сокращение количества больничных учреждений путем слияния нескольких организаций в одну или упразднение (ликвидация) таковых вовсе. Так, уже в ходе «первой волны реформ» в 2013–2014 гг. в целом по стране количество коек в больничных организациях, осуществляющих медицинское обслуживание госпитализированных пациентов, сократилось более чем на 35 тыс. коек (в 2013 г. — 1301,9 тыс., в 2014 г. — 1266,8 тыс.), а уже в 2017 г. их стало еще меньше — 1182,7 тыс., т.е. за весь период реформ ликвидировано практически 120 тыс. коек [Российский статистический ежегодник, 2018: 204–205].

Одновременно фиксируется и сокращение численности медицинских работников и, как следствие, увеличение нагрузки на оставшихся работать в государственной системе здравоохранения медиков. Например, в 2014 г. было сокращено 90 тыс. медицинских работни-

1. Выполнено при поддержке гранта РНФ № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества».

ков, из них 12,8 тыс. — врачи и 77,2 — средний медперсонал. Обратим внимание, именно в 2014 г. фиксируется наибольший приток медицинских работников в учреждения и организации частной системы здравоохранения — 71 тыс. работников, в последующие годы также фиксируется пополнение рядов работников частной медицины, но уже в 2–3 раза меньше (численность медработников в частном секторе в 2013 — 272,7 тыс.; в 2014 г. — 343,7 тыс.; в 2015 г. — 367,1 тыс.; в 2016 г. — 401,3 тыс.) [Здравоохранение в России, 2017: 109]. При этом не все уволенные в результате реорганизации медицинских организаций врачи могут устроиться в коммерческий сектор медицины и это связано с тем, что в ней используются иные требования к специалистам и показатели оценки эффективности труда. Поэтому часть медицинских работников ищет и находит работу в других секторах, где требуется наличие медицинского образования (медпредставители, фармрынок, рынок услуг сиделок и др.)

Отдельным изменениям подверглась и система оплаты труда медицинских работников. Так, Минздрав с целью повышения уровня заработной платы предлагает «эффективную систему стимулирования» в виде эффективного контракта. По данным Федеральной службы государственной статистики, начиная с 2012 г. фиксируется рост среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций, занятых в здравоохранении, независимо от их формы собственности [Здравоохранение в России, 2017: 110], однако сами медики говорят о неудовлетворенности условиями труда и отсутствии должного материального и морального поощрения, причем доля таких с каждым годом увеличивается. Например, в 2013 г. только 14% медиков испытывали моральное и материальное удовлетворение от своей работы, а треть (34%) совершенно не устраивала система оплаты труда. Три четверти (76%) медицинских работников вынуждены были совмещать работу на нескольких ставках, работая в одном лечебном учреждении, а каждый пятый (18%) работал одновременно в нескольких медицинских организациях [Мониторинг ОНФ..., 2013]. В свою очередь результаты наших исследований свидетельствуют, что на протяжении пяти лет ситуация кардинально не изменилась. Так, каждый третий (32%) медицинский работник, участвовавший в нашем опросе, к первоочередным проблемам относит «неясность в оплате труда» и боится потерять работу — 35%, а пятая часть говорит об неудовлетворительных условиях труда (плохие условия труда — 8,9% и плохая организация труда — 13,3%) [ЖМИ-2016].

Врачей волнует не только низкий уровень безопасности труда, но и постоянные переработки, которые не всегда положительно влияют

на оплату труда, а также стандартизация их деятельности. Напомним, одной из задач модернизации российского здравоохранения стало введение стандартов оказания помощи, которые вызывают бурное обсуждение в профессиональном сообществе. Так, ориентируясь на «стандарты» врачи вынуждены придерживаться жестких временных норм и «схем» лечения, что спровоцировало конфликт «новых и старых профессиональных норм» и волну недовольства в медицинском сообществе. По сути формируется формальный подход к лечению, отклонение от нового стандарта штрафуются страховыми компаниями, тогда как сам стандарт не всегда предлагает эффективное лечение пациенту. Ряд исследователей отмечают, что введение новых правил напрямую повлияло на «степень интенсивности и объем выполняемой работы, а также доход медицинских работников» [Кастаян, Смбалян, 2016: 34]. Вдобавок ко всему медики говорят об увеличившемся в несколько раз объеме «бумажной работы», которая необходима для подтверждения «правильности назначенного лечения» и отчета перед страховыми компаниями. Все перечисленные выше факты спровоцировали отток высококвалифицированных специалистов из государственного и муниципального здравоохранения.

Необходимо отметить, что с 2014 г. в государственной и муниципальной системах здравоохранения образовался дефицит врачей и среднего медперсонала, который до сих пор сохраняется. Так, в 2014 г. не хватало 40,5 тыс. врачей, а на данный момент этот дефицит составляет 22,5 тыс. с учетом профицита в стационарах, в первичном звене дефицит — 27 тыс. [Доклад О деятельности..., 2018]. Однако положительные тенденции наметились только за счет того, что рабочие места в госсекторе здравоохранения частично сократили, а часть работников вынужденно совмещает несколько ставок.

Кадровый голод в государственной и муниципальной системах здравоохранения обусловлен целым рядом причин, в том числе специфической подготовкой медицинских кадров. Однако многие медики считают, что дефицит медицинских кадров обусловлен, прежде всего, снижением привлекательности отрасли для молодых специалистов и несовершенством системы подготовки медицинских работников. Так, три четверти (72%) медицинских работников отмечают, что ординаторы вынуждены выполнять большой объем бумажной работы, а 70% в качестве одного из ключевых препятствий при подготовке квалифицированных медицинских кадров отметили «отсутствие доступа к практике» [Мониторинг ОНФ..., 2013].

Говоря о привлекательности и престиже профессии врача, отметим, что за последние несколько лет отношение населения к меди-

цинской деятельности и медицинской профессии изменилось. Только треть (32%) россиян считает, что врачи занимают высокое положение в обществе, а количество затрудняющихся с ответов по сравнению с 2013 г. возросло практически в 1,5 раза (2013 год — 26%; 2017 год — 42%) [ВЦИОМ. Врач в России...]. Возможно именно поэтому только пятая часть родителей (20%) хотели бы чтобы их дети получили профессию врача [Левада-Центр. Врачи...]. Зафиксировано и снижение уровня доверия к врачам, а также их материального благополучия. Так, в 2014 г. практически половина (53%) населения страны полностью доверяли врачам, однако уже в 2017 г. количество таковых сократилось до 36%. Что касается мнения населения насколько доходной, высокооплачиваемой является профессия врача, то в 2017 г. только четверть (25%) относит эту профессиональную группу к «высокооплачиваемой». Обратим внимание, что количество россиян, придерживающихся такой точки зрения, с 2014 г. сократилось в полтора раза (25% и 41% соответственно) [ВЦИОМ. Врач в России...]. В свою очередь для самих медицинских работников крайне важным остается общественное признание их работы, такого мнения придерживается практически каждый третий (36,7%) [ЖМИ-2016].

Надо сказать, что практически половина населения страны оценивают положение дел в здравоохранении негативно (скорее плохо — 21% и плохо — 31% соответственно). В качестве первоочередных проблем, требующих скорейшего вмешательства и решения, были выделены нехватка врачей или же недостаточный уровень их профессиональной квалификации (по 37% соответственно) [ВЦИОМ: Эффективность...]. При этом уровень недовольства качеством и доступностью медицинской помощи растет с каждым годом. Например, в 2017 г. в Росздравнадзор поступило 24 тыс. жалоб, что на 22% больше, чем годом ранее. Обратим внимание, что более половины (16,2 тыс.) жалоб касалось низкого качества медпомощи [Доклад О деятельности..., 2018]

Недовольны состоянием дел в российском здравоохранении и сами медики. Подчеркнем, что по сравнению с другими социально-профессиональными группами интеллигенции, именно медицинские работники наиболее активно отреагировали на ухудшение условий собственно труда. Помимо этого, именно врачи и медицинские сестры, выходя на митинги и пикеты, пытались привлечь внимание, как правительства, так и населения в целом к ситуации в сфере здравоохранения, уменьшению доступности медицинских услуг для большей части россиян.

Так, в 2014 г. по всей стране проходит серия митингов против проводимых реформ в здравоохранении под лозунгом «За достой-

ную медицину!». Например, в одной только Москве по данным общественного проекта «Белый счетчик», в митинге приняли участие около 7000 человек, которые таким образом выразили свое несогласие с тем, как проводится реформа здравоохранения. Понимая, что реформы могут нанести непоправимый ущерб медицинские работники обращаются с требованиями ввести мораторий на проведение мероприятий по модернизации государственной и муниципальной систем здравоохранения и приостановить объединение и ликвидацию медучреждений, а также массовые сокращения врачей и среднего медперсонала.

Тем не менее, реформа здравоохранения продолжилась, население, за редким исключением, так и не включилось в активную борьбу за свои права на охрану здоровья, получение качественных медицинских услуг. Реакция населения все же была — крайне низкие оценки медицинских услуг, предоставляемых по полису ОМС и состояния здравоохранения в целом. Напомним, что более половины россиян считают положение дел в здравоохранении катастрофическими.

Таким образом, в последние годы процессы, происходящие в сфере здравоохранения, характеризуются преимущественно как деструктивные. В качестве основных негативных последствий реформирования российской системы здравоохранения большинство исследователей называют проблемы доступности и качества медицинской помощи, которые, в первую очередь, связывают с сокращением количества лечебных учреждений, и обеспечением квалифицированными кадрами медицинских организаций. Модернизационные процессы оказали существенное влияние на условия труда медицинских работников, что привело к новым рискам в сфере здравоохранения и увеличению количества трудовых и других видов конфликтов. Ухудшение условий труда медицинских работников, неудовлетворенность населения качеством и доступностью медицинских услуг приводит к развитию деструктивных, а иной раз и патологических процессов во взаимодействии разных субъектов организации охраны здоровья населения.

Литература:

1. Врач в России: доверие пациентов, доходы, положение в обществе // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3590> (дата обращения: 08.01.2019).
2. Врачи обошли юристов // Официальный сайт Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2018/06/21/vrachi-oboshli-yuristov/> (дата обращения: 10.02.2019).

3. Доклад «О деятельности Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения в 2017 г.» URL: <http://www.roszdravnadzor.ru/i/upload/images/2018/4/3/1522744892.13699-1-12938.pdf> (дата обращения: 10.02.2019).
4. ЖМИ-2016. Всероссийское исследование «Как живешь, интеллигенция?». Опрос, проведенный в 2016 г.; N=1350. Обследованию подлежали три группы интеллигенции: занятые в сфере образования, в сфере культуры, в сфере здравоохранения. Опрошено 14 объектов, выбранные как типичных для основных территориально-экономических регионов РФ: Москва, Санкт-Петербург, Новгородская, Архангельская, Ярославская, Воронежская, Владимир, Нижегородская области, Ставропольский край, Республика Крым, Свердловская, Новосибирская области, Красноярский и Хабаровские края.
5. Здравоохранение в России. 2017: Стат. сб. Росстат. М., 2017.
6. *Кастаян А.А., Смбалян С.М.* Рынок труда медицинских работников: проблемы, задачи и перспективы // Современные достижения и разработки в области экономики и менеджмента / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. №1. г. Оренбург, 2016. URL: <http://evansys.com/articles/sovremennye-dostizheniya-i-razrabotki-v-oblasti-ekonomiki-i-menedzhmenta-sbornik-nauchnykh-trudov-po-sektsiya-8-innovatsionnye-podkhody-v-sovremennom-menedzhmente/rynok-truda-meditsinskikh-rabotnikov-problemy-zadachi-i-perspektivy/> (дата обращения: 31.01.2019).
7. Мониторинг ОНФ показал, что большинство опрошенных врачей недовольны уровнем подготовки молодых специалистов // Сайт Общественного движения «Общероссийский народный фронт». URL: <https://onf.ru/2017/10/30/monitoring-onf-pokazal-chto-bolshinstvo-oproshennyh-vrachev-nedovolny-urovнем-podgotovki/> (дата обращения: 09.01.2019).
8. Обобщенные результаты социологических исследований отношения населения к системе здравоохранения // Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2015/09/01/2516-obobschennye-rezultaty-sotsiologicheskikh-issledovaniy-otnosheniya-naseleniya-k-sisteme-zdravoohraneniya> (дата обращения: 13.12.2018).
9. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. Росстат. М., 2018.
10. Эффективность российского здравоохранения и система ОМС // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8790> (дата обращения: 10.02.2019).

Основные факторы отчуждения медицинской интеллигенции от труда в государственных учреждениях здравоохранения

Е.В. Фадеева

кандидат социологических наук, старший преподаватель
Российского государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия)

Сколько бы научное сообщество не рассуждало и не спорило об интеллигенции, никто не ставит под сомнение, что медики являются ее непосредственными представителями. Это люди интенсивного умственного труда, ведущие экстремальную в интеллектуальном плане деятельность. Часто говорят, что врач — это не профессия, а призвание. И если это действительно так, то общество и государство обязаны сберечь медиков, пришедших и до сих пор остающихся в профессии, создать им гарантии достойных условий и оплаты труда.

Сегодня быть представителем медицинской интеллигенции — задача не из простых. Еще в 90-х годах работать врачом в госучреждении стало не выгодным, а сама профессия вдруг сделалась не престижной и мало оплачиваемой. Когда начались рыночные реформы, значительная часть медиков столкнулась с бедностью и вынужденно ринулась в российские представительства западных фармацевтических компаний. Те, кто хорошо знал язык, уехали работать за рубеж. Многие вообще кардинально сменили свою деятельность: пошли торговать и строить, чтобы прокормить семью. Как и представители других интеллектуальных профессий (школьные учителя, преподаватели ВУЗов, научные сотрудники и т.д.), большинство тех врачей, кто переквалифицировался в «челноков», больше не вернулись в здравоохранение.

В «нулевые» оставшиеся в профессии специалисты в поисках адекватной оплаты труда стали переходить в частную медицину. Работать в государственном здравоохранении оказалось крайне непривлекательно. Медицина испытывала острый дефицит бюджетных средств, в результате чего в России значительно сократилось количество поли-

клиник и больниц, уменьшилось число коек в больницах [В России..., 2017], а зарплаты врачей стали мизерными. В государственном секторе здравоохранения образовался настолько значительный дефицит кадров, что справиться с ним государство не может до сих пор.

Сегодня нехватка медиков в России оценивается в 22,5 тыс. специалистов разных специальностей [Минздрав..., 2018]. Уровень обеспеченности врачами в 2017 г. снизился в 22 регионах России. Обеспеченность средним медицинским персоналом (фельдшер, медсестра/медбрат, акушер, зубной техник, инструктор по лечебной физкультуре, рентген-лаборант и др.) с каждым годом становится только хуже [Гаврилов: Показатель..., 2018].

Численность медперсонала ежегодно снижается даже в столице. В 2017 г. врачей и медсестер в Москве стало меньше, чем положено по ежегодно утверждаемым Правительством государственным гарантиям бесплатного оказания медицинской помощи. В 2017 г. в Москве на 10 тыс. населения приходилось всего 35 врачей и 58 медсестер, тогда как по нормативам должно было быть 37 врачей и 67 медсестер [Звезда, 2019].

Можно выделить два основных фактора вытеснения медицинской интеллигенции из государственного сектора здравоохранения: проводимая так называемая «оптимизация» здравоохранения и недостаточный приток в отрасль молодых специалистов.

Оптимизация здравоохранения заработала в полную силу с 2012 г. Организаторы здравоохранения преследовали благие и очень важные цели: повышение доступности и качества медицинской помощи для населения. Но по факту закон спровоцировал сокращение объемов бесплатной медицинской помощи (оказываемой по ОМС) в России, убыль высококвалифицированных кадров из государственной медицины, закрытие ряда поликлиник и больниц. С принятием Государственной программы развития здравоохранения Российской Федерации [Государственная..., 2014], государственная медицина ощутила резкий отток кадров. В 2014 г. муниципальные учреждения не досчитались чуть более трети врачей (отток составил 270,5 тыс. медиков). Одновременно с этим коммерческий сектор здравоохранения ощутил рост численности медицинских работников почти на ту же самую треть (плюс 71 тыс. медработников) [Здравоохранение..., 2017: 109].

Отечественное здравоохранение стало активно коммерциализироваться, а традиционные ценности медицинской интеллигенции, — помочь пациенту избавиться от болезни, вылечить его, — начали утрачивать силу. Медицинский персонал поликлиник стал сокращаться, в отдельных учреждениях были уничтожены целые отделения. В борь-

бе за существование государственные медучреждения были вынуждены внедрять, а затем и расширять перечень платных услуг.

В то же время ослабла и мотивация медика оставаться в стенах госучреждения. Сокращение ставок врачей и медсестер, урезание коек в стационарах, 12 минут на прием пациента в поликлинике, рост бумажной волокиты и штрафных санкций, отсутствие лекарств в стационарах — все это стало уже привычным фоном работы врачей [Чернова, 2018]. Львиную долю рабочего времени занимает оформление бумаг и электронных карт пациентов. Врачу стало очень сложно качественно собрать анамнез и проанализировать проблему, с которой обратился больной. Нагрузка на медика растет, а зарплата существенно не поднимается.

Официальные данные свидетельствуют об обратном, например, в 2018 г. размер оплаты труда врачей увеличился на 39%, а среднего медицинского персонала — на 25% [Скворцова заявила..., 2018]. По данным Росстата, средняя зарплата врачей в России за январь — сентябрь 2018 г. составила 73 609 руб., в Москве — 135 801 руб., зарплата среднего медицинского персонала — 36 380 руб. и 73 198 руб. соответственно, зарплата младшего медицинского персонала — 33 569 и 65 104 руб. [Мэрия Москвы..., 2018]. Однако средняя зарплата рассчитывается по принципу «средняя температура по больнице». Это означает, что та цифра, которую называет Росстат, является не более чем суммой зарплат всех сотрудников медучреждений (включая управленческой звено, где размер оплаты труда в несколько раз превосходит зарплату рядового врача), поделенной на их количество. Поэтому данный показатель не вполне корректен и не отражает реальное положение дел. Гораздо более соответствующим действительности выглядит показатель медианной зарплаты, который характеризует размер оплаты труда сотрудника, находящегося в середине зарплатной ведомости. Именно медианная зарплата, а не средняя, является ответом на вопрос: «Сколько на самом деле зарабатывает среднестатистический российский врач?». Традиционно для России медианная зарплата составляет порядка 70–80% от средней. Таким образом, заработная плата российского врача сегодня составляет порядка 55 тыс. рублей, а московского — около 100 тыс. рублей.

Однако с увеличением зарплаты увеличился и объемы нагрузки, поэтому врачи продолжают делать выбор в сторону коммерческого сектора, а не государственного.

Решить проблему дефицита медицинских кадров не удастся и из-за отсутствия притока в отрасль молодых специалистов. В настоящее время именно выпускники медицинских вузов являются одной из наи-

более уязвимых категорий с точки зрения потери кадров: молодых специалистов не устраивают материальные и профессиональные перспективы работы в российском здравоохранении. Многие студенты уезжают за рубеж, а половина из тех, кто не собирается покидать страну, не планируют работать по специальности [Глыбочко: Соцпакет..., 2018].

Врач государственной поликлиники — это огромная ответственность, стресс и постоянные переработки. Меры социальной поддержки молодых специалистов, предпринимаемые в ряде регионов нашей страны, не справляются с поставленными задачами по привлечению выпускников медвузов в государственный сектор здравоохранения. Чтобы молодые люди оставались в профессии и в государственной медицине, это должно стать для них выгодным, должны быть созданы комфортные условия труда. А пока начинающие медики продолжают уходить в те области здравоохранения, где рабочий процесс организован правильно, а труд оплачивается достойно.

Печально осознавать, что медицинская интеллигенция из года в год редет и становится малочисленной. Без эффективной работы первичного звена мы не сможем добиться в сфере здравоохранения хороших результатов, даже несмотря на ресурсное обеспечение, современное оборудование, создание межрайонных центров. Поэтому на первый план в этом вопросе выходит неукомплектованность кадрами [Устранить дефицит..., 2018].

Безусловно, оптимизация здравоохранения и недостаточный приток в отрасль молодых специалистов, — не единственные факторы вытеснения медицинской интеллигенции из государственного сектора здравоохранения. Каждый год государство внедряет новые стандарты и законодательные нормы, последствия которых заранее не обдуманы. Как результат — потребность в медицинских кадрах в России только возрастает. Профессиональное медицинское сообщество и население воспринимают последствия реформ как катастрофические.

Литература:

1. В России массово закрываются больницы и поликлиники // Официальный сайт «Вести.Ру». 2017. 07 апреля. URL: <https://med.vesti.ru/novosti/obshhestvo-i-zakonodatelstvo/v-rossii-massovo-zakryvayutsya-bolnitsy-i-polikliniki/> (дата обращения: 22.01.2019).
2. Гаврилов: Показатель обеспеченности врачами и средним медперсоналом в сельской местности на 40 % ниже, чем в общем по стране // Официальный сайт ОНФ. 2018. 15 августа. URL: <https://onf.ru/2018/08/15/gavrilov-pokazatel-obespechennosti-vrachami-i-srednim-medpersonalom-v-selskoy-mestnosti/> (дата обращения: 22.01.2019).

3. Глыбочко: Соцпакет выпускника медицинского вуза поможет преодолеть кадровый дефицит в медицине // Официальный сайт ОНФ. 2018. 19 декабря. URL: <https://onf.ru/2018/12/19/glybochko-socpaket-vypusknika-medicinskogo-vuza-pomozhet-preodolet-kadrovyy-deficit-v/> (дата обращения: 23.01.2019).
4. Государственная программа развития здравоохранения Российской Федерации // Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. 2014. 30 января. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2014/01/30/1686-gosudarstvennaya-programma-razvitiya-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 22.01.2019).
5. Звездина П. Столичные аудиторы обнаружили недостаток врачей и медсестер в Москве // Сайт АО «РОСБИЗНЕСКОНСАЛТИНГ». 2019. 11 января. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/01/2019/5c362dba9a794727da2ca596> (дата обращения: 22.01.2019).
6. Здравоохранение в России. 2017: Стат.сб. Росстат. М., 2017.
7. Минздрав: В 2018 году зарплаты врачей выросли почти на 40% // Официальный сайт политической партии «Единая Россия». 2018. 29 декабря. URL: <https://er.ru/news/176111/> (дата обращения: 22.01.2019).
8. Мэрия Москвы: средняя зарплата врачей превысила 136 тыс. рублей // Портал Medvestnik.ru. 2018. 27 октября. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Meriya-Moskvy-srednyaya-zarplata-vrachei-prevysila-136-tys-rublei.html> (дата обращения: 23.01.2019).
9. Скворцова заявила, что зарплаты врачей выросли почти на 40% в 2018 году // Информационное агентство ТАСС. 2018. 29 декабря. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5965531> (дата обращения: 23.01.2019).
10. Устранить дефицит медиков можно, обеспечив их жильём и достойной зарплатой // Онлайн-издание «Медицинская Россия». 2018. 21 сентября. URL: <https://medrussia.org/21475-ustranit-deficit/> (дата обращения: 24.01.2019).
11. Чернова Н. Врач народа // Электронное периодическое издание «Новая газета». 2018. 16 октября. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/16/78209-unizhenie-nevynosimee-nischety> (дата обращения: 22.01.2019).

Женщины в структуре российской интеллигенции

В.Г. Ушакова

кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия)

Гендерный анализ состояния социальных институтов и социальных процессов представляется весьма эффективным, поскольку дает возможность получить более объективную картину социума. В связи с этим актуально выделить гендерные аспекты становления и развития российской интеллигенции, особенно в связи с выдающейся датой 2018 г. — 100-летием Высших женских (Бестужевских) курсов.

Классики отечественной философской, социологической, религиозно-философской мысли М.М. Ковалевский [Ковалевский, 1997], П.А. Сорокин [Сорокин, 2007], В.А. Хомяков, В.С. Соловьев, В.М. Хвостов [Христианский взгляд..., 1998] уже в XIX в. полагали, что, поскольку на протяжении тысячелетий в семье и обществе господствовали и продолжают господствовать мужчины, то они создали отвечающие своим интересам обычаи, традиции, верования, законы и теории, которые поставили женщин в зависимое положение и создали для них такие условия, при которых они в духовном отношении неизбежно отстают и превращаются в людей второго сорта. Чтобы преодолеть все это, необходимо повысить духовную культуру народа и, прежде всего, духовную культуру женщин. Реформы во всех сферах российского общества середины XIX в. создали предпосылки для духовного роста, становления и развития социальных лифтов для женщин.

Прежде всего, надо выделить процесс получения женщинами высшего, профессионального образования, что является основой активного освоения внесемейной, профессиональной, публичной сфер деятельности, а также вхождения в состав интеллигенции.

Стремление женщин к высшему образованию, профессиональной занятости и экономической независимости определило содержание начального этапа женского движения в России. Этот этап охватывал период с 1859 по 1905 гг. и включал в себя широкую филантропиче-

скую и образовательную деятельность, что было характерно для российского феминизма в период ограничения возможностей политической активности. Вдохновленная просветительскими идеями, русская разночинная интеллигенция старалась представить право на образование отправной точкой любой эмансипации, в том числе и женской. Открытие в Петербурге в 1859 г. первой воскресной школы для женщин, организованной на квартире М.С. Шпилевской, представлялось как вклад в дело женского освобождения. Однако центральным оставался социальный вопрос о доступе женщин к высшему образованию. Девушки проникали на занятия в университеты, создавали кружки, в которых организовывали лекции по естествознанию, медицине. В 1867 г. по инициативе М.В. Трубниковой, Н.В. Стасовой, Е.И. Конради сотни женщин дворянского звания подписали петицию на имя ректора Петербургского университета с просьбой разрешить им посещение лекций. Одновременно в адрес Первого съезда естествоиспытателей России была подана петиция с просьбой поддержать идею основания Высших женских курсов. И ректор, и съезд выразили сочувствие женщинам, но инициативы их не поддержали.

В течение трех лет та же инициативная группа составляла все новые прошения, и небезуспешно: с 1869 г. начали работу Лубянские курсы в Москве, готовившие учительниц; с 1870 г. — Владимирские курсы в Петербурге (распорядительница — Н.В. Стасова), поддерживаемые благотворительными сборами. В 1872 г. в Петербурге были открыты врачебно-акушерские курсы для женщин при Военно-медицинской академии, а в Москве — Высшие женские курсы В.И. Герье (ныне в их здании на ул. Чайнова расположен РГГУ). В 1878 г. в Петербурге открылись самые известные из женских курсов — Бестужевские, названные так по имени профессора Петербургского университета историка К.Н. Бестужева-Рюмина. Завершать же свое образование женщинам приходилось за рубежом — прежде всего в Германии и Цюрихе (в последнем из 1200 иностранных студенток в 1860–1900 гг. более 700 составляли русские). Женщины, окончившие курс наук в России или в Европе, как правило, имели проблемы с трудоустройством и даже созданное в 1893 г. по инициативе Н. Стасовой «Общество вспоможения окончившим курс наук» не могло обеспечить работой всех.

Российское женское движение второго этапа с 1905 по 1917 гг. — это зрелое феминистское движение, подготовленное и идейно, и организационно. Революционная волна 1905 г. подняла женщин, выступавших ранее лишь за доступ к высшему образованию и профессиональному труду, на борьбу за гражданские и политические права. В январе 1905 г. около 30 петербургских женщин либераль-

ных взглядов объявили о создании всероссийского «Союза равноправия женщин», который действовал до 1908 г. В апреле он провел первый в российской истории митинг в защиту женских политических прав. В мае 1905 г. на Первом съезде союза делегатки обсудили идейную платформу, и среди основных целей была сформулирована: следующие: совместное обучение женщин с мужчинами и допущение женщин во все области общественной и служебной деятельности [Пушкарева, 2001].

Уже в 1917 г. в результате победы социалистической революции в России де-юре женщинам наравне с мужчинами была предоставлена вся полнота гражданских прав и свобод, что, по сути, ознаменовало начало великой феминистской революции в нашей стране. Конституция РСФСР 1918 г. включила положение о том, что мужчины и женщины имеют равные права. Впервые в истории России был закреплен конституционный принцип равенства двух полов. В 1936 г. Ст. 122 Конституции СССР подтвердила, что «женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной». Это конституционное положение теоретически выравнивало гендерные статусы. Ст. 35 Конституции СССР 1977 г. закрепила: «Женщина и мужчина имеют в СССР равные права. Осуществление этих прав обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе, в общественно-политической и культурной деятельности, а также специальными мерами по охране труда и здоровья женщин; созданием условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством; правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям, постепенное сокращение рабочего времени женщинам, имеющим малолетних детей». Следует подчеркнуть, что отцовство даже не упоминалось.

Практики социальной политики советского государства были эмансипаторскими по сути, и дефамелизационными по направленности, ибо стимулировали и поддерживали советских женщин в получении образования, в работе, в карьере. В условиях информационной блокады о достижениях мирового феминизма и негласного табуирования рефлексии женского опыта функционирование этой системы привело к неоднозначным результатам: с одной стороны, в социальной реальности происходило формирование моделей независимого, самостоятельного женского поведения, разделяемого, одобряемого и институционально поддерживаемого государством и воспроизводимого

социально. С другой стороны, в культуре сохранялось функционирование и воспроизводство традиционных гендерных стереотипов относительно приватной жизни, часто отличающихся сексизмом.

Советское правительство действительно опиралось на женскую социально-демографическую общность как на резервную армию труда в процессе социалистических преобразований. Государство всячески способствовало профессиональной занятости женщин, доказательством чего служат ордена, портреты на Досках почета, почетные звания, газетная шумиха и прославление «передовых» женщин, работавших в народном хозяйстве. Несмотря на огромный трудовой вклад, средняя заработная плата женщин, в том числе, в социальной группе интеллигенции, всегда была ниже, чем у мужчин, во-первых, потому, что в тех отраслях народного хозяйства, где преобладали женщины, заработная плата устанавливалась значительно ниже, чем в других отраслях. Во-вторых, потому, что в каждой отрасли народного хозяйства более высокое служебное положение занимали и, значит, более высокую заработную плату получали мужчины. Об этом свидетельствуют данные выборочного обследования организаций за октябрь 2017 г. по показателю средней начисленной заработной платы женщин и мужчин по группам занятий. Среди руководителей отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составляет 67,8%, среди специалистов высшего уровня квалификации – 70,6% [Женщины и мужчины России..., 2018: 134].

Политика равноправия между мужчинами и женщинами в СССР базировалась на том, что определяющим фактором являлось женское участие в общественном производстве. Это участие обеспечивало экономическую самостоятельность и служило основой исполнения женщинами активной профессиональной роли работающей матери и формирования социально значимых качеств: ответственности за свои действия и за дела коллектива, понимания гражданского долга, ощущения своего единения с обществом, социальной активности. Вопрос о гендерном равенстве в современном понимании в истории российской политики никогда не ставился. Конечно, социальная политика советского государства была основана на идеологии равенства, в том числе и равенства полов. Но социальная практика осуществления политики равенства полов сталкивалась с реалиями демографической ситуации и последствиями государственной экономической политики.

В современной России сохраняется диспропорция населения по половому и возрастному признакам. По оценке Федеральной службы государственной статистики, численность постоянного населения Рос-

сийской Федерации на 1 января 2018 г. составила 146,881 млн человек. Численность женщин (78761 млн чел.) больше, чем мужчин (68120.) на 10, 641 млн [Женщины и мужчины России..., 2018: 23]. Уровень участия в рабочей силе составляет: женщин в трудоспособном возрасте (16–54 года) — 78,6%, мужчин в трудоспособном возрасте (16–59 лет) — 85,0% [Женщины и мужчины России..., 2018: 93].

Среди занятых женщин и мужчин в возрасте 15–72 лет по уровню образования в 2017 г. высшее образование имели 55% женщин и 45% мужчин (Женщины и мужчины России..., 2018: 103). Уровень профессионального образования женщин и мужчин (в возрасте 15 лет и более), занятых в экономике, также свидетельствует о лидерстве женщин: по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в РФ высшее (включая послевузовское образование) имеют 58% женщин и 42% мужчин, неполное высшее — 54% женщин и 46% мужчин, среднее — 56% женщин и 44% мужчин [Женщины и мужчины России..., 2018: 71]. Что касается общего образования, здесь имеются существенные диспропорции уже в пользу мужчин. Среднее (полное) образование имеют 41% женщин и 59% мужчин; основное — 34% женщин и 66% мужчин; начальное — соответственно 32% и 68% [Женщины и мужчины России..., 2018: 73]. Гендерные диспропорции в уровне образования отчетливо прослеживаются, если обратиться к цифрам выпуска за 2017 г.: среди квалифицированных рабочих и служащих женщины составляют 31%, мужчины — 69%; среди специалистов среднего звена женщины — 54%, мужчины — 46%; среди бакалавров, специалистов, магистров женщины — 56%, мужчины — 44%; среди аспирантов — 47% и 53%; среди докторантов — 49% и 51% соответственно [Женщины и мужчины России..., 2018: 81].

Педагогическая интеллигенция в России высоко феминизирована. Об этом свидетельствует численность педагогических работников, учителей, преподавателей по уровню образования на начало 2017/2018 уч. года. Среди педагогических работников, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, женщины составляют 99%, мужчины — 1%; среди учителей, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования женщины составляют 88%, мужчины — 12%; среди преподавателей, осуществляющих образовательную деятельность по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих женщины составляют 74%, мужчины — 26%. В подготовке специалистов среднего звена участвуют 78% женщин и 22% мужчин. Профессорско-преподавательский состав, осуществляющий образовательную

деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры включает в себя 58% женщин и 42% мужчин [Женщины и мужчины России..., 2018: 81].

Почти половина научной интеллигенции в нашей стране — женщины. На конец 2016 г. среди аспирантов женщины составляли 48%, мужчины — 52%. На конец 2017 г. среди аспирантов женщины составляли 47%, мужчины — 53%. В возрасте 27–40 лет и старше численность женщин среди аспирантов увеличивается с 52/53 до 55%, а мужчин сокращается с 47/48 до 45%. Максимальное количество женщин среди аспирантов приходится на возраст 30–39 лет — 56% по данным на конец 2016 г. и 55% - на конец 2017 г. [Женщины и мужчины России..., 2018: 82]. По данным на конец 2016 г. численность докторантов включала в себя 49% женщин и 51% мужчин. В конце 2017 г. численность докторантов включала в себя 46% женщин и 54% мужчин. Максимальное количество женщин среди докторантов приходится на возраст 40–49 лет — 61% по данным на конец 2016 г. и 56% — на конец 2017 г. [Женщины и мужчины России..., 2018: 83].

Представляет исследовательский интерес гендерный аспект численности научных руководителей, имеющих ученую степень и осуществляющих подготовку аспирантов. Если в 2000 г. женщины в этой группе составляли среди кандидатов наук 30%, а среди докторов наук — 17% (мужчины соответственно 70% и 83%), то в 2017 г. женщины в этой группе составляли среди кандидатов наук 39%, а среди докторов наук 33% (мужчины соответственно 61% и 67%) [Женщины и мужчины России..., 2018: 84]. Среди исследователей, имевших ученую степень доктора и кандидата наук, выполнявших научные исследования и разработки, в 2000 г. женщин насчитывалось среди кандидатов наук 34%, а среди докторов — 19% (мужчин соответственно — 66% и 81%). В 2017 г. женщины в этой группе составляли среди кандидатов наук 42%, а среди докторов наук 26% (мужчины соответственно 58% и 74%) [Женщины и мужчины России..., 2018: 85].

В целом в сфере образования трудится 82% женщин и лишь 18% мужчин.

В группе медицинской интеллигенции, работающей в области здравоохранения и социальных услуг, насчитывалось 79% женщин и 21% мужчин по данным на конец 2017 г.

Финансовую и страховую деятельность осуществляли 69% женщин и 31% мужчин за аналогичный период.

Профессиональной научной, технической, административной деятельностью в России заняты 44% женщин и 56% мужчин. Государственным управлением и обеспечением военной безопасности, соци-

альным обеспечением — 41% женщин и 59% мужчин. Деятельностью в области культуры, спорта, организацией досуга и развлечений занимались 66% женщин и 34% мужчин [Женщины и мужчины России..., 2018: 98].

Распределение женщин и мужчин в возрасте 15–72 лет в группе управленческой интеллигенции на конец 2017 г. выглядит следующим образом: среди руководителей 41% женщин и 59% мужчин; среди специалистов высшего уровня квалификации — 63% женщин и 37% мужчин; среднего — 60% женщин и 40% мужчин; среди специалистов, занятых подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием — 84% женщин и 16% мужчин [Женщины и мужчины России..., 2018: 100].

Среди работодателей в 2017 г. было 31% женщин и 69% мужчин [Женщины и мужчины России..., 2018: 102].

Подводя итог, следует отметить, что за 100-летний период в России произошла трансформация гендерных социальных ролей и статусов. Российские женщины — самые образованные женщины в мире. Этот фактор не только объясняет причины, факторы и результаты феминизации российской интеллигенции, но выявляет особенности гендерной асимметрии российского общества. Женщины заняты в большей степени интеллектуальным, а мужчины — физическим трудом по данным гендерной статистики. Однако, наличие высшего образования у женщин не гарантировало ни прежде, ни в настоящее время высокий социальный статус и соответствующий уровень финансового обеспечения.

В этой связи в нашей стране углубляются брачно-семейные, демографические, миграционные проблемы. Несмотря на усвоение женщинами моделей самостоятельного ответственного поведения в публичной, профессиональной сфере, в приватной сфере, на брачном рынке женщины вынуждены ориентироваться на традиционные гендерные стереотипы женского поведения. Риторика официальных лиц, содержание информационного продукта современных российских масс-медиа наполнены, преимущественно, антифеминистским, дискриминационным смыслом.

Меры демографической политики в нашей стране, нацеленные на повышение привлекательности рождения второго-третьего ребенка, по сути усиливают дискриминацию по признаку пола, т.к. все они сводятся к повышению пособий и выплат, предоставляемых матерям, но игнорируют роль отцов и нехватку детских учреждений. Не исполняется должным образом и ратифицированная РФ Конвенция №156 МОТ о трудящихся с семейными обязанностями. Обострение диссо-

нанса между официальной пропагандой традиционных, патриархальных ценностей и реалиями социальной действительности приводят к деформации брачного рынка и семейных ролей, снижению и минимизации эффективности семейной, демографической политики. Гендерные противоречия и гендерная асимметрия в структуре российской интеллигенции препятствуют активизации человеческого капитала и его творческого потенциала.

Литература:

1. Женщины и мужчины России. 2018: Статистический сборник. Росстат. М.: 2018. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 06.02.2019).
2. *Ковалевский М. М.* Сочинения в 2-х т. Т. 1: Социология. СПб.: Алетейя, 1997.
3. *Пушкарева Н.Л.* Феминизм в России: формы женской социальной активности // Пушкарева Н.Л. Женская история. Гендерная история. Теория и исследования. Учебное пособие. Калуга, 2001.
4. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Директ-Медиа, 2007.
5. Христианский взгляд на воспитание полов и современность: Хрестоматия / С.-Петербург. гос. ун-т пед. мастерства; Сост. канд. пед. наук Берсенева Т.А. СПб.: СПбГУПМ, 1998.
6. Энциклопедия социологии. 2009. URL: <http://endic.ru/sociology/Intelligencija-2536.html> (дата обращения: 07.02.2019).

Эволюция ценностных ориентаций казахской интеллигенции

Р.Ж. Абдильдина

академик НАН РК, доктор философских наук,
зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова (Астана, Казахстан)

Отдельной социальной группой интеллигенция становится с ростом промышленности и развитием образования и науки, приведшим к увеличению количества людей, занятых интеллектуальным трудом. В Новое время, в эпоху отношений «вещной зависимости», эпоху свободы, с началом принципиально нового общества свое особое место заняли философы, ученые, писатели, адвокаты, а также и представители растущей буржуазии, занятой бизнесом, ростовщицеством, торговым капиталом, туда же включались крестьянство и пролетариат. Вождем третьего сословия, его руководящей силой была буржуазия, интересы которой считались интересами всего народа, ибо всякий раз в истории определенный социальный слой выдает свой интерес как общественный, как интерес всего народа.

Среди руководящей части третьего сословия ведущее место занимают ее идеологи. Гегель как идеалист, раскрывая характерную для этого исторического периода борьбу идеологий, борьбу идей, называет эту эпоху «Борьбой просвещения с религией», а не лежащую в ее основе борьбу буржуазии с феодализмом за утверждение новых буржуазных отношений.

Следует отметить, что именно в это время среди людей, занятых умственным трудом, возникает особая социокультурная общность, понятие интеллигенции обретает свой истинный смысл и значение. Представители новой социальной общности — интеллигенции в своей интеллектуальной деятельности заняты не просто профессиональным умственным трудом, обслуживанием интересов элитных групп, но видят свою роль в создании и развитии культурных ценностей, способствующих просвещению и прогрессу всего народа, всего общества.

Следовательно, современное понятие интеллигенции возникает лишь тогда, когда ставится вопрос о развитии всего народа, интеллигенция начинается с дум о судьбе всего народа.

«Просвещенцы», интеллигенция в новых условиях — это не просто интеллектуалы, грамотные, высокообразованные специалисты, профессионально занимающиеся умственным трудом, а многосторонние, целостные люди, размышлявшие о свободе, перестройке общества и его нравственных ориентиров, подвергшие уничтожающей критике существующее государство, мечтавшие о справедливом обществе свободы, равенства, братства. Это люди, обладавшие высоким уровнем самосознания, ответственности, живущие не только собственными интересами, но интересами всего общества, всего народа.

Интеллигенция, таким образом, становится социальной группой, объединенной не только умственным трудом, но и обладающей морально-нравственной миссией. Она «определенная, исторически и социально вполне конкретная часть народа, взявшая на себя социальную функцию общественного самосознания от имени и во имя всего народа» [Степанов, 1997: 613–614].

Являясь порождением просвещенческой идеологии, интеллигенция впитывает в себя главные постулаты эпохи Просвещения: «во-первых, вера в преобразование народа путем его воспитания и образования; во-вторых, убежденность в том, что в человеческих силах контролировать и направлять исторический процесс; в-третьих, уверенность в возможности достижения всеобщего счастья» [Филатова, 2005: 214–215]. Таким образом, основные функции новой интеллигенции — это «быть просвещенной и просвещать других людей», разработка социальных проектов будущего, основывающаяся на убеждении в неизбежный прогресс человеческой истории и возможность достижения царства разума и справедливости.

Со временем начинает меняться само третье сословие. Идеологи третьего сословия, представлявшие некогда все непривилегированное население в целом, разделяются на тех, кто начинает представлять трудящиеся классы — крестьянство, пролетариат, появляются люди, мечтавшие о развитии нового, справедливого, социалистического общества, которые также представляли собой интеллигенцию, такие как А. Сен-Симон, Р. Оуэн, Ш. Фурье.

В связи с потребностями стремительно развивающейся промышленности, производства капитал вынужден постоянно образовывать людей, поскольку передовые отрасли современной промышленности испытывают необходимость в высококлассных специалистах. С дальнейшим историческим движением к современному обществу, где на-

ука становится непосредственной производительной силой, начинает расти потребность в специалистах, непосредственно связанных с производством, так называемом инженерно-техническом персонале, выполняющем определенные функции в системе развивающейся промышленности. Эти специалисты включены в производство как его составная часть, они не ставят вопросов о преобразовании общества, воспитании индивидуальности, они совершенно далеки от гуманитарных проблем.

Таким образом, современная буржуазия, развивая прикладную науку, возвращает массовых профессиональных специалистов и ученых, уже не ставящих перед собой просвещенческих, воспитательных задач, в отличие от интеллигенции в ее прежнем понимании — целостных личностей, идеологов нового класса, мечтавших о перестройке общества, поскольку капитал образованных людей, хороших специалистов, профессионалов превращает в тех же рабочих, призванных отвечать потребностям производства и приносить прибыль. Интеллигенция в современном обществе начинает постепенно разделяться на истинных интеллигентов в просвещенческом смысле этого понятия и высокообразованных, высококвалифицированных профессиональных специалистов. Интеллигенция, являвшаяся феноменом новоевропейской культуры, начинает постепенно размываться в связи с увеличивающейся потребностью производства в профессиональных специалистах.

Таким образом, истинные интеллигенты в современном обществе не являются массовым явлением. Интеллигенция сегодня — это тонкий слой современных интеллектуалов, которые продолжая просвещенческие традиции, ставят вопрос о морали, нравственности, о будущем человеческого общества, независимо от своей социальной принадлежности. Интеллигентов сегодня можно встретить среди политиков, высококвалифицированных рабочих, ученых, деятелей искусства, это люди, которые не просто выполняют свои профессиональные функции, а задумываются и пекутся о судьбах страны, народа, это не просто образованные, но мыслящие, думающие люди, целостные личности. Понятие интеллигент связано с понятием личности, которая впитывает и глубоко осваивает все то, что создано всей человеческой культурой.

Идеалы казахской просветительской интеллигенции

В Казахстане до второй половины XIX в. интеллигенции как особой социальной общности не было. В казахском обществе существовали мудрые люди, высокие интеллектуалы, и только с 70-х годов позапрошлого века в казахской среде появляются предтечи интеллигенции, выражавшие новые и важные для существования и развития казахского народа мысли. Эти люди представляли собой первые рост-

ки новой просветительской мысли, они подготовили эпоху Просвещения в казахской степи и посвятили себя его пропаганде. С великих казахских просветителей — Абая, Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина начинается казахская интеллигенция, но, еще раз подчеркнем, это были одиночки, первые ласточки, подготовившие просвещение в казахском обществе.

Представителям казахского просвещения характерны размышления о человеческой свободе, нравственности, роли образования и просвещения в развитии человека. Как и европейские просветители, представители казахского просвещения выдвигали идеи и концепции о необходимости утверждения новых представлений о человеке, его роли в обществе, о человеческих ценностях и нравственном выборе. Но концепции человека казахских просветителей, их понимание целей и идеалов личности, безусловно, отражали социальные требования казахской действительности того времени. Необходимость пересмотра старых устоявшихся взглядов и ценностей была, прежде всего, связана с серьезными социально-политическими преобразованиями, произошедшими в Казахстане на рубеже XVIII и XIX вв.

Административно-политические реформы, проведенные в Казахстане в конце XVIII — начале XIX вв., окончательно уничтожившие казахскую государственность и законодательно оформившие край как колонию России, связанные с ними разделение на волости и аулы, сокращение района кочевков, массовое переселение из России и возникновение повсюду поселков переселенцев тяжело отразилось на привычном образе жизни казахского народа. Казахи теряли главное — пастбища, служившие основным условием ведения скотоводства, являвшегося главным средством существования, ломались вековые традиционные формы жизни. Переселенцы, поддерживаемые правительством, занимали лучшие территории — в поймах рек, на берегах озер, то есть лучшие пастбища, тогда как интересы коренного населения не принимались во внимание. Все это не могло не отразиться на мироощущении казахского народа, на казахской земле начался голод, менялся привычный традиционный жизненный уклад, люди не могли найти и понять свое место в жизни.

Другой стороной присоединения к России стало втягивание Казахстана в водоворот мировой истории, экономики, культуры, Казахстан активно вовлекался в общероссийский рынок. Несмотря на протесты и неприятие новой жизни, разрушавшей старинные устои и традиции, время выдвигало необходимость коренных изменений, серьезного пересмотра мировоззренческих ориентиров, установок, образа жизни казахского народа. В конце концов, в изменившихся усло-

виях казахам необходимо было выжить, приспособиться к ним. И эта мысль — о необходимости изменить образ жизни, мировоззренческие позиции, покончить со старым образом мышления — пронизывает всю казахскую просветительскую мысль.

В сущности, казахское просвещение сыграло ту же роль, что и европейское просвещение в борьбе со средневековым мировоззрением. Казахское просвещение разоблачало старые, закоренившиеся взгляды на мир, место человека в традиционном обществе, традиционный образ жизни казахов, и пропагандировало нового человека — активного, просвещенного, соответствующего новым становящимся общественным отношениям. Казахское просвещение боролось со старыми, отжившими свой век взглядами на мир, человека, которые в новых экономических и политических условиях препятствовали развитию человека, общества.

Прогрессивное развитие казахского народа просветители — Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, Абай Кунанбаев и др. видели и тесно связывали с развитием просвещения, науки, образования, способствующими пробуждению народного самосознания, в открытости миру, мировой культуре. Они были убеждены, что современный им казах, казахское общество далеки от просветительского идеала, их существование трудно назвать достойным человека.

Историческая заслуга казахских просветителей заключается в том, что сквозь все социальные противоречия и трудности общественной жизни внутри Российской империи, на национальной окраине они увидели, новые, прогрессивные начала и тенденции, зарождавшиеся и укреплявшиеся вместе с экономическим и культурным сближением казахского и русского народов. В ходе экономического и культурного общения происходило развитие национального самосознания, общекультурных устремлений казахского народа.

Кардинальным путем экономического и культурного подъема своего народа просветители считали включение казахского народа в общемировую культуру. Они убежденно выступали против национальной ограниченности и косности, замыкания в узких рамках. Так, в творчестве великого казахского ученого Ч. Валиханова существенное место занимает разработка идеи развития, идеи общественного прогресса. Подходя к данной проблеме с сугубо просветительских позиций, он писал: «Для нормального роста и развития народа необходимы, прежде всего, свобода и знание... Выходит, что, прежде всего, нужно учить» [Валиханов, 1985: 95].

Критика традиционного образа жизни и понимание места человека в обществе занимают важное место в творчестве великого казах-

ского поэта, просветителя, мыслителя и общественного деятеля Абая. Поэт-просветитель всей душой болел за свой народ и не принимал в соотечественниках такие качества, как невежество, бахвальство, леность, злословие, зависть. Причину этих распространенных в казахском обществе пороков он видел в невежестве и неразвитости своих сородичей, которые живут и мыслят по старинке, не желая изменять что-либо в своей жизни, проявлять собственную инициативу. Абай искренне желал видеть казахов нравственными, просвещенными, трудолюбивыми людьми, постоянно ставя в своих произведениях вопрос: «что делать?».

Бесконечно размышляя над этой сложнейшей проблемой, Абай приходит к выводу о том, что всеобщими условиями формирования человека, достойного истинно человеческого существования являются образование, просвещение, труд. Согласно мыслителю знание, наука, учение — суть главные условия формирования нравственного человека, только на их основе человек может с достоинством выдержать жизненные испытания и принимать адекватные решения.

В знаменитых «Словах назидания» просветитель пишет: «Если хочешь жить достойно, живи трезво, опираясь на свою силу, трудись, и земля принесет свои плоды и не оставит тебя в ничтожестве» [Абай, 1954: 327]. Если казахи хотят выжить и жить на уровне просвещенных народов, выдержать с ними конкуренцию, убежден просветитель, они должны в корне изменить себя, пересмотреть свой образ жизни и выработать новые мировоззренческие ориентиры. Абай выдвигает концепцию нового человека — трудолюбивого, активного, просвещенного, надеющегося в жизни только на свои силы и на свои знания. Трудолюбие, просвещенность, добро, долг — вот основные нравственные принципы человека.

Настоящие интеллигенты появляются в казахском обществе с 80-90-х гг. XIX в., когда масса казахской молодежи стала учиться в крупных культурных и образовательных центрах России. Это были представители самых разных социальных слоев, образованные люди, решавшую задачу освобождения казахского народа. Если у первых просветителей — Абая, Ч. Валиханова — не было еще четко сформулированного социального проекта освобождения народа, то новая интеллигенция сконцентрировалась именно на нем.

В конце XIX — начале XX вв. в новой исторической обстановке сформировалось молодое поколение деятелей казахской культуры, философской и общественной мысли, которые выдвинули новую национальную идею. Если Ч. Валиханов, Абай, И. Алтынсарин и др. искали выход из тяжелого положения, в котором находилось казахское

общество, в просвещении, образовании, развитии знания и т.д., то новое поколение выдающихся деятелей казахского народа — Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Магжан Жумабаев, Жусупбек Аймауытов и др. — выдвинули новую национальную идею. Не отрицая идею просвещения, идею прогресса, идею развития, они считали, что многие невыносимые противоречия казахского общества могут разрешиться только в результате обретения свободы, они выдвинули идею свободы, идею независимости и автономии казахского народа.

Таким образом, новая волна просвещенцев выдвигает социальные проекты об освобождении страны из колониального состояния, обсуждает идею создания национального государства, политических партий, конституции, демократической системы. Плеяда просвещенцев представляла собой разные политические течения, наряду с партией «Алаш», это и казахский союз молодежи «Бухара» (Т. Рыскулов) культурно-просветительское общество казахской молодежи «Бірлік» (С. Сейфуллин) и мн. др.

Все проблемы казахского народа представители казахской интеллигенции, в конечном счете, связывали с его зависимостью, колониальным положением, с национальным угнетением и унижением. Поэтому, выдвинутая новой плеядой казахской интеллигенции идея свободы и независимости является основой всей их деятельности и творчества.

Эта идея выражалась в их литературных и научных трудах, в политической деятельности, хотя в условиях жесткой цензуры открытое отстаивание национальных интересов и свобод грозило серьезными опасностями. За свои политические убеждения и антиколониальную деятельность многие из них подверглись гонениям со стороны царской администрации, сидели в тюрьмах.

Деятельность и творчество нового поколения казахской интеллигенции, таким образом, были подчинены одной основной идее — идее свободы и национальной независимости казахского народа. В связи с этой главной идеей они поднимали и отстаивали многие насущные проблемы казахстанского общества, среди которых самыми важными были земельная проблема, связанная с разрушением традиционного образа жизни казахов; национальный вопрос, обусловленный политическим и экономическим бесправием казахского народа; вопрос о положении женщины, которая в казахском обществе была самым угнетенным существом.

Решения всех этих актуальных для казахского общества проблем представители новой казахской интеллигенции связывали с обретением казахским народом политической свободы, независимости, национальной автономии. Они прекрасно понимали, что обретение

свободы и автономии — дело рук самого казахского народа, результат его собственных усилий. Поэтому главную цель своей политической деятельности и всего своего творчества они видели в том, чтобы разбудить народ, вся их деятельность посвящена пропаганде идей свободы и национальной независимости.

И сегодня подлинный интеллигент — это, прежде всего, думающий, образованный, высококультурный человек, обладающий высоким уровнем самосознания и ответственности, это личность, думающая об обществе, об общественной морали, о перспективах развития народа, о смысле своей жизни и всего человечества в целом. Такие люди живут и действуют в современном казахстанском обществе, олицетворяя его совесть и душу.

Литература:

1. *Валиханов Ч. Ч.* Записка о судебной реформе. Собрание сочинений в 5 тт. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985.
2. *Кунанбаев Абай.* Собрание сочинений в одном томе. М.: Гослитиздат, 1954.
3. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.
4. *Филатова А. А.* Концепт интеллигенции в смысловом пространстве современной русской культуры // Логос. 2005. №6.

Динамика изменений ценностных ориентаций студентов в вузе (сравнительный анализ 2008–2018 гг.)

Н.А. Лоншакова

доктор социологических наук,
профессор Российской международной
академии туризма (Химки, Россия)

Изменения, происходящие в обществе за последнее десятилетие, придают проблеме ценностных ориентаций молодежи новое звучание и оттенки. Для общества проблема ценностей — это не только проблема общественная, но и личностная. Если учесть, что молодежь — это будущее нашего общества, а студенческая молодежь ее важная составляющая, то становится понятной важность проблемы ценностной ориентации и динамики ее изменения.

В Российской международной академии туризма (РМАТ) был проведен опрос 338 студентов всех курсов и всех форм обучения по теме: «Ценностные ориентации студентов». Цель исследования — выявить динамику изменений ценностных ориентаций у студентов.

Выявление динамических характеристик в рамках данного исследования проводилось на основе материалов мониторинга и социологических исследований, проведенных в период с 2008 по 2018 гг.

Исследование осуществлялось в два этапа.

На первом этапе (апрель–ноябрь 2008 г.) проводилось анкетирование студентов по вопросам исследования. Вопросы были распределены по блокам: мировоззренческие и патриотические установки студентов РМАТ, жизненные планы и отношение к профессиональной деятельности, ориентации на семейные отношения, отношение к религии.

На втором этапе (ноябрь–декабрь 2018 г.) осуществлялось повторное исследование студентов РМАТ по той же методике. По полученным результатам проведен сравнительный анализ данных первого и второго этапов.

Контингент опрошиваемых составил: в 2008г. 41 % мужского пола, в 2018г. — 28%, женского — 59% и 72% соответственно, возраст респондентов от 17 до 25 лет.

Каждый человек в зависимости от возраста, достатка, социального статуса имеет различные представления о понятии жизненный успех. От того, что человек вкладывает в это понятие, зависят его жизненные цели, направленность деятельности и т.п. В процессе исследования респондентам были предложены ряд вариантов ответов (табл.1).

ТАБЛИЦА 1. Понятие «Жизненный успех»

Жизненный успех — это...	2008 год	2018 год
1. Высокое служебное положение, карьера	37	34
2. Богатство	11	16
3. Удачный брак	32	36
4. Возможность реализовать свои способности	62	57
5. Быть свободным, ни от кого не зависеть	54	53
6. Быть участником преуспевающего коммерческого предприятия	5	5
7. Сделать счастливым любимого человека	40	36
8. Овладеть в совершенстве выбранным делом	19	44
9. Что-то другое (напишите)	3	0

Источник: ЦОС 2008, 2018.

Проведя сравнительный анализ ответов, можно увидеть, что представления респондентов разных лет о понятии «жизненный успех» не имеют большой разницы. Единственное значительное отличие в том, что большее количество студентов (44%) в 2018 г. выделили одну из составляющих жизненного успеха — «овладеть в совершенстве выбранным делом», а в 2008 г. эту составляющую отметили всего 19% респондентов.

Однако, оценивая влияние внешних факторов на жизненный успех, студенты разошлись во мнениях: хорошее образование выделили респонденты 2008 г. — 33%, 2018 г. — 51%, высокий профессионализм — 25% и 51%, способности, талант — 29% и 51%, деньги — 11% и 34% соответственно. Студенты в 2008 г. больше надеялись на удачу, везение и дружеские связи — 29%, умение рисковать — 25%. В 2018 г. — 26%, 25%, 20% соответственно.

В таблице 2 представлены результаты ответов на вопрос «Что Вам нужно, прежде всего, чтобы стать счастливыми?». Сравнительный анализ данных таблицы показывает, что такие ценности как семья, любовь, жизненный успех, карьера, здоровье по-прежнему занимают первые места в том и другом исследованиях. Однако, по таким ценностям как «дружба», «взаимопонимание людей», «хорошая работа» наблюдается снижение показателей в исследованиях 2018 г. При этом необходимо отметить, что хорошая работа в ответах респондентов в 2018 г. заменяется, в большинстве случаев, понятием денежная работа.

ТАБЛИЦА 2. Компоненты счастья

Что Вам нужно, прежде всего, чтобы стать счастливыми?	2008	2018
1.Любовь	67	61
2.Дружба	46	31
3.Семья	65	61
4.Взаимопонимание людей	8	3
5.Хорошая работа	14	9
6.Жизненный успех, карьера	52	56
7.Цель в жизни	34	21
8.Не знаю	2	5
9.Здоровье	34	39

Источник: ЦОС 2008, 2018.

Другой специфической особенностью ответов респондентов в 2018 г. по ценности «семья» является то, что характер ценности «семья» в сознании студентов меняется с терминального (ценность — цель) на инструментальный (ценность — средство).

В ответах на вопрос: «В каком секторе экономики Вы хотели бы в дальнейшем работать?», преобладающим ответом в 2008 г. было желание работать частной фирме — 37%, в 2018 г. — 14%. Сегодня 4% студентов хотели бы основать собственное дело, быть «свободным художником». Ответ «Все это не важно, лишь бы мне хорошо платили» выбрали 19% и 30% соответственно.

В современном молодом человеке усиливается ориентация на самоценность и самостоятельность. Если раньше молодежь в значительной степени опиралась на опыт предыдущих поколений, то теперь молодые люди осваивают и создают новый социальный опыт, полагаясь

преимущественно на себя, что в значительной степени предопределяет наличие противоречивых тенденций в сознании и поведении. Как следствие, в студенческой среде функционирует немало различных моделей самореализации: для многих студентов основными ценностями являются «найти себя в этой жизни», «оставаться человеком», «материальное обеспечение» и т.д. Одновременно в современном молодом человеке возросла ценность личностной свободы, которая обеспечит ему свободный выбор в решении своих жизненных проблем [Лоншакова, Моченов, Литовченко, 2019].

На вопрос «Есть ли у Вас идеал?» в 2008 г. «да» ответили 33% респондентов, в 2018 г. — 44%. В ответах на вопрос о типах идеала в 2008 г. преобладали ответы, что это «интеллигент, высоко духовная личность» и «специалист, высокий профессионал» 22% и 21% соответственно. В 2018 г. тип идеала — это тоже «специалист, высокий профессионал» (23%) и «самостоятельный, предприимчивый, коммуникабельный, человек слова и дела, отличающийся оригинальностью суждений и др.» (23%).

Далее был задан вопрос о недостатках, которые внушают наибольшее отвращение респондентам.

Если у студентов в 2008 г. на первых местах стояли: пьянство (52%), трусость (43%) и эгоизм (38%), то в 2018 г. — корыстолюбие (39%), трусость (38%) и равнодушие (31%).

Из положительных качеств людей респонденты отдавали предпочтение в более раннем исследовании таким чертам как: честность (73%), душевность, доброта, отзывчивость (57%), оптимизм (54%). В 2018 г. также на первое место выходят такие качества, как душевность, доброта, отзывчивость (69%), честность (61%). Анализ показывает, что для респондентов 2018 г. характерен значительный рост потребности в душевности и доброте (57% и 69%) и в то же время наблюдается снижение потребности к такому качеству, как коллективизм (19% и 3%).

В исследованиях 2008 г. респонденты при выборе друга ориентируются, прежде всего, на человека думающего, мечтательного, душевного (43%), человека делового, предприимчивого, работающего (37%). В современных условиях студенты отдают предпочтение при выборе друга человеку надежному (44%).

В ответах на вопрос «Представителем какого поколения Вы могли бы назвать себя?» большинство респондентов считают, что о поколении в целом им говорить трудно (33% и 25% соответственно). На втором месте стоит ответ «поколение надежд» — 16% и 20%, на третьем — «циничное» — по 13%, на четвертом — «агрессивное» — 11% и 18%

соответственно. Повышение агрессии в обществе, как видно из ответов, сказывается и на ощущениях молодежи.

Свою готовность к браку каждый третий респондент из числа опрошенных, как в 2008, так и 2018г. считает высокой, а каждый второй определяет, как низкую. Анализ опросов показывает совпадение взглядов респондентов на семью. Более 60% респондентов полагают, что семья должна быть официально оформлена, а каждый десятый считает, что отношения должны быть свободными (без регистрации), остальные — не определились.

Единодушие наблюдается и в ответах на вопрос «Какая для вас самая нормальная причина вступить в брак?». Более 80% респондентов ответили — любовь. Этот мотив характерен и для мужчин и женщин всех возрастов. Ответы «по залету» и достаточно дружбы дал каждый десятый респондент.

Наблюдается некоторая трансформация представлений студентов о функциях семьи. В исследованиях 2018 г. они на первое место (61%) поставили функцию — «семья обеспечивает эмоциональную и моральную поддержку, дает уверенность в себе», в 2008 г. этот ответ был на пятом месте, а на первом месте была функция «дает возможность жить вместе с любимым человеком». Как видим, приоритеты функций семьи меняются.

Функции семьи: «наполняет смыслом жизнь» и «позволяет создать свой дом, благоприятные условия жизни» занимают, соответственно, второе и третье места (46%). Этот результат получен в обоих опросах. Далее по убывающей идут ответы: «дает возможность жить вместе с любимым человеком», «позволяет создать свой дом, благоприятные условия жизни», «помогает организовывать быт, разрешает экономические вопросы», «дает возможность иметь и воспитывать детей», «упорядочивает сексуальные отношения», «является условием для самовыражения личности».

Анализ ответов по половому признаку показал, что семья обеспечивает эмоциональную и моральную поддержку, дает уверенность в себе, в первую очередь, женщинам — 28% и 16% мужчинам, а помогает организовывать быт, разрешать экономические вопросы мужчинам — 20%, женщинам — 6% мужчин. Остальные результаты по полу и возрасту практически одинаковы. Положительно относятся к браку в студенческие годы всего 26% студентов. Отрицательно — 43%. Остальные 31% респондентов даже об этом не задумывались.

О принадлежности к какой-либо социальной категории мужа (жены) каждый четвертый респондент отдает предпочтение семье интеллигенции, каждый третий — семье предпринимателей, каждый

десятый — семье рабочих, либо семье, проживающей в сельской местности. Не задумывались над этой проблемой 31% респондентов.

Проведя анализ по половому признаку, мы пришли к выводу, что девушки в выборе партнера более прагматичны. Так каждая третья девушка отдает предпочтение партнеру из семьи предпринимателей, и только каждый пятый юноша делает аналогичный выбор. Каждый десятый юноша и девушка делают свой выбор партнера из семей, проживающих в сельской местности, мотивируя свой выбор неизбалованностью и меньшими претензиями партнера. Учитывая возрастной фактор, следует отметить, что респонденты в возрасте 24 лет и старше предпочитают иметь спутника жизни из семей интеллигенции.

Мнения респондентов о взаимоотношениях в семье претерпели некоторые изменения, если ранее 60% респондентов считали, что супруги все делают вместе, то сейчас только 49% придерживаются этого мнения. В тоже время современная молодежь (31%) считает, что современная семья — это дружная семья, но все члены независимы. Ранее за такой тип взаимоотношений высказались лишь 17%. Нынешнее поколение студентов (13%) считают, что в семье обязательно должен быть глава. Аналогичного мнения (17%) придерживается предыдущее поколение. За полную свободу отношений в семье высказались 3% респондентов. Еще не определились — 3%.

Существуют различия в ответах юношей и девушек. Если юноши (29%) считают, что в семье должен быть глава, то только 7% девушек выступают за такой тип взаимоотношений в семье. Девушки выступают за независимость, хотя считают, что семья должна быть дружной (34%), юноши только 24%. Однако, большая часть респондентов (мужчины — 47%, женщины — 50 %) сходятся во мнении, что семья должна строиться на равноправии. Особенно ярко эта тенденция наблюдается при анализе ответов возрастной категории: до 17 лет — 60%, 18–20 лет — 50%, 21–23-года — 33%.

В сфере интимных отношений преобладает мнение, что в основе интимных отношений должны быть подлинные чувства и не важно, будет брак или нет. Так практически считает каждый второй респондент (сейчас 43%, ранее 52%). Несколько иной точки зрения придерживается каждый четвертый респондент. По их мнению, интимные отношения должны строиться на основе любви и допустимы только в браке или должны приводить к браку (25% / 22%). Число респондентов, считающих, что интимные отношения существуют только для удовлетворения физических потребностей, возросло с 3 до 15%.

Какое количество детей планируют иметь в браке современные студенты? На одном ребенке планируют остановиться 25% респонден-

тов. Двоих хотят иметь 48%. Трех и более — 16%. Особо следует отметить, что 14% респондентов вообще не планируют иметь детей: они хотят жить для себя и друг для друга, путешествовать и т.п. Если по поводу одного ребенка ответы мужчин и женщин совпадают, то по желанию иметь второго, мнения кардинально расходятся, если среди женщин хотят иметь двоих — 48%, то среди мужчин только 29%. Из тех, кто детей не планирует — 24% мужчин и 11% женщин.

Положительное отношение к межнациональным бракам высказали 18% юношей и 30% девушек. Следует отметить, что позитивное отношение к межнациональным бракам у студентов снижалось по мере взросления с 60% в возрасте 17 и менее лет до 44% — от 21 до 23 лет. Отрицательное отношение к межнациональным бракам высказали 6% юношей, 11% девушек. Полное неприятие таких браков высказали респонденты старше 24 лет. Большая доля ответов составила «для меня нет разницы» — 46% от всех опрошенных. Довольно высокий процент тех, кто не задумывался об этом — 18%.

Религиозность современной студенческой молодежи проявляется в форме признания общего религиозного настроения. На вопрос: «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» в исследованиях 2008 г. 38% ответили однозначно «да», в 2018 г. это процент снизился до 34%. Вариант, отражающий уклончивую позицию «в какой-то степени», выбрали 44% (сегодня 40%). А откровенно неверующими признавали себя в 2008 г. 18% опрошенных, сегодня это уже 26 %.

Глубинные социально-экономические преобразования за последние 10 лет изменили, в какой-то мере, ценностные ориентации студентов. По результатам наших исследований можно констатировать, что в структуре ценностных ориентаций произошло не кардинальное разрушение ценностей, а лишь качественное обновление их структуры. Несмотря на «доминирование материальных ценностей, эгоцентрических предпочтений» в сознании студенчества еще просматривается тренд консервативных, традиционных ценностей.

Литература:

1. *Лоншакова Н.А., Моченов В.П., Литовченко Г.Б.* Мониторинг качества профессионального образования в сфере туризма: ценностные ориентации студентов РМАТ (по материалам социологических исследований Российской международной академии туризма). Раздел 2. Воспитательная работа. Аналитический отчет. М.: РМАТ, 2019.

Молодые исследователи на территории России или будущее российской интеллигенции

Т.И. Алиева

кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Республиканский
исследовательский научно-консультационный центр
экспертизы (Москва, Россия)

С.В. Кристаллинская

начальник отдела, Научно-исследовательский институт
Республиканский исследовательский научно-консультационный центр
экспертизы (Москва, Россия)

Приоритеты развития России на ближайшие 10–15 лет связаны с ответами на большие вызовы¹. Большие вызовы — это объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов [Стратегия..., 2016]. Интеллигенция традиционно в истории России та часть общества, которая противостоит большим вызовам за счет активизации интеллектуальных и духовных сил.

В статье «Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность» М.Л. Гаспаров [Гаспаров, 1999] подходит к определению понятия «интеллигенция» через значение самого слова интеллигенция. Авторы статьи об интеллигенции в «Новой философской энциклопедии» делают вывод о том, что в настоящее время нет единства мнений относительно значения данного понятия, а «основные точки зрения колеблются между веховской позицией (имеется ввиду сборник «Вехи», 1909 г.), которая видела в интеллигенции маргинальный слой, подменивший профессионально-ответственный интеллектуальный труд борьбой за народное счастье, и традиционно советским пониманием,

1. Работа выполнена при поддержке ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ (проект № 2.13327.2019/13.1)

отождествлявшим интеллигенцию с высокообразованной частью общества» [Новая ..., 2010: 130].

В контексте настоящей статьи понятие «интеллигенция» рассматривается в значении, близком к понятию «интеллектуал». Слово «интеллектуал» пришло в русский язык в XX в. М.Л. Гаспаров писал, что в словаре Ушакова 1935 г. его еще нет, но оно уже есть в Малом академическом словаре 1961 г. [Гаспаров, 1999]. Под интеллектуалом в современном русском языке понимается: «1. Человек, обладающий высокоразвитым интеллектом; 2. Человек интеллектуального труда, профессионально использующий свои умственные способности, компетенцию; 3. Высокообразованный человек, склонный к творческой, инноваторской деятельности» [Ефремова, 2000]. Р. Коллинз дает следующее определение: «Интеллектуалы — это люди, которые производят деконтекстуализированные идеи. Предполагается, что эти идеи верны или значительны вне каких-либо местных условий, какой-либо локальности и вне зависимости от того, применит ли их кто-либо на практике» [Коллинз, 2002: 65].

Группа людей, занимающихся исследованиями и разработкой нового (далее — «исследователи»), во все времена рассматривалась как составная часть интеллигенции. Данная группа современного российского общества является объектом нашего исследования. С формальной точки зрения (в соответствии с определением, приведенным в форме Федерального статистического наблюдения № 2-наука «Сведения о выполнении научных исследований и разработок» [Федеральная..., 2019]) «исследователи» — это работники, профессионально занимающиеся научными исследованиями и разработками и непосредственно осуществляющие создание новых знаний, продуктов, процессов, методов и систем, а также управление указанными видами деятельности; для выполнения этих функций требуется высшее образование. Предметом исследования является группа молодых российских ученых (до 35 лет), чья научная квалификация объективно подтверждена стипендией Президента Российской Федерации (далее — стипендиаты). Цель исследования — провести анализ территориального и институционального распределения победителей Конкурса 2018–2020 гг. на право получения стипендии Президента РФ молодым ученым и аспирантам, осуществляющим перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям модернизации российской экономики (далее — Конкурс стипендий); определить направления роста сообществ исследователей в образовательных и научных организациях.

В рамках Конкурса стипендий рассматриваются исследовательские работы, проводимые в следующих пяти направлениях модерни-

зации российской экономики [Совет..., 2019], отражающих приоритеты, определенные Стратегией научно-технологического развития РФ [Стратегия..., 2016], и обеспечивающие возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы настоящего и будущего: «Энергоэффективность и энергосбережение, в том числе вопросы разработки новых видов топлива»; «Ядерные технологии»; «Космические технологии, связанные с телекоммуникациями, включая и ГЛОНАСС, и программу развития наземной инфраструктуры»; «Медицинские технологии, прежде всего диагностическое оборудование, а также лекарственные средства»; «Стратегические информационные технологии, включая вопросы создания суперкомпьютеров и разработки программного обеспечения». Указанные направления охватывают далеко не все сферы деятельности российских молодых ученых, а нацелены, в основном, на вопросы технологического развития. В их число не вошли направления, связанные с общественными и гуманитарными науками, отражен не полный спектр физико-математических наук, наук о жизни и др. Это накладывает ограничение на проводимый анализ в рассматриваемую группу исследователей входят интеллектуалы сферы технологий, представители «науки быстрых открытий» [Коллинз, 2002: 1124]. Эффективность группы исследователей этого типа зависит от действия двух основных факторов: наличия, с одной стороны, сети интеллектуалов — цепочек учителей и учеников; с другой стороны — цепочек исследовательского оборудования, которое модифицируется с каждым новым поколением исследователей [Коллинз, 2002: 1125]. В рамках настоящей статьи мы не рассматриваем фактор «исследовательское оборудование». Рассматриваемый в настоящей статье фактор — наличие сети интеллектуалов и цепочек учителей и учеников.

Мы использовали для выделения характеристик исследуемой группы следующие источники информации: официальная статистика; социологические исследования и аналитические доклады; нормативные правовые акты, отражающие направления и инструменты государственной поддержки научных исследований; результаты конкурсных отборов получателей стипендии Президента РФ молодым ученым и аспирантам, осуществляющим перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям модернизации российской экономики; данные Российского индекса научного цитирования, официальные информационные ресурсы организаций высшего образования и научных организаций и другие открытые источники.

По данным федерального статистического наблюдения численность исследователей в России по итогам 2017 г. составляла 359,8 тыс. человек, их средний возраст — 46 лет [Березина и др., 2018]).

25,3% исследователей были в возрасте 60 лет и старше, 30,9% — от 40 до 59 лет, 43,9% — до 39 лет. Преобладающая часть занималась исследованиями и разработками в области технических наук (свыше 60%). В области естественных наук было занято около четверти исследователей. По степени концентрации исследователей с учеными степенями в 2017 г. лидировали следующие области науки: общественные, гуманитарные, медицинские (у кандидатов наук) и медицинские, гуманитарные, общественные (у докторов наук).

В соответствии с Правилами, утвержденными постановлением Правительства РФ (от 7.06.2012 г. № 563), назначение стипендии осуществляется по результатам конкурсного отбора на срок выполнения программы и календарного плана научных исследований и разработок, но не свыше 3 лет и до достижения возраста 35 лет. Указанная возрастная группа составляла по итогам 2017 г. 117979 человек, или 32,79% от общего числа исследователей.

В соответствии с Указом Президента РФ от 13.02.2012 г. № 181 общее число лиц, ежегодно получающих стипендию, не может превышать, начиная с 2013 г. — 1000 человек (квота в 2018 г. — 575 стипендий). На конкурс 2018–2020 гг. было подано 2448 заявок, или 2% от общего числа молодых ученых. В соответствии с квотой победителями конкурса стали 575 человек, или 0,5% от общего числа молодых ученых. Примерно половина заявленных исследований имеет фундаментальный характер, другая половина — прикладной. Гендерное распределение стипендиатов: 369 мужчин-исследователей (64,17%), и 206 женщин-исследователей (35,83%). По данным Росстата, удельный вес мужчин в численности исследователей в 2017 г. 60,5%, женщин 39,5%. Можно объяснить общее снижение доли женщин-исследователей среди стипендиатов сложившимися традициями гендерного распределения в изучении технических и медицинских наук. В первых, соответственно больше мужчин, во вторых — женщин. На примере медицинских наук (по данным Росстата) удельный вес женщин-исследователей в них в 2017 г. составлял в России 59,1% [Березина и др., 2018]. А среди стипендиатов по направлению «Медицинские технологии» 81 мужчина (44%) и 103 женщины (56%). В образовательных учреждениях высшего образования работает 72,5% стипендиатов (417 человек), в научных организациях — 27,5% (158 человек).

Центральный федеральный округ представляют 158 стипендиатов; Сибирский — 137; Приволжский — 124; Северо-Западный — 64; Южный — 34; Уральский — 31; Дальневосточный — 16; Северо-Кавказский — 11. Подобное распределение интеллектуального потенциала по федеральным округам является стабильной тенденцией,

отражающейся в результатах и других конкурсов, нацеленных на государственную поддержку молодых ученых, в частности, конкурса 2018 г. на право получения грантов Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (кандидатов и докторов наук, ведущих научных школ) [Иванов и др., 2018] (далее — Конкурс грантов). Стипендиаты представляют 47 российских регионов из 85. Аналогично другим конкурсам [Иванов и др., 2018] и в региональном распределении стабильные лидеры Москва (119), Санкт-Петербург (60), Томская область (54). За ними в Конкурсе стипендий следуют: Новосибирская область (39), Ростовская область (23), Республика Татарстан (23), Нижегородская область (23), Свердловская область (22) и др. В конце списка по одному стипендиату в Тамбовской, Смоленской, Орловской, Оренбургской, Архангельской областях, Республике Карелия. В 38 регионах России стипендиатов нет.

Еще более показательным с точки зрения концентрации интеллектуального потенциала является количество стипендиатов, представляющих университет или научную организацию. Всего в Конкурсе стипендий участвовали 178 организаций, из них 112 организаций высшего образования и 66 научных. Наиболее часто встречающееся число — один стипендиат от организации. Таких организаций 74 из 178 (среднее значение в данной выборке — 3,2 человека, стандартное отклонение — 3,59, что характеризует большой разброс значений.) Рассмотрим организации, в которых наибольшее количество стипендиатов (10% организаций с наибольшим количеством стипендиатов, число стипендиатов от организации 8 и более). В их число вошли: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (28 стипендиатов); Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (17); Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (15); Национальный исследовательский Томский политехнический университет (14), Казанский (Приволжский) федеральный университет (14), Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук (13); Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (12); Уфимский государственный авиационный технический университет (11); Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (11); Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (11); Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (9); Южный федеральный университет (9); Национальный исследовательский Томский государ-

ственный университет (9); Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (8); Донской государственный технический университет (8); Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (8); Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» (8).

Данный список включает организации с неоспоримым научным потенциалом, находящиеся в Москве и Санкт-Петербурге, в традиционных регионах-лидерах по сравнительным итогам в 2018 г. Конкурса стипендий и Конкурса грантов – Томская область, Новосибирская область, Ростовская область, Республика Татарстан, Нижегородская область, Свердловская область [Иванов и др., 2018]. В приведенный выше список вошли еще несколько активно развивающихся организаций, выпадающих из указанного выше сравнения (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Уфимский государственный авиационный технический университет, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.). Уфимский авиационный университет получил наибольшее количество выплат Президента России, которые были адресованы Башкортостану, причем 6 из них вручили аспирантам кафедры электромеханики. Они участвуют в разработке электрогенераторов силовых установок для нового среднемагистрального самолета МС-21, который разрабатывается в России, сфокусированы на участие в этом важном для промышленности проекте (информация пресс-службы университета). В 2018 г. стипендиатами стали 12 молодых ученых Самарского университета по четырем конкурсным направлениям. Обсуждая новые возможности для развития научного потенциала университета его ученый совет принял решение о создании совета руководителей научных направлений в вузе. Участие в его работе примут авторитетные ученые университета. Они будут формировать единую стратегию развития научных исследований с проекцией на образовательную деятельность (информация с официального сайта университета).

Конечно, стипендии Президента РФ не единственная форма адресной государственной поддержки молодых ученых. Но очень показательная по выделяемому сообществу людей и эффекту от инструментов государственной поддержки молодой волны науки и инноваций в регионах. Составившие предмет нашего интереса начинающие исследователи уже вошли в сферу науки, экспертно подтвердив свой научный потенциал, часть из них уже получила формальное «право говорить от лица науки» (В.И. Слободчиков) – они кандидаты наук, или движутся в этом направлении (аспиранты и научные сотрудни-

ки); многие из них уже получали различные формы государственной поддержки, в том числе, на региональном уровне или на этапе получения высшего образования, во время обучения в аспирантуре, по итогам различных конкурсов. Но все же они «племя младое, незнакомое», надежда на будущее российской науки и рост новых региональных интеллектуальных сообществ.

Анализ показал наибольшую эффективность в выращивании когорт молодых ученых в исторически сложившихся культурных и научных центрах, там, где существуют формализованные и неформализованные (субкультурные) цепочки интеллектуальной преемственности следующих друг за другом поколений исследователей и научные традиции. Об этом свидетельствуют выявленные тенденции в Конкурсе стипендий и Конкурсе грантов. Для возникновения новых центров кристаллизации и дальнейшего роста сообществ исследователей на территориях России осознается необходимость активизации содержательного диалога исследователей внутри одного направления, одной возрастной группы и диалога различных возрастных групп, представителей различных научных направлений, в том числе, объединенных в рамках совместных проектов. Дефицит энергии научного диалога и научного руководства является, на наш взгляд, причиной появления «белых пятен», пробелов на карте роста молодых научных сообществ. Об этом, как минимум, свидетельствует отсутствие в 2018 г. стипендиатов в 38 регионах России; большой разброс значений количества стипендиатов, с наиболее часто встречающимся значением — один человек от организации. При том, что 10% наиболее успешных организаций получили более 1/3 стипендий (36%).

В своей автобиографической книге о научной карьере основоположник кибернетики и теории искусственного интеллекта Н. Винер писал о многих случаях, когда бедность научных связей нанесла чувствительный урон молодым исследователям; по его мнению, работа ученого не даст настоящих результатов в отсутствие конкретной обстановки достаточно высокого уровня науки и общения с товарищами, беседуя с которыми можно совершенствовать свои способности [Винер, 2001b: 311–312]. Научный диалог это диалог поколений и диалог людей (учителей и учеников).

В диалоге поколений участвуют и сотрудничают в настоящее время носители трех различающихся картин мира, содержание и инфраструктура диалога между ними определяет стиль и результативность научной работы, богатство и многомерность среды интеллектуального общения. Стало традиционным хронологическое деление на следующие поколения: ВВ (беби-бумеры); X; Y; Z. Названия поколе-

ний и годы рождения их представителей варьируют у разных авторов и определяются в контексте общих переживаемых людьми событий в истории общества (см. в американской истории [Стиллман, 2018], в российской истории [Педагогические..., 2018] и др.). Например, поколение У ассоциируется с 1980–1994 гг. рождения [Стиллман, 2018]; «первым несоветским поколением» с 1979–1999 гг. рождения [Педагогические..., 2018], «цифровыми аборигенами» с 1984–2000 гг. рождения [Prensky M., 2001]; растущее поколение Z имеет 1995–2012 гг. рождения в работах американских авторов, 2000 и далее — в работах российских авторов. Ментальность поколения молодых исследователей, время взросления которых пришлось на активное развитие информационно-коммуникационных технологий и собственно цифрового мира, отличается высоким уровнем мотивации достижений, самостоятельностью в поиске информации, стремлением к быстрому получению результатов, потребностью в компетентном наставничестве.

Диалог людей, или стилистика научного руководства, является выражением духа научного сообщества. Об отношениях учителя и учеников, типах научного руководства писал в своей автобиографической книге А. Гротендик, выделяя такие базовые смыслы в отношениях учителя и учеников как: взаимное уважение, суть которого помочь ученику выбрать такую тему, чтобы ему радостно было над ней работать; сердечность и доброжелательность; душевная щедрость; требовательность к себе, понимаемая как напряженное внимание к исследуемому, качество понимания и строгость [Гротендик, 2011]. Яркой иллюстрацией универсальности данных смыслов являются рассказы выдающихся учеников выдающегося учителя — А.Н. Колмогорова, приведенные в книге «Явление чрезвычайное. Книга о Колмогорове» (М.: ФАЗИС, МИРОС, 1999). Меры государственной поддержки, нацеленные на включение молодых исследователей в научный диалог, имеют дальний прицел в социальном и экономическом развитии России. «Стипендия, выдаваемая творческому человеку, — это долговременное вложение», писал Н. Винер [Винер, 2001а: 258]. Растущие сообщества интеллектуалов — будущее российской интеллигенции.

Литература:

1. Березина Е.В., Лебедев К.В., Плужнова Н.А., Прохорова Л.В., Федина А.В. Организации и персонал, выполняющие научные исследования и разработки. Инф.-стат. мат. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018.
2. Винер Н. Бывший вундеркинд. Детство и юность. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001а.

3. *Винер Н. Я* — математик. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001b.
4. *Гаспаров М.Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Российская интеллигенция: история и судьба. М.: Наука, 1999.
5. *Гротендик А.* Урожаи и посевы. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2011.
6. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
7. *Иванов Б.В., Кристалинская С.В., Гладышева Е.А., Добрынин Д.А., Шеханова О.В.* Конкурсы 2018 г. на право получения грантов Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов и докторов наук и ведущих научных школ РФ // Инноватика и экспертиза. 2018. Вып. 1 (22).
8. *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
9. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010.
10. Педагогические интерпретации современной теории поколений в России / Под ред. М.Р. Мирошкиной. М.: ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО», 2018.
11. Совет по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ РФ. URL: https://grants.extech.ru/grants/statistika_u.php?year=2018&mlevel=5-3-1-0 (дата обращения: 29.01.2019).
12. *Стиллман Д.* Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2018.
13. Стратегия научно-технологического развития РФ. Утверждена Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.01.2019).
14. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 29.01.2019).
15. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. NCB University Press. 2001. Vol. 9. №5.

Молодая интеллигенция творческих профессий на рынке труда (на примере выпускников московских театральных вузов)

Е.А. Гришина

доктор социологических наук, профессор

Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

Л.И. Сулов

студент Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

В современной отечественной социологии (впрочем, как и в зарубежной) исследования, посвященные изучению профессиональной деятельности представителей творческих профессий, в частности актеров театра и кино, крайне редки. Хотя в российской социологии театру уделяется определенное внимание. Здесь можно говорить о последних публикациях В. Дмитриевского [Дмитриевский, Салиева, 2017], А. Круковской [Круковская, 2012], Ю. Крикуновой [Крикунова, Прокопьева, 2018]. В этих работах речь идет, прежде всего, о влиянии театра на общество, на определенные социальные группы, о взаимодействии публики и театра, а также о формировании репертуарной политики театров.

Вопрос подготовки, воспроизводства и трудоустройства творческих кадров в современной российской социологии практически не рассматривался. Этим обусловлен выбор темы настоящего исследования. В первую очередь нас будут интересовать выпускники театральных вузов и возможности их профессиональной самореализации и трудоустройства по специальности.

Эмпирической базой исследования выступают: серия интервью со студентами выпускных курсов театральных вузов Москвы (N=11), онлайн-опрос студентов российских творческих вузов (N=150) и очный опрос студентов театральных вузов г. Москвы (N=100), а также анализ Интернет-ресурсов по данной проблематике.

Рассмотрим ситуацию более подробно. Расширение возможностей свободной творческой самореализации в постсоветской России способствовало увеличению числа театров, творческих мастерских и сценических площадок. Только в Москве на 2016 г. существовало несколько сотен театров (по различным подсчетам от 400 до 700), в том числе более ста государственных театров и театральных площадок [Театры Москвы, 2018].

Соответственно, увеличилось и количество вузов, ведущих подготовку актеров, режиссеров и представителей других профессий, обеспечивающих творческий процесс. Среди них есть и государственные, и частные (коммерческие) вузы и училища.

Однако ежегодно выпускники сталкиваются с проблемой трудоустройства. В государственные учреждения (театры, консерватории и т.д.), выпускникам попасть сложно, отбор осуществляется на основе жесткого конкурса, или студент отбирается мастером (режиссером) еще во время обучения. Так, из 18 выпускников Школы-студии МХАТ 2016 г. (Мастерская Виктора Рыжакова) в государственный театр МХТ им. Чехова был принят лишь один (и то в стажерскую группу, которая обновляется ежегодно, и далеко не все стажеры становятся полноправными актерами) [Артисты труппы МХТ, 2018].

Многие выпускники творческих вузов находят работу в частном секторе, но в коммерческих театрах низкая зарплата и, часто, невысокий престиж самого театра. Проблема трудоустройства остро стоит для выпускников творческих вузов еще и потому, что количество первокурсников и количество абитуриентов, желающих приобщиться к искусству, с каждым годом меньше не становится, а даже увеличивается. Большинство людей идет в творческую профессию, так как считают ее своим призванием. И они практически не задумываются о дальнейшем трудоустройстве.

В Москве на 2018 г. существуют 241 вуз, из которых 38 вузов по профилю «Культура и Искусство, в которых ведется подготовка специалистов различных творческих специальностей [Высшие учебные..., 2018].

В целом в Москве 38 творческих вузов [Институты и университеты Москвы, 2018], среди них можно выделить 4 группы по направленности обучения: вузы культуры и искусств (16); театральные вузы (15); художественные вузы (6); музыкальные вузы (5).

Конкурс в эти вузы продолжает оставаться высоким. «Пул» творческой интеллигенции активно пополняется молодым поколением. И вопрос о перспективах и возможностях успешной профессиональной деятельности звучит для творческой молодежи отнюдь не риторически. В настоящей статье мы будем рассматривать выпускников

театральных вузов Москвы, но ситуация с выпускниками других творческих вузов практически аналогична.

Рассмотрим отношение молодых людей к качеству получаемого образования. По данным опроса получается, что в среднем абсолютное большинство студентов вполне устраивает качество обучения (89%). Однако во ВГИКе и в ГИТИСе существует довольно большая группа недовольных (соответственно 17% и 13% опрошенных). Наиболее благополучная ситуация в училище МХАТ (6%).

Творческие вузы хорошо оснащены, имеют танцевальные студии, музыкальные классы, учебные сцены. Занятия ведут опытные педагоги, известные актеры и режиссеры. Быт студентов также организован вполне комфортно. Почему же довольно большое число студентов высказывает свое недовольство обучением? Опрос показал, что это связано, прежде всего, с небольшим количеством бюджетных мест и высокой ценой коммерческого обучения. Так, около 40% опрошенных студентов ВГИКа и ГИТИСа говорят, что рискуют быть отчисленными за неуплату, поскольку для них сложно собрать нужную сумму, а это свыше 300 тыс. рублей в год.

Основной фактор беспокойства — неопределенная перспектива трудоустройства будущих актеров. Творческие вузы ежегодно выпускают большую группу специалистов различного профиля (актеры, режиссеры, продюсеры, гримеры, декораторы и пр.), причем количество выпускников далеко не всегда соотносится с соответствующим запросом на рынке труда. Например, только по специальности «актер кино и драматических театров» ГИТИС и ВГИК выпускают свыше 50 человек, причем это только очное отделение, а еще почти столько же выпускников-заочников. В качестве иллюстрации приведем следующие данные.

Выпуск актерского факультета школы-студии МХАТ мастерской Дмитрия Брусникаина за 2015 г. — 22 выпускника, из них лишь 1 работает в данном театре. При этом Крылова Мария занята лишь в одном спектакле «Письмовник», а это значит, что она не состоит в труппе и участвует лишь в качестве приглашенной актрисы [Артисты труппы МХТ, 2018]. Молодые актеры и их учителя ищут иные выходы из создавшегося положения. Так, выпускники мастерской Дмитрия Брусникаина практически в полном составе играют в Центре имени Вс. Мейерхольда (ЦИМ) несколько спектаклей, среди которых «СВАН» и «Конармия» [Мастерская Дмитрия Брусникаина, 2016].

Теперь рассмотрим выпуск школы-студии МХАТ 2016 г. мастерской Виктора Рыжакова. Это мастерскую закончили 18 выпускников, из них в МХТ им. Чехова служит лишь один — Кирилл Власов (Спектакли: «Обрыв», «Гордость и предубеждение», «Сказ о том, что мы можем, а чего

нет»). Причем, данный выпускник служит только в стажерской группе и это вовсе не значит, что его примут на постоянную работу в театр.

Зато выпускники этой мастерской практически в полном составе играют в спектаклях Центра имени Вс. Мейерхольда (ЦИМ). Более того, они создали самостоятельную театральную компанию «Июль Ансамбль», при этом используют бренд, МХТ им. Чехова, театр, который имеет большое влияние на стиль их актерской игры [Мастерская Виктора Рыжакова, 2016]

В государственных классических театрах ротация труппы происходит в незначительной степени, поэтому выпускники устраиваются на временные проекты, активно используют различные способы подработки, поступают в новые театральные центры, например, в Центр имени Вс. Мейерхольда. Но так везет далеко не всем. Многие вынуждены заниматься любой подвернувшейся работой, в том числе анимацией на детских праздниках или уличных представлениях, статистами в массовке.

Абсолютное большинство (80%) опрошенных выпускников театральных вузов хотели бы работать по специальности. Но они отдают себе отчет в том, что на рынке труда после окончания вуза им придется столкнуться с множеством проблем. У них нет иллюзий насчет послевузовской театральной карьеры: лишь треть респондентов (33%) считают, что смогут найти работу по специальности, остальные такой уверенности не испытывают. В среднем около половины выпускников готовы выбрать зарплату, а не бескорыстный труд в искусстве. Есть некоторая специфика выбора в зависимости от специальности (табл.1).

ТАБЛИЦА 1. Распределение ответов на вопрос: «Что будете делать, если не возьмут на желаемую работу?»

		Специальность				Итого
		Артист театра и кино	Артист эстрады	Продюсер	Сценограф	
Что будете делать, если не возьмут на желаемую работу?	Пойду на ту работу, которая хорошо оплачивается	44%	36%	57%	50%	45%
	Пойду на ту работу, которая соответствует представлениям об искусстве	56%	64%	43%	50%	55%

Источник: online-опрос-2018.

Эйфория по поводу своей будущей профессии, которая свойственна абитуриентам и студентам первых курсов постепенно сменяется трезвым отношением к своим профессиональным и творческим перспективам.

...Это вот на первом курсе было, на втором. Потому что это всё было новое, это всё было... Очень много информации получал, прямо очень много записывал, все смотрел, всё искал. Мне было интересно-интересно. А потом это как-то начало как-то вот расти-расти-расти, и на каком-то моменте остановилось где-то (Инт.4) [Архив авторов, 2016].

Оценивая рынок труда для представителей творческих профессий, студенты выпускных курсов различных театральных вузов практически единодушны в своих мнениях, и относятся к своей профессиональной будущности довольно скептически.

...На мой взгляд, эта профессия вообще не востребована. Это абсолютно не востребованный рынок. Ты вообще никому не нужен. Ты как бы... Ты еще не успел поступить, ты только стоишь записываешься на список поступления во ВГИК, ты уже никому не нужен. Вот так. Чтобы человек попал в театр, работал 20-30 лет, это сейчас редкость, мне кажется. Сейчас такого нет... (Инт.3) [Архив авторов, 2016].

Перспективы? Какие у тебя перспективы? [вздыхает] Перспектива твоя — если ты учишься в театральном вузе, пойти потом в какой-нибудь театр, максимум тысяч, наверное, за... Ну не знаю, где-то за 100, за 70, за 50. Хотя, наверное, все-таки максимум у тебя будет 40 тысяч в месяц максимум, что ты будешь зарабатывать. И ты будешь играть какие-то спектакли. Ну... Может, ты попадешь как-то в сферу кино, и там как-то раскрутишься... Ну... Это все занимает... Ну пять лет ты снимаешься, ну шесть. Не больше. Перспективы ноль. Если ты хочешь зарабатывать хорошие деньги, ты должен идти в институт управления, в нефтегаз. Или у тебя должен быть нормальный мозг, ты должен понимать, как замутить свой бизнес и как обманывать или не обманывать людей, как уметь что-то продавать. Как уметь продавать, например, бумагу за 10 рублей за 200 рублей. И знать, как сделать такую рекламу (Инт.1) [Архив авторов, 2016].

Но, вполне объективно воспринимая сложную ситуацию на рынке труда, молодые люди настроены вполне оптимистично, чувствуют себя уверенно и независимо, не боятся трудностей. Они готовы примерять на себя различные жизненные сценарии, так, например, выпускники 2016 г. говорят:

...Я думаю, что я закончу театральный вуз и пойду работать в театр, потому что... Я так сейчас думаю, что я устроюсь в какой-нибудь театр работать и потому буду сколько-то лет там работать. По-

том — не знаю, потому что я пока не знаю, как там все будет в театре. Я не знаю пока, как там все устроено. Может, мне не понравится и я скажу: «Нет, все! Я буду продавать компьютеры!» Или я скажу: «Блин, как круто!» И я захочу ставить там свои спектакли и буду там 20 лет работать. Вот такие как бы планы... (Инт.2) [Архив авторов, 2016].

В ходе опроса, проведенного среди выпускников московских театральных вузов, респонденты назвали ряд факторов (критериев), которые влияют на перспективы их трудоустройства. На первом месте находятся «профессиональные навыки и умения» (76%), далее следуют «связи» (55%) и типаж (54%). Интересно, что такой фактор, как «наличие диплома об окончании театрального вуза», оказывается на последнем месте (из шести).

Для уточнения и верификации данных, полученных в ходе очного и онлайн-опросов, было проанализировано информационное сообщество ВКонтакте [«Поступаю в ГИТИС», 2017] Анализ показал, что через социальные сети предприниматели, организаторы различных проектов, режиссеры и продюсеры активно ищут артистов в свои проекты. Молодым артистам наиболее часто предлагаются вакансии аниматоров, артистов для съемки в студенческих работах, педагогов по актерскому мастерству или вокалу, моделей. Также, в сообществе много информации о кастингах в кино, где работодатели предлагают артистам прислать свои анкеты на определенный электронный адрес.

Критерии принятия артиста на работу, названные респондентами в ходе социологического опроса, и выделенные при анализе Интернет-сообщества «Поступаю в ГИТИС», практически совпадают, хотя ранжируются в другом порядке. Как основные можно назвать: природные данные (возраст, внешность); типаж; опыт работы; профессиональные навыки.

Для работы педагогом по актерскому мастерству или вокалу артисту не требуется особенная внешность или типаж. В этом случае нужны стандартные деловые качества (пунктуальность, ответственность, исполнительность), а также опыт работы (как правило, в объявлениях встречается необходимость в опыте работы от 1 года). Для работы педагогом очень важно наличие диплома об окончании театрального вуза, либо колледжа.

Чтобы работать аниматором, артисту нужны не только артистичность, но «веселый характер и умение работать с детьми». Особая внешность и типаж, как правило, не требуется. Опыт работы приветствуется, но тоже не обязателен. В принципе, аниматором может стать человек, не имеющий театрального образования. Отсюда, небольшая (относительно других предлагаемых специальностей) заработная плата: в среднем, от 500 до 1500 руб. в час.

Напротив, для работы моделью очень важна внешность артиста. Работодателю в большей степени важно, как артист выглядит, какие у него особенности внешности. Опыт работы, типаж, актерские навыки и диплом, как правило, не интересны и не нужны.

Наконец, наиболее часто встречающиеся «посты» о возможной работе для артистов в информационном сообществе «Поступаю в ГИТИС» — это сообщения о кастингах в кино. Это именно те предложения, которые содержат в себе все три группы требований к артистам: здесь важна и внешность, и типаж, и опыт работы, и профессиональные навыки. Ниже представлен типичный вариант объявления, помещенного работодателем в сообществе:

«"Золотой сынок" для дипломной работы выпускников ВГИКа требуются проф. актеры. занятость 1-2 дня у каждого персонажа.

- 1) Вова, — 23–26 лет (только закончил МГИМО) потомственный адвокат, сам от себя в восторге, любит красивые машины и девочек, и еще больше любит папины деньги.*
- 2) Дима, — 23–26 лет, друг и однокурсник Вовы, его ближ. окружение, некий заучка — работяга, “мозг компании” он всегда прав, небогат, в компании мажоров чувствует себя супер важным» [Обсуждение «Работа для студентов», 2016].*

Такие объявления демонстрируют типичные требования современного «поточного производства» сериалов, где на эпизодические роли требуются схематичные, одномерные персонажи, которых успешно могут сыграть студенты. Но карьеру на этом сделать практически невозможно.

Подводя итоги исследования, мы можем сказать, что из основных каналов трудоустройства творческой молодежи выделяются следующие: традиционный путь в определенный театр через протекцию мастера курса. Но этот путь доступен единицам, выше мы приводили такие примеры. *Создание новых театральных площадок.* Например, практически все выпускники школы студии МХАТ 2016 г. играют в Центре имени Мейерхольда (ЦИМ) [Мастерская Виктора Рыжакова, 2016]. Еще один подобный пример — выпуск 2012 г. (17 человек), из которого во вновь преобразованном «Гоголь-центре» служат 15 молодых актеров [Актеры «Гоголь-центра», 2016].

Еще одним каналом трудоустройства для выпускников театральных вузов является Интернет. А точнее, информационные сообщества, которые располагаются в нем. Как правило, эти сообщества относятся к определенному театральному вузу и отвечают на вопросы и запросы определенного контингента.

Требования рынка труда находятся в тесной связи с коммерциализацией творческих профессий. Молодые художники, артисты, музыканты учатся не только создавать «креативный продукт» (книгу, картину, спектакль, мелодию), но и грамотно реализовывать его, параллельно конкурируя с другими представителями данного «сегмента рынка». Поэтому вполне закономерно появление в театральных вузах специализации «продюсер». По данным нашего онлайн-опроса именно представители этой профессии предпочитают высокий заработок высокому искусству.

Творческие профессии — сложный для социологии объект исследования. Здесь требуется учитывать специфику собственно профессий, требующих не только высокого уровня креативности, но и высокой степени самоотдачи, а также психотип творческих работников. Социальное позиционирование этих профессий зависит от множества факторов: это не только мода и возможность достичь общественного признания, но и функционирование творческих вузов в тесной связи с соответствующими запросами рынка труда. В противном случае общество не только теряет свой творческий и духовный резерв, но создает провокативную ситуацию. Известно, что именно в среде творческой интеллигенции, в частности в театральной среде, наиболее распространены протестные настроения. Некомфортное социальное самочувствие творческой молодежи закономерно повлияет на пополнение ими рядов участников протестных акций.

Литература:

1. Актеры «Гоголь-центра» // Официальный сайт Гоголь-центра. URL: <http://gogolcenter.com/actors/gogolcenter> (дата обращения: 11.12.2016).
2. Артисты труппы МХАТ // Официальный сайт МХТ им. А.П. Чехова. URL: <http://www.mxat.ru/actors/> (дата обращения 10.10.2018)
3. Архив авторов. Интервью №1–6.
4. *Бэнтли Э.* Жизнь драмы. М., Айрис Пресс, 2004.
5. *Дмитриевский В.Н., Салиева Н.Ю.* Проблемы включенности театра в социокультурный аспект города и региона (начало XXI в.) // Ярославский педагогический вестник. 2018. №6 (105).
6. Институты и университеты Москвы. URL: <http://edunews.ru/universities-base/moscow/> (дата обращения: 06.12.2016).
7. *Крикунова Ю.А., Прокопьева В.О.* Кукольный театр в социокультурном пространстве современных детей // Научно-методический электронный журнал «концепт». 2018. №11. URL: <https://e-koncept.ru/> (дата обращения: 12.02.2019).

8. *Круковская А. В.* Аудитория современных московских театров: социокультурные характеристики // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2012. №3.
9. Мастерская Виктора Рыжакова // Официальный сайт Центра им. Вс. Мейерхольда. URL: <http://meyerhold.ru/masterskaya-viktora-ryzhakova/> (дата обращения: 11.12.2016).
10. Мастерская Дмитрия Брусникина // Официальный сайт Центра им. Вс. Мейерхольда. URL: <http://meyerhold.ru/masterskaya-dmitriya-brusnikina-shkola/> (дата обращения: 06.12.2016).
11. Обсуждение «Работа для студентов». URL: https://vk.com/topic-48985136_28697175 (дата обращения: 11.12.2016).
12. Сообщество ВКонтакте «Поступаю в ГИТИС». URL: <https://vk.com/club48985136> (дата обращения: 11.12.2016).
13. Сообщество ВКонтакте «Школа-студия МХАТ». URL: <https://vk.com/club1010597> (дата обращения 11.12.2016).
14. Театры Москвы. URL: <https://www.afisha.ru/msk/theatre/> (дата обращения: 10.10.2018).

Трансформации и инновационное воспроизводство социокультурного потенциала интеллигентной молодежи

Д.С. Петров

кандидат философских наук, доцент
Воронежского государственного университета

Воспроизводство как непрерывный и постоянный процесс обновления характерен для социальных структур в результате смены поколений. Процесс воспроизводства циклический и многомерный. Молодежь, выступая как транслятор общественного опыта от одного поколения другому, участвует и по-своему формирует инновационный процесс воспроизводства. При этом сам процесс воспроизводства всегда протекает в условиях конфликта, когда становление нового опыта происходит в результате отрицания устаревшего. Вместе с тем именно молодежь является носителем социальных перемен и инноваций [Петров и др., 2016: 102].

Системность и взаимозависимость изменений, происходящих в социальной и экономической сферах жизнедеятельности, определили необходимость инновационного воспроизводства потенциала молодежи с позиции циклического развития. При этом процесс воспроизводства приобретает характер развития только при условии, если изменения будут направлены на прогрессивное обновление общества. Разработка процессов воспроизводства социокультурного потенциала молодежи приводит к его структурированному представлению в виде взаимодополняющих элементов, отражающих уровень благосостояния личности.

При этом возникает вопрос: в постоянно трансформирующейся российской действительности, какого молодого человека можно считать интеллигентным? Какими характерными признаками должен обладать молодой интеллигент?

Первый признак. Образование.

Образование направляет к осознанию и реализации всех жизненных сил человека в воспроизводстве биологических основ жизни,

материальных ресурсов, сохранению и актуализации духовных ценностей. Образование, обладая всеохватывающим характером и способностью проникать практически во все сферы общественной жизни и стороны человеческой деятельности, воздействует на различные объекты, явления и процессы социальной жизни, что дает им возможность с той или иной степенью результативности влиять на общее состояние дел в обществе, регулировать и контролировать их. Функциональность образования возрастает в геометрической прогрессии, если собственное его воспроизводство строится на началах и принципах, основанных на знаниях, обоснованных наукой, подтвержденных практикой.

Процессы воспроизводства образования представляют собой постепенную трансформацию социального института образования, образовательной деятельности с целью развития личностных способностей, необходимых для социокультурной адаптации молодежи в новых условиях за счет приобретенных знаний, умений и навыков. В частности, процесс воспроизводства системы образования может затронуть процессы воспроизводства отдельных социальных групп и слоев как носителей духовных ценностей, их социализацию, восходящую социальную мобильность.

Социальные изменения в системе образования происходят значительно медленнее и сложнее в зависимости от социально-экономических и социально-политических изменений в обществе. В большей степени это связано с образовательными традициями различных социальных общностей, групп. При этом процессы воспроизводства происходят с сохранением инерции системы образования как устойчивой и стабильной основы общественного развития на новом уровне.

Инновационная направленность воспроизводственного процесса образования формирует у молодого поколения способность воспроизводить образовательные традиции социальной среды, включаясь в инновационные виды образовательной деятельности. Однако необходимо соблюдение баланса между образовательными инновациями и образовательными традициями российского общества. Прогрессивное развитие общества определяет формирование у человека умения использовать приобретенные знания, навыки, трансформировать их в новых, динамично меняющихся социально-экономических и социально-политических условиях, при этом сохранив целостность общества и качества социального субъекта.

Воспроизводство образования формирует интеллектуальный потенциал общества, который участвует в циклическом процессе «производства» новых знаний. Цепочка цикла (знания — интеллектуальный потенциал — новые знания) позволяет рассматривать интеллектуаль-

ный потенциал общества (человека) и как результат процесса воспроизводства системы образования, и как базу «знаний» для передачи ее следующему поколению для получения новых знаний, необходимых для качественного развития общества. В советский период, чтобы подчеркнуть статус интеллигентного молодого человека достаточно было получать высшее образование.

Второй признак. Здоровьесбережение.

Молодой человек, обладающий высоким потенциалом своего здоровья, является идеальным субъектом, способным формировать эффективное социально-экономическое общество. Здоровье — это естественная, абсолютная и непреходящая жизненная ценность, которая занимает верхнюю ступень на иерархической лестнице ценностей, а также в системе таких категорий человеческого бытия, как интересы и идеалы, гармония, красота, смысл и счастье жизни, творческий труд. По мере роста благосостояния населения удовлетворения его естественных первичных потребностей (в пище, жилье и др.) относительная ценность здоровья все больше возрастает.

Здоровье как фактор качества трудовых ресурсов оказывает влияние на динамику социально-экономического развития территории. Ослабление трудового потенциала формирует маргинальный слой людей, неспособных производительно трудиться.

Здоровье молодежи является не только общечеловеческой ценностью, но и геополитическим ресурсом сохранения российского общества. Сохранение и повышение уровня здоровья молодых людей в значительной степени детерминировано, с одной стороны, низким уровнем потребностей вести здоровый образ жизни, с другой — высокой интенсивностью процесса социализации. Как следствие, достаточно сжатый период взросления влечет за собой значительные психофизические нагрузки и появление серьезных проблем со здоровьем.

В значительной степени они также обусловлены опасностями, которым подвергает себя значительная часть молодежи в разные возрастные периоды. Употребление в больших количествах алкоголя, табака, наркотиков, стереотипы сексуального поведения увеличивают риск распространения болезней, передающихся половым путем, неправильное питание и недостаточная физическая активность также негативно сказываются на здоровье.

Процесс воспроизводства здоровья молодежи происходит через систему воздействий на социальные параметры образа жизни, совершенствование адаптационных механизмов. В образовательных учреждениях посредством создания здоровьесберегающего пространства и внедрения здоровьесберегающих технологий в образовательный

процесс может формироваться культура здоровья молодежи. Процессы сохранения здоровья молодежи эффективны за счет взаимодействия систем образования и здравоохранения, спорта и науки.

Третий признак. Информационные коммуникации.

Информация относится к числу воспроизводимых. Процесс воспроизводства заключается в интеграции коммуникационных и информационных технологий в социальной практике, которая оказывает влияние на развитие общества, создавая новые каналы коммуникаций, средства и методы сбора и обработки информации, ее хранения и передачи.

Наступление эры информационного общества изменило культурные практики, направленные на легитимизацию новых способов коммуникаций между поколениями и передачей культурного опыта. Создание компьютерных сетей и глобальной сети Интернет предоставило молодому поколению возможность получать мировой опыт, которого нет у старшего поколения. Префигуративная культура имеет наибольшее отношение к современной трансформации способов передачи культурной информации, к возникновению и закреплению новых культурных практик передачи социального опыта. Она определяет новый тип социальной связи между поколениями. В то же время социальная информация и переходы на новые этапы также увеличили разрыв между поколениями [Иванова и др., 2018: 109].

Двунаправленное инновационное развитие коммуникаций (от старшего поколения к младшему, от младшего — к старшему) меняет ценностный фон коммуникаций, когда начинает превалировать культура, развиваемая молодежью.

При этом следует подчеркнуть, что средства массовой информации, в том числе интернет-ресурсы, через которые человек сегодня не только получает необходимую ему информацию, но и черпает из них поведенческие стереотипы, ценности и идеалы и многое другое стали главным каналом влияния на молодежь [Петров, 2012: 148].

Четвертый признак. Творчество и инновации.

Рассматривая социокультурный потенциал молодежи в разрезе данного элемента, можно отметить, что, проходя этап социализации, молодежь постепенно и последовательно осваивает новые и сложные виды социальной деятельности, где каждый новый вид деятельности закрепляет определенное статусное место индивида в системе социального воспроизводства.

Процесс воспроизводства, сохранения и активизации инновационной и творческой деятельности ориентирован на создание условий в обществе, необходимых для мотивирования молодежи, включения ее

в инновационно-практическую и научно-исследовательскую деятельность. Результатом этого является создание новых элементов материального и духовного мира в различных сферах деятельности.

Способность «креативно мыслить» и «творить» у молодых людей оказывает значительное влияние на их профессиональное самоопределение и уровень активного участия в учебной, досуговой и иной деятельности.

Таким образом, молодежь формирует свой творческий и инновационный потенциал, который становится мощным ресурсом национальной конкурентоспособности и развития общества.

Пятый признак. Культурная память.

Культурная память определяет культурную среду обитания людей, задавая сами основания социального быта и конструируя матрицу социальности. Она придает обществу характерные существенные черты, образованные в результате непрерывной взаимосвязи прошлого и настоящего, что в конечном итоге обеспечивает сохранность культурного опыта социокультурной системы. Культурная память является результатом социальной деятельности и мышления предшествующих поколений, выраженных в идеальной форме. Трансляция опыта молодому поколению формирует культуру молодежи.

Процесс культурного воспроизводства включает в себя процессы передачи культурных ценностей и способы их сохранения. Культурное воспроизводство способствует не только эффективной социализации молодых людей, их полной интеграции в общество, но и обеспечивает коллективную культурную идентичность и целостность социума. Культурная идентичность — основа социокультурных взаимоотношений между поколениями разных социальных групп посредством культурных ценностей, норм и стереотипов [Кройтор, 2010: 97].

Шестой признак. Досуг.

Уровень культурного развития определяет способы проведения досуга как неотъемлемого компонента образа жизни молодежи. Досуговая деятельность предоставляет возможность для формирования нравственных ориентиров как отдельной личности, так и различных социальных групп современного общества.

Досуговая сфера активно влияет на общественное сознание, формируя в нем ценности, одобряемые обществом и, как правило, им же поощряемые; располагает безграничными возможностями для реализации многообразных духовных потребностей общества и каждой личности в отдельности. В современном досуге присутствуют моменты творчества, когда человек из субъекта потребления превращается в субъект созидания. Вместе с тем сфера досуга — значимая часть эко-

номической жизни общества, она приносит существенную прибыль и обеспечивает занятость людей.

Сфера досуга дает молодежи возможность на практике выступать в качестве свободных индивидуальностей, формируя свой личностный потенциал, который затем будет использоваться в процессе жизнедеятельности. Глобализация процессов социально-экономической жизни общества оказывает влияние на изменение форм и способов, структуры и содержания досуговой деятельности молодежи.

Процесс инновационного воспроизводства направлен на формирование условий для самореализации и индивидуально-личностного развития, ценностных ориентаций молодежи во время досуговой деятельности.

Итак, инновационное воспроизводство социально-культурного потенциала молодежи во многом определяется процессами воспроизводства его взаимодополняющих элементов. Взаимодополняющие элементы социально-культурного потенциала зависимы друг от друга и исследуются в комплексе с целью определения уровня социально-культурного потенциала молодежи. Процессы воспроизводства направлены на сохранение, активизацию, интеграцию, создание условий для социально-культурного развития молодой личности, его самореализации, социализации. Они цикличны, при этом цикл воспроизводства повторяется с учетом влияния внешних (социально-экономических) и внутренних (личностных) факторов, переходя на новый уровень цикла воспроизводства. Процессы происходят с сохранением инерции, обеспечивая устойчивое положение систем, характеризующих взаимодополняющие элементы социально-культурного потенциала молодежи и подчеркивающие ее интеллигентный уровень.

Литература:

1. *Иванова Т.Н., Петров Д.С., Левина А.П.* Профессиональная социализация молодежи в условиях моноструктурной экономики: социо-эколого-культурные аспекты // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. №2 (23). С. 108–110.
2. *Кройтор С.Н.* Культурная память как механизм воспроизводства социальных практик // Социологический альманах. 2010. №1. С. 97–105.
3. *Петров Д.С.* Самооценка «новой» интеллигенции (анализ трансформации самооценки молодежи в системе социокультурной адаптации) // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное. М.: РГГУ, 2012. С. 146–154.
4. *Петров Д.С., Соломатина Е.Д., Матюшина Ю.Б.* Типы социально-экономической мобильности молодежи в условиях реализации ее социокультурной адаптации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016. №3. С. 101–106.

Феномен паракультуры и интеллигенция

Г.В. Тартыгашева

кандидат социологических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия)

Понятие «паракультура» используется в современных исследованиях для обозначения сферы оккультных увлечений и для обозначения культуры повседневности, отличной от главных направлений официальной культуры, но являющейся неотъемлемой частью человеческого бытия и вполне реальной, хотя и не признаваемой официально.

Значение понятия «паракультура» связано со значением приставки «пара» — (греч. π — возле, мимо, вне, около), которая означает: «нахождение рядом, либо отклонение, нарушение чего либо (например, парабиоз, парамагнетизм, парапсихология, парадокс». «Пара (санскр.) — приставка, означающая преодоление границ, пределов чего-либо» [Большой энциклопедический..., 1998].

В широком смысле термин «паракультура», исследователи связывают с обратной стороной, изнанкой основного направления господствующей культуры, то, что не признается официально, либо нивелируется до незначительности, либо то, с чем ведется ожесточенная борьба, со стороны научных и профессиональных культурных сообществ, со стороны государства и представительств официально признанных конфессий. Тем не менее, паракультура значительно распространена и является важной частью повседневности.

Некоторые исследователи конкретизируют понятие «паракультура», часть из них связывает «паракультуру» с концепцией коммерческой культуры *poprow* [см.: Сибрук, 2012], когда эта «как бы культура» распространяет «недолжные» ценности и образцы поведения, нивелирует разницу между «высокой» и «низкой» культурой, кроме того «органично соотнесена с образом жизни и стилем жизненчувствия миллионов рядовых граждан» [см.: Савицкая, 2002].

Оценивая ее, исследователи подчеркивают, что «паракультура» — порождение духовной пустоты, которая носит сугубо коммерческий

характер, не ориентирована на достижение гуманистического идеала и, самое главное, девальвирует понятия «добра» и «зла». «В качестве реальной культуры паракультура, безусловно, жизнеспособна, высоко пассионарна, но и... патологична, поскольку транслирует и превращает в норму состояние “недолжного бытия”, самоубийственного, нигилистически ущербного существования, настоящего на харизме пустоты» [Савицкая, 2002].

С точки зрения М.К. Мамардашвили, паракультура — это особая организация сознания, когда происходит редукция фундаментальных абстракций и научных понятий до «предметного, вещного и потребительского использования» [Цит. по Серебренников, 2000]. С.А. Исупов, Э.Ю. Старателев раскрывают основные черты, присущие подобному типу сознания: «мифологическая иллюзия полноты знания или потребность в достижении данной полноты; эрудированность вместо мышления; создание ритуальных текстов; интеллектуализация, проявляющаяся в создании смысловых интерпретаций, которые конструируются из редуцированных философских абстракций и научных понятий» [Исупов, Старателев, 1994].

Особенностью паракультуры является то, что она мимикрирует под подлинную культуру создавая ощущение приемлемости и обычности неоднозначных норм и ценностей, социальных практик и образцов поведения. Кроме того, продукты паракультуры трудно распознать неискушенным потребителям, в процессе их использования, создается впечатление их подлинности, причастности к высокому.

Ж.Т. Тощенко конкретизирует проявления паракультуры, с его точки зрения: «...пара-культура, которая постоянно делает попытку создать исключительно новую реальность, не относящуюся к накопленным и апробированным человечеством духовным ценностям. Ее основу создают астрология, мистика, паранормальные явления вроде колдовства и знахарства» [Тощенко, 2011].

В.Л. Рабинович к явлению паракультуры относит оккультизм. «Оккультизм (от лат. *occultus* — тайный, сокровенный) — «тайные науки», в том числе и «герметические» (алхимия, астрология, каббала), признающие существование скрытых сил в космосе и в человеке, но человеке посвященном и инициированном. Оккультизм — явление не столько культуры, сколько паракультуры. Но быть явлением паракультуры еще не означает быть вне культуры. Паракультура — изнанка магистральной культуры, лишь вместе они составляют целостную в своей амбивалентности культуру эпохи» [Рабинович, 2009].

Проявления паракультуры исследуются в рамках концепций «новой религиозности» [см.: Балагушкин, 2002], «нетрадиционной рели-

гнозности», [см.: Неронов, 2009], «окультуры» Кристофера Партриджа [см.: Носачев, 2017] и т.д.

В настоящее время в России наряду с возрождением традиционных религий, наблюдается духовная экспансия различных магических и оккультных учений, значительно возрос интерес населения к мистике, астрологии, колдовству, паранормальным явлениям и т.д. По оценкам ВОЗ в России насчитывается более 800 тыс. колдунов, целителей, экстрасенсов, россияне тратят на их услуги более 2 млрд рублей в год [Россияне..., 2017].

По результатам исследования ВЦИОМ (опрос 1600 человек был произведен в октябре 2015 г., в 130 регионах России), на предмет доверия населения колдунам, экстрасенсам, предсказателям, «верят в колдунов и порчу» — 48% россиян, 55% опрошенных считают, что будущее можно предсказывать, 50% россиян верит различным приметам, 31% граждан верят в астрологические прогнозы [Предсказания..., 2015],

Всех популярных представителей паракультуры: колдунов, экстрасенсов, гадателей, астрологов, знахарей, народных целителей, уфологов и т.д., причисляют к оккультистам. Оккультизм — понятие, объединяющее различные тайные учения и культы, основанные на представлениях о скрытых силах природы или космоса, необъяснимых в рамках традиционной научной парадигмы. Они необходимы человеку для познания потусторонних сил и овладения ими, а также, для самопознания и самосовершенствования.

Сюда входят астрология, магия, колдовство, верования в «потусторонний мир», паранормальные явления, шаманизм, экстрасенсорика, и др. В свою очередь, оккультизм является разновидностью эзотеризма. Эзотеризм же — «..это тайное знание “подлинной” сути вещей, скрытых истин, передаваемых чаще всего устным путем и лишь постепенно небольшой группе людей, которые обычно получают посвящение от тех, кто уже обладает этим знанием» [Тирикьян, 2013].

Наиболее востребованными среди населения, являются: прикладной и практический оккультизм, как то: хиромантия, магнетизм, графология, телепатия, ясновидение и т.д. Большой популярностью также пользуется «подлинность, приход к истокам», т.е. так называемый народный оккультизм: гадания, сонники, травники, оракулы.

Оккультные учения более высокого порядка, нашли себе почву, прежде всего, в среде интеллигенции, которая в противопоставление Церкви и Науке, ищет другие пути познания. «Посвященных» представителей интеллигенции, в том числе, интересуют тайные знания, такие как: каббала, магия, астрология, алхимия, а также проявления

высшего оккультизма: теургия, тавматургия и психургия, цель которых в достижении высшей ступени сознания.

В представлениях «посвященной» части интеллигенции, паракультура — не порождение зла и ущербного существования, а знания и силы, дающие возможность обрести «истинное знание», «истинную свободу», «духовное самосовершенствование», но и «сверхспособности» и, соответственно, «власть». Кроме того, паракультура рассматривается как источник вдохновения для творчества и как возможность отрицания традиционных религиозных и культурных ценностей [см.: Мирча, 2002].

В то же время народное увлечение различными проявлениями прикладного оккультизма, представляется просвещенными гражданами, как возврат в «темное средневековье», деградация и одурманивание населения. Широкая популяризация оккультизма дает возможность экономической и психологической эксплуатации населения. В рамках современной научной парадигмы, проявления паракультуры — это шарлатанство и зло. Хиромантия, магнетизм, телепатия, ясновидение и т.д. не ориентированы на достижение гуманистического идеала совершенной личности, они эксплуатируют пороки людей, их страхи, жажду наживы, смерти, мести, и их некомпетентность.

В принципе, оккультизм и его проявления, не признает ни религия, ни наука. С научной точки зрения, различные паранормальные явления, не объяснимы и признаются шарлатанством. По мнению религиозных авторов, увлечение оккультизмом является потаканием своим страстям, отрицанием смирения и подчинения, стремлением уподобиться Богу и т.п., что интерпретируется как грех.

Глобальное распространение паракультуры исследователи связывают со сложным социально-экономическим положением, идеологическим вакуумом, разочарованием в догматах, предлагаемых традиционными религиями. Всплеск интереса к оккультизму объясняют ростом неопределенности и непредсказуемости, экзистенциального одиночества человека перед потоком проблем, отчуждением от природы, разочарованием в рациональной, научной картине мира, поисками божественного предназначения человека и т.д. Кроме того, современные технологии и лежащие в их основе достижения науки, воспринимаются в массовом сознании как магия, как чудеса, поскольку люди не могут объяснить и понять принцип их работы.

Необходимо подчеркнуть, что «оккультный ренессанс» происходит также намеренно, благодаря манипулятивному воздействию на сознание людей посредством медиакультуры. Распространение веры в оккультизм, колдовство осуществляется через Интернет, здесь, на-

пример, насчитывается более 27 млн эзотерических сайтов, согласно статистике поисковой системы «Google».

Одурманивание происходит и с помощью телевидения (ТВ-3, РЕН ТВ, Первый Мистический и т.д.), телевизионных шоу («Битва экстрасенсов», «Слепая», «Знаки судьбы» и т.д.), периодических изданий («Оракул», «Тайная власть», «Секретные материалы», «Тайна жизни») художественных фильмов и сериалов, игр, в коммерческих и властных интересах истеблишмента.

По мнению исследователя Ю.В. Рыжова всплеск интереса к оккультизму и эзотерике характерен для переходных периодов, во время глобальных социокультурных изменений, и в настоящее время мы ощущаем нечто подобное. Ю.В. Рыжов выделяет «три волны» (рубеж XIX — XX вв.; 1960–70 гг.; современная стадия с 1990-х гг.) подобной популярности оккультизма, эзотеризма и магии (в его концепции «новой религиозности») [см.: Рыжов, 2006].

Так, на рубеже XIX — XX вв. в среде русской интеллигенции, как и среди западных интеллектуалов, наблюдается тотальное увлечение оккультными науками. Во-первых, значительное влияние оказали торжество рационализма и научно-технического прогресса и вместе с тем, отрицание традиционных религиозных догматов и как следствие поиски истинного знания о Боге, о природе и человеке, во-вторых, в силу того, что образованное российское общество всегда ориентировалось на западные тенденции, в том числе радикальные.

В частности, «К 1910 году число спиритических кружков перевалило за три с половиной тысячи, из которых не менее тысячи функционировали только в Петербурге. Основной контингент последователей учения составлял, разумеется, служебный и чиновный люд — 53%, в меньшей степени сельские жители — 27%, лица свободных профессий — 12% и духовенство — 8%» [Первушин, 1999]. По свидетельству польского историка Людвика Хасса только к 1913 г. в России насчитывалось около 40 мasonicких лож общей численностью до 400 человек, помимо которых, было еще много различных тайных сообществ оккультного характера. Расцвет оккультизма достиг такого размаха, что и представители интеллигенции, и представители известных дворянских фамилий, были участниками тайных оккультных обществ и обращались за советами, в том числе государственного масштаба, к местным пророкам и провидцам.

По мнению В.В. Аксючица, «...вдруг родившаяся русская интеллигенция и появилась, отрицая Церковь, изначально включившись в западные мистические поиски истинного христианства, абстрактных общечеловеческих идеалов, тем самым разрушая национальные православные ценности» [Аксючиц, 2010].

Следующий всплеск интереса к паракультуре происходит в 50-е — 60-е годы XX в., уже в Советском Союзе. Окультизные практики, вера в парапсихологию, палеоконтакты, астрологию, по-прежнему, наиболее активно распространяются не в среде малообразованного населения, но, среди интеллигенции.

На Западе в это время торжествует культура new age, как часть антикапиталистического, антиматериалистического и, наконец, антипозитивистского и, в очередной раз, антиклерикального движения. При этом здесь паракультура с магическими и эзотерическими практиками распространяется в рамках популярной культуры.

В нашей стране распространением окультизных учений занимается интеллектуальная элита. «Новый приход» «посвященной» интеллигенции в 1950-е гг. в СССР, связан с тем, что интересующимся стали доступны труды классиков русского оккультизма: Е. Блаватской, Г. Гурджиева, Н. Рериха и т.д. В нашей стране, оккультизм носил «полузапрещенный характер», по мнению И.В. Кукулина, приход new age, а вместе с ним очередное возрождение оккультизма, наряду с подпольно распространяемым самиздатом, провоцируют научно-популярные журналы, которые выходят миллионными тиражами [см.: *Неизбежность...*, 2017]. В советских научно-популярных журналах: «Наука и жизнь», «Наука и религия», «Знание — сила», «Техника молодежи», систематически публиковались окультистские и эзотерические материалы под видом последних достижений науки или «очевидного невероятного».

Исследователь пишет о том, что в Советском Союзе, в том числе, проводились научные эксперименты, связанные с оккультизмом, в рамках официальной научной системы, когда подобные эксперименты на Западе, посчитали бы паранаучными.

Нужно отметить, и несколько иное отношение к паранормальным способностям в СССР. В рамках советской догматики, они воспринимались, как способность преодолеть границы человеческих возможностей, преодолеть силы природы, покорить ее, скажем так, утилитарно. Ну, и, естественно, вера в чудесное, тайное, как возможность эскапизма для интеллигенции, в условиях серой советской действительности.

Поскольку, с точки зрения И.В. Кукулина, тотальная идеологизация культуры и науки в 1930-х — 40-х гг. привела к значительному размыванию критериев научности, информация о разного рода паранормальных способностях, инопланетянах и о научных открытиях в средствах массовой информации «стыкуется «без швов» [см.: *Неизбежность...*, 2017]

Неискушенный советский человек полностью доверял массмедиа в условиях тотального дефицита информации, и, фактически, был не

в состоянии определить разницу между наукой и магией. Так, например, по советскому телевидению периодически транслировали возможности гипноза, индийской йоги, «умной воды» и т.д.

Но, тем не менее, увлечение определенных групп интеллигенции оккультизмом, не позволило разрушить систему убеждений, утверждающих торжество научного знания в Советском Союзе.

Подобная популяризация паранауки привела к тому, что, в более позднее постсоветское время, как только стал возможным информационный плюрализм, средства массовой информации заполнили различные знахари, целители, колдуны, которые позиционировались как вполне признаваемые официальной наукой и государством.

В 1989 г. Центральное телевидение выпустило цикл передач «Сеансы здоровья врача-психотерапевта Анатолия Кашпиrowsкого», которые привлекли миллионы советских граждан. С того момента, паракультура выходит наружу, практический оккультизм фактически легализуется. Информационное пространство перенасыщено сообщениями о чудесном исцелении, решении всех экзистенциальных проблем, успехах в бизнесе, благодаря магическим действиям волшебников.

Российское общество оказалось не готово к адекватному восприятию паракультурного засилия, причем не только на уровне рядовых граждан, но и на уровне интеллектуальных и властных элит. Неизбирательность и неискушенность в восприятии информации нескольких поколений россиян, привели к некритичному принятию продуктов паракультуры как «должного».

Конечно, здесь кроется и добросовестное заблуждение интеллектуальных и властных элит, но и явная их ангажированность. С одной стороны, существует проблема конвенциональности, иные эзотерические теории имеют вполне наукообразный вид, в то время как признанные наукой концепции, строятся на умозрительных заключениях, неподтвержденных экспериментальными данными. С другой стороны, паракультура — есть известный и прибыльный способ «честного отъема денег у граждан» и если россияне потребляют на рынке оккультных услуг различных предложений на сумму более 2 млрд рублей, существование и активное продвижение различных паракультурных проявлений, вполне понятно.

Печально видеть, как представители властных и культурных элит, а также представители научной интеллигенции, становятся адептами сомнительных учений и культов, выступают в роли экспертов, авторитетно подтверждающих действительность оккультных сил, паранормальных способностей и т.д. в средствах массовой информации.

В российских вузах открываются кафедры теологии, защищаются диссертации по теологии. Участие в подобных проектах, особенно научной интеллигенции, множит мракобесие и среди интеллигенции и тем более среди других социальных групп.

Массовое распространение паракультуры привело к тому, что возникла идея государственного регулирования отрасли. В частности, государством фактически легализована деятельность астрологов и медиумов, поскольку упоминается как «прочие персональные услуги, не включенные в другие группировки» в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД) Код 96.09. Периодически возобновляются попытки внесения законопроектов в Государственную Думу о лицензировании оккультно-магической деятельности. Предлагается создать реестр лиц со сверхъестественными способностями.

Главная опасность в том, что подобная вседозволенность в производстве и распространении паракультурной информации, нивелирует устойчивые общественные представления о «добре» и «зле». Представителей научного сообщества, занимающихся популяризаторством научных знаний мало, адекватной информации по многим научным направлениям в широком доступе не хватает. Существует огромная проблема в представлении «научной картины мира», которая сформирована научным сообществом и пока еще распространяется посредством системы образования, и картиной мира, формирующейся у населения как «научная» средствами массовой информации.

Конечно, не все представители интеллигенции включены в создание «новой реальности», особенно научная интеллигенция вынуждена заниматься борьбой с мракобесием. В частности, с 1998 г. в России действует Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, которая, в том числе, занимается публичной критикой верований в существование паранормальных явлений, астрологии, уфологии и т.д. Существуют просветительские сообщества и фонды, отдельные представители просвещенной интеллигенции, занимающиеся популяризацией науки и дискредитацией паракультурных явлений. Борьба с мракобесием ведется и в массмедиа. Например, значительную лепту в борьбу с паракультурой, внес документальный фильм Бориса Соболева «Идущие к черту», вышедший на канале «Россия» в январе 2019 г., это серьезное журналистское расследование, в котором разоблачаются тайны шоу экстрасенсов, магов, целителей, беспринципно обманывающих российское население. Существуют различные научно-популярные интернет-ре-

сурсы, пропагандирующие научную картину мира. Уже 3 года подряд просветительским фондом «Эволюция» проводится «Слет Просветителей» для профессиональных популяризаторов науки, ежегодно организуется форум «Ученые против мифов», и, в том числе, с 2016 г. присуждается юмористическая антипремия за выдающийся вклад в развитие и распространение лженауки и псевдонауки «Почетный академик ВРАЛ («ВРунической Академии Лженаук»). Но борьба пока ведется с переменным успехом.

Литература:

1. *Аксюциц В.В.* Миссия России. М.: Издательство «Белый город», 2010.
2. *Балагушкин Е.Г.* Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. М., 2002.
3. Большой энциклопедический словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
4. *Исупов С.А., Старателев Э.Ю.* «Провинциальный интеллект» (Социально-философский диагноз) // Провинциальная ментальность в прошлом и настоящем. Тезисы докладов I конференции по исторической психологии российского сознания (4–7 июля 1994 г., Самара). Самара, 1994. С. 13–14.
5. *Мирча Э.* Оккультизм, колдовство и моды в культуре. М.: София, Гелиос, 2002.
6. Неизбежность странного мира: почему new age и оккультизм очаровали советскую интеллигенцию. URL: <https://indicator.ru/article/2017/09/25/intervyu-kukuljin/> (дата обращения: 25.01.2019).
7. *Неронов А.В.* Социологические исследования нетрадиционной религиозности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Том XII. №1. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/04/28/1214163664/Nerонов_2009_N1-13.pdf (дата обращения: 27.01.2019).
8. *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М.: «Терра», 1990.
9. *Носачев П.Г.* Блеск и нищета «социологии оккультного»: теория оккультуры К. Партриджа // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. Вып. 70. С. 110–126.
10. *Первушин А.И.* Оккультные тайны НКВД и СС. М.: Олма-Пресс, 1999.
11. Предсказания, колдовство, спиритизм... — верить или не верить? // Официальный сайт ВЦИОМ. 2015. 30 октября. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115446> (дата обращения: 20.12.2018).

12. Россияне тратят на колдунов два миллиарда в год. На что гадают воротилы бизнеса и стоит ли лицензировать магию, рассказывают сами экстрасенсы // Свободная пресса. 2017. 1 октября.
URL: <https://svpressa.ru/society/article/182427/>
(дата обращения: 20.12.2018).
13. Рыжов Ю.В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. М.: Смысл, 2006.
14. Савицкая, Т.Е. Постсовременный мир: изменение культурной парадигмы // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. и сост. А.И. Неклесса. М.: Вост. лит., 2002. С. 76–104.
15. Серебренников Н.В. Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. В. Новгород: Изд-во Новгородского гос. университета, 2000.
16. Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
17. Тирикьян Э.А. К социологии эзотерической культуры // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. №4.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-sotsiologii-ezotericheskoy-kultury>
(дата обращения: 20.01.2019).
18. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. М.: Новый хронограф, 2011.
19. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009.

Задачи современной интеллигенции в поликультурном пространстве

О.Б. Истомина

доктор философских наук, профессор
Иркутского государственного
университета (Иркутск, Россия)

Интеллигенция как наиболее образованная социальная группа, обладающая системой знаний, позволяющей создавать, хранить и транслировать культуру в массы, профессионально заниматься творческим умственным трудом, является субъектом ожидаемого референтного социального поведения, мощным социальным контингентом с активной общественной позицией и выполняет в повседневных социальных стратегиях ряд общественно значимых функций. Традиционно интеллигенции приписывают специальную функцию прямого субъекта духовного производства, которая объясняет потребность общества в духовных ценностях. Их сохранение и развитие которых связывают с классом интеллигенции. Создание культурных ресурсов для обеспечения преемственности поколений нуждается в хранении и ретрансляции духовных ценностей, что также входит в перечень социальных ожиданий от интеллигенции. Историческая память как обязательное условие развития качеств личности, духовного взросления предполагает способность интеллигенции не только к порождению, но и к сохранению, трансляции, распространению и развитию духовных ценностей в жизни общества. Собственно совокупность данных действий и называется интеллигентностью, которая, в свою очередь, неизменно связана с ана-

лизом культурных ресурсов, их оценкой, критикой, ранжированием, выделением и сохранением наиболее значимых из них. Значимость отдельных культурных ресурсов возрастает в сознании широких народных масс именно в результате ранжирования и выделения отдельных культурных продуктов, осмысленных, адаптированных и санкционированных интеллигенцией.

В современной социальной философии функции интеллигенции классифицированы по критерию «масштаб объекта, на который ориентирована деятельность интеллигенции». Отсюда типы: органический, когда действие направлено на все общество; полуорганический, ориентированный на интересы большей части населения; секторный — для разрешения интересов отдельного сектора общества. Трансформация российского общества, социально-экономическая нестабильность стали причинами размывания контуров социальной группы «интеллигенция», девальвации интеллигентности как социально значимого качества, и снижения способности и готовности к артикуляции и агрегации интересов остальных социальных слоев и репрезентации их перед властью, а также неспособности инициирования общественных преобразований [Каткова, 2009: 132].

В данных условиях возрастает роль гуманитарной интеллигенции, которая, кроме своих социопрофессиональных функций, характерных для специфичного умственного труда, связанного с творчеством, просветительской работой, социализаторской функцией, способна реанимировать свои такие важные социальные качества, как нравственное воспитание, психологическое воздействие, идейно-политическое и социальное позиционирование, культура критического дискурса, и конечно, возможности социальной идентификации, этноориентированность [Каткова, 2009: 12].

В современном поликультурном пространстве, нивелирующем всякие культурные различия, возрастает этноконсолидирующая функция национальной интеллигенции. В основу современной российской национальной политики заложена идея сохранения принципа равноправного функционирования культур всех этногрупп многонациональной социально-территориальной общности и их развития для сохранения этнокультурного портрета как каждого полиэтнического региона, так и государства в целом. Однако процессы универсализации значительно влияют на социокультурную ситуацию и обуславливают распространение полярных процессов. Амбивалентность выражается, с одной стороны, в проявлениях универсализации культуры, ассимиляции культур не только малых,

но и достаточно численно представленных народов, в проявлениях этнонигилизма и интолерантного поведения в целом, с другой стороны, двоякость этнокультурных процессов выражается в этническом возрождении, в ревитализации родных языков различных этногрупп, в проявлении интереса молодежи к фольклору и народной культуре в целом.

Формы лингвокультурных контактов в современных поликультурных регионах России находят различное выражение. Их поливариантность определяется рядом факторов, среди которых следует особенно выделить исторические, ареально-хронологические, социо- и этнокультурные факторы. Варианты межкультурного взаимодействия варьируются по шкале «позитивный тип идентичности — этническая индифферентность». Широкое распространение в современных реалиях получили ксенофобия, этнофанатизм, национализм и обратные им состояния — этнонигилизм и индифферентное отношение к самоопределению по этническому признаку.

Важность измерений динамики типов идентификации объясняется сущностным характером данного процесса, поскольку формы межкультурных контактов в полиэтническом регионе являются маркером всех социальных отношений, они сигнализируют о деструктивных процессах через распространение пейоративной лексики, этнофоллизмов, через расширение поля инвективы [Подробнее: Истомина, 2015]. Язык, будучи живой, подвижной системой, оперативно реагирует на все социальные изменения, что в свою очередь также отражается на характере взаимоотношений различных этногрупп.

Позитивность этнолингвоконтактов — результат длительных конструктивных отношений этнических групп, проживающих в общем социально-территориальном пространстве, их характер исторически обусловлен, требует существенных временных и коммуникационных затрат. И, напротив, деструктивный характер межкультурных контактов может быть вызван сиюминутными явлениями, какими-либо краткосрочными событиями, которые способны одномоментно разрушить весь накопленный положительный опыт межкультурных коммуникаций.

Данную специфику построения межэтнических отношений особенно важно учитывать в поликультурном пространстве с высоким уровнем мозаичности этно-национальной структуры. На территориях с исторически сложившейся многонациональностью распространение деструктивных форм этноидентификации и негативных вариантов межкультурных контактов представляет прямую

угрозу государственности из-за разрушения принципа «единства в многообразии».

Во избежание распространения и закрепления в межкультурных коммуникациях деструктивных форм отношений, для предотвращения расширения объема инвективы в коммуникативном поле необходимо соблюдать принципы культуры толерантности, а также «создание условий для равноправного социального и национально-культурного развития всех народов России» [Истомина, 2016: 194]. Соблюдение данных принципов входит в перечень социопрофессиональных функций и представляет органический тип функций интеллигенции.

Соблюдение данных функций в поликультурном пространстве возлагается на национальную интеллигенцию и реализуется через деятельность национально-культурных организаций. Национальная интеллигенция играет в данных процессах ведущие роли, т.к. представляет этнократические ресурсы, либо имеет возможность влияния на них, что объясняет социальные функции интеллигенции в системе политического регулирования межэтнических отношений [Подробнее: Тощенко, 2003].

Наибольший потенциал в решении задач этноконсолидации и сохранении этнокультурного портрета многонациональных общностей отмечен в деятельности национально-культурных центров (далее НКЦ). Функциональное поле НКЦ связано с реализацией положений концепции государственной национальной политики, кроме того, с защитой интересов этногрупп, что в целом направлено на создание и укрепление единого культурного пространства социальной общности. Этнокультурный портрет региона отражает онтологическую природу отношений «человек-мир» различных этногрупп. Он обусловлен спецификой исторических процессов, общностью экономических, политических, хозяйственно-бытовых, социокультурных отношений, особенностями географического положения, климата и иными факторами.

Индекс мозаичности национальной структуры региона, как правило соотносится с численностью НКЦ и активной культурной деятельностью диаспор. Например, в Иркутской области, национальный состав которой представляют более 180 этногрупп, действуют 89 национальных объединений (по данным Главного управления Министерства юстиции по Иркутской области и Усть-Ордынскому округу), из них 24 функционируют в областном центре. Следует отметить, что число НКЦ конкретной этногруппы и ее численный состав в названном регионе прямо пропорциональны:

ТАБЛИЦА 1. Соотношение численной представленности национальностей и количества НКЦ в Иркутской области

Название национальности, создавшей НКЦ	Численность в области, чел.	Число НКЦ в области	% от общего числа НКЦ региона
Буряты	80565	25	28,1
Белорусы	14185	11	12,4
Малочисленные народы Севера (марийцы, тофалары, эвены, коми)	2995	11	12,4
Татары	31068	7	7,9
Эвенки	1431	4	4,5
Поляки	2298	3	3,4
Украинцы	53631	2	2,5
Народы Кавказа (армяне, азербайджанцы, таджики, узбеки)	17454	11	12,4
Литовцы	1669	2	2,5
Чеченцы, ингуши	1044	1	1,1
Чуваши	7295	1	1,1

Источник: [Истомина, 2016: 197].

В сложившейся в регионе ситуации на НКЦ возложены информационная, образовательная, социально-просветительская, организационно-методическая функции. Кроме того, в перечне социальных ожиданий от деятельности НКЦ, безусловно, центральную позицию занимает финансовая помощь в оказании поддержки, сохранении и развитии этнокультурных традиций для обеспечения сохранности этнического самосознания. В текущих условиях НКЦ активно реализуют функции привлечения молодежи к народным гуляниям и праздникам, и, конечно, удовлетворяют коммуникативный спрос внутри этногруппы.

Очевидно, что активные коммуникации на языке этногруппы или ином языке с представителями своего этноса благоприятно сказываются на процессах самоопределения и самокатегоризации. «Формирование этнокультурной идентичности основано на способности ориентироваться в достаточно широком культурном контексте, на понимании и принятии фундаментальных признаков конкретного этнического типа культуры, оно связано с созданием стереотипов, концептов, моделей вербального и невербального общения, принятых в социальной общности в определенных ареально-хронологических условиях. Этнический характер — это интроецированные в личность черты, морально-нравственные категории и ценности, которые являются результатом длительного процесса взаимодействия и адаптации особенностей генотипа с культурой» [Истомина, 2016: 55].

Через освоение норм и традиций этнокультуры индивид знакомится с метастереотипами, принимает их в свое сознание. Через них в свою очередь усваиваются модели самоидентификации, способы социального взаимодействия, в том числе в условиях инокультурного окружения. По сути, в этом проявляется социализирующая функция культуры. Очевидно, что в условиях нарастания социально-экономической напряженности и, как следствие, изменений психоэмоционального фона в межкультурном общении необходимо расширять сферу социокультурного воздействия метастереотипов, направленных на позитивные типы самокатегоризации и оценки инокультурного окружения. Система методов у НКЦ должна расширяться новыми приемами воспитания культуры взаимоуважения в поликультурном пространстве. Это должны быть и ознакомительные мероприятия, направленные на постижение особенностей своей и иных культур, и широкие, разнообразные программы культурных мероприятий, и изучение традиций представителей различных этносов. Но и этого мало, свою результативность доказали активное привлечение представителей иных этногрупп в социокультурную деятельность НКЦ, информирование широкой общественности о специфических чертах этнокультуры, объясняемых философией культуры этноса. Данные методы способствуют формированию позитивного типа взаимодействий, поскольку только познавая культуру этнического окружения, индивид проявляет интерес к культурной самости, к традициям собственной культуры. С целью определения представителями численно доминирующих этногрупп в Иркутской области наиболее социально значимых задач НКЦ автором проведено социологическое исследование в 2011 и 2018 гг. Для выявления динамики автором использовалась одна анкета.

Объем выборки в исследовании 2011 г. — 630 человек, 2018 г. — 200 человек. По принципу самоопределения респонденты обозначили особую значимость культурно-просветительской, образовательной, научно-исследовательской, публикационно-издательской, а также социально-ориентированной и правозащитной деятельности. По данным анкетирования, наибольшее значение НКЦ видится в сохранении традиций и обычаев народов региона, необходимость ретрансляции которых понимается и новым поколением. Результаты опросов представлены в табл. 2.

ТАБЛИЦА 2. Представления населения области о задачах НКЦ, %

Что, на Ваш взгляд, является основной задачей национально-культурных центров?	2011 г.		2018 г.	
	Город, %	Село, %	Город, %	Село, %
Знакомство жителей с национальными культурами региона	44,4	44,9	49,0	51,0
Обучение детей традициям своего народа	33,3	78,2	64,0	82,0
Сохранение национальной культуры	42,2	83,1	73,0	84,0
Сохранение традиций и обычаев народов региона	48,9	94,2	69,0	95,0
Сохранение родного языка как основы национальной культуры	20	52	47,0	51,0
Сохранение народа	4,4	66,2	17,0	68,0
Популяризация национальных культур и их обычаев	15,6	22,7	34,0	21,0
Другое	2,2	3,1	3,0	3,0

Источник: результаты авторского исследования.

Очевидно, что население связывает сохранность поликультурного наследия в регионе с деятельностью НКЦ. Именно с национальной интеллигенцией, ее просветительской работой, реализацией социализаторской функции население Иркутской области видит воплощение этноориентированности региональной культуры, возможность реани-

мации позитивного типа межэтнических коммуникаций и социальной идентификации. Именно принцип сохранения многообразия способен гармонично разрешить как органические, так и секторные задачи ради целостности государства. Таким образом, в условиях нарастания напряженности в межэтническом и межнациональном дискурсе актуализируется функция хранения и ретрансляции духовных ценностей интеллигенции, а также ее консолидирующий потенциал в поликультурном пространстве. Данные функции национальной интеллигенции, чаще реализуемые через НКЦ ориентированы на ревитализацию, сохранение и развитие этнокультурного портрета многонационального региона, основанного на специфике исторической, экономической, политической, хозяйственно-бытовой, социокультурной жизни региона, что в целом определяет накопление опыта гармоничных межкультурных контактов.

Литература:

1. *Истомина О.Б.* Инвектива как способ социально-психологического маркирования дискурса // Европейский журнал социальных наук. 2015. №3.
2. *Истомина О.Б.* Язык и этнос: тенденции развития в современном российском обществе (региональный аспект) [Электронный ресурс]: Монография. Саратов: Вузовское образование, 2016.
3. *Каткова Ю.В.* Социальное положение и функции гуманитарной интеллигенции в российском обществе: диссертация... канд. социол. наук. Казань, 2009.
4. Национальная политика России, история и современность. М., 1997.
5. *Тощенко Ж.Т.* Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М., 2003.

Социальное развитие и реализация научно-технологического потенциала России

О.В. Китайцева

кандидат социологических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия)

В настоящее время на научно-технологическое развитие России направлены значительные усилия. Об этом можно судить по тому факту, что из более 50-и федеральных целевых программ, предпринятых начиная с 2000 г., примерно четвертую часть составили программы развития высоких технологий, национальной технологической базы, науки, а также целый ряд программ, посвященных исследованиям и разработкам по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса.

Основой для выполнения амбициозных научно-технологических задач становится в первую очередь наука как таковая в смысле использования новейших научных достижений при реализации стратегии научно-технологического развития страны. В то же время субъектной областью научных разработок остаются люди, работающие в отраслях науки, напрямую или косвенно связанных с научной деятельностью. В этом контексте, безусловно, социальные условия для профессиональной реализации этих людей становятся важным ресурсом успешности их трудовой деятельности и, как следствие, напрямую влияют на успех выполнения целевых государственных программ. Поэтому предметом обсуждения данной статьи стали не только факторы и вызовы, влияющие на возможности научно-технологического развития Российской Федерации, но и те аспекты, которые обеспечат устойчивое, динамичное и сбалансированное развитие кадрового потенциала способного решить подобные задачи. Таким образом, важным элементом государственной научно-технологической и инновационной политики становится подготовка кадрового потенциала, грамотность и компетентность которого во многом определит эффективность привнесения инноваций, конкурентоспособность технологий и продукции на мировом рынке. Кроме того, компетентность научных кадров

позволит обеспечить промышленную и экологическую безопасность технологических процессов и рациональное использование природных ресурсов, которые минимизируют негативное воздействие на качество окружающей среды.

Рамкой рассуждений на эту тему может стать обоснование, которое дается в стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 г. [Стратегия..., 2016]. Особенность этой стратегии в том, что она заявлена не как стратегия развития науки как таковой, а скорее является неким компасом, выбирающим направления преодоления тех вызовов, которые актуальны в настоящее время. В этой связи развитие науки рассматривается не как самостоятельная деятельность, а как ответ или выявление возможностей по преодолению возрастающих вызовов современности. В тексте стратегии в частности говорится о том, что на сегодня основная задача — «трансформация науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способности страны эффективно отвечать на большие вызовы» [Стратегия..., 2016].

Сейчас очень много говорят о больших вызовах или так называемых «черных лебедях» современности. Термин, который ввел Н. Талб в своей книге «Чёрный лебедь», подразумевая редкие, трудно прогнозируемые события, которые имеют значительные последствия. С одной стороны, к большим вызовам относят совокупность проблем, угроз и возможностей, которые объективно требуют реакции со стороны государства, а с другой стороны, сложность и масштаб их таковы, что они не могут быть решены исключительно за счет увеличения ресурсов, потому что события типа «чёрный лебедь» являются неожиданными и влекут за собой масштабные последствия. В современной России к большим вызовам для общества, государства и науки относят: а) исчерпание возможностей экономического роста во всем мире, что стало следствием экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, а также формирования у ограниченной группы стран новых производственных цифровых технологий ориентированных на использование возобновляемых ресурсов; б) демографический переход, который вызвал новые социальные проблемы, обусловленные увеличением продолжительности жизни и старением населения в целом; в) возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду и рост рисков для жизни и здоровья людей; г) потребность в обеспечении продовольственной безопасности и независимости России; д) рост значимости энерговооруженности экономики и наращивание объема выработки и сохранения энергии; е) новые внешние угрозы, обусловленные ростом международной конкуренции и конфликтности; ж) необходимость

преодоления диспропорций в социально-экономическом развитии территории страны, а также укрепление позиций России в освоении космического, воздушного пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики [Стратегия..., 2016].

Для успешного преодоления этих вызовов требуется выработать такие подходы к управлению научно-технологическим развитием страны, которые бы обеспечили видение новых возможностей и защиту от больших вызовов, еще более важно, определить потенциал кадровых ресурсов.

Современное общество все чаще характеризуется исследователями как общество знания. Это следующий этап социальной эволюции, потому что концепция информационного общества отражает в основном количественные характеристики (рост технологических инноваций, экономической ценности информационной деятельности, увеличение занятости в информационной сфере и др.), в то время как для современного общества все же характерны качественные социальные изменения. В таком обществе основой и главной движущей силой общественного развития является результат научной деятельности, создаваемый как прикладной, так и фундаментальной наукой. Вместе с тем, если рассмотреть структуру современного технологического продукта, то сегодня более его 90% составляет НИОКР. Поэтому получается, что конечный продукт науки становится сублимированным интеллектом. Собственно в этом и есть главное отличие научного продукта от любого другого, даже достаточно технологического. В конечном продукте всегда есть капитал и труд, в индустриальную эпоху труд всегда был довлеющим над капиталом, потому что капитала было мало, а предложение на рынке труда существенно превышало спрос на него. Сегодня, в цифровую эпоху можно наблюдать совершенно иную картину: предложения на рынке капиталовложений сильно превышает спрос на труд. Люди становятся не нужными. При наличии денег предприниматель может сделать инвестиции в любую производственную сферу, например, купить автомобильное производство, инвестировать в его работу и получить желаемое, при этом люди будут не нужны. Таким образом, серьезное увеличение производительности труда практически во всех отраслях хозяйственной деятельности, включая даже сельскохозяйственное производство, где еще в начале XX в. работало почти 90% населения, а эффективность была такова, что нужны были еще люди, изменило потребность в рабочей силе. В начале предыдущего века сельское хозяйство выбросило лишних людей, и их подобрала промышленность. Теперь этот процесс, который произошел 100 лет назад в сельском хозяйстве, повторился с той лишь разницей,

что людей сегодня выбрасывают уже из промышленности за счет того, что появились новые цифровые технологии, многократно увеличивающие производительность труда. Сегодня уже никто не в состоянии обеспечить рабочие места, даже Д. Трамп, который говорил об этом в своей предвыборной программе. Так называемая новая индустриализация, которая стала характерной чертой цифровой эпохи, резко увеличила производительность труда и сократила потребность в рабочей силе. Для обеспечения занятости населения требуется расширить социальные инвестиции и резко сократить гонку за прибылью, что позволит расширить количество рабочих мест, которые будут как бы датироваться производством за счет искусственного снижения производительности труда и увеличения фонда оплаты в структуре затрат на производство. На сегодня другого ресурса, для того чтобы занять освободившихся людей, мы не имеем. Поэтому современные «желтые жилеты» во Франции — это луддиты XXI в., которые ломали паровые машины, лишаящие их работы. В этой связи можно снова говорить об актуальности возникновения общественных отношений, подобных коммунистическим, о которых писали еще классики марксистской эпохи, когда не прибыль диктует необходимость привлечения людей в производство экономического продукта, а наоборот отсутствие прибыли станет новой формой общественного сосуществования. Естественно при рыночном принципе ведения хозяйства этого построить невозможно, если сохранять ту же норму обогащения элит, на которую они претендуют.

В условиях новой индустриализации, которая приводит к потере рабочих мест, большое значение для обеспечения общественного благополучия приобретает гуманитарная составляющая. И тут возможны два варианта: либо идти путем уничтожения части населения, посредством развития ЛГБТ и сознательной бездетности, либо решать гуманитарные проблемы, сделав серьезную ставку на науку.

Сегодня наука претендует на то, чтобы стать главной производительной силой нового времени. Особое внимание к науке как гуманитарной силе современного общества связано с тем, что проблема высвобождения людей из процесса производства на волне новой индустриализации в меньшей степени относится к получению научного знания. Если в других отраслях общественного производства при наличии достаточных средств можно инвестировать в какой-либо проект или производство и получить желаемое, при этом участие людей не требуется, в науке же соотношение между научным трудом и интеллектом как результатом научного труда сохранилось прежнее. Научный труд также довлеет над интеллектом, потому что нельзя

инвестировать в интеллект и получить желаемое его приращение. Требуется инвестировать в людей, которые создают этот интеллект, поэтому в отличие от других отраслей экономики здесь работает старая схема. С этим в частности связан высокий спрос на интеллектуальные, научные кадры во всем мире. Поэтому в России, как и во всем мире, основная проблема достижения прорыва в технологиях и создания конкурентных научных разработок лежит в поле обладания квалифицированными, конкурентными кадрами. В этом смысле интересно, что россияне, оценивая возможности осуществления прорыва отечественной науки, интуитивно в первую очередь указывают на необходимость дополнительных финансовых вливаний (50%), которые смогут удерживать наиболее грамотных и перспективных ученых и исследователей в стране, обеспечат прекращение оттока российских ученых за рубеж [Российская..., 2018].

Вместе с тем, важно получить ответ на вопрос: способно ли российское научное сообщество выступить главной производительной силой и запустить какие-то проекты, которые бы вывели науку на роль главной производительной силой экономики. По мнению главы Российской академии наук А.М. Сергеева, которое он озвучил на X Гайдаровском форуме, состоявшемся в Москве в январе 2019 г., в России наука пока не стала производительной силой экономики. Проиллюстрировал он это, сравнив объемы источников финансирования науки в России и других странах. Если в целом говорить о тех средствах, которые выделяются на научные разработки, то конечно российские 1,12% ВВП, значительно меньше, чем, например, в ориентированных на науку странах, таких как Израиль, Южная Корея (порядка 4%) или Япония — 3,14% ВВП. В то же время, если обратиться к структуре финансирования науки, выделив те доли, которые дают государственный бюджет и экономика, то картинка изменится. В России структура финансирования такова, что из бюджета поступает 70% процентов от общего объема финансирования научных разработок, а бизнес и промышленность вкладывают только 30% от общего бюджета финансирования. Если сравнить с Японией, то там государство из бюджета дает 20% от общего объема ВВП, направляемого на науку, остальное — бизнес и если посмотреть по другим странам, то там примерно такая же картина. Получается, что проблема финансирования науки связана, прежде всего, с тем, что по сравнению с другими наукоемкими странами наш бизнес крайне мало вкладывает в финансирование долгосрочных, наукоемких проектов. Россияне это тоже ощущают: согласно данным инициативного всероссийского опроса «ВЦИОМ-Спутник», проведенного в январе 2018 г., 48% россиян отмечают, что мировая на-

ука сейчас на подъеме, а вот российская скорее находится в позиции догоняющего (37%) и отстает от мировой. Как результат, при выборе профессии россияне не часто склоняются к научной карьере и менее половины россиян считают престижной профессию ученого.

Получается сегодняшняя задача стимулировать промышленность, сельское хозяйство, другие сферы экономики вкладывать в науку не только на этапе, когда инновации уже определенно дадут мощный практический результат, выраженный в увеличении прибыльности отраслей экономики, а в этапы, которые подготавливают эти инновации, когда результат еще далеко. Фактически, российскому бизнесу надо отказаться от практики «снятия сливок», а полноценно подключиться к финансированию научных разработок на долговременной основе, имеется в виду вложиться в поисковую часть исследования, а еще лучше в фундаментальные исследования, которые и являются базисом для выхода на эффективные прикладные инновации.

Мы живем в рыночной экономике и просто так заставить бизнес сделать долгосрочные инвестиции не просто, поэтому нужны какие-то меры стимуляции. Государство ищет разные пути, которые отражены в майском 2018 г. указе президента РФ, определяющем национальные цели развития страны на период до 2024 года [О национальных..., 2018]. Один из путей связан с созданием сети из 15 научно-образовательных центров мирового уровня, которые должны появиться в России к 2024 г., в них как раз предусмотрено участие промышленности и довольно значимое. В стратегии национального развития поставлена задача выйти хотя бы на пропорцию равно долевого финансирования науки, как со стороны государственного бюджета, так и со стороны бизнеса, что видимо как раз и станет интегральным показателем, который покажет степень включенности экономики в науку, и то насколько наука действительно стала производительной силой экономики.

Вместе с тем, основной ресурс, который может предоставить наука бизнесу, промышленности — это конечно кадры, подготовка конкурентоспособных кадров. Среди новых проектов, которые становятся востребованы в бизнесе, можно назвать принятие закона о «научно-технических долинах», в котором прописано право вузов и НИИ самостоятельно учреждать научно-технические центры, куда кроме университетов одновременно входят представители промышленности или сельского хозяйства. Руководство проектом возлагается не на один какой-нибудь вуз, а на специально созданную государственную управляющую компанию, в ведение которой передаются большое количество ресурсов: в том числе, земля; средства производства; инвестиции. Интерес бизнеса при участии в таких проектах объясняется воз-

возможностью участвовать в подготовке инновационных кадров, в связи с тем, что промышленность часто не удовлетворена качеством кадров, подготовленных вузами страны. Так заместитель председателя правления Сбербанка С.К. Кузнецов, выступая на X Гайдаровском форуме в Москве в январе 2019 г., сказал, что реализуя программу «Цифровая экономика...», руководство было совершенно не удовлетворено качеством кадров, подготовленных вузами страны. Компания даже была вынуждена создать корпоративный университет, чтобы доучивать или создавать те кадры, которые им реально нужны.

Сегодня основной запрос бизнеса, касающийся кадрового ресурса — интердисциплинарный характер подготовки кадров, который отличается от междисциплинарного подхода тем, что изучаемые дисциплины как бы проникают друг в друга, размывая дисциплинарные границы и одновременно, синтезируя принципиально новые форматы обучения студентов. Более того, к университетам предъявляются совершенно новые требования. Чтобы сегодня отвечать на глобальные вызовы, университеты должны быть открытой системой, совместно работающей в разных направлениях: со школой, академией наук, бизнесом, венчурными фондами и т.д. Открытость, уход от стереотипа закрытой, изолированной системы, должны стать ключевым понятием при создании научно-образовательных центров мирового уровня, что предполагает взаимодействие с другими университетами для построения сетевого взаимодействия, формирования инновационных компетенции у кадрового ресурса. Такая открытость предполагает, что университет не имеет национальных границ, выходя на новый уровень мобильности студентов и преподавателей, позволяющий одновременно решать научные задачи и окончательно устранить проблему утечки кадров.

Участие университетов в новых комплексных формах взаимодействия с бизнесом с привлечением финансирования от крупных, флагманских в своих отраслях компаний для решения научных и образовательных задач позволит получить финансирование науки не только из бюджета, но и от бизнеса. Только в этом случае университеты останутся основным элементом в цепочки подготовки высокотехнологичных кадров, но будут обладать принципиально другими характеристиками, что обеспечит новым кадрам, которые они готовят конкурентоспособность, а университетам процветание и реализацию научного потенциала.

Собственно, если проанализировать те стратегические цели, которые ставятся в национальных проектах ориентированных на прорыв в области науки и технологий, то можно отметить, что вопро-

су кадрового обеспечения отводится первостепенная значимость. Растут требования к квалификации исследователей, ужесточается международная конкуренция за талантливых высококвалифицированных работников и привлечение их в науку, инженерию, технологическое предпринимательство. Таким образом, именно обладание квалифицированными кадрами позволит ответить на ряд больших вызовов, перед которыми сегодня в равной степени стоят как Россия, так и другие страны.

Литература:

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. №204.
2. Российская наука: деньги — двигатель прогресса? // Официальный сайт ВЦИОМ. 2018. 5 февраля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8924> (дата обращения: 09.01.2019).
3. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035г. Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. №642.

Техническая интеллигенция как социальная группа российского общества: объективные и субъективные факторы

Е.И. Макаренко

кандидат исторических наук, доцент
Московского автомобильно-дорожного государственного технического универ-
ситета (МАДИ) (Москва, Россия)

К технической интеллигенции относятся специалисты с высшим техническим образованием, занятые на производстве, а также в сфере разработки интеллектуального продукта для развития науки и техники. Техническую интеллигенцию нельзя назвать новой группой в составе российского общества. Сформировавшись в нашей стране в качестве узкой элитарной прослойки в начале XX в., техническая интеллигенция сыграла одну из ведущих ролей в экономике страны, ее техническом обеспечении. До 90-х гг. XX века к технической интеллигенции было принято относить инженерно-технических работников (ИТР). Это были инженеры и высококвалифицированные технические специалисты, занятые в военно-промышленном комплексе, в различных секторах производства, строительства, транспорта, связи и т.д. ИТР стали массовым слоем, занимая в социальной структуре общества довольно значительное место. В документах статистических органов их все чаще именовали «специалистами», поскольку подразумевалось, что речь идет о квалифицированных специалистах, занятых преимущественно умственным трудом.

Отличительные черты советской технической интеллигенции:

- 1) это был крайне многочисленный социальный слой;
- 2) у технической интеллигенции была довольно высокая степень социальной однородности;
- 3) она обладала высокой степенью социального престижа, особенно характерная для поколения 50–60-х гг.;
- 4) имела хороший уровень материальной оплаты труда, который к концу 70-х начал снижаться в угоду «идеологических соображений»

о том, что интеллигенция вообще является только прослойкой в обществе и, соответственно, не может получать больше чем представители двух основных классов — рабочего класса и колхозного крестьянства [Макаренко, 2010].

Техническая интеллигенция по-прежнему существует в социальной структуре российского общества, но в большой степени потеряла свойственную ей в советские времена социальную однородность. Вследствие экономических и политических преобразований изменилась и сама техническая интеллигенция, ее социальная база. Принципиальным моментом при анализе объективных и субъективных факторов, определяющих современную техническую интеллигенцию, является введение частной собственности и переход к рыночным отношениям. Именно этот факт свидетельствует о значительной трансформации социальной структуры российского общества, роли интеллигенции в целом, и технической, в частности в решении социальных проблем, а также о ее качественном изменении.

Г.Г. Силласте полагает, что интеллигенция в настоящее время расчленена на несколько страт: высшую интеллигенцию, массовую интеллигенцию, полуинтеллигенцию [Силласте, 2017: 41].

Соглашаясь с таким подходом, стоит отметить, что техническая интеллигенция в настоящее время также подвержена этой классификации. К высшей интеллигенции можно отнести крупных ученых, руководителей крупных промышленных предприятий, имеющих не только менеджерские навыки, но и хорошую техническую подготовку. Среди технической интеллигенции их роль мала. Представителями массовой интеллигенции являются инженеры, преподаватели технических дисциплин, высококвалифицированные специалисты, работающие в промышленности, строительстве, на транспорте. Этот слой наиболее подвержен безработице как и в начале рыночных реформ, так и в настоящее время. Полуинтеллигенция — техники, высококвалифицированные рабочие. Кроме того, представители этой части будут в скором времени значительно пополняться выпускниками бакалавриата, ориентированными на выполнение прикладных, базовых рабочих функций на производстве. По уровню жизни преобладающая часть этой страты испытывает значительные материальные сложности, подвержена распространению бедности.

Выделим объективные и субъективные факторы, оказывающие мощное влияние на современную техническую интеллигенцию и ее стратификационный профиль. К объективным факторам мы относим: экономическое положение страны, научно-техническую, промышленную и инновационную политику, материальное положение

населения, состояние сферы образования, международную ситуацию и в т.ч. глобализацию, четвертую промышленную революцию и цифровизацию, исторический опыт проведения преобразований, а к субъективным: оценку экономических преобразований и своего материального положения представителями технической интеллигенции, уровень удовлетворенности своей работой, ощущение престижности профессии, гражданское позиционирование в обществе, степень доверия государственным властным институтам и проводимой научно-технической политике.

Экономическое положение страны всегда является наиболее важным и определяющим фактором развития определенных классов, слоев и групп. Именно поэтому изменениям, произошедшим в конце XX — начале XXI вв. в экономике страны необходимо уделить особое внимание. В это время отечественная техническая интеллигенция приобретала свои отличительные социальные черты под воздействием приватизации и перехода к рыночным отношениям. Известно, что за последние 25 лет экономика страны претерпела колоссальные структурные изменения, причем далеко не в лучшую сторону. Это выразилось в системном переходе на сырьевые источники доходов, в резком и продолжительном падении промышленного производства, в развале фундаментальной и прикладной науки, институтов экономического роста. Данные Росстата свидетельствуют, что численность предприятий и организаций, занимающихся добычей полезных ископаемых и производством, и распределением электроэнергии, газа и воды по сравнению с 2000 г. растет, а в обрабатывающих производствах снижается. Это свидетельствует о развитии ресурсных отраслей промышленности, а не высокотехнологичных сфер производства. Так прирост промышленного производства к 2018 г. составил 1% [Заседание...].

На этом фоне в последнее время значительно понизилось материальное положение и жизненный уровень как большинства населения страны, так и представителей технической интеллигенции. Рост бедности, усиливающаяся имущественная стратификация, рост инфляции, снижение реальных доходов населения, изменение потребительского поведения — стали основными показателями понижения жизненного уровня россиян. Это признается учеными и государственными деятелями и подтверждается официальными данными. В связи с переходом к рыночным отношениям научно-техническая политика также претерпела глубокие изменения. Общеизвестно, что наука и технологии являются мощным фактором экономического развития. Не стоит забывать, что научно-техническая политика — важный инструмент национальной безопасности страны и во многом определяет

место государства на международной арене. В настоящее время научно-техническая политика руководствуется следующими нормативными основополагающими документами: Законом РФ «О промышленной политике в РФ» (2014 г.), «Стратегией научно-технологического развития РФ» (2016 г.), Указом Президента России от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», где определены 12 основных национальных проектов. В последнее время все больше внимание в научно-технической политике уделяется инновационным преобразованиям. Но, необходимо отметить, что инновации слабо внедряются на практике в реальный сектор экономики, т.е. научно-техническая политика не реализуется в должной мере.

Определяет положение отечественной технической интеллигенции и современная международная ситуация, процессы глобализации, цифровизации и информатизации. Известно, что ведущие индустриальные страны значительно продвинулись по этой стезе, ученые и политики все больше размышляют о четвертой промышленной революции, которая будет значительно влиять на жизнь людей в целом, на социальную стратификацию, трансформацию социальных отношений. Одной из актуальнейших проблем в современном мире становится поиск новых возможностей для консолидации мирового сообщества. На состоявшемся в 2019 г. Всемирном экономическом форуме в Давосе, которой проходил под девизом «Глобализация 4.0: создание глобальной архитектуры в эпоху четвертой индустриальной революции» главной темой обсуждения стали последствия глобализации и индустриальной дигитализации. Одной из характерных особенностей проявления процессов современной глобализации стала нестабильность мирового порядка, не учет мнения многих групп и слоев общества, недоверие к элитам населения многих стран. «Глобализация 4.0» должна учитывать интересы всех членов общества, в большей степени базируясь на принципах морали. «Нам нужна реморализация глобализации», — заключает исполнительный председатель форума К. Шваб [Давос...].

При определении факторов, определяющих социальный облик технической интеллигенции, ведущая роль отдается образованию. «Существенной и независимой сферой общества (а не институтом в рамках социальной подсистемы общества) предстает образование. Более того, образование становится почти доминирующей структурой общества: оно определяет сферу труда и экономики; оно является стратегическим ресурсом в рамках функционирования государственных и политических структур; оно группообразующий принцип, фун-

даментальная основа процесса социализации и ежедневного воспроизводства общества» [Тощенко, 2016: 205]. Соглашаясь с этим подходом, считаем, что образование для интеллигенции с полным правом можно назвать смыслообразующим признаком. Поэтому все, что связано в обществе с развитием образования прямо влияет на качественные характеристики этой социальной страты. К основным проблемам современного отечественного образования, связанных с переходом к рыночным отношениям, отнесем такие как: изменение статуса образования в современном обществе и в государстве, его коммерциализацию, снижение качества подготовки специалистов, переход на западные образцы преподавания (тесты, механическое «натягивание» на сдачу экзаменов и ЕГЭ, не учет традиций высшей школы, особенно технической, пренебрежение позитивных особенностей подготовки дореволюционной и советской интеллигенции и т.д.). Безусловно, это прямо связано еще с одним фактором формирования современной технической интеллигенции — историческим наследием и преемственностью. Этот слой действует в условиях, когда в обществе (скорее всего специально) затушевывается и недооценивается исторический опыт проведения социальных преобразований, в том числе, направленных на научно-техническое развитие, теряются морально-нравственные и мировоззренческие ориентиры, индивидуализм, «голый» утилитаризм приходят на смену гуманизму, солидарности, социальной ответственности, всегда в большей мере присущих отечественной интеллигенции.

На фоне краткого анализа объективных факторов, определяющих современную техническую интеллигенцию, обратимся к субъектным факторам, т.е. оценкам ее представителей об экономических преобразованиях и своей профессиональной деятельности. В период с 2010 по 2019 гг. автором был проведен ряд исследований, направленных на изучение технической интеллигенции: массовый опрос (2010–2011 гг.) — 910 опрошенных, экспертный опрос делегатов Съезда Ассоциации инженерного образования России и слушателей курсов повышения квалификации МАДИ (2015 г.) — 74 человека. Кроме того, в настоящее время проводится и до конца не закончен полевой этап опроса экспертов в сфере промышленного производства. Планируемая выборочная совокупность — 50 чел. На момент подачи статьи собрано 34 анкеты эксперта (более половины), что позволяет предоставить некоторые оценки респондентов и их ответы на открытые вопросы в результате первичной обработки информации.

Данные массового опроса «Техническая интеллигенция и модернизация экономики» свидетельствуют о том, ее представители оценивают уровень обеспеченности своей семьи как средний (66,2%) и ниже

среднего (22,4%). Среди источников доходов преобладает зарплата по основному месту работы — 86,6%. Среди опрошенных в наибольшей степени были удовлетворены уровнем своей материальной обеспеченности женщины и работники государственных предприятий, в меньшей — мужчины и работники оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Полагаем, что, во-первых, мужчины традиционно воспринимают себя как «кормильцы» семьи и поэтому, естественно, ощущают недовольство материальной обеспеченностью в большей степени, чем женщины. И, во-вторых, современной тенденцией в ОПК становится невысокая заработная плата и социальные льготы. Здесь напрашивается аналогия с советским периодом деятельности технической интеллигенции в рамках военно-промышленного комплекса (ВПК) тех лет. Известно, что это была высокооплачиваемая работа, с большим количеством гарантированных социальных льгот, обеспеченностью достойной пенсией и значительным уровнем социального престижа. Современная техническая интеллигенция «похвастаться этим не может». Данные о низкой оценке своего материального положения и уровня жизни интеллигенции подтверждаются и в актуальных исследованиях социологов из РГГУ. Е.А. Колосова указывает, что «...именно трудящиеся, в особенности интеллигенция, оценивают собственное материальное положение и социальный статус ниже и демонстрируют более низкий уровень удовлетворенности жизнью, также, как и работой в целом, и отдельными аспектами условий трудовой деятельности» [Колосова, 2018.]

Ответы экспертов в 2018–2019 гг. на открытый вопрос «Как Вы считаете, почему в промышленной сфере российского общества в настоящее время в достаточной степени не внедряются инновации?» свидетельствуют о непонимании и недоверии к проводимой в стране научно-технической и инновационной политики: «нет поддержки государства, низкий уровень технической культуры общества» (муж., нач.отдела, пром.сектор экономики); «одни лозунги, нет конкретной реализации» (муж., Ассоциация технологов-машиностроителей России); «не ощущаю понимания наших действий со стороны чиновников из министерства» (жен., зав. отделом инноваций крупного оборонно-промышленного предприятия). В экспертном опросе были указаны конкретные фамилии, но мы не считаем возможным предоставить их для широкого научного обозрения.

Понимаем, что отношение к экономическим преобразованиям и научно-технической политике тесно связано с гражданским позиционированием в российском обществе. И.И. Осинский и М.И. Добрынина по степени развития гражданских позиций выделили 5 групп

специалистов и отнесли инженерно-технических работников к наиболее многочисленной и активной по степени выражения гражданских позиций (от наименее развитых к наиболее: 1 — управленцы, характеризующиеся высоким уровнем доходов и другими высокими ранговыми соц. позициями; 2 — специалисты в области политических услуг, олигархическая верхушка; 3 — специалисты, знающие и добросовестно выполняющие профессиональные обязанности; 4 — духовенство и 5 группа: врачи, учителя, ИТР, часть журналистов, управленцев где нашли наибольшее воплощение сущностные гражданские позиции» [Осинский, Добрынина, 2017]. Действительно, представители технической интеллигенции, остро ощущающие в настоящее время сложности с трудоустройством, нестабильность занятости в целом, понимают «на своей шкуре» как трудно осуществлять инновации на производстве. Поэтому они, поддерживая цели и задачи проводимых реформ, не всегда соглашаются со степенью эффективностью и быстрой «рапортовой», формально-заявленной реализацией политики.

Особо хотим остановиться на таком важном во все времена субъективном факторе как удовлетворенность своей работой и провести сравнительный анализ удовлетворенности трудом современной технической интеллигенцией и советскими инженерами. Построим свое сравнение на принципах, предложенных В.А. Ядовым в 1977 г. в научном труде «Социально-психологический портрет инженера»: «оценки удовлетворенности различными производственными ситуациями и работой в целом — не что иное, как свидетельства, индикаторы соотношения потребностей и запросов личности с субъективными оценками возможностей их удовлетворения. Они зависят ...от характера и уровня потребностей, объективных условий деятельности, от адекватности притязаний личности и ее представлений относительно реальных возможностей реализовать потребности в данных условиях». Опираясь на данное положение, ученый формулирует удовлетворенность работой как «результат согласования системы потребностей и диспозиций личности с субъективной оценкой практических возможностей реализовать их в данных условиях» [Ядов, 1977: 144].

В чем основные отличия удовлетворенности своим трудом советских и современных представителей технической интеллигенции?

1. В условиях рыночной экономики вопросы материального обеспечения, получения социальных льгот приобретают для технической интеллигенции далеко «не праздное значение». Невысокий средний уровень зарплаты инженерно-технических работников в современной России, низкая материальная обеспеченность и защищенность, являются подтверждением этого факта. Особенно остро ощущают свою

неудовлетворенность респонденты в вопросах социальной защищенности, отсутствии социальных льгот (включая доступ к медицинскому обслуживанию и возможности отдыха). Эти проблемы не были главенствующими для советских инженеров — самым главным для них являлись отношения в коллективе.

2. Значительным изменениям по сравнению с предыдущими подвергся такой показатель удовлетворенности трудом как «карьера». У советских инженерно-технических работников удовлетворенность профессиональным продвижением была на самом низком уровне, тогда как современные представители технической интеллигенции продемонстрировали высокий общий процент (68% — данные массового опроса) важности этого показателя и получения удовлетворения от работы в связи с профессиональным и карьерным продвижением. Надо признать, что в условиях рыночной экономики социальная и профессиональная мобильность инженеров возрастает. Изменяется их поведение на рынке труда и профессий, появляется больше возможностей для карьерного роста. Полагаем, что это является позитивным моментом для развития профессиональных знаний, умений и компетенций в настоящее время.

3. Показательным фактом является то, что в конце периода строительства развитого социализма для большинства инженерно-технических работников наиболее высоко в плане удовлетворенности своим трудом оценивалась позиция «общественный престиж работы». Данный показатель в оценке современной технической интеллигенции изменился «ровно наоборот». Социальный престиж своей деятельности занимает одно из последних мест в плане удовлетворенности трудом.

В заключении краткого анализа влияния объективных и субъективных факторов на современную техническую интеллигенцию можно сделать ряд выводов:

В результате трансформации социально-экономических и общественно-политических отношений конца XX в. — нач. XXI в. в таком социальном слое как техническая интеллигенция произошла значительная дифференциация, которая обусловлена, прежде всего, переходом к рыночным отношениям.

Объективные условия, детерминирующие развитие современной технической интеллигенции, ухудшают ситуацию в ее позиционировании в современном российском обществе и не способствуют реализации ее традиционного социального предназначения — быть опорой научно-технологических и инновационных преобразований.

Субъективные оценки представителей технической интеллигенции, полученные в результате ряда социологических исследований

последних лет, показывают значительные сложности в понимании представителями технической интеллигенции инновационных преобразований и демонстрируют не высокий уровень доверия проводимой государством политике.

В современных объективных и субъективных условиях техническая интеллигенция в целом рассчитывает, прежде всего, на повышение своего материального положения и жизненного уровня.

Литература:

1. Давос. URL: <https://www.dw.com/ru/глобализация-40-или-проблемы-форума-в-давосе/a-47150519> (дата обращения: 24.01.2019).
2. Заседание Президиума Госсовета РФ по вопросам промышленного потенциала регионов. URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/56768>. (дата обращения: 02.02.2018).
3. Колосова Е.А. Неопределенность занятости интеллигенции: смыслообразующая неоднородность по различным основаниям // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Соц. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2018. С. 135–138.
4. Макаренко Е.И. Социальная база технической интеллигенции в условиях кризиса // Социологические исследования. 2010. №10. С. 26–29.
5. Осинский И.И., Добрынина М.И. Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире // Социологические исследования. 2017. №1. С. 153–155.
6. Силласте Г.Г. Формирование новой экономической интеллигенции в условиях рыночной экономики: монография. Под общ.ред. Ю.В. Борисова. М.: ИНФРА-М, 2017.
7. Тощенко Ж.Т. Социология жизни: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
8. Ядов В.А. Социально-психологический портрет инженера. М.: Мысль, 1977.

РАЗДЕЛ V

ЦИФРОВОЙ МИР И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Интеллигенция в цифровом мире

Г.К. Уразалиева

кандидат философских наук, доцент
Российского государственного гуманитарного университета
(Москва, Россия)

Судьба интеллигенции в России в XXI в. тесно связана с ее ролью в информационном обществе, творчеством и продвижением в Интернете. Все глубинные характеристики, данные ранее в исследованиях в социальных и гуманитарных науках в XIX и в XX вв., ее особенная роль и миссия, может прочитываться в новом контексте освоения и присвоения цифрового мира, позиционирования себя в нем, выполнения своих функций, задач и наполнения смыслом своего пребывания в виртуальной реальности.

Запрос концепта «интеллигенция в цифровом мире» на двух языках в поисковике Google приводит к следующим результатам. «Интеллигенция в цифровом мире» на русском языке встречается примерно 601.000 за (0,33 сек.). На английском языке это словосочетание обозначается как «The intellectuals in the digital world» и встречается примерно 7.030.000 (0,32 сек.), то есть в 11 раз больше. Первоначальный смысл выстроился вокруг слова digital — цифровой. На английском digital упоминается примерно 6.760.000.000 (0,46 сек.). На русском языке слово «цифровой» упоминается в различных словосочетаниях в 85 раз меньше, примерно 79.700.000 (0,50 сек.). Ясно, что Винер и его «Кибернетика», затем с помощью его теории вся компьютерная техника и технология, привели к первенству западного мира в области перехода к информационному обществу. Создание Интернета в военных интересах, а затем и для коммуникации миллионов гражданских лиц, дали толчок новой четвертой IT-революции, которая держится на деятельности интеллектуалов. А как быть с нашим отечественным субъектом, называемым интеллигенцией? Как мы осваиваем то, что является главным трендом в мире?

Боясь опоздать на все ускоряющийся глобальный поезд в будущее, на государственном уровне *летом 2017 г. российское правительство приняло* программу *реализации* «цифровой экономики». В 1995 г.

Н. Негропонте из Массачусетского университета, разъясняя преимущества новой экономики в связи с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий, употребил термин «цифровая экономика» (digital economy) [Стратегия, 2017]. С тех пор мир меряет степень цифровизации национальных экономик. «Цифровыми» странами-лидерами на сегодняшний день являются Норвегия, Швеция и Швейцария. В топ-10 входят США, Великобритания, Дания, Финляндия, Сингапур, Южная Корея и Гонконг. Пока же в рейтинге цифровых экономик мира Россия занимает 39-е место, соседствуя с Китаем, Индией, Малайзией и Филиппинами. В утвержденной в России «Стратегии развития информационного общества РФ на 2017–2030 годы» дано следующее определение: «Цифровая экономика — это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, обслуживания, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [Стратегия, 2017]. Обозначены шесть основных принципов Стратегии. Это:

- а) обеспечение прав граждан на доступ к информации;
- б) обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией;
- в) сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг;
- г) приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий;
- д) обеспечение законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях;
- е) обеспечение государственной защиты интересов российских граждан.

Гуманитарной интеллигенции, скорее всего, придется взять на себя ответственность по пунктам б), г) и е). Стратегия призвана способствовать обеспечению следующих национальных интересов:

- а) развитие человеческого потенциала;
- б) обеспечение безопасности граждан и государства;
- в) повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве;
- г) развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодей-

ствия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления;

д) повышение эффективности государственного управления, развитие экономики и социальной сферы;

е) формирование цифровой экономики.

Как мы видим, национальные интересы РФ в пунктах а) и в) непосредственно совпадают с профильными интересами социально-профессиональной группы интеллигенции. Одной из ведущих задач в этой Стратегии обозначено формирование информационного пространства знаний. Оно заполнено в первую очередь развитием науки, новыми образовательными и просветительскими проектами, продвижения русского языка в мире, поддержки традиционных (отличных от доступных с использованием сети «Интернет») форм распространения знаний. Перечислены девятнадцать (19) условий для формирования информационного пространства знаний, большинство которых также коррелируют со смыслами деятельности российской гуманитарной интеллигенции. Это, например, необходимость действовать:

а) в области духовно-нравственного воспитания;

б) в области просветительства, направленного на обеспечение доступа к знаниям, достижениям современной науки и культуры;

в) в сохранении культуры и общероссийской идентичности народов России;

г) в формировании безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Стратегия, 2017].

Обозначены девять (9) направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий, где гуманитарной интеллигенции придется занять свою нишу, во-первых, как субъекту новых знаний и компетенций. Во-вторых, как защитнику интересов граждан РФ, потребителей всех продуктов цифровой экономики, а затем и как борцу против цифрового неравенства, цифрового рабства своих граждан.

В мире в 2019 г. отмечены основные тренды развития всемирной паутины, где в среднем на 9–10% приросла аудитория пользователей:

1) Интернета — 4,39 млрд (+366 млн)

2) соцсетей и мессенджеров — 3,48 млрд (+288 млн)

3) соцсетей на мобильных устройствах — 3,26 млрд (+297 млн)

4) мобильных устройств — 5,11 млрд (+100 млн или +2% по сравнению с 2018 г.)

Интересен фактор времени, которые пользователи проводят в Интернете. В среднем пользователи бывают онлайн 6 часов 42 минуты каждый день, из них на **соцсети и мессенджеры** в среднем

тратят 2 часа 16 минут. Но есть различие во временной культуре потребления Интернета. В азиатских странах, например, в Японии пользователи обычно сидят в соцсетях всего 36 минут в день. На другом конце шкалы — филиппинцы, которые тратят на соцсети 4 часа 12 минут [Аналитики «We Are Social»].

Эти столь разные временные интервалы пребывания в Интернете напоминают известное положение К. Маркса о свободном времени, которое есть «пространство для развития личности». Философ В.М. Межуев, анализируя концепцию классика о свободном времени, отмечает, что «в свободное время люди производят не вещи и не идеи, а самих себя во всем богатстве и разносторонности своих связей и отношений с миром и другими людьми» [Межуев, 2017]. Особенность свободного времени в цифровом мире проявляется в том, что индивиду нет необходимости в своем реальном офлайн пространстве страдать от недостатка наличных культурных объектов. Он может разнообразить свой досуг, расширить кругозор, приобщиться к тому, что создано до него, существует в культуре, пользуясь возможностью интернета-вещей.

И социальное время гражданского общества по-настоящему становится свободным, когда предоставляет индивиду свободу выбора форм своего общения и видов деятельности, делает его непохожим на других, живущим в меру своей индивидуальности. И совершенно справедливо Межуев задается вопросом: «Но разве не в этом, в конечном счете, состоит смысл общественного развития, если, конечно, понимать под ним развитие самого человека, а не чего-то другого?».

Интернет и социальные сети современному человеку предоставляют такую возможность для саморазвития, создания различных сообществ по индивидуальным запросам, не связанным с рабочими и производственными задачами,

В работе «Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки» анализировалась жизнь современной российской гуманитарной интеллигенции, исходя из концепции социологии жизни. Гуманитарная интеллигенция в 1990-ые гг. оказалась наиболее радикальной в требованиях общественных преобразований, особенно в политэкономических отношениях. Она работает в области «субъект — субъектных отношений», избранные социальные группы интеллигенции — работники образования, здравоохранения, культуры являются самыми многочисленными. Именно от них во многом зависит функционирование общественного сознания. [Как живешь интеллигенция?, 2018]. В анкете, предложенной 1350 респондентам, был, на мой взгляд, один из важнейших вопросов о способах проведения свободного времени. Среди 21 ответа был один, посвященный Интернету, а именно «Ищут

информацию в Интернете». Вот как отвечали три группы работников: педагоги, медработники, работники культуры (табл. 1).

ТАБЛИЦА 1

Как проводят свободное время	Группы работников		
	Педагоги	Медработники	Работники культуры
Читают художественную литературу	47,6	34,3	45,8
Смотрят телепередачи, слушают радио	47,2	53,3	42,1
Ищут информацию в Интернете	47,6	40,4	38,5

[Источник: Как живешь интеллигенция?, 2018: 329].

Ищут информацию в Интернете большинство молодых людей до 30 лет — 56,2%, от 31 до 35 лет — 44%, от 36 до 40 лет — 44,1%, от 41 до 50 лет — 33,6%, старше 60 лет — 31,8%.

Как видно от трети до половины гуманитарной интеллигенции — активные интернет-пользователи. Среди них 46,6% мужчин и 39,6% женщин. Еще раз упоминание об Интернете встречается в вопросе об источнике политических новостей. Их него черпают информацию о текущей политике 59,1% мужчин и 41,6% женщин. Почти половина гуманитарной интеллигенции знакомятся с политическими новостями из Интернета. До 30 лет — это 51,2%, до 35 лет — 44%, до 40 лет — 51,5%, до 50 лет — 40,9%, старше 60 лет — 43,3%. Пальму первенства держит ТВ — от 55% в младшей и до 82% в старшей возрастной группе узнают все из теленовостей.

Самыми продвинутыми поисковиками политических новостей оказались педагоги — 56,7%, затем работники культуры — 50,8% и медработники — 40,6%. И для них информация «из ящика» это первоочередной канал — 73,4%, 71,6% и 69,1% соответственно смотрят теленовости. Интернет как источник новостей доминирует у гуманитарной интеллигенции, проживающей в мегаполисе — 49,5%, в республиканских и областных центрах — 45%, в районных центрах — 42,7% и на селе — 35,8% [Как живешь интеллигенция?, 2018: 327–330]. Видимо, программа внедрения широкополосного интернета в РФ в сельской местности еще не реализована в достаточной мере.

Свободное время российской гуманитарной интеллигенции расходуется на то, что Маркс называл общественным богатством. По его логике, свободное время как досуг и как время для более возвышенной деятельности превращает того, кто им обладает, в иного субъекта. Эта

инаковость субъектности интеллигенции проявляется в том, что каждый, кто выстраивает свои интернет-коммуникации, становится в той или иной мере сетевым человеком. Мы можем зафиксировать новую конфигурацию пространственно-временного континуума, присущего социальной реальности XXI века, а именно, пространство сжимается до экрана компьютера или смартфона, мобильного телефона, и основным критерием пребывания или же проживания реальной жизни становится время нахождения перед экраном, погружения в Интернет. В июне 2017 г. число зарегистрированных пользователей социальной сети «Facebook» превысило 2 млрд человек, при этом активных русскоговорящих пользователей по данным на 2014 г. — чуть больше 22 млн. С этим показателем Фейсбук находится в топе самых посещаемых сайтов Рунета, на 9 месте. По достижению такого внушительного количества пользователей главный создатель, организатор и идеолог социальной сети М. Цукерберг объявил о смене миссии на ближайшие десять лет: «Дать людям возможность строить сообщество и достичь большего единства в мире, где у каждого человека будет смысл в жизни и чувство принадлежности к социуму» [Zuckerberg, 2017].

Какими же характеристиками обладает условно названный «Сетевой человек»? Сетевой подход, сетевой анализ, анализ социальных сетей не стал мейнстримом современной социологии, но лидирует в прибавлении интереса к тематике из-за реального возрастания сетевого в жизни современных обществ. Термин «сетевой человек» вошел в обиход повседневной жизни, становится предметом научных исследований, приблизился к порогу его концептуализации. Попытку привлечь к этой работе студентов СФ РГГУ я начала в учебном курсе «Методика преподавания социологии», а затем курса «Социология» на других факультетах РГГУ. Виртуальной площадкой для выполнения домашних заданий стал мой блог «Сетевой человек», созданный на платформе Вордпресс 9 ноября 2011 г. На протяжении семи последних лет в рамках учебных курсов студенты выполняли домашнее задание написать в блоге свои ответы на вопрос «Кто есть сетевой человек? Могли бы себя назвать таковым?» [Уразалиева, 2019].

С 2011 г. по февраль 2019 г. в блоге размещены 428 текстов студентов, среди которых подавляющее большинство девушки, и 98% назвали себя сетевыми людьми. Какие характеристики ими перечислены в пользу данной самоидентификации? В первую очередь студенты так себя маркируют из-за постоянного использования сети Интернета в связи со своими разными потребностями: «Я, как человек, который родился в 2000 г. и вырос в окружении различных гаджетов (камеры, телевизоры, позже — компьютеры и ноутбуки), могу, как мне кажется, наиболее точ-

но определить понятие “сетевого человека”. Это тот, кто постоянно находится в сети, кто может анализировать информацию, поступающую с различных сторон. Это человек, которому для убеждения в чем-либо нужно более, чем два или три источника информации.... Основными характеристиками сетевого человека я бы назвала мобильность, отсутствие привязанности к чему-либо, умение анализировать и искать информацию, а также предпочтение различных интернет сервисов (по покупке, доставке и пр.) реальным магазинам» [Уразалиева / Есенина, 2019].

Сетевой человек использует сеть Интернет для поиска информации, общения, работы, нахождения контактов и бизнеса. У такого человека происходят важные социальные изменения в межгрупповых отношениях. Студенты пишут, что сетевыми людьми у них являются три поколения родственников: *«Я сетевой человек, мои друзья, мои родители, и даже мой дедушка (а ему в следующем году исполняется 80 лет!)»* [Уразалиева / Журавлева, 2016].

Для студентов-социологов присуще понимание удвоения сетевых сообществ в виртуальной реальности как того, что первоначально существовало в реальности. Те же сценарии общения, которые человек в повседневности осуществлял десятилетиями, теперь приобрели еще виртуальную форму. *«Мне кажется, что не стоит ограничиваться только Интернет-сообществами. Наш социум, я считаю, существует за счет собственно сетевых сообществ, которые в XXI веке начинают воссоздаваться в виртуальном пространстве. По факту, всевозможные «ВКонтакте», «Facebook» и прочие социальные сети — ни что иное, как наши с вами ежедневные социальные взаимодействия (поздороваться — написать сообщение, поинтересоваться здоровьем мамы — посетить ее профиль, отметить свежий внешний вид коллеги — оставить лайк под фотографией и т.д.)»* [Уразалиева / Гусева, 2012].

Такое постоянное пребывание в сети приводит часть пользователей в состояние интернет-зависимости, и это скорее негативная характеристика сетевизма: *«Истинно сетевым» человеком можно назвать только того человека, у которого общение и получение информации в Интернете превалирует над традиционными способами. Характеристика сетевого человека: значительная часть свободного времени проводится в Сети; виртуальному миру уделяется большее внимание, нежели реальному; приоритетность поиска легких путей, а не анализа ситуации; недостаточно развитая память; поверхностные знания во многих областях науки; чувство дискомфорта при отсутствии доступа к Интернету»* [Уразалиева / Уколов, 2019].

Зафиксирована важная проблема для интеллигенции старшего поколения, которая слабо включена в сетевую жизнь. Особенно по-

страдал гуманитарный сектор вузов и академических институтов РАН. *«Если работник не пользуется Сетью, то он не может соответствовать темпу развития социальной реальности и, как результат, оказывается неконкурентоспособным на рынке труда. Это можно пояснить на примере учёных, академиков, профессоров, которые сумели добиться признания значимости собственных, идей, разработок, проектов. Несмотря на их колоссальный интеллектуальный капитал, они вынуждены безропотно адаптироваться к сетевому веку, выбирая следующие стратегии: 1) самостоятельное освоение Сети; 2) поиск надежного «современного» (=сетевого) человека-помощника; 3) смешанная стратегия. Сетевой век не позволил им игнорировать эту тенденцию, бесцеремонно вынося за скобки их научную значимость. Таким образом, ключевая характеристика сетевого человека — это навыки пользования Сетью для коммуникации. Это и есть входной билет на праздник жизни современного общества, общества сетевых людей. К сожалению, туда попадают не все. Особенно это касается старших возрастных групп, которые сталкиваются с проблемами пользования Сетью не только и не столько в процессе рабочей деятельности, но в самых бытовых ситуациях — например, получение документов и справок, передача показаний счетчика, безналичная оплата, получение пенсий и др.» [Уразалиева / Ниорадзе, 2017]. Знания и престиж ученого, высокий статус в XXI в. должен быть дополнен цифровой компетентностью, как новой характеристикой социального капитала.*

Именно такой разрыв между современными требованиями плести как паук сеть в мировой паутине, или же плавать как рыбка в воде в океане информации, с одной стороны, а с другой, возможностями старшего поколения освоить все каналы коммуникации в Интернете, приводят к явлению, названному цифровым неравенством. Задача гуманитарной интеллигенции преодолевать это цифровое неравенство в личном профиле, и как собратья по цеху из XIX в., идти в народ и просвещать его в области IT-технологий.

Не сетевым человеком называют себя студенты по следующим причинам: *«На вопрос, “сколько времени стоит проводить в социальных сетях?” — есть хороший вариант поиска ответа. Представьте, что завтра Вы...умрете. Навсегда. Насовсем. Вас не станет. И у вас есть сутки (неделя, год — это не важно). На что вы их потратите?... И тут...мы осознаем, что больше всего на свете хотим чувствовать ветер и солнечные лучи на своей коже, обнять живого человека рядом, увидеть улыбки своих близких, услышать смех ребенка, поговорить с кем-нибудь и помолчать, смотря в глаза другому. А может быть, увидеть мир или сделать то, что никогда не пробовал (например, стан-*

цетать чечетку или поплавать на байдарке). Просто главное, на мой взгляд, помнить, что социальные сети — это инструмент решения наших задач, а не самоцель нашей жизни. Поэтому я не сетевой человек. Я живой человек, рожденный в эпоху информационного сетевого общества» [Уразалиева / Смагина, 2017]

Студенты отметили важный момент в конструировании новой идентичности людей, часто пребывающих в социальных сетях. *«Коммуникация в “сетевом обществе” имеет ряд особенностей этико-антропологического характера. Во-первых, человек в сетевом пространстве представлен символически, преимущественно текстами. Скорость и массовость их распространения намного выше, чем при использовании радио и телевидения. Ему дана возможность быть многоликим, анонимным, интерактивным действующим лицом. В этическую плоскость «сетевой человек» входит как субъект, располагающий знанием, и применение этого знания имеет моральные последствия и для него самого, и для неограниченного круга людей. Более того — этическую нагруженность и статус поступка в Сети имеют слова, и даже знаки (“лайк”, “смайлик”), по которым аудитория судит о ценностях и жизненных установках автора» [Уразалиева / Ильински, 2019].*

Итак, в заключении представляю проекцию 97 студентов первокурсников политологического факультета РГГУ на вопрос, что есть интеллигенция в цифровом мире? Они отвечали на этот вопрос в конце лекции в начале февраля 2019 г. По всем ответам был сделан контент-анализ текстов. Важно: самоидентификация интеллигента в офлайн и в онлайн. Он интеллигент в реальной жизни, и несет эту интеллигентность в социальные сети, в интернет-коммуникации. *«Такой же интеллигент, что и прежде, с теми же качествами, способностями и свойствами, только еще и с умением существовать и развиваться в цифровом мире» [Уразалиева, Архив автора].* Интеллигенту присуща определенная цифровая компетентность *«Умеет эффективно разбираться в пространстве интернет-технологий».* Это следование определенному кодексу поведения в Интернете, что в реальной жизни означает быть знакомым и следовать нормам этикета. В Интернете это называется Нетикет. На сленге в социальных сетях это человек, который *«не флудит, не спамит и не троллит других».* Среди положительных качеств — *«толерантность к другим».* Выделены интеллектуальные качества — *«умен и вежлив как в реальном мире, так и в Интернете»*, *«грамотен и хорошо разбирается в технологических нововведениях»*, моральные качества — *«это уважение к чужому мнению»*, *«не потеряет лица в любом споре и конфликте».* Следующее суждение является характеристикой трудного выбора для интеллигентного человека при-

бегать к самоцензуре в условиях анонимности в Интернете, где много образцов агрессивного поведения. *«Интеллигент ведет себя прилично, не врет, не оскорбляет никого, и не распространяет слухи о ком-либо. Это бывает довольно трудно, ведь в Интернете тебя никто не знает. По сути, ничто не останавливает тебя от плохого поведения, ведь ты не получишь никаких физических последствий за свои деяния. Это тот же интеллигент, но в Сети».*

Вывод: интеллигенция в цифровом мире остается по-прежнему социально-профессиональной группой, у которой появляются новые задачи в информационном обществе, при этом она должна оставаться примером нравственных норм, стандартом высокой культуры общения, носителем литературного языка, умеющим идти в ногу с развитием интернет-коммуникаций.

Литература:

1. Аналитики «We Are Social» рассказали о новых трендах в Интернете. URL: <https://wearesocial.com/blog/2019/01/digital-2019-global-internet-use-accelerates> (дата обращения: 15.01.2019).
2. Как живешь интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦМП и М, 2018.
3. Маркс К. Экономические рукописи 1846 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
4. Межуев В.М. «Социализм — пространство культуры». Свободное время — реальность социализма // Блог Олега Девяткина. URL: https://oleg-devyatkin.livejournal.com/11463.html#_46 (дата обращения: 18.01.2019).
5. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Информационно-правовой портал Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения 15.01.2019).
6. Уразалиева Г.К. «Сетевой человек» // Блог Гульшат Уразалиевой. URL: <http://gulshaturazalieva.blogspot.ru/2017/10/blog-post.html#comment-form> (дата обращения: 07.02.2019).
7. Уразалиева Г.К. Архив автора.
8. Что такое цифровая экономика? // Портал о финансах Fingramota.org URL: <http://www.fingramota.org/teoriya-finansov/item/2198-chto-takoe-tsifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 15.01.2019).
9. Zuckerberg M. Миссия Фейсбука на 10 лет. URL: <https://www.facebook.com/zuck/posts/10103818116031661> (дата обращения: 18.01.2018).

Будущее интеллигенции в мире сверхтехнологий

А.В. Яковенко

доктор социологических наук, профессор
Луганского национального университета
имени Владимира Даля (Луганск, Украина / ЛНР)

*Техника достигнет такого совершенства,
что человек сможет обходиться без себя.*

Станислав Ежи Лец

Анализ перспектив существования интеллигенции в качестве активной социальной группы вне рассмотрения влияния современных технологий на будущую картину мира представляется контрпродуктивным как минимум по двум причинам. Во-первых, новые технореалии уже существенным образом трансформируют социальную структуру общества, а, во-вторых, едва ли не доминирующими становятся алармические прогнозы общественного развития с опорой именно на последствия от широкого применения сверхтехнологий. Последнее ставит под вопрос не только существование интеллигенции, но и всей человеческой общности. Пытаться игнорировать влияние новых технологий на судьбу интеллигенции означает заниматься самоуспокоением, отворачиваться от очевидных и доминирующих факторов, определяющих облик ближайшего и отдаленного будущего.

Естественно, первоначально необходимо обозначить содержание термина «сверхтехнологии», вынесенного в заголовок публикации. Под данным весьма размытым понятием подразумеваются новаторские разработки, способные осуществить кардинальные изменения в представлениях о физических и интеллектуальных параметрах жизнедеятельности человека, способах локального и тотального коммуницирования, а, возможно, и пространственно-временных средах существования всего человечества.

Своеобразным научно-популярным примером может служить рекламируемый Институт нано-, био-, информационных, когнитивных и социогуманитарных наук и технологий (ИНБИКСТ), где в названии, как считается, объединены главные исследовательские направления, открытия в которых претендуют на некие кардинальные технологические и социальные прорывы. Правда, справедливости ради, следует отметить, что реальная начинка разработок, предлагаемых специалистами МФТИ и НИЦ «Курчатовский институт» в качестве основных, имеет все же преимущественно физико-математическую или в лучшем случае биологическую консистенцию, нежели выходит на горизонты макросоциальной проблематики, тем более в ее принципиально гуманитарном ключе.

Независимо от планируемых и практических перспектив массового внедрения пока еще кажущихся фантастическими инноваций, спрессованных в столь сложные термины, они (сверхтехнологии) подготавливают почву для общественных ожиданий, становятся существенными элементами имиджевого и фактического геополитического и геоэкономического соперничества, прежде всего, за симпатии молодежи, а также наиболее новаторски настроенных представителей других поколенческих когорт и профессиональных групп. Не говоря уже о чисто финансовой стороне вопроса, включающей привычную борьбу за колоссальные денежные вливания, «скупку мозгов», создание (развитие) передовой инфраструктуры и пр. Как и прежде значительная часть тех, кого принято называть интеллигенцией, либо сами активнейшим образом создают технологии будущего, либо очень близки к данным процессам. И не могут не рефлексировать, обсуждать и строить различного рода прогнозы о судьбах отдельной личности, государств и планетарного социума с учетом распространения достижений, например, в сфере тех же биотехнологий с их вклиниванием в геном человека или искусственного интеллекта (ИИ). Именно заявляемые и относимые к ближайшему будущему сверхтехнологические прорывы в био- и нейро- исследованиях, а также в области ИИ вызывают в настоящий момент наибольшую полемику и тревогу. И даже, если оптимизм ученых в отношении реальности революционных открытий, их повсеместного, тем более скорого внедрения существенно преувеличен, значимо промышлять формирующиеся тенденции. В нашем случае применительно к судьбам интеллигенции.

Какие бы картины будущего под влиянием наступления сверхтехнологий не выписывались, все они без особой утраты содержания укладываются в три обобщенных варианта: 1) уничтожение человеческой цивилизации; 2) качественный выход на более человекоори-

ентированные рубежи развития (то, что до сих пор принято определять в качестве социальной утопии); 3) дальнейшая закорстенизация и технотронно-цифровая модификация нынешнего социально несправедливого порядка за счет тех же сверхтехнологий, способствующих установлению полного контроля за массовым и индивидуальным сознанием (антиутопия).

Приемлемым для традиционной интеллигенции и условием ее жизненного существования очевидно выступает лишь наименее вероятностный второй вариант. Первый не оставляет шансов никому, за исключением, возможно, чудом выживших, которые будут отброшены на некие протодикие стадии борьбы за существование. А третий до конца нивелирует интеллигенцию и, прежде всего, в ее культурном и морально-нравственном отношении. Данную нисходящую траекторию можно наблюдать воочию. Поэтому когда мы говорим о сверхтехнологиях и будущем интеллигенции неизбежно обречены устанавливать самую высокую планку задач, характеризующую не выбор перспективы отдельной социальной группы, а подчеркнем еще раз — всей человеческой цивилизации.

Здесь уместно напомнить о существенной разнице в отношении к будущему интеллигенции, складывавшемуся на пороге промышленного века и нынешней, живущей в начальной стадии технотронной эпохи. В свое время интеллигенция в большинстве своем поддерживала идеи прогресса с опорой на техническое развитие, полагая, что на промышленно-технологическом базисе сформируется новое справедливое общество и подлинный гуманный человек. Сегодня у интеллигенции намного меньше пиетета перед будущим, а растерянности больше, если не сказать, гигантского разочарования. Среди свежих примеров можно указать весьма красноречивое название доклада, подготовленного интеллектуальными лидерами Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Жизнь в осыпающемся мире» [Барабанов и др., 2018]. Возможно, его создатели не причисляют себя к интеллигентам, но их профессиональное реноме вполне позиционирует их в качестве таковых. Апеллируя же к недавно опубликованным авторитетным научным изданиям, обратимся к одному из выводов, представленных авторами монографии «Как живешь интеллигенция?», базирующемся на действительно системном и полифакторном изучении различных сторон жизнедеятельности интеллигенции в современных условиях: «Интеллигенция в значительной степени не верит в свое благополучное будущее, хотя и надеется на него, сомневается и скептически относится к будущему» [Как живешь..., 2018: 230]. Скорее всего неслучайно, что согласно результатам опросов, представленных специалистами РГГУ,

более всего страх перед будущим среди различных профессиональных групп интеллигенции испытывают именно «работники (служащие): вузов, школ, здравоохранения, науки, искусства, средств массовой информации» — 21,3% [Как живешь..., 2018: 355]. Понятно, что страх перед будущим у них вызван общим ощущением усугубления кризисности происходящего. Но, предположительно, органической частью этого страха может выступать и боязнь утратить привычные профессиональные и социальные статусы в результате внедрения технологических инноваций. Ведь в массово тиражируемых прогнозных оценках часто приходится слышать предположения, что новые технологии будут способствовать вытеснению с рабочих мест, не только рабочих и служащих нижнего и среднего звеньев, но и многих представителей гуманитарной интеллигенции. Технологизация уже начинает исключать, например, врачей из процесса принятия решения, превращая их в придаточную по отношению к техноинновационной диагностической и хирургической аппаратуре инстанцию. Справедливости ради надо констатировать, что немало из них вполне комфортно ощущают себя в наступающих реалиях переадресации высокотехнологичным устройствам ответственности за диагностику, процедуру и результаты лечения. В любом случае, как метко заметил Ж. Тощенко, имеет место «прекаризация сознания» [Тощенко, 2018: 267]. Или, говоря словами Ежи Леца, складывается «неослабевающее напряжение безразличия» [Лец, 2005: 879].

Для большей отчетливости разделим сверттехнологии на два больших разряда:

а) революционные технологии, направленные на модификацию непосредственно человека, его телесные и мозговые параметры и

б) технологические инновации, которые принято называть искусственным интеллектом. Т.е. создание сугубо внешней по отношению к человеку объектности, существующей в предполагаемом взаимодействии с привычным нам сегодня миром естественно рождающихся и эволюционно социобиологически развивающихся.

В первом случае обычно упоминают открытия в области геной инженерии, раскрывающие перспективы создания характеристик плода «под заказ», своеобразного «тюнинга» и замены органов, а также эксперименты над сознанием человека, позволяющие рассматривать его в качестве универсального интерфейса, части глобальной унифицированной нейросети и/или некоего непосредственно программируемого и перепрограммируемого «блока памяти». Венцом в выделенном комплексе сверттехнологий, как известно, выступают просчеты о потенциальном достижении человеком бессмертия. Предполагается,

что при реализации данных техноинноваций можно получить некое постоянно модифицируемое человеческое существо в универсальной телесной оболочке, непосредственным образом подключенное ко всеобщей нейросфере. При этом «оптимисты» указывают на дальнейшую интеллектуализацию и профессионализацию разработчиков, эксплуататоров, специалистов, задействованных на ремонте и обслуживании «умных устройств», изготовлении и применении биопрепаратов и т.п., усматривая позитивные тенденции «выживаемости» и востребованности в будущем в первую очередь для представителей технической интеллигенции, включая и биоинженеров.

Тем не менее, любая здравомыслящая оценка последствий от внедрения нововведений, направленных на «улучшение» человека как физического объекта, неизбежно выходит на этическую проблематику. Как справедливо отмечает В. Луков «Новые биотехнологии вывели вопрос, что значит быть человеком (или постчеловеком) на передний план общественного и научного рассмотрения» [Луков, 2018: 79]. То есть непосредственным образом вклинились в традиционный круг задач и смысложизненных установок, ассоциирующихся с интеллигенцией. Развилка в данном ключе давно очевидна: если останутся важны и будут в конце концов доминировать глобальные интересы воспроизводства функционально ограниченных, но физически, едва ли не искусственно, поддерживающихся в качестве потребительских биоаппаратов индивиды, — будущее интеллигенции более чем плачевно; если же каким-либо образом даже генномодифицированный и нейросовершенный человек выйдет на цели, не только общепланетарного, но и тогда уже космического масштаба, — стратегический ресурс интеллигенции в ее эталонном значении будет по настоящему востребован.

Особое место в прогнозировании, которое по-прежнему больше напоминает угадывание, нежели применение эффективных методов вычленения правдоподобных вариаций будущего, занимают становящиеся все более модными темы, посвященные перспективам создания и внедрения в повседневную жизнь устройств, вначале обладающих функциями искусственного интеллекта (ИИ), а затем и полноценного ИИ в качестве некой самостоятельной андроидной сущности. И в этом ключе будущее интеллигенции выглядит не таким уж и однозначным.

В результате получения развитого, самообучающегося ИИ, согласно наиболее распространенной версии оценки социальных последствий, наступит множество раз откомментированный «новый мир», в котором именно ИИ займет местоположение автономной и самоуправляющейся властной субстанции, тотально определяющей

жизненный уклад всех представителей биологически живой материи. В таком случае о будущем интеллигенции говорить бессмысленно.

Однако, позволительно взглянуть на ситуацию иным образом. Как бы гротескно это не прозвучало, представляется, что по-настоящему искусственный интеллект должен быть, либо абсолютным монстром, нацеленным на уничтожение своих конкурентов, — то есть человеческой особи, либо, напротив, «сверхинтеллигентным» устройством. Идеальный самообучающийся организм, запрограммированный на сопоставление, восприятие и воспроизводство опыта «по идее» должен «отбросить» лишнее, «нерациональное». Ведь его разработчиками ставится задача создания совершенного существа. Современные суперкомпьютеры, почти стопроцентно обыгрывающие ведущих шахматистов, — это ведь аккумуляция лучшего опыта реальных профессионалов. Следовательно, высшие устройства, опять-таки «по идее», должны вобрать и лучшие «человеческие качества». В нашей традиции такие качества связываются с «классической интеллигенцией» (высокая образованность, моральная ответственность, прерогатива общественных интересов над индивидуальными). А значит, повторимся, потенциально в ИИ должны закладываться данные наиболее конструктивные способности и социальные характеристики. В этой связи вполне возможно, что опасения от последствий практического применения разработок в области искусственного интеллекта вызваны не только резонной тревогой перед вероятностным сценарием создания универсального разума некрофильской, античеловеческой направленности, но и боязнью увидеть в ИИ идеал, который будет выступать зримым и деятельным укором нечистоплотному, агрессивному, «неинтеллигентному» (специально «конъюнктурно» употребим данный термин) человечеству. Неслучайно ведь рождаются футуристические сценарии, согласно которым высокоразвитый и действительно самообучающийся ИИ вынесет вердикт о несовершенстве человеческого вида, после того как, например, сопоставит все гигантские кровавые аномалии его исторической эволюции с точки зрения гуманистической рациональности. Если продолжить данный сюжет, то ИИ, как раз и должен сделать вывод о первоочередной целесообразности существования на земле и во всем мироздании именно по-настоящему интеллигентных людей, чуждых примитивных, а значит и недостойных высшего интеллекта ценностей и смыслов. Особенно, если не сводить интеллигенцию к формально определяемой социальной группе. Может быть, само того не подозревая (или, напротив, сознательно), человечество стремится создать рукотворного «Бога», который и будет призван устроить селекцию по критериям общечеловеческой морали.

Поэтому вряд ли серьезным преувеличением будет утверждение: либо, как минимум, в наиболее важных технологических и социальных средах, включая ИИ, будут востребованы качественные характеристики интеллигенции, ее действительные моральные максимы станут тотальными, либо разумный, самоосознаваемый мир в его человеческом виде прекратит свое существование.

В настоящее время явно или не явно к ИИ в его нынешних примитивных робототехнических прообразах, если речь не идет о задачах сугубо военного характера, уже предъявляются очень высокие требования: корректность общения, внимательность, предупредительность и далее в идеале — самообучаемость. Другими словами, даже в разработках еще далеких от собственно ИИ оказываются опять-таки востребованы и вкладываются в виде исполнительских задач целый ряд качеств, ассоциирующихся с «настоящим интеллигентом». Отнюдь не гиперболизировано фантастической представляется перспектива, при которой некие в нашем нынешнем понимании андроидные устройства будут, для страховки снова возьмем в кавычки, «интеллигентнее» многих мнимых интеллигентов.

В этой же связи важно отметить, что общество сверхтехнологий начинает предъявлять повышенные требования к интеллигенции. Возрастающая прозрачность социальных отношений снимает покровы таинственности, выставляет напоказ возможные нелюбимые стороны ее жизни, оставляя все меньше места для мимикрирования под интеллигенцию. Нормативная статусность представителей различных групп интеллигенции под влиянием технологических достижений настойчиво и неуклонно девуализируется.

В заключение затронем наиболее актуальную и одновременно абсолютно «заезженную» проблему, не снимающуюся с повестки дня общепланетарной цивилизации, тем более в условиях обещанного «триумфа» сверхтехнологий. Упомянем о смысле, т.е. о том, что в нашей традиции пока еще связывается с задачами и даже общественным долгом интеллигенции. И опять позволим заметить, что горизонты, открывающиеся благодаря сверхтехнологиям, рискуют остаться размытыми или исчезнуть из поля зрения физических наблюдателей при отсутствии объединяющей смысловой парадигмы. Объективно, если не произойдет рукотворного или природного катаклизма, требования общества к образовательному уровню, пусть даже и исходя из потребительского интереса спекулятивного капитала, снижаться не будут. Следовательно, проблема смысла жизни, причем, не только в ее личностном измерении, но и как некой консолидирующей сущности, — будет лишь обостряться. Весьма показательным примером

может служить фигура М. Цукерберга. Данная известная медийная персона, позиционирующая себя проводником внедрения самых передовых информационно-коммуникационных технологий, также призывает к необходимости выработки для человечества целеполагающей ориентированности. «Давайте делать великие дела и не только двигать прогресс, но и создавать цели» — заявлял он в торжественной речи перед выпускниками Гарвардского университета в 2017 г., призывая в том числе рассмотреть проекты по введению базового дохода и иные инициативы, связанные с уменьшением общественного неравенства [Цукерберг, 2017]. Однако в позитивно прикладном плане пока никаких подвижек не просматривается. Напротив, любые свертехнологии изначально оцениваются в качестве перспективного ресурса для получения прибыли, корпоративной или индивидуальной выгоды. В одной из популярных сегодня книг «Все лгут. Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас все» проиллюстрировано, как действительно мощные технологии обработки данных, позволяющие оперативно просчитывать тайные желания и мотиваций потребителей контента, пробуют утилитарно использовать для биржевых игр на глобальных финансовых рынках. Причем данную задачу перед автором книги пытался поставить бывший президент Гарвардского университета [Стивенс-Давидовиц, 2018: 303]. Описываемый случай — отчетливая зарисовка нынешних и предстоящих сделок, которые придется заключать, в том числе и представителям интеллигенции с обществом, базирующемся на интересах прибыльности в ее экономическом, а отнюдь не в человекообразном звучании.

Что же касается подлинных ученых, то о необходимости создания «советов будущего», призванных адекватно и оперативно реагировать на распространение инноваций в тех же США, Э. Тоффлер писал еще в конце 60-х гг. прошлого века в «Футурошоке», например, указывая: «Мы должны создать “Совет будущего” в каждой школе и обществе; команды мужчин и женщин, занятых проблемами будущего в интересах настоящего» [Тоффлер, 1997: 329]. Можно также бесконечно цитировать П. Сорокина, других величайших гуманистов затонувшей эпохи, и при этом продолжать пребывать в положении людей, не знающих (в самом оптимистическом варианте — плохо понимающих), зачем они создают свертехнологии, какое будущее они хотят сложить на их фундаменте и какими смыслами его наделить. В этой связи хотелось бы поверить предположению Н. Романовского, отмечавшему, что «очередная эпоха будет такой, какой ее делают человечество, люди, ставшие субъектами истории, агентами, ресурсными и целеустремленными, ведомыми моралью, нравственностью, этикой. Правда, это бу-

дет совсем другой горизонт» [Романовский, 2018: 133]. К сожалению, однозначно можно согласиться лишь с утверждением о действительно ином горизонте.

Представляется актуальным предметное изучение основных сложностей и социальных противоречий, которые начинают проявляться в настоящее время и могут возникнуть в будущем перед интеллигенцией в отношении ее профессионального и культурно-смыслового статусов в результате предполагающегося широкого внедрения кардинальных новаторских разработок, непосредственно влияющих на биологические характеристики человека, его нейросферу, а также в связи с афишируемыми возможностями создания андроидных образов личности с перспективами выхода на полноценный искусственный интеллект.

Достижения в области сверттехнологий, способные создавать по сути искусственного человека с неограниченным физическим ресурсом и едва ли не абсолютными интеллектуальными способностями, а также увлеченность рассуждениями о грядущем порабощении человечества искусственным интеллектом, конечно же, добавляют аргументов в пользу выводов о нивелировке интеллигенции как общественно значимой социальной группы. Однако, как представляется, будущность интеллигенции, в пока еще граничащих с фантастическими сценарными контурами общества сверттехнологий, следует отчетливо увязывать с общим выбором смысловой траектории глобального миропорядка. При этом следует вполне трезво оценивать шансы адаптироваться к наступающим реалиям и соответственно учитывать факторы, которые их (шансы) увеличивают или напротив, уменьшают.

В настоящее время сверттехнологии преимущественно рассматриваются как передовые средства обогащения, а значит, по данным целеполаганиям должны резонировать с истинными задачами и общественными миссиями интеллигенции. В любом случае помогая планетарному социуму делать все же гуманистически ориентированный выбор, именно интеллигенция должна демонстрировать примеры разумного использования технологических новаций, активно участвовать в выработке стандартов адекватного распоряжения результатами прорывных открытий.

Если представители интеллигенции не будут отстаивать первоочередную значимость проблем не только биоэтического, но и фундаментального общеморального образца — не следует даже минимально рассчитывать на формирование хоть сколь-нибудь социально приемлемого будущего. Некогда прежде всего интеллигенция олице-

творяла надежду общества на устройство социальных отношений на нравственных принципах. И ей ничего не остается кроме как следовать данной традиции.

Можно не опасаться прослыть банальным, делая вывод: либо мир свертехнологий будет опираться и реализовывать лучшие качества, черты, ценности и смыслы, которые мы сегодня связываем с настоящей интеллигенцией, либо человечество не реализуется в качестве одной из форм разумной материи. Мир вне людей, наделенных реальной, продуктивной интеллигентностью, вряд ли жизнеспособен, во всяком случае, как содержательный, именно человеческий глобальный цивилизационный организм.

Литература:

1. Жизнь в осыпающемся мире / Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я. и др. // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2018. Октябрь. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 31.01.2019).
2. Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018.
3. *Лец С.Е.* Почти всё. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
4. *Луков В.А.* Российская молодежь о биотехнологических проектах «улучшения» человека // Социологические исследования. 2018. №4. С. 73–81.
5. *Романовский Н.В.* Метатеоретизирование в социологии: дискурс и прогноз // Социологические исследования. 2018. №2. С. 127–135.
6. *Стивенс-Давидовиц С.* Все лгут. Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас все. М.: Эксмо, 2018.
7. *Тоффлер А.* Футурошок. СПб.: Лань, 1997.
8. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
9. *Цукерберг М.* Давайте не только двигать прогресс, но и создавать цели // Комсомольская правда. 2017. 1 июня. URL: <https://www.kp.ru/daily/26686.4/3709574/> (дата обращения: 31.01.2019).

Трансформация каналов коммуникации: от пейджера к мессенджерам

Г.В. Градосельская

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

А.А. Корженко

НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Введение

В современной структуре социальной жизни ведущее положение занимает потребление информации. Сформировался своего рода культ информационной включенности, который определяет как поведение пользователей, так и требования к техническим устройствам, делающими коммуникации возможными. На данном этапе социального информационного развития можно поспорить с Кастельсом, который утверждал, что доступ к информации будет определять социальный статус и стратификацию в обществе [Castells, 1997].

В современном обществе доступ к информации практически у всех одинаков, возможно, даже, что она избыточна. Сокращается доля фактической информации, растет доля оценочной информации, так как особенность современной культуры требует от человека постоянно участвовать в коммуникативном обмене и приумножать его демонстрацией своего отношения к происходящему.

Таким образом, одно реальное событие порождает серию информационных событий, экспоненциально растущий отклик. При этом сложно предсказать заранее, на какое событие будет широкий общественный резонанс, а какое не получит должного внимания. Помимо СМИ, в формировании информационного общественного резонанса огромную роль играют массовые электронные каналы коммуникации, которые постоянно совершенствуются.

Но в 2017 г. правило постоянного технического улучшения каналов информационного взаимодействия было нарушено. Вместо социальной

сети Facebook (в России ее аналогом была сеть ВКонтакте) весьма быстро стала расти популярность мессенджера Telegram [База активных..., 2017].

С точки зрения удобства коммуникаций, продуманности оболочек, мессенджер — явный шаг назад. Фактически, Telegram объединил два типа каналов коммуникации: канал и чат. Чаты вообще можно отнести к базовым формам коммуникаций прошлого века (например, ICQ). Однако цифры подписчиков мессенджера растут, вопреки кажущемуся техническому регрессу. В 2018 г. россияне гораздо чаще стали пользоваться мобильным приложением мессенджера в ежедневном режиме [Аудитория заблокированного..., 2018].

Вопрос первый, на который попробуем найти ответ: если *Telegram* примитивен по сравнению с социальными сетями, то чем обусловлен резкий рост его популярности?

Возможно, частичный ответ заложен в позиционировании Telegram, стратегия продвижения которого была очень удачно угадана топ-менеджментом. Были сформулированы несколько тезисов, которые активно распространялись среди пользователей социальных сетей. Один из них о том, что в мессенджере нет цензуры и команда не передает ключи внешним организациям тех стран, в которых мессенджер работает [ФСБ против..., 2018]. Кроме того, утверждалось, что мессенджер сильно влияет, чуть ли не формирует информационную повестку в странах своего присутствия, и о том, что скоро место СМИ займут публичные Telegram-каналы [Эксперты: Telegram..., 2018].

Вопрос второй состоит в том, насколько сильно в действительности *Telegram* влияет на информационные события в России?

В первой половине 2018 г. в несколько этапов были введены ряд ограничений со стороны правительства России на работу мессенджера на территории страны [Суд принял..., 2018]. Подобные же решения приняли правительства Китая и Ирана. Неважно, что происходило на самом деле, вероятно, что правительства стран поверили в пиар-стратегию Telegram.

1. Осмысление коммуникационных революций в научной литературе

В общем виде процесс коммуникации предполагает, что отправитель передает определенное сообщение с помощью канала коммуникации для оказания воздействия на получателя. Коммуникация предполагает также обратную связь, благодаря которой отправитель убеждается, что сообщение дошло до адресата и адекватно понято. Каналы коммуникации являются связующим звеном между отправителем и адресатом. Они могут быть представлены в виде технологии или средства: личная беседа, электронная почта, реклама, мобильный телефон, радио, доку-

ментальные фильмы и т.д. Широко известна точка зрения канадского ученого-коммуникативиста М. Маклюэна, согласно которой «средство и есть сообщение» [McLuhan, 2011], т.е. не столько важно само содержание сообщения, сколько то, каким образом осуществляется передача сообщения и, главное, какие средства для этого используются. Он также отмечал тенденцию в переходе от естественных каналов коммуникации к искусственно созданным (письменность, пресса), после — к электронным [McLuhan, Powers, 1992].

В истории развития коммуникации прослеживается «закон накопления коммуникационных каналов» [Богомолова, 2010]. По мере появления новых средств передачи информации старые каналы также активно используются. Например, бумажная пресса и радио до сих пор востребованы, несмотря на создание компьютеров. А. Соколов подчеркивает, что каждое новое средство коммуникации наследует многие черты своего предшественника, внося свою специфику [Соколов, 2002].

В развитии коммуникационных процессов наблюдалась тенденция в модернизации средств коммуникации (СК) в средства массовой коммуникации (СМК) [Horton, Richard, 1956]. Благодаря модернизации СК неуклонно растет быстрота передачи информации и увеличивается охват аудитории, который потребляет информацию. В этой связи быстрыми темпами изменяется облик социума, стандарты потребления, вкусов и предпочтений, формы и стили общения, а также образ и тип адресата информации.

Основоположниками теорий трансформации общества являются Д. Белл и О. Тоффлер. Они считали, что изменения обусловлены главным образом переходом на новый уровень темпов развития научно-технической мысли. Ученые ввели термин «информационное общество» — общество, в котором информационные технологии оказывают существенное влияние на социальные процессы и главной ценностью становится информация [Bell, 1976; Bell, 1980].

Социолог Н. Луман придерживался подобной теории развития общества, однако отдельно выделял становление глобальных технологий — компьютерную революцию, в которой базисной движущей силой общества является глобальная сеть Интернет [Luhmann, 1995]. С другой стороны, развитие и смена коммуникационных технологий влекут за собой смену способов коммуникации и способов познания мира человека. Таким образом, ученые выявили критические факторы: сложившиеся коммуникативные каналы перестают удовлетворять растущие коммуникативные потребности общества. По мнению Н. Лумана, эволюция типов коммуникации и эволюция общества неразрывно связаны [Luhmann, 2018].

Таким образом, среди ученых сформировано два подхода к изучению эволюции общества: «техническое» двигает «социальное» или «социальное» развивает «техническое».

Современные подходы в концептуализации коммуникационных революций обусловлены появлением электронных средств связи и Интернета. Социологи выделяют четвертый, последний, этап развития общества: формируется виртуальная коммуникация или виртуализация. Механизмом формирования виртуальной реальности становится развитие Интернета и мобильной связи, общество планомерно и стихийно формирует «воображаемый мир», вторую реальность в его пространстве [Mann, Stewart, 2000].

Интернет является каналом, средством и средой коммуникации, что коренным образом отличает его от существующих ранее каналов. Принципиально изменилась парадигма коммуникации: благодаря усовершенствованию технологий и упрощению их использования рядовой пользователь самостоятельно обращается в Сеть за информацией и становится активным и практически основным создателем коммуникации и смыслов (дискурса, контента) [Klotz, 2004].

2. Основные этапы миграции пользователей электронных каналов коммуникации в России

2.1. Новая волна популяризации мессенджеров/особенности Telegram

На стыке XIX и XX вв. произошла первая техническая революция в социальной коммуникации. С появлением стабильной радиопередачи система устной и письменной коммуникации претерпела глобальные изменения.

Мессенджеры стали новым этапом в развитии виртуальной коммуникации, усвоив положительные стороны от своих предшественников. На данный момент сложился ряд популярных программ для мгновенного обмена сообщениями: Skype, Telegram, Facebook Messenger, Viber и WhatsApp.

Ключевую роль при выборе мессенджера играет не только понятный интерфейс, но и перечень удобных и качественных функций. Исходя из сравнительного анализа, наиболее функциональным, на данный момент, является мессенджер Telegram. Он быстро завоевал популярность среди массового потребителя. Был ли это четко выстроенный маркетинговый план или П. Дуров, создатель мессенджера, вовремя запустил приложение?

В одном из интервью П. Дуров сказал, что слышал много историй о людях из российской оппозиции, чьи переговоры перехватили [Pavel Durov..., 2015]. По словам создателя мессенджера, пользуясь его мессенджером, такой ситуации не произойдет. Для хранения информации в Telegram используются удаленные серверы, данные на которых хранятся в зашифрованном виде. П. Дуров устраивал конкурс с призовым фондом в 200 тыс. долл. за расшифровку текста переписки [Павел Дуров..., 2013]. Это соревнование повысило интерес и укрепило доверие к мессенджеру. Победителей у конкурса не было.

Именно защита сообщений от перехвата и возможность хранения крупного по объему данных стала основой популярности мессенджера.

Уже на второй год своего существования упоминания Telegram можно было найти во многих федеральных источниках прессы, чаще всего публикации носили политический характер. Особый интерес СМИ представляли публичные тематические группы — Telegram-каналы. В них читатели не имеют возможности как-либо комментировать опубликованные сообщения, в отличие от социальных сетей, где полезная информация часто теряется в дискуссиях, что усложняет поиск первоисточника. Таким образом, Telegram-каналы изолированы от общего информационного шума и позволили пользователям вернуть контроль над личной информационной повесткой.

В середине 2015 г. Telegram критиковали многие политики в связи с тем, что в нем развилась целая сеть криминальных и террористических каналов, в том числе и ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) [В Госдуме..., 2015]. Вскоре администрация мессенджера удалила более 600 каналов запрещенной террористической организации. На вопрос о том, как Дуров относится к тому, что его платформу использует ИГИЛ, он ответил, что безопасность пользователей важнее. Дуров сказал, что не чувствует себя виноватым, так как боевики просто выбирают более безопасный способ общения [В Госдуме..., 2015].

Еще один политический скандал, который повлек блокировку мессенджера в России, произошел в 2017 г. связи с тем, что владелец мессенджера не согласился сотрудничать с российскими властями и передавать личные данные преступников и ключи шифрования [ФСБ потребовала от..., 2017].

Тем не менее, подобная политическая игра укрепила в сознании пользователей, что П. Дуров придерживается правила неприкосновенности личной переписки и свободы слова. Пользователи в России смогли обойти блокировку и активно пользуются приложением по настоящее время.

Невероятную популярность пользователей получили анонимные тематические публичные каналы, особенно политические. В политических Telegram-каналах публиковался анализ и размышления о российской политике, прогнозы о будущих назначениях или решениях.

Вследствие такой популярности и обсуждений политического характера, пользователями мессенджера были сформированы некоторые мифы, касающиеся более универсальных взаимоотношений социальных сетей и СМИ. Они считали, что информационная повестка в Telegram более адекватна, чем в СМИ. Наиболее крайние высказывания доходили до того, что СМИ используют данные мессенджера, и, по сути, являются вторичными по отношению к социальными сетям.

Подобные заявления общества крайне интересны для исследования. Поэтому, мы решили проверить на конкретном примере, правда ли мессенджер может влиять на информационное поле СМИ? Если да, то насколько сильно и каким образом, при помощи каких механизмов?

2.2. Результаты исследования влияния дискурса Telegram-каналов на повестку СМИ

В ходе исследования, помимо содержательной задачи, необходимо было решить методологический вопрос проведения анализа. Методологическая задача заключается в том, чтобы разработать алгоритм исследования и сопоставления дискурса между СМИ и Telegram-каналами. Таким образом, анализ дискурса, его динамики, его перемещения между социальными сетями и СМИ становится основным исследовательским инструментом.

У каждого дискурса всегда есть конкретный автор и структура распространения контента, также состоящая из акторов. Поэтому, помимо дискурса, необходимо было исследовать структуру его распространения по акторам и группам акторов. Мы предполагали, что в сетевой структуре распространения информации выделяются группы акторов, в том числе сгруппированных по полярности мнений, осуществляющих информационную поддержку событию.

Довольно много внимания было уделено выбору информационного события, привлечшего внимание как пользователей Telegram, так и СМИ.

Для полного анализа дискурса был отобран случай регионального уровня в Татарстане: языковой конфликт, который возник в связи с противопоставлением «русского» и «татарского» языков. Несмотря на региональный уровень, в обсуждение языкового конфликта в республике, были втянуты и представители федеральных политических элит. Это событие достаточно долго и масштабно обсуждалось в республике: с сентября 2017 по середину января 2018 г.

Следует отметить сложность и многокомпонентность объекта исследования. С одной стороны, объектами являлись тексты в виде сообщений и статей, с другой — акторы, публикующие посты в Telegram, и СМИ, публикующие материалы.

Эмпирическую базу исследования составил корпус новостных публикаций в СМИ и сообщений из Telegram-каналов. Финальная выборка сообщений для анализа составила: 7 910 статей в СМИ и 414 сообщений публичных Telegram-каналов. Полные тексты публикаций онлайн-СМИ были выгружены с помощью автоматизированной мониторинговой системы «Медиалогия» в [Медиалогия...], а для получения сообщений из Telegram-каналов был написан скрипт на языке программирования Python с использованием библиотеки Telethon's [Telegram client library, 2015]

Для проверки гипотезы о влиянии дискурса публичных каналов на новостную повестку СМИ был проведен качественный контент-анализ и экспертное кодирование сообщений.

Сначала были закодированы все новостные публикации на информационные волны и информационные события. Затем сообщения из Telegram-каналов соотносились с событиями, которые зафиксированы в СМИ. Публикации сравнивались по дате и времени появления, определяя первоисточник формирования дискурса. Динамика информационного поля в СМИ и в Telegram-каналах представлена на рисунке 1.

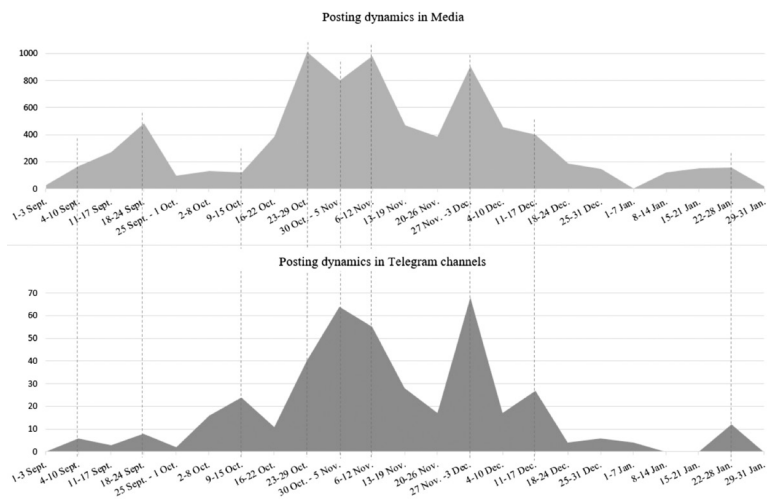

РИС. 1. Динамика постинга в СМИ и в Telegram-каналах

Актор, который больше всего контролирует информационную повестку является Telegram-канал Караульный. Канал является самым популярным и значимым (по словам других авторов каналов) новостным публичным каналом. Большая часть авторов, которые высказывались против сложившейся ситуации в республике обладают сильными сетевыми связями. Центральными модераторами противовойсней татарским властям информационной повестки являлись два Telegram-канала: «Неудаца» и «Еду в Татарстан».

Выводы

По мере модернизации технологий возрастает разнообразие и вариативность программного обеспечения для организации общения, тем самым повышается конкуренция между сервисами.

В связи с постоянными изменениями в привычных формах общения возникла проблема постоянного усложнения, ускорения и приумножения обмена информацией между пользователями и неконтролируемого давления со стороны массовых медиа. Бесперывное формирование огромного объема информационного шума дестабилизирует общество, мотивируя к миграции на новые каналы коммуникации и изменениям в культуре потребления информации.

Пользователям современных электронных каналов коммуникации стало предпочтительнее использовать более простые и функциональные программы для мгновенного общений. Структура мессенджера Telegram идеально для этого подходит: у пользователей вернулся контроль над собственными информационными потоками. К тому же, Telegram выступает не только как межличностный канал коммуникации, но и как новая массовая платформа информирования граждан.

Telegram дал возможность пользователям самим создавать и распространять контент при отсутствии какой-либо цензурированности. Такая политика мессенджера привела к значительному росту популярности анонимных Telegram-каналов и публикации «инсайдерского» контента, формируя у пользователей завышенные ожидания о влиянии IM-программы на информационную повестку страны.

Таким образом, мессенджеры можно рассматривать как инструмент распространения информации. В Telegram наблюдаются группы авторов публичных каналов, которые являются медиаторами общественной повестки, транслируя определенные оценочные и аналитические суждения общественности.

Однако по данным, полученным в нашем исследовании, можно сделать вывод о том, что мнение о влиятельности мессенджера чересчур завышено.

Литература:

1. Аудитория заблокированного Telegram приблизилась к рекордным показателям // РБК. 2018. 14 декабря. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/12/2018/5c13a59c9a7947585724bcd (дата обращения: 14.12.2018).
2. База активных пользователей Telegram в России за год выросла в 3 раза и достигла 6 млн человек // Ведомости. 2017. 8 февраля. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/02/08/676588-telegram-rossii> (дата обращения: 14.12.2018).
3. *Богомолова Н. Н.* Социальная психология массовой коммуникации. М.: Аспект Пресс, 2010.
4. В Госдуме попросили ФСБ подумать над ограничением доступа к Telegram // РБК. 2015. 16 ноября // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/11/2015/5649a6fa9a7947416fb4be44availabl (дата обращения: 14.12.2018).
5. Данные исследований аудитории СМИ // Официальный сайт Mediascope. URL: <http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/> (дата обращения: 05.01.2019).
6. Медиалогия — мониторинг и анализ СМИ в режиме реального времени // Официальный сайт Медиалогия. URL: <http://www.mlg.ru/> (дата обращения: 25.12.2018).
7. Павел Дуров запустил конкурс на расшифровку его переписки в Telegram // Tjournal. 2013. 19 декабря. URL: <https://tjournal.ru/tech/49104-durov-cryptocontest> (дата обращения: 05.12.2018).
8. *Соколов А. В.* Общая теория социальной коммуникации. Санкт-Петербург: Издательство Михайлов В.А., 2002.
9. Суд принял решение о блокировке Telegram в России // Habr.ru. 2018. 13 апреля. URL: <https://habr.com/ru/post/358014/> (дата обращения: 20.12.2018).
10. ФСБ потребовала от Telegram расшифровать переписку пользователей // Ведомости. 2017. 27 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/09/27/735506-fsb-potrebovala-telegram>. (дата обращения: 20.12.2018).
11. ФСБ против Telegram: смогут ли спецслужбы читать переписку пользователей // Tjournal. 2018. 20 марта. URL: <https://tjournal.ru/tech/67894-fsb-protiv-telegram-smogut-li-specsluzhby-chitat-perepisku-polzovateley> (дата обращения: 20.12.2018).
12. Эксперты: Telegram-каналы идеальны для пиара, но далеки от журналистики // ТАСС. 2017. 25 сентября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4590915> (дата обращения: 20.12.2018)
13. *Bell D.* The coming of the post-industrial society, The Educational Forum — Taylor & Francis Group, 1976, Vol. 40, No.4.
14. *Bell, Alvin T.* The third wave, Bantam books, New York, 1980.
15. *Castells M.* Power of identity. The information age: Economy, society, and culture, Blackwell Publishers, Inc. Cambridge, MA, USA, 1997.
16. *Horton D., Richard Wohl R.* Mass communication and para-social interaction: observations on intimacy at a distance, Psychiatry. 1956, 19(3) p.p. 215–229.

17. *Klotz R. J.* The politics of Internet communication, Rowman & Littlefield, United States of America, 2004.
18. *Luhmann N.* Trust and power, John Wiley & Sons, Cambridge, 2018.
19. *Luhmann N.* Social systems, Stanford University Press, Stanford, 1995.
20. *Mann C., Stewart F.* Internet communication and qualitative research: A handbook for researching online, SAGE Publications, London, 2000.
21. *McLuhan M., Gordon W.T., Lamberti E., Scheffel-Dunand D.* The Gutenberg galaxy: the making of typographic man, University of Toronto Press, Toronto, 2011.
22. *McLuhan M., Powers B.R.* The global village: Transformations in world life and media in the 21st century, Transformations in World Life, New York, 1992.
23. Pavel Durov: The most interesting man in the encryption wars // The Kernel. 2015. 07 June. URL: <https://kernelmag.dailydot.com/issue-sections/features-issue-sections/13271/pavel-durov-vkontakte-telegram-interview> (дата обращения: 12.12.2018).
24. Techcrunch (Telegram Now Seeing 12BN Daily Messages, Up From 1BN In February), URL: <https://techcrunch.com/2015/09/21/telegram-now-seeing-12bn-daily-messages-up-from-1m-in-february> (дата обращения: 05.01.2019).
25. Telegram client library — Telethon's documentation. URL: <http://telethon.readthedocs.io/en/latest> (дата обращения: 05.01.2019).

Цифровые компетенции современных руководителей учреждений культуры: социологический анализ

Е.А. Колосова

кандидат социологических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного университета,
заведующая Отделом социологии, психологии
и педагогики детского чтения
Российской государственной детской
библиотеки (Москва, Россия)

А.Ю. Губанова

кандидат социологических наук, научный сотрудник
Российской государственной детской библиотеки (Москва, Россия)

В современном мире Интернет становится пространством, влияющим на все сферы жизни общества, цифровая компетентность перестает быть отдельным свойством или достижением, а превращается в условие и базовую основу большинства видов деятельности человека. Дети активно осваивают интернет-пространство и являются крайне активными его пользователями, поэтому сотрудники библиотек, работающие с детско-подростковой аудиторией должны обладать высоким уровнем цифровой компетенции. Особенно важно это становится для руководителя библиотеки, который задает направление развития всей организации в целом.

Помимо классических требований к освоению профессии, работники практически любой сферы поставлены сегодня в условия, при которых необходимо осваивать, и главное применять в своей работе новые информационные технологии. Распространение информационно-коммуникационных технологий влечет за собой трансформацию стандартов основных компетенций профессионала и задает проекции на личностные качества, необходимые для успешной деятельности в современном обществе [Колосова, Губанова, 2013]. Кроме того, в Программе цифровой экономики в РФ, наименее полно и со-

держательно представлен раздел о мотивации потенциального и реального персонала к освоению цифровых компетенций [Саралиева, Захарова, 2018].

В связи с этим, с целью выявления уровня и навыков цифровой компетенции специалистов в сфере культуры в августе-сентябре 2018 г. Российская государственная детская библиотека провела онлайн-опрос руководителей библиотек, обслуживающих детей. Всего в опросе приняли участие 454 человека.

В исследовании приняли участие практически все субъекты Российской Федерации:

- 16 республик (Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карелия, Коми, Крым, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Тыва, Хакасия, Удмуртская и Чувашская Республики); 40 областей (Амурская, Архангельская, Белгородская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская и Ярославская области);
- 9 краёв (Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края);
- 2 Автономных округа (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра и Чукотский автономный округ);
- а также города федерального значения — Москва, Санкт-Петербург и Севастополь.

Большинство опрошенных согласны с точкой зрения, что информационные технологии повышают уровень и качество, делают жизнь человека более свободной (56,3%). Почти половина респондентов согласна с тем, что иметь представление о технологических изменениях важно для того, чтобы использовать их в повседневной жизни (43,9%). Треть респондентов (30,1%) считают, что нужно относиться к технологическим новинкам осторожно и уметь их правильно использовать. Почти четверть опрошенных (23,9%) убеждены, что тот, кто умеет овладевать технологиями, кардинально меняющими мир, будет на вершине успеха.

В целом, большинство опрошенных придерживаются позитивного мнения о современных ИКТ-технологиях: менее 10% считают, что новые технологии «изменяют ценности человеческой жизни и ведут к непредсказуемым и скорее всего негативным последствиям для человечества», высказывают опасения в отношении влияния информационных технологий на здоровье и развитие детей.

Что же хорошего принес Интернет в жизнь? На первом месте, по результатам опроса, оказался быстрый доступ к информации, его выбрало подавляющее большинство респондентов (86%). Расширение возможностей общения между людьми заняло вторую строчку рейтинга (75,3%). На третьем месте — новые возможности для работы, профессионального роста, которые выбрали более двух третей опрошенных (69,9%). Возможность дистанционных покупок, оплаты счетов (52,5%) — на четвертом.

Около половины респондентов (47,7%) указали, что изобретение Интернета принесло людям «много полезной и общедоступной информации», еще треть опрошенных считают, что Интернет расширяет кругозор (34,6%).

Вариант ответа «новые формы проведения досуга» оказался на последнем месте — лишь 26,2% респондентов выбрали его, что говорит о сомнениях в том, что Интернет расширяет досуговые практики.

Отвечая на симметричный вопрос о негативном влиянии Интернета, лишь четверть респондентов (25,8%) выбрали вариант «плохое влияние на здоровье, ухудшение зрения». Вопреки распространенному стереотипу о том, что старшее поколение старается ограничить использование интернет-технологий из-за риска ухудшения общего физического уровня здоровья, куда большие опасения вызывают риски заражения компьютера вирусами, боязнь стать жертвами хакеров (26%), доступность личной информации (34,2%), интернет-мошенничество (38,3%), обилие ненужной и вредной информации (39,8%).

Наибольшие опасения у респондентов вызывают так называемые психологические риски: подмена интернет-общением непосредственных контактов с людьми (45,2%), возникновение интернет-зависимости, чрезмерное время пребывания в Интернете (50,8%). Наибольшую обеспокоенность вызывает отрицательное влияние Интернета на детей, включающее в себя все вышеперечисленные психологические риски (63,4%).

Уровень удовлетворенности цифровыми технологиями, представляемыми в регионе, является важным показателем для комплексной оценки распространения и использования ИКТ в целом.

Проведенный опрос показал, что, в большинстве своем, респонденты демонстрируют средний уровень удовлетворенности: качеством мобильной связи полностью удовлетворены менее трети опрошенных (27%) — это самый высокий показатель по предложенным к оценке услугам. Качеством соединения домашнего Интернета удовлетворена четверть (25%), качеством мобильного Интернета лишь 19%. Еще ниже уровень удовлетворенности предлагаемыми тарифными планами. Лучше всего дело обстоит с тарифами на домашний Интернет — ими удовлетворены полностью 13% опрошенных, тарифами сотовой связи и стоимостью мобильного Интернета полностью удовлетворены лишь 9%.

Библиотеки сегодня стремятся идти в ногу со временем и предоставлять широкий спектр самых разнообразных услуг для своих посетителей, и, конечно же, доступ в Интернет. Однако опрос показал, что в целом все в порядке лишь в трети библиотек (31%), почти в половине (46%) многого не хватает, в пятой части (23%) ситуация неважная и не хватает самого необходимого (техники, программного обеспечения).

Практически во всех библиотеках, тем не менее, имеются стационарные (настольные) компьютеры (97,1%) и ноутбуки (73,1%). Более чем в половине есть цифровые фотоаппараты и видеокамеры (59,5%). Наименее распространены электронные книги и планшеты (18,9 и 16,5% соответственно).

Вопрос о частоте проведения онлайн-мероприятий для специалистов в библиотеке показал недостаточный уровень информирования библиотечных сотрудников об особенностях использования интернет-технологий в работе. Каждую неделю подобные мероприятия проводятся лишь в 3% организаций, чаще всего мероприятия проводятся реже раза в год (37,9%). В четверти библиотек онлайн-мероприятия проводятся раз в квартал.

В подавляющем большинстве респонденты ответили, что библиотека не ведет интерактивных интернет-проектов, лишь 27 человек ответили, что подобные проекты есть. Всего было перечислено более 60 проектов различной направленности.

Наиболее популярной социальной сетью для создания групп и страниц библиотек оказалась сеть «ВКонтакте» (81,3%). На втором месте по популярности, с большим отрывом, сеть «Одноклассники» (44,1%), на третьем — Facebook (39%).

Библиотеки размещают новости в социальных сетях недостаточно активно — меньше 40% опрошенных указали, что информация публикуется в группе библиотеки ежедневно или 1–2 раза в неделю.

Сегодня к руководителю библиотеки предъявляются все большие требования, в том числе, в плане освоения новых информационных технологий. С целью выяснения мнения респондентов по данной проблеме, им был предложен ряд вопросов, касающихся образа современного руководителя учреждения культуры.

Важным является вопрос о том, какими профессиональными компетенциями должен владеть руководитель. Варианты ответа на данный вопросы были разделены условно на два блока: профессиональные качества и компетенции в целом и цифровые компетенции. Отметим, что цифровые компетенции оказались на несколько позиций ниже основных профессиональных, таких как «умение планировать, организовывать и выбирать приоритеты в работе» — подавляющее большинство респондентов (91,9%) выбрали именно этот вариант. Практически одинаковое количество респондентов указали умение творчески думать и созидательно работать (90,1%) и умение принимать решения и решать проблемы (89,9%).

Тем не менее, умение получать информацию из различных источников также отметило большое количество опрошенных (87,7%). Чуть менее важным оказалось умение обращаться с инструментами и оргтехникой (73,1%), две трети опрошенных выбрали вариант «умение использовать различные гаджеты (планшет, смартфон и др.), облегчающие рабочий процесс» (66,3%). Умение тренировать и обучать других является важным профессиональным качеством для более чем половины респондентов (53,1%). Умение использовать бизнес-приложения в работе оказалось на самой низшей позиции — чуть более трети опрошенных указали этот вариант (36,1%).

С целью определения уровня цифровой компетентности респондентов было задано несколько вопросов, касающихся их личного опыта использования информационных технологий.

Первым в данном блоке был вопрос о частоте личного использования поисковых систем в Интернете (Яндекс, Google и т.п.) — подавляющее большинство респондентов (94%) ответили, что пользуются поисковиками каждый или почти каждый день, менее 6% пользуются несколько раз в неделю, среди опрошенных реже раза в месяц интернет-поисковиками не пользовался никто.

Наиболее популярным способом общения с подчиненными с помощью Интернета является электронная почта — подавляющее большинство респондентов указали именно этот сервис (92,8%), также набирают популярность социальные сети — две трети опрошенных используют именно их (66,3%), на третьем месте мессенджеры (WhatsApp, Skype, Viber и др.) — их использует более половины респондентов (58%). Ин-

интересно, что корпоративная почта была выбрана менее чем третью респондентами — лишь 30,8% указали, что используют данный сервис для коммуникации. Наименее популярными интернет-сервисами для общения оказались IP-телефония (15,9%), чаты (14%) и форумы (8,4%). 6 респондентов ответили, что не используют никакие из перечисленных сервисов в общении с подчиненными, а также были указаны некоторые другие виды сервисов, в том числе, такие как телефон (городской и мобильный), сайт учреждения и корпоративный чат (1,4%).

Сотрудники библиотек активно осваивают виртуальное пространство и используют его в целях привлечения новых читателей, а также распространения и поддержки литературной культуры, активно взаимодействуют с коллегами из других библиотек с помощью специальных сервисов (службы мгновенного обмена сообщениями через Интернет — ICQ, голосовую связь — Skype, а также социальные сети и блоги) и создают свое виртуальное сообщество профессионалов, где существуют общие темы, проблемы и происходит процесс обсуждения, а нередко и поиск путей решения сложившихся ситуаций в данной отрасли [Губанова, 2012].

Одним из наиболее важных и интересных вопросов был вопрос о том, в каких сферах современные руководители библиотек хотели бы улучшить свои знания и увеличить эффективность их использования.

Рейтинг выстроился следующим образом:

1. Возможности использования интернета для образования
2. Различные мобильные приложения и возможности их использования
3. Возможности установления своих настроек обновления программного обеспечения на устройстве, посредством которого я выхожу в интернет
4. Возможности для создания и размещения собственного контента в интернете (текста, фото, видео, музыки)
5. Возможности, которые предоставляет интернет для того, чтобы общаться с коллегами
6. Не могу назвать ничего / Затрудняюсь ответить
7. Различные поисковые системы в интернете (для поиска информации, музыки, фото, видео)
8. Возможности предоставления информации о себе в интернете и способах ограничения доступа к ней
9. Возможности социальных сетей для изменения и расширения своего круга общения

Таким образом, наименьший интерес руководители библиотек проявили к социальным сетям и различной информации, в том числе, личного характера, размещенной в Интернете (поиск, распространение, запрет доступа, ограничения и др.), что может говорить о том, что в данных вопросах респонденты считают себя достаточно компетентными. В то же время, использование возможностей Интернета для образования, мобильные приложения, использование и настройка программного обеспечения интересуют опрошенных наравне с созданием и распространением в Интернете собственного контента и возможностями для общения с коллегами при помощи Интернета.

Литература:

1. *Губанова А.Ю.* Как библиотеки попали в сети. О механизмах обратной связи // Библиотечное дело. 2012. №6 (168). С. 36–38.
2. *Колосова Е.А., Губанова А.Ю.* Возможности самоорганизации интеллигенции: современные библиотекари в блогосфере // Организация и самоорганизация интеллигенции в современном российском обществе / РГГУ, Социологический факультет; под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2013. С. 344–352.
3. *Саралиева З.Х.-М., Захарова Л.Н.* Поддерживающий тип поведения как ключевая компетенция менеджеров и педагогов программ развития цифровых компетенций женского персонала // Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030). Материалы Всероссийской конференции с международным участием. 2018. С. 24–28.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдильдина Раушан Жабайхановна

академик НАН РК,
доктор философских наук,
зав. кафедрой социально-гуманитарных
дисциплин Казахстанского филиала
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Астана, Казахстан),
abdildina@gmail.com

Алиева Татьяна Ивановна

кандидат педагогических наук, ведущий
научный сотрудник Республиканского
исследовательского научно-
консультационного центра экспертизы
(ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ) (Москва, Россия),
alievati@mail.ru

Анисимов Роман Иванович

кандидат социологических наук,
доцент, доцент Российского
государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия),
ranisimov@list.ru

Баук Саня

доктор технических наук, профессор,
зам. декана, факультет морского
хозяйства, Университет Черногории
(Котор, Черногория),
bsanjaster@gmail.com

Белова Наталья Ильинична

кандидат социологических наук, доцент,
доцент Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва),
n.i.belova@mail.ru

Буланова Марина Борисовна

доктор социологических наук, профессор,
профессор Российского государственного
гуманитарного университета
(Москва, Россия),
marina_bulanova@inbox.ru

Великая Наталья Михайловна

доктор политических наук, профессор,
зав. кафедрой политической социологии
и социальных технологий Российского
государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия),
velik69@mail.ru

Возьмитель Андрей Андреевич

доктор социологических наук, главный
научный сотрудник Института социологии
ФНИСЦ РАН (Москва, Россия),
vozmitel@isras.ru

Воробьева Ирина Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент, доцент Российского
государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия),
vorobyova.irina@list.ru

Гигин Вадим Францевич

кандидат исторических наук, доцент, декан
факультета философии и социальных
наук Белорусского государственного
университета (Минск, Беларусь),
v.f.gigin@gmail.com

Гордеева Наталия Олеговна

кандидат социологических наук,
доцент, доцент Харьковского
социально-экономического
института (Харьков, Украина),
talaprofi@gmail.com

Градосельская Галина Витальевна

кандидат социологических наук, ведущий
научный сотрудник НИУ «Высшая школа
экономики» (Москва, Россия),
mss981009@mail.ru

Гришина Елена Александровна

доктор социологических наук,
профессор, профессор Российского
государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия),
egrishina@yandex.ru

Губанова Александра Юрьевна

кандидат социологических наук, научный
сотрудник Российской государственной
детской библиотеки (Москва, Россия),
alexandra.gubanova@gmail.com

Гумерова Жанна Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент
Томского государственного университета
(Екатеринбург, Россия),
janet80@inbox.ru

Гумуляускене Анжелика Николаевна
преподаватель Шяуляйского
университета (Шяуляй, Литва),
anzelikos@gmail.com

Денисов Сергей Алексеевич
кандидат юридических наук, доцент,
доцент Гуманитарного университета
(Екатеринбург, Россия),
sa-denisov@yandex.ru

Диманс Сергей Леонидович
кандидат экономических наук, доцент
Московской государственной академии
физической культуры (Москва, Россия)

Добрынина Марина Ивановна
доктор социологических наук, профессор,
профессор Бурятского государственного
университета (Улан-Удэ, Россия),
intellige2007@rambler.ru

Драшкович Веселин
доктор экономических наук,
профессор, руководитель Комиссии
докторской академической студийной
программы «Менеджмент в морском
хозяйстве», Университет Черногории
(Котор, Черногория),
veso-mimo@t-com.me

Евович Радислав
доктор экономических наук, профессор,
ректор университета «Медитеран»
Подгорица (Подгорица, Черногория),
radejovovic@t-com.me

Зейферт Елена Ивановна
доктор филологических наук,
профессор, профессор Российского
государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия),
elena_seifert@list.ru

Истомина Ольга Борисовна
доктор философских наук, доцент,
профессор Иркутского
государственного университета
(Иркутск, Россия),
olgaistomina@mail.ru

Китайцева Ольга Вячеславовна
кандидат социологических наук,
доцент, доцент Российского
государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия),
olga_kitaitseva@mail.ru

Клементьева Алла Яковлевна
кандидат педагогических наук,
Главное управление территориальной
политики Московской
области (Москва, Россия),
mosoblSOCIS@gmail.com

Козырев Геннадий Иванович
доктор социологических наук,
профессор Российского химико-
технологического университета
им. Д.И. Менделеева
(Москва, Россия),
genkozyr@mail.ru

Колосова Елена Андреевна
кандидат социологических наук,
доцент, доцент Российского
государственного гуманитарного
университета, зав. отделом
социологии, психологии
и педагогики детского чтения
Российской государственной
детской библиотеки (Москва, Россия),
the_shmiga@mail.ru

Корженко Анна Александровна
выпускница НИУ «Высшая школа
экономики» (Москва, Россия),
mss981009@mail.ru

Кристалинская Светлана Владимировна
начальник отдела Республиканского
исследовательского научно-
консультационного центра экспертизы
(ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ) (Москва, Россия),
kris@extech.ru

Кученкова Анна Владимировна
кандидат социологических наук,
доцент, доцент Российского
государственного гуманитарного
университета (Москва, Россия),
a.kuchenkova@rggu.ru

Левичева Валентина Фёдоровна

доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой прикладной социологии
Российского государственного
гуманитарного университета,
levvf@mail.ru

Ли Гэнцюань

доктор юридических наук, профессор
Пекинского спортивного
университета (Пекин, Китай),
1090532227@qq.com

Ли Хунся

доктор юридических наук, профессор
Пекинского спортивного университета
(Пекин, Китай), 1090532227@qq.com

Ломоносова Марина Васильевна

кандидат социологических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного
университета (Санкт-Петербург, Россия),
lomonosovamv@mail.ru

Лоншакова Надежда Анатольевна

доктор социологических наук, профессор
Российской международной академии
туризма (Химки, Россия),
lonshakova_nadia@mail.ru

Магаршак Юрий Борисович

PhD, главный редактор журнала
«Newconcepts Journal» (Нью-Йорк, США),
yuri.magarshak@gmail.com

Макаренко Екатерина Игоревна

кандидат исторических наук, доцент,
доцент Московского автомобильно-
дорожного государственного технического
университета (МАДИ) (Москва, Россия),
makarenko_madi@mail.ru

Матецкая Анастасия Витальевна

доктор философских наук, доцент,
профессор Южного федерального
университета (Ростов-на-Дону, Россия),
amateckaya@sfsedu.ru

Нагорный Борис Григорьевич

доктор социологических наук, профессор,
профессор Луганского национального
университета имени Владимира Даля
(Луганск, Украина / Луганская Народная
Республика), zvoal@mail.ru

Образцов Игорь Владимирович

доктор социологических наук,
профессор, профессор Московского
государственного лингвистического
университета (Москва, Россия),
igorobraztsov@rambler.ru

Оразбаева Алтайы Иранбеккызы

доктор исторических наук, профессор
Казахстанского филиала МГУ
имени М.В. Ломоносова
(Астана, Казахстан),
altaiy_orazbaeva@mail.ru

Осинский Иван Иосифович

доктор философских наук, профессор,
профессор Бурятского государственного
университета (Улан-Удэ, Россия),
intellige2007@rambler.ru

Петров Денис Сергеевич

кандидат философских наук, доцент
Воронежского государственного
университета (Воронеж, Россия),
den_petrov@rambler.ru

Романович Нелли Александровна

доктор социологических наук, профессор
Российской Академии народного
хозяйства и государственной службы
(Воронежский филиал), генеральный
директор Института общественного
мнения «Квалитас» (Воронеж, Россия),
nelly@qualitas.ru

Севостьянова Надежда Григорьевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент Минского государственного
лингвистического университета
(Минск, Беларусь),
n-sevastianova@mail.ru

Семёнова Диляра Сергеевна

аспирант
Башкирского государственного
педагогического университета имени
М. Акмуллы (Уфа, Россия),
dilyarra@mail.ru

Сидорова Анна Святославна

старший преподаватель Смоленского
государственного университета
(Смоленск, Россия),
sidorowa17@yandex.ru

Суслов Лев Ильич

студент Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия),
lev.i.suslov@gmail.com

Тартыгашева Галина Владимировна

кандидат социологических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия),
tarty@yandex.ru

Тощенко Жан Терентьевич член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия),
zhanatosch@mail.ru

Уразалиева Гульшат Кулумжановна

кандидат философских наук, доцент, доцент
Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия),
urazalieva@bk.ru

Ушакова Валентина Григорьевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент
Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия),
walespb@mail.ru

Фадеева Екатерина Викторовна

кандидат социологических наук, старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия),
fadeeva.belova@mail.ru

Фёдоров Николай Юрьевич

кандидат философских наук, доцент
Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва),
ninani@mail.ru

Цапко Мирослава Сергеевна

кандидат культурологии, доцент, руководитель учебно-научного центра социологических исследований Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия),
ucprresearch@gmail.com

Цзоу Сючунь

доктор юридических наук, доцент Пекинского спортивного университета (Пекин, Китай),
zouxichun@163.com

Шевченко Ирина Олеговна

кандидат исторических наук, доцент, доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия),
sheviren@yandex.ru

Яковенко Андрей Вячеславович

доктор социологических наук, профессор, профессор Луганского национального университета имени Владимира Даля (Луганск, Украина / Луганская Народная Республика),
daoav@rambler.ru

Яковлева Марина Николаевна

научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия),
m-m-21-42@mail.ru

В оргкомитет конференции также предоставили материалы:**Амочкина В.С.**

(Санкт-Петербург, Россия)

Воронова Л.Н.

(Москва, Россия)

Еремичева Г.В., Мельников Е.Г.,**Меньшикова Г.А.**

(Санкт-Петербург, Россия)

Кравец В.С.

(Ростов-на-Дону, Россия)

Люскин М.Б.

(Москва, Россия)

Семёнов С.Н., Семёнова А.Н.

(Уфа, Россия)

Ткаченко О.Е., Пружинин А.Н.

(Иркутск, Россия)

ПРИЛОЖЕНИЕ

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПУБЛИКАЦИЙ
ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИЙ**

НАУЧНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Данный исследовательский проект был создан в 1999 г. в Российском государственном гуманитарном университете под руководством члена-корреспондента РАН, доктора философских наук, профессора Ж.Т. Тощенко. Этот проект предусматривал проведение систематических социологических исследований в рамках теоретической концепции «социология жизни», публикацию статей преподавателей и аспирантов в общероссийских научных журналах, в том числе в «Вестнике РГГУ» (Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»), выступления на международных, российских и региональных (университетских) научных конференциях, подготовку курсовых, дипломных (с 2015 г. выпускных) работ. Одним из важнейших показателей реализации этого проекта стало проведение ежегодных международных теоретико-методологических конференций с публикацией этих материалов.

I КОНФЕРЕНЦИЯ

Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: тезисы всероссийской теоретико-методолог. конф., 26–27 апр. 2000 г., Москва / под ред. Ж.Т. Тощенко; сост.: Козлова О.Н., Левичева В.Ф. — Москва: РГГУ, 2000. — 160 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 1*).

Новаторство материалов сборника связано с несколькими моментами. Во-первых, мы хотели бы сосредоточить внимание на гуманитарной интеллигенции, ее судьбах, ее истоках и перспективах. Во-вторых, мы хотели бы обсудить жизнь людей, избравших своей специальностью гуманитарные науки, во всем их жизненном пространстве — от студенческой скамьи до вершин профессионального мастерства. В-третьих, не ограничиваться только проблемами учебно-педагогической и научной деятельности, а рассмотреть гражданскую позицию гуманитарной

интеллигенции в ее взаимоотношениях с властью, с другими официальными структурами. И наконец, определенный интерес представляет аспект жизни университетской интеллигенции, ее заботы по реализации своих учебных и научных целей.

II КОНФЕРЕНЦИЯ

Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции:

сб. статей по материалам научных конференций «Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции: иллюзии и реальность», РГГУ, 13-14 марта 2001 г.; «Интеллигенция и молодежь: право на лидерство и идеалы», РГГУ, МГСА, 21 марта 2000 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко; сост.: Козлова О.Н., Левичева В.Ф.; РГГУ, Философ. фак. Отд-ние социологии, Центр социолог. исследований, МГСА, НИЦ ИМ. — Москва: РГГУ, 2001. — 321 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 2*).

Во втором выпуске сборника статей рассматриваются проблемы социологического определения социального статуса гуманитарной интеллигенции, отражения ее образа и положения в общественном мнении. К анализу данного круга проблем обращаются не только социологи, но и исследователи-гуманитарии из России, Польши, Беларуси. Сопоставление подходов, складывающихся в разных национальных школах, позволяет полнее увидеть многогранность поднятых вопросов.

III КОНФЕРЕНЦИЯ

Жизненные стили и социальные практики интеллигенции: сб. статей по материалам научной конференции «Жизненные стили и социальные практики интеллигенции конца XX — начала XXI в.», РГГУ, 23–24 апр. 2002 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко; сост.: Цапко М.С., Росляков А.Б.; РГГУ, Философ. фак., Отд-ние социологии, Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2002. — 300 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 3*).

Сборник статей посвящен междисциплинарному анализу гуманитарной интеллигенции как элемента социальной структуры современного российского общества с целью методологического обогащения ее социологического видения. Внимание сосредоточено на следующих проблемах: проблемность самоидентификации интеллигенции; ангажированность интеллигенции; социально-статусные смещения — от интеллигенции

к сообществу интеллектуалов; жизненные стратегии молодой гуманитарной интеллигенции; успешность в академической среде; фантомы поведения российской интеллигенции; интеллигенция в ситуации социальной эксклюзии.

IV КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция в обществе риска: сб. статей IV Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 27 марта 2003 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Радов А.Г., Славин В.Н.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2003. — 524 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 4*).

Конференция посвящена теоретическому анализу альтернативных научных подходов по объяснению специфического положения интеллигенции в условиях кардинальных социально-экономических и политических изменений. Осуществлено выявление тенденций трансформации социальной активности гуманитарной интеллигенции, их оценки с точки зрения стратегической и тактической перспектив развития общества на основе как сбора статистического материала, так и использования качественных методов изучения социальной группы. Объяснена логика саморегуляции гуманитарной интеллигенции, соотношение форм ее самореализации и характера социальных изменений; определены пределы роста и границы устойчивости гуманитарной интеллигенции в современном обществе и условия сохранения ее качественной определенности.

V КОНФЕРЕНЦИЯ

Гражданские позиции интеллигенции: «Камо грядеши?...»: сб. статей V Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 31 марта 2004 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Радов А.Г., Славин В.Н.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2004. — 359 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 5*).

Осуществлен на основе междисциплинарного подхода анализ перспектив развития гуманитарной интеллигенции как элемента социальной структуры современного российского общества с целью методологического обогащения ее социологического видения. Внимание сосре-

доточено на следующих проблемах: «интеллигенция и власть: ситуация после выборов», «интеллигенция и СМИ: доступность информационных каналов диалога с обществом», «интеллигенция и молодежь: сохранились ли ресурсы влияния?»

VI КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллектуальная собственность в гуманитарном измерении:

сб. статей VI Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 6 апр. 2005 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Радов А.Г., Анисимов Р.И., Круковская А.В.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2005. — 296 с.
(Интеллигенция и современность. Вып. 6).

Изучение интеллектуальной собственности в гуманитарном измерении позволило выявить проблемы восприятия общественным сознанием гуманитарного знания. На основе теоретико-прикладных социологических исследований проанализированы и изучены механизмы трансляции, степень престижности и проблемы востребованности гуманитарного знания. Серьезное внимание уделено таким вопросам как результат гуманитарного исследования, качество и защищенность гуманитарного знания, ответственность ученого, коллективное и индивидуальное авторство.

VII КОНФЕРЕНЦИЯ

Ценности общества и ценности интеллигенции: сб. статей VII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 7 апр. 2006 г. / под ред. Ж.Т. Тощенко, А.И. Крухмалева, М.С. Цапко; сост.: Анисимов Р.И., Круковская А.В.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2006. — 331 с.
(Интеллигенция и современность. Вып. 7).

Изучение проблемы соотношения ценностей общества и ценностей такой специфической социальной группы как интеллигенция позволило осмыслить сущностные, актуальные и злободневные вопросы в современном российском обществе. На основе теоретико-прикладных социологических исследований проанализированы механизмы трансляции, позиционирования и репрезентации ценностей интеллигенции. Серьез-

ное внимание уделено таким вопросам, как: состоится ли консолидация российской интеллигенции; универсальное и самобытное в ценностях российской интеллигенции; роль и функции интеллигенции в интеграции/дезинтеграции российского общества.

VIII КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция в диалоге культур: сб. статей VIII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 5 апр. 2007 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Крухмалев А.Е., Великая Н.М., Буланова М.Б., Цапко М.С., Анисимов Р.И.; сост.: Круковская А.В., Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2007. — 510 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 8*).

В сборнике публикуются научные дебаты относительно роли интеллигенции в социокультурной жизни современного российского общества. Особое внимание уделено следующим вопросам: интеллигенция как субъект культуры (носитель и творец); интеллигенция как коммуникатор; формы межкультурного профессионального взаимодействия; роль интеллигенции в межэтническом диалоге; роль интеллигенции в межконфессиональном диалоге; новые роли интеллигенции в изменяющемся мире; место субкультур в духовной жизни общества.

IX КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция и власть: сб. статей IX Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 3 апр. 2008 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Крухмалев А.Е., Великая Н.М., Буланова М.Б., Цапко М.С., Анисимов Р.И.; сост.: Круковская А.В., Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2008. — 470 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 9*).

В данном сборнике статей дан анализ форм политической активности интеллигенции; видов участия интеллигенции в реализации политического проекта современности; власть — интеллигенция — народ: сотрудничество или противостояние; интеллигенция как фактор интеграции/дезинтеграции общества в политической жизни страны; ценность политики и политические ценности интеллигенции; поле политики и поле науки/образования: точки пересечения.

X КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция в мире современных коммуникаций:

сб. статей X Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 2 апр. 2009 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Буланова М.Б., Цапко М.С., Кондов Д.Ж., Росляков А.Б., Великая Н.М., Шевченко И.О.; сост. Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2009. — 432 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 10*).

В данном сборнике предпринята попытка осмыслить теоретико-методологические проблемы мира коммуникаций, его социальное значение, тенденции и направления его изменения. Также предприняты усилия разобраться с субъектами коммуникаций, которые представлены самыми различными ее представителями в процессе производства, распространения и потребления — политическими партиями и движениями, экономическими акторами, социальными группами, инициаторами сдвигов в области духовной жизни и культуры. Мир коммуникации полон проблемами его деформации, когда достижения человеческой мысли используются в интересах определенных своекорыстных групп. И, наконец, анализ мира коммуникаций остро поставил вопрос о позиции интеллигенции: с кем, какими методами, с какими убеждениями будут участвовать люди, которые претендуют на звание ведущих в мире интеллекта.

XI КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция и идеалы российского общества:

сб. статей XI Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 31 марта 2010 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол. Буланова М.Б., Шевченко И.О., Кондов Д.Ж., Цапко М.С., Великая Н.М., Белова Н.М., Голосеева А.А., Хурумов С.Ю., Росляков А.Б., Маликова Н.Р., Анисимов Р.И., Орлова Л.А., Горбачева В.И.; сост. Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2010. — 730 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 11*).

В публикуемом сборнике основное внимание сосредоточено на следующих вопросах: каковы идеалы прошлого и настоящего: что исчезло, что модифицировалось, что зарождается; каким образом соотносятся идеалы и идеология в современном российском обществе; существуют

ли идеалы, способные объединить всех россиян, а также рассмотрены особенности социального, профессионального и нравственного выбора современного российского интеллигента.

XII КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция в этноконфессиональном мире: пути выбора:

сб. статей XII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 31 марта 2011 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Голосеева А.А., Кондов Д.Ж., Колосова Е.А., Маликова Н.Р., Уразалиева Г.К., Шевченко И.О., Цапко М.С.; ред. — сост. Анисимов Р.И.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2011. — 600 с. (*Интеллигенция и современность; Вып. 12*)

В настоящем сборнике статей рассмотрены актуальные проблемы роли и позиции интеллигенции в решении чрезвычайно важных, острых и противоречивых проблем — этнических, конфессиональных или их комбинации в современном обществе, в первую очередь, в России. Особое внимание уделено анализу национальных и религиозных идей, их влиянию на решение назревших вопросов в современном этноконфессиональном мире. Значительное внимание уделено методологии и методике исследования этих проблем, учет особенностей которых влияет на точность и достоверность социологической информации.

XIII КОНФЕРЕНЦИЯ

«Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное: сб. статей XIII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 4 апр. 2012 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Великая Н.М., Майорова-Щеглова С.Н., Кондов Д.Ж., Колосова Е.А., Стрельникова А.В., Шевченко И.О., Цапко М.С.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. Фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2012. — 480 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 13*).

Рассмотрены актуальные проблемы трансформации ценностного мира, а также ролей и функций интеллигенции, происходящих в современном обществе, в первую очередь, в России. Особое внимание уделено

анализу социальных практик и особенностей образовательной сферы как пространства реализации социокультурного потенциала этой специфической социальной группы. Значительное внимание уделено методологии и методике исследования этих проблем, учету особенностей, присущих как «старой», так и «новой» интеллигенции.

XIV КОНФЕРЕНЦИЯ

Организация и самоорганизация интеллигенции

в современном российском обществе: сб. статей XIV Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 2 апр. 2013 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Майорова-Щеглова С.Н., Шевченко И.О., Цапко М.С., Цыбикова Д.Г.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак-т., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2013. — 480 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 14*).

В настоящем сборнике дан анализ актуальных проблем деятельности интеллигенции в официально существующих и только становящихся государственных и негосударственных общественных организациях. Проанализированы роль, формы и способы участия российской и зарубежной интеллигенции в организациях различных сфер жизни общества: экономической, политической и духовной. В том числе рассмотрены новые механизмы гражданской и профессиональной самоорганизации. Особое внимание уделено предпосылкам и истокам самоорганизации интеллигенции, неудовлетворенности ее сложившимися организациями как не отвечающими потребностям времени.

XV КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллигенция: естественнонаучные, социальные

и гуманитарные знания на пути интеграции: сб. статей XV Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 1 апр. 2014 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Китайцева О.В., Колосова Е.А., Кученкова А.В., Тощенко Ж.Т., Шевченко И.О., Цапко М.С., Цыбикова Д.Г.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2014. — 502 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 15*).

В настоящем сборнике статей рассмотрены актуальные проблемы интеграции естественнонаучных и социально-гуманитарных наук. Проанализированы методологические трудности процесса интеграции различных областей знания. Продемонстрированы возможности использования междисциплинарного подхода применительно к различным наукам. Особое внимание уделено практике социологических работ на границе исследовательских полей с экономикой, политикой, экологией и др.: представлены различные рассуждения, анализ и рекомендации по использованию тех или иных методов.

XVI КОНФЕРЕНЦИЯ

Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное: сб. статей XVI Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 7 апр. 2015 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Кученкова А.В., Майорова-Щеглова С.Н., Стрельникова А.В., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Цыбикова Д.Г.; ред.-сост. Цапко М.С.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2015. — 518 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 16*).

В сборнике раскрываются сущность и содержание жизненного мира современной российской интеллигенции. Представлены попытки сопоставить жизненные миры научно-технической и гуманитарной интеллигенции, ее проблемы и задачи, поиски соответствия требованиям современного этапа развития общества. Учитывая многообразие жизненного мира интеллигенции, значительное внимание уделено анализу политических, экономических и трудовых реалий ее жизни. Раскрыта специфика культурной жизни: от общих проблем до конкретных форм участия или воздействия на жизненный мир (кино, театр, литература и др.). Рассмотрены общие проблемы состояния и развития нравственности в деятельности разных групп интеллигенции, а также традиции и новаторство в жизни молодой смены интеллигенции.

XVII КОНФЕРЕНЦИЯ

Социология жизни: теоретические основания и социальные практики: сб. статей XVII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 7 апр. 2016 г. /

под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Шевченко И.О.; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2016. — 463 с.

(Интеллигенция и современность. Вып. 17).

В сборнике рассмотрены теоретические и эмпирические проблемы новой концепции — социологии жизни, концентрирующейся на изучении жизненного мира людей в единстве общественного сознания, поведения и окружающей среды, анализируются опыт разработки и интерпретации основополагающих понятий новой концепции и социологической теории в целом, также представлен анализ современных социально-экономических, политических и культурных практик основных социальных групп российского общества. Особое внимание уделено изучению новых практик организации и осуществления участия людей в различных сферах общественной жизни, объективных и субъективных характеристик качества жизни россиян.

XVIII КОНФЕРЕНЦИЯ

Профессиональная культура российской

интеллигенции: сб. статей XVIII Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 30 марта 2017 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Борисова П.А., Буланова М.Б., Колосова Е.А., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Шевченко И.О.; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2017. — 444 с.

(Интеллигенция и современность. Вып. 18).

Настоящий сборник посвящен анализу профессиональной культуры российской интеллигенции: ее состоянию, тенденциям и проблемам развития. Рассматриваются общетеоретические подходы к изучению профессиональной культуры, а также функционирование различных профессиональных групп и специфика трудовой карьеры работников сфер экономики, культуры, здравоохранения, государственной службы, армии, правоохранительных органов и др. Особое внимание исследователи уделяют вопросам этики и мотивации трудовой деятельности, анализу роли профессионального образования, поиску способов повышения и развития профессиональной культуры.

ХІХ КОНФЕРЕНЦИЯ

Смыслы жизни российской интеллигенции:

сб. статей ХІХ Международ. теоретико-методолог. конференции, РГГУ, 26 апр. 2018 г. / под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редкол.: Анисимов Р.И., Буланова М.Б., Зотова В.А., Колосова Е.А., Круковская А.В., Кученкова А.В., Тощенко Ж.Т., Цапко М.С., Шевченко И.О.; ред.-сост. Цыбикова Д.Г.; РГГУ, Социолог. фак., Центр социолог. исследований. — Москва: РГГУ, 2018. — 396 с. (*Интеллигенция и современность. Вып. 19*).

Сборник посвящен новому для социологии понятию — смыслу, который рассматривается как качественная определенность жизненного мира, состоящего из общественного сознания, поведения и окружающей социальной среды. В центре внимания — смысл жизни современной российской интеллигенции, особенности его реализации во всех сферах современного российского общества — экономической, социальной, политической и духовно-культурной, а также в публичной и повседневной жизни. На этой основе раскрываются устойчивые смыслообразующие ценностные ориентации, а также мировоззренческие принципы, которыми люди интеллектуального труда руководствуются и которые они осуществляют в своих взаимоотношениях с обществом, государством и окружающим миром. Особое внимание уделяется анализу существующих в реальности многообразных жизненных миров групп интеллигенции, которые олицетворяют различное, в том числе и новаторское смысловое содержание.

* * *

В 2018 г. на основе всероссийского социологического исследования была опубликована монография:

Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки:

коллективная монография / Р.И. Анисимов, М.Б. Буланова, И.В. Воробьева, Е.А. Гришина, А.В. Кученкова, Ж.Т. Тощенко, М.С. Цапко, И.О. Шевченко; отв. ред. Ж.Т. Тощенко. — Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. — 352 с.

В основе монографии — данные социологических исследований жизненного мира в 2014 г. и 2016 г., которые в сопоставлении с информацией других социологических центров объясняют противоречивость процессов, происходящих в среде гуманитарной интеллигенции —

преподавателей, работников здравоохранения и культуры. Авторы пытаются ответить на дискуссионные вопросы — можно ли говорить о современной интеллигенции как о реальном феномене, или она становится достоянием истории, как много черт, присущих предшественникам, были сохранены современной российской интеллигенцией — высокая нравственная ответственность, ориентация на соблюдение интересов народа, стремление олицетворять образцы профессиональной культуры, быть примером как в общественной (публичной), так и в личной (приватной) жизни. Осуществлен анализ основных смыслов деятельности интеллигенции во всех сферах общественной жизни. Особое внимание уделяется качеству жизни, трудовой деятельности, проблемам занятости, социальному благополучию, которые во многом выявляют черты прекарности (т.е. ненадежности, непрочности) социального положения этих социальных общностей (групп) на современном этапе развития российского общества.

Теоретико-методологическая основа этих исследований нашла отражение в монографии Жана Терентьевича Тощенко: Тощенко, Ж.Т. **Социология жизни:** монография / Ж.Т. Тощенко. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. — 399 с. — (Серия «Magister»).

В монографии обосновывается возможность анализа общественных явлений и процессов с позиций новой теоретической концепции — социологии жизни. В ее основе лежит представление о жизненном мире, образуемом триединством таких индикаторов, как реально функционирующее общественное сознание, действительное поведение людей, которые реализуются в условиях макро-, мезо- и микромира. Анализируются генезис идей социологии жизни, ее объект и предмет, понятийный аппарат, структура и уровни социологического знания. Особое внимание уделяется ранее практически не используемому в социологии понятию «смысл жизни», которое позволяет глубже проникнуть в жизненный мир людей, точнее описать и интерпретировать анализируемые социальные проблемы для получения надежной достоверной и ориентированной на практику информации. На этой основе дается описание многообразия жизненного мира, его позитивных и негативных характеристик.

Научное издание

**СУДЬБЫ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ:
ПРОШЛОЕ — НАСТОЯЩЕЕ — БУДУЩЕЕ**

Сборник научных статей

Москва 2019